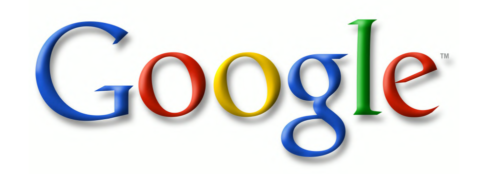
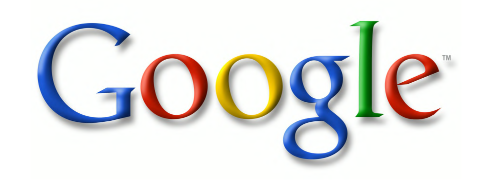
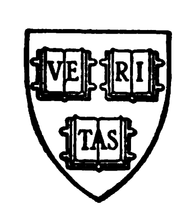

Google

VE
RI
TAS

МЫ и ОНИ.

(1711 - 1878).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ СЛАВЯНЪ.

А. КОЧУБИНСКАГО,

ординарнаго профессора Императорскаго новорос. университета.

Изданіе книжнаго магазина В. И. Бѣлаго.

ОДЕССА,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИП. Г. УЛЬРИХА, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ № 3.

1878.

МЫ и ОНИ.

(1711 - 1878).

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ И ПОЛИТИКИ СЛАВЯНЪ.

А. КОЧУБИНСКАГО,

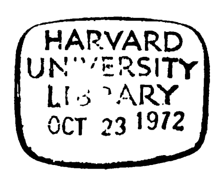
ординарнаго профессора императорскаго новорос. университета.

Изданіе книжнаго магазина В. И. Бѣлаго.

ОДЕССА,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИП. Г. УЛЬРИХА, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ № 3.

1878.

Дозволено цензурою. Одесса, 18 Августа 1878 года.

Въ убѣжденіи, что попеченіе о нашей сосѣдкѣ на юго-западѣ — Австріи — какъ попеченіе о самомъ себѣ, есть пока обязанность каждаго изъ насъ, я позволилъ себѣ собрать во едино мои случайныя, изъ году въ годъ являвшіяся статьи по вопросамъ славянства. Въ нихъ, хотя съ легка, намѣчено, что уже сдѣлали *мы*, чего въ правѣ желать мы отъ *нихъ*, славянъ: пора фразы и лицемѣрія прошла; время — считаться реальными, а не фиктивными величинами.

Первая статья, явившаяся въ юбилей Петра въ журналѣ Мин. Нар. Просв. 1872, іюль, теперь нѣсколько пополнена. Въ остальныхъ печатанныхъ статьяхъ сдѣланы лишь поправки слога, прибавлены на немногихъ страницахъ двѣ, три строки. да два, три примѣчанія.

Третья и четвертая статьи были написаны для «Гражданина»: обѣщали, а не дали и добраго слова.

Началъ печатанье въ концѣ маѣ.

А. К.

Одесса.

Средній Фонтанъ

22 Августа 1878 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	7	строка	25	св.	вм.	громадня	читай	*громадная.*
»	46	»	24	»	»	отправленъ	»	*отравленъ.*
»	120	»	10	»	»	ib. 382	»	*Zinkeisen, V 382.*

I.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ, РУМЫНЫ
И
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,
ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ.

Глава 1. До карловицкаго мира (1699).

За сто съ лишкомъ лѣтъ до царя Петра Алексѣевича вопросъ о салтанѣ турецкомъ, о политическомъ значеніи Турціи въ жизни Европы былъ не новъ въ государствѣ московскомъ. За сто съ лишкомъ лѣтъ въ средѣ московской политики было выработано опредѣленно очерченное воззрѣніе на владычество турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ на владычество противуприродное, перечащее интересамъ спокойной государственной жизни въ Европѣ. Москва XVI даже вѣка и Россія XIX-го протягиваютъ другъ другу товарищескую руку.

Царь Іоаннъ Грозный входитъ въ союзъ «съ братомъ нашимъ дражайшимъ» Максимиліаномъ, съ братомъ Рудольфомъ, чтобы быть имъ въ единачествѣ и противъ бесерменскихъ всѣхъ государей стоять за одинъ. Почему итти противъ бесерменскихъ государей, салтана турецкаго и хана крымскаго, вопросъ этотъ разрѣшался опредѣленно — изъ-за гнета турецкаго. Грозный братуется съ цесарями для того, чтобъ мусульманская рука впередъ на крестьянъ не высылалася, кровь бы крестьянская не розливалася, крестьянство-бъ въ тишинѣ и въ

покоѣ было и выслобожено изъ рукъ мусульманскихъ [1]). Не можетъ быть сомнѣнія относительно смысла послѣдняго выраженія—крестьянство бы было выслобожено изъ рукъ мусульманскихъ: говоритъ-ли здѣсь Іоаннъ о себѣ, или о *христіанахъ подъ туркомъ*. Не ново такимъ образомъ въ Россіи сознаніе гнета турокъ надъ христіанами, не молоды потому и симпатіи Россіи къ христіанамъ Турціи: наше опредѣленное отношеніе къ Турціи ведетъ свою исторію уже съ XVI вѣка, съ той минуты, когда стала собираться русская земля.

Мысль о «слобожденіи» турецкихъ христіанъ не подсказана Москвѣ отъ-внѣ; не занесли ее въ Москву ни казаки, ни чужаки. Сознаніе задачи Россіи въ дѣлѣ турецкомъ выработалъ въ государственныхъ людяхъ Москвы тотъ же здравый смыслъ, то-же родное пониманіе, охрана интересовъ русскаго народа, которое руководили Грознымъ, когда онъ утверждалъ въ отвѣтъ Посевину: «а о нашей вотчинѣ о лифлянской землѣ извѣщаемъ тебѣ, что издавна она отъ нашихъ прародителей, лѣта шесть тысячъ пятьсотъ осмаго, Ярославъ Кіевскій и всея Русіи ходилъ на тое землю ратью, и плѣнилъ ихъ, и въ свое имя поставилъ городъ Юрьевъ, тожъ и Дерптъ, и тое землю взялъ за себя, и отъ мѣстъ (временъ) и до сѣхъ мѣстъ та земля вотчина наша»[2]). Или и эти государскія историческія права Россіи на балтійское побережье вычитаны Іоанномъ изъ византійскихъ лимонаріевъ, нѣмецкихъ курантовъ?...

Царь и цесарь, оба недруги бесерменскихъ государей, и вдругъ промежъ ихъ государствы оччивается посаженникъ турского салтана, т. е. васалъ, Стефанъ Батура: онъ безчествуетъ Москву, задержавъ московскихъ пословъ, дерзко отсылаетъ перемирный договоръ. Какъ быть? Царь приговорилъ съ наслѣдникомъ и боярами послать на-скоро гонца въ Римъ къ папѣ и цесарю: «ты бъ Григорій папа, пастырь и учитель римскіе церкви, и братъ нашъ дражайшій Рудельфъ цесарь были съ нами въ любви, и къ Стефану бъ королю отъ своего пастырства приказалъ, чтобъ Стефанъ съ бесерменскими государи не складывался и на кроворозлитье крестьянское не сто-

---

[1]) Сношенія Грознаго съ папою Григоріемъ XIII въ 1580 г. въ «Памятникахъ диплом. снош. др. Россіи съ державами иностр.» т. X, 11.

[2]) ib. 154. 155.

ялъ... Какъ ты съ нами и Рудельфъ цесарь и иные крестьянскіе государи противъ бесерменства во единачествѣ и въ добромъ согласьѣ быти хотите, чтобъ намъ о томъ вѣдомо было»[1]).

Не съ попрошайствомъ — съ колѣнопреклоненіемъ, шлетъ Грозный къ папѣ гонца Шевригина по дѣлу посаженника турскаго, а съ предложеніемъ государства, сознающаго свою нелишность въ системѣ европейской, даже гордаго сознаніемъ своего существованія: «буде у папы — сказано въ памяти гонцу—иныхъ государей посланники или гонцы будутъ, за столъ однолично не ити, а говорити—посадитъ меня папа выше иныхъ, и язъ за столъ иду»[2]). Такимъ языкомъ говорятъ лишь люди съ характеромъ, а не люди политическаго отзвука, приживалки.

Это было въ августѣ 1580. Черезъ годъ, въ іюлѣ, возвратился Шевригинъ: папа шлетъ язовита Посевина къ Батуру, чтобъ на государя войною не ходилъ и крестьянскіе крови не розливалъ; папа, цесарь и венецейскій князь Николай съ турскимъ нынѣ въ перемирью и еще перемирью быть впередъ два года; угорскимъ королевствомъ третью владѣетъ цесарь, а турскій царь угорской земли владѣетъ двѣмя доли; лежачею казною цесарь не богатъ; турскій и литовскій наряжается на угорскую землю и на славунскую, чѣмъ цесарь владѣетъ[3]).

Съ самимъ язовитомъ папа писалъ ясно: «съ турскимъ войны не ведетъ, надобѣ ему съ иными хрестьянскими князи съодиначиться, да тѣхъ князей хрестьянскихъ далеки сердца отъ турского и великими, тяжкими потребами обтяжены, и они не могутъ того довольно сдѣлать, чтобъ на того невѣрнаго всѣ крестьяне съодиначився за одинъ, и его потоптали»[4]).

Вспомнимъ, что это было время кануна Варѳоломеевой ночи, время подготовленія 30-лѣтней войны. Прошло сто лѣтъ.

Отношенія въ зап. Европѣ измѣнились. Хоть салтанъ по старому владѣлъ двѣмя доли угорской земли, и цесарь лежачею казною былъ не богатъ: но войны у католиковъ съ «еретикомъ» окончились побѣдою, князей хрестьянскихъ сердца могли быть близки къ турскому салтану: настала пора подумать и о «схизматикѣ», не о войнѣ съ нимъ, но изъ-за него, хотя не для него. Когда-то царь напоминалъ папѣ объ единачествѣ, пред-

---

[1]) ib. 11. 12. Ср. ib. 76. [2]) ib. 14. 15. [3]) ib. 18. 20. 21. Да не тревожатся: *угорскій* не выдумка славянофильствующаго слависта. [4]) ib. 81. 82.

лагалъ, чтобъ всѣмъ государямъ хрестьянскимъ стоять съ одного противъ невѣрныхъ христовыхъ враговъ на турского[1]): теперь съ тѣмъ же предложеніемъ и тѣже лица обращаются къ Москвѣ. Папа Иннокентій XI, цесарь Леопольдъ и венецейскій князь Маркъ Джюстиніано въ одномъ союзѣ идутъ противъ салтана; въ этотъ союзъ приглашается и царь.

Уже при самомъ возникновеніи священнаго союза — въ договорѣ Леопольда и польскаго короля Яна Собѣсскаго, было обращено вниманіе на Россію: «и та, и другая сторона—говорилось въ одной статьѣ договора—всячески озаботятся о приглашеніи въ этотъ союзъ свѣтлѣйшихъ царей московскихъ и умолятъ ихъ». 5-го августа 1684 года самъ папа писалъ царямъ: «воспріимите убо высокіе цари и князи подъемъ, вашея силы и крѣпости достойны, ускоряйте на побѣды, къ которымъ непріятельскій поверженный чинъ и бежественныя, яко чаяти лѣть, есть воли установленіе пространный вамъ путь устилати зрятся»[2]). А полугодомъ раньше читали въ Москвѣ письмо отъ дожа (16 февр.): «призванный отъ цесаря и короля польскаго воспріяти оружіе противъ отомановъ, яко свирѣпѣйшаго непріятеля христіанского, постановили союзъ и соединеніе войны. Чая должность нашу быти о нашемъ союзѣ достоинству в—го вел—ва учинить сообщеніе, яко *которому принадлежитъ счастливое благополучіе христіанства, на умноженіе оного же преславнѣйшихъ предковъ похвальнѣйшаго подражанія*» [3]).

Въ послѣднихъ словахъ очевидный намекъ на ставшую уже традиціей политику Москвы въ вопросѣ о Турціи; видѣть лесть не позволяютъ наличные факты, о которыхъ отчасти была рѣчь выше.

Если кого другаго, то именно голосъ республики венеціанской долженъ былъ особенно цѣненъ въ Москвѣ. Ея дипломаты при вѣнскомъ дворѣ твердили неустанно, въ теченіи десятковъ лѣтъ, одну и туже пѣсню: необходимо императору соединиться съ Россіей противъ Турціи, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовали, хотя Леопольдъ или былъ вообще противъ войны съ Турціей, или, когда началась война Турціи съ Москвой, изъ-за религіозныхъ интересовъ не былъ на сторонѣ послѣдней [4]).

---

[1]) Изъ письма папы къ Грозному, ib. 76. [2]) ib. т. VII, 554. [3]) ib. т. X, 1209. 1210.

[4]) Ср. интересныя сообщенія венец. пословъ въ Вѣнѣ объ австрійской

Мы видѣли, что Москвѣ досаждалъ посаженникъ турецкій, Баторій; прежде чѣмъ предпринимать противъ Турціи, необходимо было обезопасить себя отъ опаснаго сосѣда: отсюда, естественно, политика, жизнь Москвы занята въ теченіе цѣлаго столѣтія польскимъ вопросомъ, когда попеременно брала то ихъ, то наша сторона. Но теперь при заключеніи тройственнаго союза, на престолѣ польскомъ сидѣлъ иной Стефанъ, не посаженникъ, а побѣдитель турокъ, и онъ впервые заключаетъ съ Москвой вѣчный миръ (1684), на который такъ сердятся современные поляки, обнадеживъ ее, что и союзники короля, цесарь и иные, «по учиненномъ договорѣ противъ бусурманъ въ таковой же силѣ и мочи пребывати будутъ, въ каковѣ они (царь и король) нынѣ суть договорами обязаны, и не обослався съ турскимъ салтаномъ и съ ханомъ къ миру не склонятись, и одному безъ другово миру не становити, но со своихъ сторонъ стояти, и отпоръ и промыслъ надъ ними наступателный и оборонителный чинити всѣми силами, какъ нынѣ есть, потамѣстъ, дондеже у ц. в—ва и кор—аго съ тѣми бусурманы война и союзъ наступательно имѣтись будетъ»[1]).

Стремленія, болѣе, домогательства еще Грознаго исполнялись, по крайней мѣрѣ, въ своей первой части—объ единачествѣ. Москва приняла предложенія тройственнаго союза, образовавшагося подъ верховнымъ руководительствомъ главы католическаго міра, приняла легко, потому что они отвѣчали и традиціонной политикѣ ея, и еще свѣжимъ воспоминаніямъ недавняго, но богатаго событіями ея политическаго прошлаго.

Отодвинутые эпохой междуцарствія вопросы политики Іоанна Грознаго предстали снова, когда московское государство оправилось и окрѣпло хоть нѣсколько.

Погибавшее было государство, въ первой половинѣ XVII ст. необходимо должно было посвятить себя вопросамъ внутренней жизни; вопросы внѣшней политики благоразумно отводились до времени на сторону. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ рѣшенію собора 1642, отказавшагѣ донскимъ казакамъ въ присоединеніи взятаго ими Азова: не подъ силу была Москвѣ царя Михаила

политикѣ въ «Fontes rerum austriacarum» XXVII B.—«Die Relationen der Botschafter Venedigs im XVII Jahrh». II. B. 52, 199, 232.

[1]) «Пам. дип. сн.» т. X, 1213.

война съ Турціей, Москвѣ обобранной, захудалой. Турокъ еще крѣпко сидѣлъ въ Будѣ (Офенъ), откуда рукой подать въ Вѣну; таскали иногда его, правда, за фалды венеціане въ Мореѣ и на островахъ, но сами же они предостерегали своихъ: «вѣрно, что чтобы выйти противъ этого ужасающей державы, чтобы противустоять противъ козней отомана, необходимо строгое пониманіе общей обороны, союза между императоромъ и республикой — пишетъ венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ своей синьоріи въ 1665 году,—а на дѣлѣ одно соперничество одного государства съ другимъ... Постоянные успѣхи турокъ ведутъ неизбѣжно къ созданію новыхъ звѣньевъ въ цѣпи, заготовленной для порабощенія христіанства... Неудавшееся прежде взятіе Вѣны можетъ удасться, а событіе это было бы роковымъ для цѣлаго христіанскаго міра» [1]).

По иному пути пошла московская дипломатія послѣ Михаила, когда соединились снова обѣ Руси—старая и молодая, когда они вмѣстѣ громили свою старую немилостивую владычицу — Польшу. Чрезъ соединеніе съ Малороссіей Москва придвинулась поближе къ Дунаю, къ христіанамъ турецкимъ, и географически, и политически.

Но что представляли изъ себя эти христіане? Различныя групы, съ различнымъ прошлымъ, положенныя судьбою другъ подлѣ друга, но соединенные, и то болѣе или менѣе, общею тяжкою участью въ настоящемъ.

Сейчасъ за малоросами Украины, Побужья и Подолья, на югоз. за Днѣстръ, шли валахи, румыны молдавскаго господарства. Только межъ нижнимъ Днѣстромъ и Дунаемъ шелъ Буджакъ, старый Уголъ, съ Бендерами, Бѣлгородомъ (Аккерманомъ) да съ татарами. На с. отъ Буджака земля была румынъ— недавнихъ колонистовъ края и орумынившихся малоросовъ и малоросовъ, бѣжавшихъ изъ польскаго хлопства. Монастыри здѣсь основывались бѣглецами, бѣглецы образовывали поселки[2]). И наоборотъ, толпы волоховъ переходили на лѣвый берегъ Днѣстра въ Подолье, Побужье, ища пріюта отъ турокъ, послѣ каждой

---

[1]) «Fontes rerum austr.» см. выше, II, 101. 102: «...che potrà seruire un giorno all' espugnatione di Vienna, tentata indarno da Solimano nel secolo passato, il che succedendo per l'auuenire sarebbe fatale alla Christianità tuttà».

[2]) Ср. нашу «Записку о путешествіи по слав. землямъ» Од. 1874, 59 пр.

неудачной компаніи поляковъ. Вмѣстѣ съ этимъ и Бесарабія, и Подолье были поприщемъ разбойничьей дѣятельности казаковъ и оказачившихся волоховъ. За Прутомъ была настоящая Молдавія, господарство, находившееся въ фиктивныхъ васальныхъ отношеніяхъ къ польской коронѣ съ самого своего основанія (конецъ XIV в.), а съ XVI въ милости отъ турокъ. За ней шла по Дунай и Карпаты Трансильваніи Угровлахія, Мултяны нашего дипломатическаго языка XVI, XVII ст. Мултяны были въ прямомъ подчиненіи у султана, когда турки заняли двѣ трети Венгріи, а въ княжествѣ трансильванскомъ, съ населеніемъ славянъ-автохтоновъ и румынъ, стали ставить своихъ посаженниковъ, выражаясь терминологіей Грознаго, «рабовъ своихъ», какъ называетъ ихъ венеціанская дипломатія позже[1]). Но Вѣна, не считавшая потерянными свои права на Венгрію, никогда не отказывалась полакомиться—въ будущемъ — богатыми Мултянами. Лишь только австрійцы успѣли въ самомъ началѣ XVII ст. залѣзть на минуту въ Трансильванію, подъ ножомъ подкупленныхъ ими убійцъ падаетъ ихъ союзникъ валашскій, Михаилъ Храбрый (1601). Турки выгнали австрійца, но тѣже притязанія у турскаго посаженника—вплоть до самаго Ракочи II, политическаго союзника Петра Великаго, но котораго Петръ тянулъ на престолъ Польши, а тотъ отмаливался и все твердилъ: «Молдавія и Валахія должны стать наслѣдственными моими владѣніями, на правахъ государства»[2]).

За Дунаемъ на югѣ—громадня страна, край болгаръ. При недоброжелательствѣ со стороны своихъ сербскихъ братьевъ —сосѣдей на западъ, при неизмѣнномъ стараніи послѣднихъ — прихватить болгаръ подъ свою высокую, хотя и не желанную ими, руку, царство болгарское было безъ особеннаго труда захвачено турками на исходѣ XIV ст. (1394, 1398). Недоброжелательство, проявленное сербскимъ «княжествомъ» къ Болгаріи санъ-стефанскаго договора, не ново въ печальной хроникѣ жизни южныхъ славянъ: тоже завистливое чувство двигало и «царствомъ» Душана (XIV в). Въ притязаніяхъ сербовъ (извѣстной части) къ болгарамъ, и старыхъ, и новыхъ, легко усмотрѣть картину близко знакомаго намъ, русскимъ,

---

[1]) «Fontes» 102: «con lo stabilimento dell Abaffi, loro schiauo».

[2]) «Fontes rer. austr». 2. IX B. «Actenstücke zur Geschichte Franz Rákóczy's. I B. 304. Cp. ib 296. Подробнѣе объ этихъ планахъ Петра ниже.

посягательства «братьевъ» поляковъ на землю русскаго народа: таже несчастная апеляція къ «историческимъ» правамъ, таже этнографическая фальсификація, тяжко осуждаемая наукой. За спиной у поляковъ погибло ляшское славянство балтійскаго побережья; въ тылу у сербовъ—Герцеговина, Боснія, Далмація, искони сербскія земли, но о нихъ ужь мечутъ жребій. Не достаетъ одного, чтобы и сербы, подобно полякамъ, призвали къ себѣ въ подмогу Провидѣніе[1]); о «цивилизованіи» нечего и говорить.

Тѣнью старой государственной самостоятельности, послѣдней объединяющей силой были зависимая отъ Константинополя патріархія търновская въ предбалканской Болгаріи; въ забалканской половинѣ отчасти такой силой была архіепископія, или патріархія первой Іустиніаны, въ стародавней столицѣ болгарской— Охридѣ, управлявшаяся греками, но автокефально, независимо[2]). Въ Търновѣ не погасала память о быломъ времени, здѣсь теплилась слабая надежда о свободѣ.

На сз. отъ болгаръ жили сербы. При козняхъ «властелей» —феодаловъ, губившихъ силу народа своими усобицами, при закрѣпощеніи массы народа, отдѣльныя земли переходили легко подъ власть турокъ въ концѣ XIV и въ теченіи XV столѣтій, а что не захватили турки, то забрали венеціанскіе торгаши, англичане стараго времени. Старая Сербія съ Призрѣномъ, Деचанами, съ патріархіей въ Печи (Ипекъ), потеряли прежде другихъ независимость; независимость сохраняло въ теченіи XV в. васальное деспотство Бранковичей въ Смедеревѣ (Семендрія) и Храничей въ Герцеговинѣ; боснійское королевство сектаторовъ—богомиловъ держалось дольше всѣхъ — до 1463 года, послѣ чего властели приняли исламъ и образовали сильную мусульманскую аристократію, но съ сербскимъ языкомъ. Сельчане бѣгутъ то въ скалы Далмаціи, гдѣ образуютъ отчаянную общину ускоковъ—морлаковъ, то въ земли австрійскія (большин-

---

[1]) Извѣстный краковскій географъ Tatomir въ «Geografia i statystyka ziemi dawnéi Polski» (Krak. 1867) говоритъ—въ утѣшеніе: «Польша ищетъ себѣ границъ повсюду, но нигдѣ не можетъ утвердиться. Молодой народъ ищетъ своей дороги для своего развитія, но твердо еще не можетъ рѣшиться ни на одну; не хочетъ дать побѣды нѣмцамъ, но какъ-то *инстинктивно клонится уже на востокъ, къ странѣ своей будущности*» (119) Ср. о мирѣ 1684—142.

[2]) Ср. *Голубинскій* «Очеркъ исторіи православ. церквей» 78 и слѣд.

ство нынѣшнихъ хорватовъ), то идутъ на службу въ сосѣднія государства — особенно въ Венецію[1]).

Но масса оставшихся вѣрными православію сербовъ, перешедши во власть турокъ, не потеряла послѣдняго историческаго центра, переданнаго стариной: это самовольно созданная Душаномъ Великимъ сербская, національная патріархія въ Печи въ такъ наз. старой Сербіи. Патріархъ титуловался «архіепископъ сербскій и болгарскій и словенскій и всего Илирика западныя страны патріархъ». Епархія печская «изъ давнихъ лѣтъ (говорю словами послѣдняго патріарха-бѣглеца Чарноевича русскому послу въ Вѣнѣ въ 1697 г.) состроена ктиторы прежнихъ благоч. государей, царей греческихъ и сербскихъ, и отъ святѣйшихъ вселенскихъ четырехъ патріарховъ грамотами ихъ опредѣлена особо и имѣетъ подъ собою подвластныхъ 12 митрополитовъ а нѣсколько епископовъ, а престолъ свой имѣли близь Македоніи въ гор. Печѣ въ монастырѣ Вознесенія». Въ другомъ разсказѣ того-же тому-же прибавлено: «а выбираются они (патріархы) и поставляются своими подвластными митрополиты, и не святѣйшими вселенскими патріархы» [2]). Патріархія продолжала существовать въ теченіе трехъ столѣтій послѣ гибели сербскаго царства, руководила, представляла народные интересы въ тяжелую годину рабства. Современные сербскіе историки любятъ принимать роль прокурока въ сужденіи о политикѣ печскихъ патріарховъ, особенно по отношенію къ послѣднему изъ нихъ, злополучному Арсенію III Чарноевичу: но, быть можетъ, не-сербы найдутъ въ Арсеніи, въ его дѣятельности, много мыслей блестящихъ, смѣлыхъ, а въ ошибкахъ — болѣе чѣмъ смягчающія обстоятельства. Горячая кровь мѣшаетъ холодному суду, а слабая доля славизма—широтѣ политическаго идеала.

Одна небольшая земля осталась цѣла отъ турецкаго погрома. Позже другихъ земель югославянскихъ обстоятельства привели ее въ непосредственныя сношенія, столкновенія съ русскимъ народомъ; дольше другихъ она была безвѣстна Россіи и по своей крохотности: но по своей роли, по своему, всег-

---

[1]) Московскій посолъ въ Венеціи въ $^1/_2$ XVII в. доноситъ: «а ратныхъ людей у него (князя венец.) на тѣхъ катаргахъ 900 человѣкъ, *сербовв* и волохъ и *долматинскіе земли* солдатъ». «Пам. дип. сн.» X, 1020.

[2]) ib. VIII, 305, 114.

да вѣрному славянству, значенію въ политическихъ сношеніяхъ Россіи съ югомъ и всегда, и въ частности при Петрѣ Великомъ, она требуетъ теплаго вниманія. Эта земля — *Черногорія.* Прошло полтора вѣка послѣ Петра, но и ныньче она та-же, высоко симпатическая для русскаго сердца Черногорія, беззавѣтная Черногорія Петра Великаго, славяне безъ косаго взгляда.

Прошлое ея не многословно, но весьма любопытно и въ исторіи славянской, и въ литературѣ.

Небольшая горная страна безплодныхъ каменныхъ скалъ, прорѣзываемая рѣкой Зетой на двѣ части, въ эпоху паденія сербскаго душанова царства представляла независимое княжество двухъ Зетъ, верхней и нижней, подъ управленіемъ властельскаго рода Балшичей. Въ концѣ XVII ст. Черногорія занимала пространство въ 10 миль въ длину (отъ Рисны до Скадрскаго—Скутари—озера), состояла изъ 72 небольшихъ селъ и могла выставить въ поле до 15.000; но не смотря на свою миніатюрность, «Църна Гора ломна» (скалистая — эпитетъ ея въ пѣсняхъ) была всегда внушительнымъ для турокъ убѣжищемъ послѣдней сербской свободы. Родъ Балшичей правилъ княжествомъ не долго: уже въ 1427 г. его смѣнилъ Стефанъ Черноевичъ. Но и Черноевичи правили не долго: въ 1499 г. послѣдній, Юрій V, оставилъ Черногорію и переселился въ Венецію. Онъ былъ женатъ на венеціянкѣ и былъ принятъ предъ тѣмъ въ число венеціанскихъ нобилей. Княженіе его знаменательно основаніемъ въ Цетиньѣ славянской типографіи, откуда вышли два драгоцѣнные памятника первой славянской печати: октоихъ въ 1493 г. и псалтырь въ 1495 (за два года, въ 1491, вышла первая кириловская книга въ Краковѣ). Буквы были рѣзаны въ Венеціи, но типъ ихъ весьма напоминаетъ печать петровскаго времени. Можетъ быть, въ реформѣ славянскаго шрифта Петра участвовала черногорская печать славянскихъ инкунабулъ: славянское преданіе освящало бы нововведеніе.

Съ удаленіемъ Черноевича въ Венецію прекращается княжеское или господарское достоинство въ Черногоріи, и начинается единственное въ исторіи славянъ ѳеократическое управленіе въ лицѣ перваго митрополита — «владыки», Вавилы. 14 владыкъ смѣнилось въ теченіе двухъ вѣковъ (1499 — 1695), и это время было періодомъ геройской борьбы кучки сербовъ — черногорцевъ съ турками, находившимися тогда на верху

своей силы: борьба была, естественно, неравная, и турки часто сидѣли на шеѣ черногорцевъ[1]).

Въ такихъ общихъ чертахъ была картина политическаго положенія той групы народностей, которая главнымъ образомъ составляетъ содержаніе восточнаго вопроса вообще, и начальныя сношенія которыхъ съ Москвой образуютъ первую страницу въ толстомъ фоліантѣ попытокъ къ разрѣшенію многовѣковой задачи освобожденія христіанъ турецкихъ.

Мы видѣли, что царь Іоаннъ IV указывалъ рѣшительно на высокую задачу политики Европы—соединиться на освобожденіе христіанъ. Также ясно отвѣчала Европа устами папы: заботы правительствъ слишкомъ далеки отъ вопроса о Турціи.

Гдѣ же источникъ свѣдѣній русскихъ XVI, XVII ст. о своихъ единовѣрцахъ на югѣ? Книжный? Конечно, нѣтъ. Источникъ этотъ давался самой жизнью. Не говоря уже о томъ, что сынъ Іоанна III, былъ женатъ на молдавской княжнѣ Еленѣ (дочери Стефана Великаго), что царскому дому потому могли быть близко знакомы интересы турецкихъ христіанъ, старыя традиціонныя пути сношеній у Россіи съ южными славянами: церковь и письменность, никогда не прерывались.

Очевидецъ паденія болгарскаго царства, ученикъ независимаго болгарскаго патріарха Евѳимія, Цамвлакъ, достигаетъ въ Россіи степени митрополита кіевскаго. Участіе его въ исторіи русской письменности извѣстно: онъ оставилъ біографію своего учителя, оставилъ разсказъ о трагической гибели столицы болгарской, Търнова. Книжники изучаютъ «рушьскій» языкъ, какъ Константинъ Костенскій, болгаринъ, или переходятъ на всегда въ Москву, какъ Пахома сербъ (вторая ½ XV вѣка). Не забудемъ и Максима Грека.

Въ старое время русскіе паломничали въ святую землю но съ паденіемъ «новаго Рима» хожденія эти прекращаются, открываются пересылки богомольныя южныхъ славянъ—ѣзда въ Москву за милостыней владыкъ покоренныхъ земель югославянскихъ и, позже, посланцевъ отъ разныхъ монастырей.

Въ 1586 г. былъ за милостыней въ Москвѣ изъ Охриды Гавріилъ, въ 1604 Нектарій, въ 1606 Аѳанасій — также изъ Охриды [2]). Въ теченіи XVII в. эта ѣзда становится особенно

---

[1]) Ср. *Милаковичь*. «Историја Црне горе». Задаръ 1856.

[2]) Хотя въ охридской патріархіи владыки б. большею частью греки

частой. Заѣзжіе владыки, подобно греческимъ патріархамъ, сидѣли по долгу въ Москвѣ и въ близи царскаго двора. Діаконъ Павелъ Алепскій занесъ въ свой дневникъ, что при отправленіи Алексѣя Михайловича въ литовскій походъ, царя благословляли патріархи (Никонъ и Антіохійскій); «затѣмъ началось одно изъ самыхъ торжественныхъ богослуженій, въ которомъ кромѣ двухъ патріарховъ участвовали пять русскихъ архіереевъ и *одинъ сербскій*» [1]). Этотъ «одинъ» былъ митрополитъ земли седмиградской Сава Бранковичь, старшій братъ Юрія при Петрѣ Великомъ. Царь Алексѣй «достолепнимъ благочастиемъ васпріелъ бисть, яко архиереиско и ереиско одеяние тако и инаго потребователнаго помилования, между же ими и васако лето помиловашелну грамоту ваздая ему бысть, и архиереиска митра обещивана» говоритъ въ челобитной патр. Чарноевичь Петру въ 1696 г. [2]).

И патріархія печская, и ея значеніе были не неизвѣстны Москвѣ. «А въ прошлыхъ годѣхъ, тому съ 35 лѣтъ—говоритъ въ 1697 году патр. Чарноевичь русскому послу въ Вѣнѣ Неѳимонову—былъ на Москвѣ свят. Гавріилъ, сербскій патріархъ, и превеликую милость и жалованье государское тогда получилъ и тѣмъ монастырь и свят. церкви были обновлены, и дана была ему для милостыни жалованная грамота, но въ разореніи епархіи его сгорѣла, и послѣ того къ Москвѣ отъ нихъ посылки не было» [3]).

Почему послѣ того посылки не было, увидимъ сейчасъ. Дѣло въ томъ, что патр. Гавріилъ (Раичь, родомъ изъ стольнаго Бѣлграда), тотчасъ же по возвращеніи изъ Москвы былъ варварски умерщвленъ турками, по приказу изъ Константинополя, и именно за открытыя имъ сношенія съ Москвой: «скончавсе—говоритъ современная сербская запись—удавленіемь отъ туракь неправедно оклеветан пришадшу ему отъ Москве» [4]).

но преслѣдуемые константинопольской патріархіей они должны были искать поддержки въ славянахъ—въ Россіи. Объ антипатіяхъ «великой церкви» къ церквямъ болгарской, сербской, охридской въ XVI в. см. трудъ *Малышевскаго* «Александр. патріархъ Мелетій Пегасъ» I, 317.

[1]) «Труды Кіев. Дух. Академіи» 1875. іюль 76.

[2]) «Сербскій лѣтописъ» 1830. IV, 63.

[3]) «Пам. дип. снош.» VIII, 306.

[4]) «Гласник срп. уч. др». XXIII, 248. Ср. о Гавріилѣ «Сербске лѣтописи» 1828. II, 4. Годъ удавленія 1659, какъ указано въ записи; слѣд. дата

Ясно, что эти клеветы—заподозрѣнье московской поѣздки; ясно, что послѣ страшнаго финала только что открывшихся сношеній съ Москвой, ужь не было охоты ити вторично за милостынею. Преемникомъ Гавріила былъ Максимъ (изъ Скопля, † 1681), при которомъ началось австрійское поднятіе сербовъ при помощи Бранковича и Чарноевича.

Прибавлю, что Москва не каждому богомольцу изъ Турціи открывала доступъ къ себѣ: безъ оповѣщенія напередъ, безъ царской грамоты, она отправляла странника съ границы назадъ, хотя бы то былъ епископъ. Такъ въ ноябрѣ 1672 г. прибылъ въ Сѣвскъ сербскія земли Видинскаго города митрополитъ Герасимъ для милостыни, а грамоты не было, и онъ былъ задержанъ воеводой. 25 ноября состоялся такой указъ воеводѣ: «вы бъ сербскія земли митрополита къ намъ къ Москвѣ не пропускали, и велѣли ему сказать, чтобъ онъ ѣхалъ изъ Сѣвска назадъ въ сербскую землю, и впредь бы вамъ палестинскихъ властей и греческихъ монастырей архимандритовъ и старцевъ безъ нашихъ жалованныхъ грамотъ пропускать отнюдь не велѣть, а вамъ досматривать накрѣпко, въ указной ли они годъ къ намъ ѣдутъ, и справливаться о томъ подлинно въ Сѣвскѣ въ приказной избѣ съ приѣздами ихъ» [1]).

Среди духовенства православнаго въ Турціи Москва набирала своихъ политическихъ агентовъ, замѣнявшихъ ей нашихъ пословъ. Конечно, за хорошую плату, эти агенты сообщали обо всѣхъ политическихъ новостяхъ.

Въ 1646 г. цареградскаго патріарха анхиманритъ Анфилоѳей отписываетъ въ Москву о появленіи въ Константинополѣ «русака Ивана», который выдаетъ себя за царевича московскаго; что онъ, анхиманритъ, самъ переводилъ съ русскаго грамоты Ивана для визиря, и обѣщаетъ нѣкоторыя «писанія этого русака» переслать въ Москву: «пошлемъ со всѣмъ инымъ греческимъ росписамъ къ тебѣ, вел. г—рю, съ государевомъ слугомъ съ Гречиномъ съ Романомъ Савеьемъ», помня «*жалованье* за свято ихъ приказное слово, котораго приказали мнѣ богомолицу твоему служити имъ *обоимъ государемъ* (Миха-

---

Чарноевича—лѣтъ за 35—до 1697, т. е. 1662, не вѣрна. Грамоты Гавріилу я не нашелъ ни въ «Полномъ собраніи законовъ» ни у Карновича «Собраніе узаконеній русскаго государства» I. Спб. 1875.

[1]) *Карновичъ* «Собраніе» I. № 501.

илу Θеодоровичу и патр. Филарету) по правду... И при моя старости буду по правду служити до конца живота моего»[1]). Въ концѣ своего донесенія Анфилоѳей извѣщаетъ, что «король венгерскій, име ему Гургій Раковскій, послалъ гонца своего съ грамотами своими до везира, что ти, в. г—рь, да и съ польскимъ королемъ, да съ цесаръ христіанскимъ, да съ государемъ волоскимъ да съ государемъ молдавскимъ стоите вси заедно и хотите воевати на царя турскаго».

Этотъ агентъ, получавшій хорошія деньги изъ Москвы[2]), служившій еще Михаилу и Филарету, слѣд. агентъ давнишній, какъ переводчикъ русскихъ грамотъ самозванца Ивана для вел. визиря, необходимо долженъ былъ быть изъ южныхъ славянъ и, кажется, сербъ (ср. сербизмъ *слугомъ*).

И православные владыки служили такими же агентами для Москвы: заботиться объ интересахъ Москвы требовали и ихъ собственные интересы и чувство благодарности. Въ томъ же 1646 Москва получаетъ извѣщеніе отъ ѳесалійскаго архіепископа о намѣреніи хана и султана вторгнуться вмѣстѣ съ русскимъ самозванцемъ Иваномъ, котораго архіепископъ знаетъ и по фамиліи: «Долгорукъ». Въ 1650 г. пишетъ о самозванцѣ іерусалимскій патріархъ Паисій, что онъ, Иванъ, скрывается у запорожскаго гетмана[3]).

Жалованныя грамоты православнымъ монастырямъ въ Турціи съ дозволеніемъ пріѣзжать въ Москву чрезъ извѣстное число лѣтъ (5,7) за милостыней сближали самымъ тѣснымъ образомъ православный міръ съ Москвой и единили интересы обоихъ. Опасное это сближеніе понимали хорошо турки, и мы видѣли, какъ расправились они съ сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ, за его поѣздку въ Москву за полученіемъ жалованной грамоты. Этими грамотами особенно богато царствованіе Алексѣя Михайловича.

Въ январѣ 1661 дана была грамота сербскому монастырю въ Крижевцѣ: «пожаловали есмя сербскія земли города Крижевца, введенія пресвятыя богородицы Липовинскаго мон—ря архимандрита Виссаріона съ братіею, что они били челомъ, чтобъ пожаловать велѣть въ ихъ мон—рь дати нашу цар. жалован-

---

[1]) «Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ» III, 431. 434.

[2]) Ср. ib. 434. [3]) ib. 425, 456.

ную грамоту *противъ иныхъ монастырей*». Въ сентябрѣ того же года—аѳонскія горы хилондарю монастырю. Такія же грамоты даны были сербскія земли монастырямъ: въ 1653 г. вознесенскому Милашеву; въ 1660 — михайловскому Лѣсновскому; въ 1663—успенскому Студеницкому[1]).

Всѣ эти сношенія христіанъ турецкихъ съ Москвой, имѣвшія мѣсто во имя интересовъ церкви, во имя общей принадлежности къ православію, послѣ того какъ Москва осталась единой свободной страной православія, не могли не приготовлять въ будущемъ почву для отношеній болѣе рѣшительныхъ, политическихъ, оказывая необходимо просвѣтляющее дѣйствіе съ одной стороны въ Москвѣ—ты послѣдняя опора и надежда православія, не забывай того, съ другой — на самыхъ порабощенныхъ христіанъ, подавая имъ лучъ надежды на грядущее освобожденіе съ сѣвера. Москва мало по малу втягивалась въ интересы политики турецкихъ христіанъ и тѣмъ свободнѣе, чѣмъ крѣпче она становилась внутри, въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Одна была Москва въ началѣ XVII, другая въ половинѣ; одна въ началѣ царствованія Алексѣя, другая подъ конецъ. Потребовалось новое собираніе московской земли, чтобы затѣмъ совершилось собраніе русской земли, возвращеніе старой вотчины, хоть въ извѣстномъ объемѣ. Только по завершеніи этого собранія, Москва могла выступить съ болѣе открытой програмой, яснѣе намѣтить цѣли своихъ стремленій во внѣшней политикѣ. Малороссія приблизила Москву къ турецкимъ христіанамъ, сдѣлала свободнѣе тотъ путь, которымъ не преминулъ широко воспользоваться, спустя не болѣе полустолѣтія, знаменитый сынъ Алексѣя.

Я только что сказалъ «сдѣлала свободнѣе» потому, что путь русскихъ на Дунай открытъ былъ уже ранѣе окраинами русскаго народа—*казаками* Днѣпра и Дона.

Запорожье рано было оцѣнено политикой Москвы, было оцѣнено его полезное значеніе, какъ авангарда наступающей рати противъ турокъ, и Москва ласкаетъ запорожцевъ.

Уже въ 1620 году Михаилъ Ѳеодоровичъ царской грамо-

---

[1]) «Пол. собр. законовъ». № 58. *Карповичъ* «Собраніе» I, № 58, 84.

той похваляетъ запорожцевъ за то, что «за порогами будучи, службу свою къ намъ оказывати хотите противъ всякихъ непріятелей нашихъ», и въ концѣ прибавляетъ: «на крымскіе улусы *нынѣ* васъ не посылаемъ».[1])

Москва ихъ пока задерживала, но они пошли и приняли самое дѣятельное участвіе въ только что открывшейся компаніи Владислава польскаго противъ героическаго Османа, въ 1621 году. За пораженіе Османа подъ Хотинымъ Жолкевскій обязанъ благодарностью казакамъ Сагайдачнаго: стоитъ только перелистать знаменитую поэму неизвѣстнаго современника—поляка «Хотинская война», чтобы убѣдиться въ послѣднемъ.

Туже работу служили Москвѣ и казаки великорусскіе—казаки Дона, и они указывали христіанамъ Турціи условіе ихъ освобожденія. Но отодвинутые далеко на востокъ, они дѣйствовали не такъ на показъ, менѣе громко, но за то плодотворнѣе: они пріобрѣли и закрѣпили за Москвой первое побережье моря, откуда дѣйствуя, Москва, медленно, но вѣрно, могла выбить турокъ изъ цѣлаго сѣвернаго побережья Чернаго моря. И имя донскихъ казаковъ, какъ и запорожскихъ, разносилось далеко: среди христіанскаго населенія Турціи возбуждало надежду, у турокъ—опасенія.

Послушаемъ, что записали современники, знавшіе Турцію того времени, о казакахъ.

Агенты «венетовъ, которыхъ царство подъ сердцемъ турскимъ»,[2]) доносили своей синьоріи, какую пользу можно извлечь изъ союза съ казаками на случай войны съ Турціей: «волохи, молдаване, болгаре, сербы, которые не въ состояніи переносить долѣе турецкаго ига, при первомъ появленіи сильнаго казацкаго войска, безъ сомнѣнія, пристанутъ къ нему». Тою же грозною силою являются казаки и въ представленіи гварскаго епископа Чедолини папѣ въ 1594 г.: епископъ доказываетъ выгодность союза съ царемъ московскимъ, «который можетъ выставить въ поле 200 т. конницы и, что еще важнѣе, пользуется преданностью своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ и въ европейскихъ, и въ азіатскихъ владѣніяхъ султана»[3]).

---

[1]) «Собр. госуд. гр. и догов.» III 216.

[2]) «Пам. дип. сн.» X, 104.

[3]) *Макушевъ* «Вост. вопросъ» въ «Слав. сборникѣ» III. 9., 6.

Въ томъ же смыслѣ понималъ казаковъ обѣихъ рѣкъ, какъ предвѣстниковъ грядущей грозы Турціи, одинъ весьма симпатичный поэтъ хорватскій, первой половины XVII вѣка, Ѳома Мърнявичь, каноникъ изъ Загреба.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ катастрофы, постигшей султана Османа и турокъ подъ Хотинымъ въ 1621 г., Ѳома пишетъ драму «Османштица», въ которой прославляетъ геройство и побѣду христіанъ. Драма эта издана была въ 1631 году въ Римѣ, и, кажется, единственный экземпляръ ея въ загребской академіи наукъ[1]). Тоже событіе вдохновило и другаго хорватскаго поэта, современника Мърнявича, Гундулича изъ Дубровника, онъ написалъ поэму «Османъ»: но какая громадная разница въ пониманіи событій одного и другаго поэта. Въ то время какъ Гундуличь, мало свѣдущій въ исторіи описываемаго времени, всю честь побѣды надъ турками приписываетъ полякамъ, Владиславу, котораго полякъ-авторъ «Войны хотинской» обвиняетъ въ трусости,—иначе посмотрѣлъ на дѣло каноникъ загребскій. Основная мысль драмы провозгласить приближеніе времени освобожденія южныхъ славянъ, сербовъ отъ турокъ, тогда къ какъ у Гундулича простое прославленіе католическаго Владислава.

Но кто же указатель этого завѣтнаго приближенія? Поляки? Нѣтъ.

Два турка въ Бѣлградѣ, Юсуфъ и Реджепъ, разговариваютъ о дурныхъ временахъ—будетъ худо. Реджепъ спрашиваетъ товарища, не слышалъ ли чего? Юсуфъ отвѣчаетъ, что только и слышно о побѣдѣ надъ поляками, и тутъ Реджепъ начинаетъ свое длинное повѣствованіе о томъ, «какое счастье было имъ въ польскомъ походѣ».

Описавъ географическое положеніе Польши и Россіи («Кіевъ на Днѣпрѣ славнѣе сербскаго Смедерева на Дунаѣ»), Реджепъ говоритъ, что турки всегда соблюдали миръ съ поляками, «нарушили его—трудно сказать—что за люди. Я сказалъ люди, но не знаю, пристойно-ли это имя давать имъ» и турокъ начинаетъ описывать «дикій» образъ жизни казаковъ. «До самого новаго времени эти казаки были извѣстны лишь какъ воры,

---

[1]) «Osmanschica. Sloga Ivanna Tomka Marnavicha.» U Rimu. Pri Yakovu Maskaradu M.D.C. XXXI, in 4,188. Ср. *Kukuljević*. «Писатели XVII в.».

что грабили путниковъ; затѣмъ они стали слоняться по землямъ и народы грабить, ну, словно ускоки—сенянцы. Напрасно просили поляковъ унять казаковъ: со всѣхъ сторонъ казаки войсками грозятъ, ни во что ставя султана; плаваютъ по Дунаю свободно и опустошаютъ себѣ турецкія края. И море Черное не оставили въ покоѣ—перешли Перекопъ и завладѣли всей страной до впаденія Дона». Юсуфъ перебиваетъ: «Но гдѣ -жъ живутъ они»? «Есть три рода этихъ казаковъ—отвѣчаетъ Реджепъ. Одни сохраняютъ свою награбленную добычу на островѣ рѣки Днѣпра; островъ этотъ зовется Томаковскимъ, иначе Порогами; вотъ почему тѣ, что живутъ здѣсь разбросанно, называются *запорожцами* (Zaporohviani). Здѣсь повырыли они маленькія избенки и покрыли ихъ землей. На второй день оттуда дойдешь до Кіева, а внизъ до-тудова, гдѣ Днѣпръ соединяется съ моремъ. Пожалуй, будетъ ихъ двадцать тысячъ и всѣ—сплошной юнакъ. Другая часть—это *донцы*, по рѣкѣ, гдѣ они живутъ, и они считаютъ себя многими тысячами, когда отправляются на лѣтніе промыслы. Третьи — *лисовщики* (lišovljani). Вотъ тебѣ три казачьи ватаги, что разоряютъ и заставляютъ плакать турецкія земли. Ихъ храбрость разрушила твердыню Киліи (Kiljevo)—здѣсь у морскихъ волнъ Дунай не знаетъ болѣе стѣсненія; Течинскую крѣпость (Бендеры), красивый Козловъ—оба города тверды, какъ Очаковъ; Бѣлгородъ Татарскій (Аккерманъ), гдѣ нѣкогда русскіе имѣли царскій престолъ; прошли они и Перекопъ, городъ съ чудной стѣной, одолѣли и богатую Каффу—знаменитый рынокъ, уничтоживши у ней силу. Перебраживали ширину моря Чернаго и грабили земли востока, разорили Трапезундъ, Синопъ; дважды мѣрялись съ нами среди самаго моря—и ихъ былъ часъ — дважды разбили турокъ: адмирала Цигалелича убили—здоровеннаго дитину, а другаго пашу, разбивъ, захватили и въ неволѣ убили. Послѣ всего этого они ужь принялись за подунайскія земли и пустошили вплоть до Царьграда» [1])

Допустимъ, что въ разсказѣ турка у хорватскаго поэта о неодолимой, всесокрушающей силѣ казаковъ есть доля преувеличенія: но въ этомъ преувеличеніи — взглядъ славянина —современника, отголосокъ тѣхъ чувствъ, которыя жили у его

---

[1]) I дѣйствіе. Переводъ большею частью буквальный.

сородичей, людей, для которыхъ онъ пишетъ свою драму, чтобы указать имъ скорое наступленіе иного времени—времени ихъ освобожденія: грозный-де турокъ нашелъ уже для себя грознаго врага—въ казакахъ, въ русскихъ...

Естественно, при начинавшемся возбужденіи христіанъ турецкихъ въ первой половинѣ XVII в., когда имъ уже мерещится и свобода, и ослабленіе турка подъ подъ грозою русскихъ, соединеніе южной и сѣверной Руси, приближеніе Москвы къ предѣламъ турецкимъ, не могло остаться безъ вліянія на союзъ подунайскихъ народовъ, не укрѣпить еще сильнѣе въ нихъ старой вѣры въ Россію — усиленіе Россіи отвѣчало ихъ чувствамъ, чаяніямъ.

Это значеніе русскаго объединенія сказалось сейчасъ же, когда при старыхъ церковныхъ отношеніяхъ открылись сношенія политическія — послышалось желаніе о политическомъ соединеніи съ только что объединенной Россіей. Ясно, Москва Алексѣя и Москва Михаила—двѣ величины разныя.

Первый голосъ о соединеніи вышелъ отъ Молдавіи, непосредственной сосѣдки Хмѣльницкаго, находившейся подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ, церковнымъ и политическимъ, Малой Россіи.

Въ мартѣ 1654 г. въ Москву прибылъ тайный посланецъ Стефана воеводы, «божьею милостью господаря земли молдавской», Иванъ Григорьевъ. Въ грамотѣ «въ православной вѣрѣ ясно сіяющему православному царю» — говорилось лишь о проѣздѣ и пріемѣ въ Молдавіи московскаго богомольца Арсенія (Суханова) да о чувствахъ воеводы къ царю: «видѣхъ въ рукахъ его (Арсенія) грамота отъ ц. ти. в—ва, и много возрадовахомся и Богу благодарихомъ, разумѣвше о добромъ здравіи и крѣпкаго царствованія великому ти царству, и пожаловахомъ его въ почесть и въ похвалу ц. ти в—ву» (отъ 18 февраля 1652). Но на спросѣ въ посольскомъ приказѣ Григорьевъ объявилъ, что словесно съ нимъ Стефанъ воевода приказалъ государю бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, призрилъ на него своею государскою милостью, принялъ бы его подъ свою высокую руку, также какъ и Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское, и былъ бы надъ ними надо всѣми православными христіаны единъ онъ благочестивый христіанскій государь.

Съ отвѣтомъ московское правительство не медлило, и уже

въ апрѣлѣ была готова отвѣтная грамота. «Мы посланца твоего пожаловали, велѣли ему видѣти нашего ц. в—ва очи вскорѣ и листъ у него принять велѣли. Молите, дабы исполнилося наше помышленіе надъ всѣми нашими непріятели и велѣли бы тебя принять подъ нашу высокую руку. И мы тебя Стефана, молдавскія земли владѣтеля, за то, что ты поискалъ нашія милости и подъ нашею рукою подъ христіанскимъ государемъ быть желаешь и *отъ ига бусурманскаго ищешь свободителя*, жалуемъ, милостиво похваляемъ, и подъ нашу руку тебя со всею молдавскою землею приняти велимъ».

Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки («Статьи» 1656 г. 3), отвѣтъ былъ отосланъ воеводѣ съ особымъ царскимъ посломъ. Но главное, этому послу было указано на мѣстѣ, въ Яссахъ, тотчасъ же «привести къ покоренію подъ честные и святые стопы царскіе». Но, очевидно, Москва поспѣшила, да и поспѣшилъ воевода. Воевода ссылается на примѣръ Хмѣльницкаго, но Хмѣльницкій поддался Москвѣ на извѣстныхъ условіяхъ; понятно, что и Молдавія, вступая въ подданство, желала предварительно тѣхъ же условій. Это совершенно ясно изъ послѣдующихъ переговоровъ.

Посолъ московскій не привелъ къ присягѣ: «въ то время государь нашъ—говорится въ молдавскихъ статьяхъ 1656 года—хотѣлъ съ великою радостью и всею душею и всѣмъ сердцемъ поклонитись и покориться великому твоему царствію, только было не время, потому что были ограждены отъ всѣхъ странъ отъ турокъ и татаръ, и отъ иныхъ невѣрныхъ, и не возможно было намъ объявить, что хотимъ покориться твоему царствію, чтобъ турки и татары не свѣдали; да *и молдавская земля тогда не похотѣла потому, какъ бы свѣдали турки и татаровя, и государя нашего извели-бъ и молдавскую землю всю разорили*».

Очевидно, въ Яссахъ не хотѣли такъ быстро рѣшать вопроса о присягѣ, какъ того требовали изъ Москвы, да и не могли: при желаніи воеводы, еще не извѣстно было желаніе народа—главное, бояръ и духовенства; а то и самого воеводу извели-бъ.

Отказъ отъ присяги Стефана сочли въ Москвѣ за оскорбленіе, и, какъ увидимъ сейчасъ, царь крѣпко разгнѣвался на воеводу, потерявъ въ немъ всякую вѣру.

Но черезъ два года повторяется просьба того же Стефа-

на въ Москвѣ о принятіи Молдавіи въ подданство: но на э разъ при совершенно иной обстановкѣ. Не посланецъ приб. въ Москву, а посольство цѣлое: изъ митрополита Сучавск Гедеона—первенствующее лицо въ Молдавіи и тогда, и тепе —и втораго логофета, т. е. вице-канцлера, Григорія Нянюло вича (онъ же Некулъ, Ненулъ), съ многочисленной свитой, и не тайно въ польскомъ приказѣ, на словахъ, сдѣлано было заявленіе Алексѣю Михайловичу о принятіи Молдавіи въ подданство, какъ въ первый разъ, а торжественно, въ грамотѣ, и притомъ, не безусловно, а на извѣстныхъ «статьяхъ».

Просительная грамота помѣчена 15 февраля 1656 г. (7164), за подписью Георгія Стефана воеводы (ясно, почему обыкновенно онъ называется Стефанъ Георгица—Георгица молдавская уменьш. форма отъ Георгій). «Великій государю и нашъ православный царю! понеже убо благодатію божіею сердца наши возже на всяко время поклонятися къ пресвѣтлому и великому ти царствію и непрестанно со всѣми нашими православными христіаны пребывающихъ же въ нашей странѣ молдавской молимъ Господа Бога, да подаруетъ ти долголѣтный животъ и здравіе, и побѣду на всѣхъ непріятелей. Мы, не знаючи въ сихъ вселенскихъ странахъ инаго православнаго царя, развѣ ц. ти в—ва, днесь прибѣгаемъ и припадаемъ подъ славную и высокую и честную ц. ти руку, и избрахомъ си о. Гедеона, архіепископа и митрополита земли нашей, вкупѣ съ нашимъ ближнимъ и вѣрнымъ бояриномъ Григоріемъ Нянюловичемъ, вторымъ логоѳетомъ, бити челомъ вмѣсто наше, подъ честныя стопы ц. ти величества, и пространнѣе того велѣли есмя яко суть наши о всѣхъ нашихъ и земскихъ потребахъ извѣщати и ѣхати». Но воевода зналъ о впечатлѣніи въ Москвѣ отъ результатовъ перваго посольства, и потому заключаетъ вторую грамоту завѣреніемъ: «только молимъ и желаемъ ц. ти величество, да имати вѣрность, понеже наше слово истинно суть».

Но не смотря на торжественную обстановку посольства, съ митрополитомъ во главѣ, обѣщавшую хорошій пріемъ, не смотря на завѣреніе въ честности и твердости обращенія, Алексѣй Михайловичъ отнесся на этотъ разъ холодно къ просьбѣ молдавской. «Алексѣй Михайловичъ—записалъ очевидецъ, дьяконъ Павелъ Алепскій—сильно гнѣвался на князя молдавскаго, но патріархъ антіохійскій Макарій вступился за князя»[1]).

[1]) «Труды кіев. д. акад.» см. выше. 1876 іюль, 135.

И дѣйствительно, только послѣ торжественнаго офиціальнаго ручательства Макарія, собственноручно записаннаго имъ въ посольскомъ приказѣ: «я, ант. патріархъ Макарій, въ семъ, яко пишетъ и свидѣтельствуетъ братъ мой патріархъ іерусалимскій Паисій, такожъ свидѣтельствую, что ему быть Стефану воеводѣ со всѣмъ своимъ государствомъ подъ государевымъ повелѣніемъ неподвижно и безотмѣнно, и будетъ онъ, Стефанъ воевода, наше свидѣтельство оболжетъ, и мы его проклинаемъ и отлучаемъ со всѣмъ его государствомъ во вѣки», — посольство молдавское было допущено къ слушанью, дѣлу его данъ ходъ.

Въ посольскомъ приказѣ 12 мая митрополитъ и второй логоѳетъ подали «статьи», какъ увидимъ сейчасъ, условія, на которыхъ Молдавія вступаетъ въ подданство русское. Они даны устно, но наказу Стефана отъ 16 марта. Посланники повторили прежде всего просьбу: «государь нашъ, Георгій Стефанъ воевода, смиреннымъ и покорнымъ сердцемъ послалъ насъ главъ своихъ поклонити покореніемъ и земнымъ поклономъ передъ честными ногами царствія твоего, вмѣсто государя нашего, со всѣми своими людьми и со всѣми живущими въ молдавской землѣ; съ великимъ желаніемъ и любовью всѣ поклонятся и покорятся» (2). Затѣмъ слѣдовало указанное выше извиненіе воеводы, почему онъ не присягалъ по первой царской грамотѣ. Но самое важное для насъ это условія подданства—«прошеніе государя нашего и всей молдавской земли».

1) Чинъ нашъ и государства нашего не порушился бы: какъ жили прежъ сего въ нашемъ государствѣ древніе государи наши, которые не были подъ повелѣніемъ турскаго салтана, такъ и намъ быть въ томъ же чину, т. е. требовалась неприкосновенность доселѣшняго государственнаго и внутренняго устройства: «понеже, и послѣ тѣхъ прежнихъ государей, которые государи были подъ областью турскаго салтана, хотя турки съ нихъ и дань имали, якоже и съ насъ, а чести и чину государства нашего не порушили».

2) Невмѣшательство со стороны Москвы въ вопросѣ о престолонаслѣдіи: «какъ божіимъ изволеніемъ который государь нашъ отъ сего свѣта отойдетъ—и въ нашей землѣ и въ государствѣ нашемъ иному государю отъ инаго рода государемъ не быти, опричь нашего государства».

3) Повтореніе первой статьи: «честь и чинъ государства нашего не порушился-бъ, какъ была непорушена и отъ нече-

стивыхъ, и благоволеніемъ великаго вашего царствія утвердится и укрѣпится паче прежняго».

4) Возвращеніе Молдавіи всѣхъ ея прежнихъ земель на случай отобранія ихъ Москвой отъ турокъ: «господь Богъ да подастъ силу на нечестивыхъ; паки бьемъ челомъ для нѣкоторыхъ городовъ, которые были на границѣ нашей и ихъ нынѣ держитъ нечестивый подъ повелѣніемъ своимъ, и тѣ городы царствіе твое пожаловалъ бы намъ, быти имъ подъ нашимъ повелѣніемъ, какъ были при прежнихъ государѣхъ нашихъ, до турскаго взятья; и буде изволитъ царствіе твое, мы возможемъ взять ихъ отъ рукъ нечестивыхъ агарянъ и посадить въ нихъ своихъ людей». Эти города—очевидно, Бесарабія.

5) Молдавія не платитъ Москвѣ васальной дани, какую платитъ Турціи: «должны будемъ мы по вся годы до вѣку посылать къ царствію твоему великіе дары, противъ твоей царской чести, а дани-бъ съ насъ царствію твоему не имать, какъ емлютъ съ насъ нечестивые агаряне, для того, что сподобилъ тебя господь Богъ быти и есть великимъ царемъ благочестивымъ и православнымъ, и намъ бы, бѣднымъ рабомъ твоимъ, получити малой покой».

6) «Буди милостивъ и милосердъ къ намъ, живущимъ въ сихъ странахъ, елико пребываемъ межь нечестивыхъ и стоятъ на насъ всегда турки и татаровя, а намъ бѣднымъ вoсприбѣгнути гдѣ, не имѣемъ. По семъ буди вѣдомо: вѣсть къ намъ доходитъ изъ Крыму, что ханъ со всею своею силою хочетъ ити на помочь ляхомъ и насъ съ собою имать насупротивъ твоей царской рати; и мы не имѣемъ что творити, а отъ невольности ити будемъ для того, что имѣютъ они силу большую и насъ всѣхъ плѣнятъ и государство все разорятъ. И сего ради молимъ, что мы чистымъ сердцемъ и покорною главою припадаемъ подъ святую десницу царствія твоего».

7) «Господь Богъ да подастъ побѣду на враговъ твоихъ, а насъ сподобитъ видѣть къ себѣ твою царскую милость и такую жь побѣду на нечестивыхъ, яко и на ляховъ, и какъ изволитъ царствіе твое послать на нечестивыхъ, и мы должны есмы быть готовыми и съ твоими ц. ратными людьми ити на нечестивыхъ».

8) «Пожалуй насъ своею ц. грамотою и посломъ своимъ, чтобъ намъ, видя твою ц. грамоту и посла твоего, въ нужахъ своихъ и печалѣхъ утѣшиться и во всѣхъ прошеніяхъ своихъ

ввѣриться», т. е. имѣть постояннаго русскаго резидента въ Яссахъ.

9) «Да пожалуешь вольную грамоту, чтобъ намъ посылать людей своихъ всегда съ грамотами и съ вѣстьми безъ урыву».

Подлинныя статьи эти были писаны по гречески, съ подписью: «вмѣсто государя своего Геор. Стефана воеводы и вмѣсто архіереевъ, которые подъ моею областью, и вмѣсто бояръ и всего молдавскаго государства, азъ митрополитъ Гедеонъ руку приложилъ въ томъ, что мы поклонились подъ царскую руку вовѣки неподвижно». Содержаніе этихъ предварительныхъ условій ясно показываетъ, что всѣ выгоды отъ новаго государственнаго союза клонились на сторону Молдавіи, на долю же Москвы падали одни обязанности. Одно только условіе составляло выгоду Москвы—это обязательство Стефана, на случай войны съ турками, конечно, если бы русскія войска вступили въ господарство—выставить вспомогательную армію.

Но Молдавія была все таки далека и отъ Кіева, не то что отъ Москвы; полная независимость была весьма естественнымъ требованіемъ; а признаніе верховенства Москвы, хорошая подмога на случай «свобожденія христіанъ» — все это не могло не говорить политикѣ Москвы, и подданство Молдавіи, на предъявленныхъ условіяхъ, было вторично принято.

7 іюля посолъ - митрополитъ и логоѳетъ приносили присягу въ успенскомъ соборѣ, приводилъ митрополита самъ патріархъ Никонъ, логоѳета тверской архіепископъ Лаврентій: «обѣщаемся за себя, за Стефана в—ду и за весь духовный и мірскій чинъ, что прислалъ насъ Стефанъ и били челомъ, чтобы в. г—рь пожаловалъ, велѣлъ его Стефана в—ду со всею молдавскою землею принять въ вѣчное подданство, и в. г—рь принять изволилъ. И Стефану и духовнаго чину людямъ, боярамъ и всякого чину людямъ быти подъ ц. в—ва высокою рукою на вѣки неодступнымъ и служити ему вел. г—рю, и сыну его, и наслѣдникамъ вѣрно и на всякаго его государева непріятеля стоять, по его государеву повелѣнію, безо всякія измѣны, а къ турскому, крымскому и къ инымъ государямъ впредь не приставать. И на томъ на всемъ ему Стефану и боярамъ и всякаго чину начальнымъ людямъ учинить вѣра передъ его государевыми послы, которыхъ его ц. в—во изволитъ къ нему прислать и письмо о томъ за своими руками и печатьми, для

утвержденья и вѣрности, послать съ тѣми же послы. И опричь г—ря своего Алексѣя Михайловича, сына его и государскихъ наслѣдниковъ, на московское и на всѣ великія государства россійскаго царствія инаго царя изъ иныхъ государствъ польскаго и нѣмецкихъ решъ (Reich), королей и королевичей, изъ разныхъ земель царей и царевичей, и изъ русскихъ и иноземныхъ родовъ ни кого не хотѣти и подъ государствами не подыскиватися ни какими мѣрами и никакою хитростью. А гдѣ увѣдаю или услышу на г—ря своего царя и на всѣ его вел. государства какихъ непріятелей турскихъ или крымскихъ, или коихъ иныхъ государствъ собраніе и злой умыслъ или въ подданныхъ ц. в—ва измѣну или иной какой злой умыслъ: и мнѣ г—рю своему про то извѣстити, а самому противъ непріятеля за г—ря своего стояти и промыслъ всякими мѣрами и помочи дѣлати и битися не щадя головы, а измѣнники поймать. А гдѣ велитъ мнѣ ц. в—во быть на службѣ съ своими москов. ратными людьми или съ его ц. в—ва подданными гетмана Б. Хмѣльницкаго полку съ запорожскими черкасы, и кто будетъ надъ войска бояре и воеводы, тѣхъ слушать. И которые со мною будутъ ц. в—ва подданные молдавскіе ратные люди, и мнѣ ихъ утверждать, чтобъ они ц. в—ва съ ратными людьми совѣтъ и дружбу имѣли и съ недруги бились за одно. И изъ полковъ мнѣ ц. в—ва къ непріятелю не отъѣхати, и измѣны не учинить и въ городѣхъ мнѣ непріятелю города не сдать. Кто учнетъ съ государскими измѣнники ссылатись, и мнѣ съ тѣми людьми битись до смерти, а самому мнѣ ни къ какой измѣнѣ ни къ воровству какому и ни къ какой прелести не приставати, и во всемъ мнѣ г—рю своему служити и прямити, и добра хотѣти».

Огородивши себя отъ повторенія исторіи 1652 года цѣлой серьей заклинаній, обѣщаній со стороны воеводы, Москва могла считать вопросъ о бытіи Молдавіи въ вѣчномъ и неотступномъ подданствѣ оконченнымъ. Согласно условію 8, оставалось отправить въ Яссы царскаго посла и грамоту. 29 іюня грамота была изготовлена. Московская дипломатія не упустила въ началѣ же грамоты выставить на видъ неумѣстность прежняго поступка воеводы и великодушіе Москвы. «Объявляемъ Стефану в—дѣ и владѣтелю молдавскія земли милостивое слово. Въ нынѣшнемъ маѣ присылали бити челомъ, что вы православные христіане всей молдавскія земли пребываете отъ иновѣрцевъ

въ великомъ утѣсненіи, гоненіи и разореніи, и чтобъ мы васъ пожаловали, велѣли, для единыя праьославныя вѣры и святыхъ божіихъ церквей, приняти въ вѣчное подданство. И мы, по своему государскому *милосердному обычаю, не памятуя вашихъ прежнихъ досадительствъ* и съ непріятели нашими съ польскими людьми соединенія, пожаловали, велѣли тебя Стефана в—ду съ молд. землею принять подъ нашу высокую руку въ вѣчное подданство». Затѣмъ повторялись обязательства воеводы: быти на вѣки не отступно, недруга людьми и казною не подмогати, гдѣ повелѣнье будетъ, на котораго непріятеля ити, туды ходити и съ царскими ратными людьми на всякаго непріятеля стоять сообча безо всякія измѣны. «А что подали статьи (перечисленіе), и быть во всемъ по вашему челобитью неотмѣнно, и хотимъ васъ держать въ нашемъ государскомъ жалованьѣ и призрѣньѣ, и вамъ бы на нашу милость быть надежнымъ»[1]).

Не знаемъ, кто былъ посланъ въ Яссы, какія мѣры были приняты затѣмъ въ дѣлѣ о вступленіи господарства молдавскаго въ васальныя отношенія къ Москвѣ, отношенія столь новыя, незнакомыя. Но уже черезъ два года васала Москвы не было на престолѣ Молдавіи: въ 1658 году его смѣнилъ албанецъ Георгій Гика, а съ нимъ начинается почти погодная смѣна господарей. Въ теченіе четверти вѣка (1658 — 1685), смѣнилось 14 лицъ—Молдавія стала статьею торга у вел. визиря[2]) — и вся эта свора господарей, изъ которыхъ не одинъ всходилъ и по три раза на престолъ, была естественной предтечей позднѣйшихъ господарей изъ Фанара. Васальный договоръ съ Москвой 1656 г. самъ собой замолкаетъ.

Такъ неудачно окончилась первая попытка Россіи XVII вѣка положить основаніе новой государственной жизни среди христіанъ турецкихъ, создать дунайско-славянскую федерацію въ васальной зависимости отъ Россіи. При отдаленности отъ центра восточнаго вопроса Москвы, при внутренней некрѣпости ея, при неподготовкѣ къ серьозной дѣятельности самихъ членовъ

---

[1]) Дѣло о подданствѣ 1652 и 54 г. *Карновичъ* «Собраніе» I № 180.

[2]) Въ самомъ началѣ XVIII в. господарь Молдавіи вносилъ ежегодно въ праздникъ байрама «пелонеле Байрамулуй»: султану 10 тыс., валиде 5 т., казляръ отъ $2^1/_2$ т., вел. визирю 5 т., кехайѣ, каймакану по 1 т. «Revista istorica a archivelor». Bucuresci 1873 p. 602.

православнаго союза, естественно, что всякое подчиненіе Молдавіи Москвѣ должно было окончиться въ грамотахъ—до дѣла было еще далеко. Но смѣлая попытка царя Алексѣя въ половинѣ XVII в. положить начало къ разрѣшенію турецкаго вопроса въ смыслѣ нашемъ, русскихъ конца XIX вѣка, интересная сама по себѣ, есть громкое свидѣтельство того, что Москва и въ половинѣ XVII ст. знала, что на югѣ у нея есть большое и тяжелое дѣло — судьба турецкихъ христіанъ, сознательно относилась къ нему, какъ къ своему близкому дѣлу, и она не устрашилась сдѣлать первый шагъ по тому пути, который въ нашей будущей исторіи — послѣдующихъ двухъ столѣтій вплоть до 19 февраля 1878 года—составитъ руководящее начало нашей политики... Тамъ — первая защита Молдавіи, здѣсь свободная Болгарія.

Естественно полагать, что переговоры молдавскаго господаря съ Москвой не могли остаться тайной для Константинополя; менѣе всего можно думать, чтобы могущественное боярство, цыганскаго, греческаго, албанскаго, болгарскаго происхожденія, дѣйствовало за одно съ своимъ господаремъ. Путь въ Царьградъ былъ протоптанъ, и мѣшокъ золота съ доносомъ— и васала Москвы какъ не бывало[1]).

Но, понятно, послѣ первой пробы вмѣшательства Москвы въ дѣла турецкія, тогда какъ доселѣ противъ Москвы довольно было пригрозить ханомъ крымскимъ и она молчала, Турція должна была иначе взглянуть на Москву. Наступало время, когда старые страхи, о которыхъ писали разные венеціанскіе агенты, дали себя впервые почувствовать — смѣлымъ шагомъ Москвы — изъ Молдавіи сдѣлать основу для своихъ дѣйствій противъ Турціи. Чѣмъ смѣлѣе, дерзче былъ этотъ шагъ, тѣмъ серьознѣе должна была отнестись къ нему Турція.

---

[1]) Брачныя связи съ Фанаромъ у воеводъ Валахіи начались еще съ конца XVI в. Ср. *Малышевскій* «Ант. патр. М. Пегасъ», I 319. Боярство въ Молдавіи дѣлилось на двѣ групы: *велици бояри* и *бояри мазили*. Въ числѣ первыхъ были: великій банъ, ворникъ, логоѳетъ, спатаръ, вистіеръ, ключеръ, столникъ, комисъ, слугеръ, питаръ, ага, армашъ, щетраръ, вторы вистіеръ, трети вистіеръ, велики капитанъ, в. капитанъ за дарабанти, в. к. за леѳегіи, в. к. за чернецъ. Духовное сословіе составляли: паринтеле владика (т. е. митрополитъ Сучавскій), епископъ отъ Рымникъ и епископъ отъ Бузеу; 21 игуменъ монастырскій и попи владичии и попи епискупи обѣихъ епархій. «Rev. istor.» см. в. 489.

Мы видѣли, что Стефанъ воевода былъ уже въ 1658 г. смѣненъ—человѣкомъ преданнымъ, а черезъ десятокъ съ небольшимъ лѣтъ Молдавія—свидѣтельница грознаго напора турокъ на сѣверъ—и прежде всего на Польшу. Польша не выдержала—палъ Каменецъ, за нимъ цѣлое Подолье, турки очутились почти подъ Кіевомъ, уже у самыхъ границъ Москвы, чтобы затѣмъ отнять у Москвы охоту повторить попытку 1656 года съ Молдавіей—съ турецкими христіанами.

Въ Москвѣ поняли опасный оборотъ дѣлъ, но не смутились.

Въ 1672 г. Алексѣй Михайловичъ увѣщеваетъ донскихъ казаковъ продолжать вмѣстѣ съ калмыками враждебныя дѣйствія противъ турокъ и крымцевъ. Въ 1673 жалуетъ запорожскаго атамана Ивана Сѣрку за удачный «промыселъ надъ турскимъ городомъ Очаковымъ» [1]), а самъ уже 6 октября 1672 объявилъ войну Турціи[2]). Интересные мотивы этой *первой* турецкой войны изложены въ указѣ самого царя туринскому воеводѣ: война объявлена, «по совѣту съ патріархомъ и думой» требуется новый сборъ—десятая деньга, потому, что «турской салтанъ крѣпкую оборону государства польскаго городъ Каменецъ взялъ, и благоч. вѣры греч. закона церкви разорилъ и учинилъ въ нихъ мечети и православныхъ христіанъ похитилъ въ плѣнъ и въ расхищеніе; приложилъ въ то дѣло неуклонную мысль и всѣми *окрестными* христіанскими государствы завладѣть, *паче же тщится на московское государство войною и разореніемъ*» [3]).

Изложенныя выше обстоятельства вполнѣ оправдываютъ послѣднее выраженіе Алексѣя; эти слова царя сказаны не на вѣтеръ, они указываютъ, что Москва вѣрно понимала шаги турецкой политики.

Наша *первая* турецкая война тянулась десять лѣтъ и была неуспѣшна. Но она имѣла значеніе школы, гдѣ еще мало опытные ратные люди искусились впервые въ борьбѣ съ такимъ грознымъ, съ громкой славой врагомъ, какъ турки.

Умеръ Алексѣй, передавъ войну Өедору. При нѣмъ дѣла еще плоше, и въ 1678 царь приказываетъ Ромадановскому

---

[1]) «Собраніе гос. грамотъ и договоровъ» IV, 279. 287.

[2]) «Полн. собр. законовъ» № 531.

[3]) «Собраніе гос. гр. и догов.» IV, 28э.

въ Украйнѣ срыть даже Чигиринъ, «буде того неотступно турки будутъ домогаться». 3 мая 1681 было объявлено въ Москвѣ перемиріе на 20 лѣтъ; но въ апрѣлѣ 1682 умираетъ Ѳедоръ, и вступленіе брата Петра открылось ратификаціей мирнаго договора, тяжкаго для Россіи: Днѣпръ образовывалъ границу между Россіей и Турціей, только Кіевъ съ Васильковымъ сохраняла Москва; но русскіе не смѣли ставить городовъ отъ Кіева и до Запорожья[1]).

Москва такимъ образомъ вмѣсто приближенія къ Дунаю была задержана въ этомъ направленіи и откинута на сѣверъ. Какъ увидимъ, вся дальнѣйшая дѣятельность Петра Великаго направлена была прежде всего къ уничтоженію послѣдствій безуспѣшной первой турецкой войны.

А между тѣмъ время было такое, что Петру не пришлось долго выжидать случая попытаться устранить чигиринскій договоръ, поправить неудавшуюся политику Алексѣя въ дѣлѣ свобожденія турецкихъ христіанъ и продолжать ее.

Журавинскимъ договоромъ съ Польшей Турція въ послѣдній разъ достигла своей былой славы; знатная часть Польши была въ ея рукахъ: она отомстила десятерицей за пораженіе 1620 года. Отраженіе Москвы, выгодный договоръ съ нею усилили снова значеніе Турціи — возвращалось, по видимому, XVI столѣтіе.

Но это пораженіе Польши и Москвы имѣло и оборотную сторону для Турціи. Снова забили въ средней Европѣ въ набатъ, снова раздался военный кличъ: турокъ идетъ, подыматься. То, что предсказывалъ венеціанскій посолъ еще въ 1665 г., исполнялось: справившись на сѣверѣ, турки еще разъ попытали взять гордую столицу нѣмецкихъ цесарей. Началась извѣстная осада Вѣны 1683 года. Правда, уничиженная имперія едва спаслась, благодаря помощи польскаго короля Яна Собѣскаго; но въ слѣдующемъ году пала Буда (Офенъ), и почти вся Венгрія была очищена отъ турокъ послѣ полуторавѣковаго рабства (съ 1526 г., съ могачской битвы).

Старое желаніе Венеціи о соединеніи съ имперіей противъ турокъ—иначе гибель христіанству (см. выше) — исполняется: имперія, Венеція и Польша входятъ въ священный союзъ, съ

---

[1]) «Полн. собр. закон.» № 729.

цѣлью, пышно выраженною въ надписи на выбитой по случаю союза медали: «durch diesen Bund der Türken Hund muss gehn zu Grund» (союза отъ этого турокъ-собака погибнетъ на вѣки) [1]. Старыя указанія Венеціи на необходимость поднять внутренняго врага Турціи—ея христіанское населеніе, и именно при помощи Москвы, получаютъ надлежащую оцѣнку. Не смотря на крайнее нерасположеніе цесаря Леопольда къ схизматикамъ Москвы [2], онъ предлагаетъ Москвѣ союзъ, о томъ же хлопочетъ папа, а польскій король заключаетъ вѣчный миръ съ своимъ историческимъ соперникомъ. Начинается общее движеніе христіанскихъ государствъ противъ страшнаго турка съ сѣвера, сѣверозапада и юга.

Войска цесарскія подвигались къ югу, къ Дунаю, а между тѣмъ, въ тоже время, за Дунаемъ начиналось сочувственное имперіи движеніе среди турецкихъ христіанъ — именно среди сербовъ, по почину самого Леопольда.

Мы видѣли выше, что, подпавши подъ Турцію, сербы не потеряли церковнаго объединяющаго центра—народной патріархіи въ Печи. На эту патріархію и было устремлено вниманіе вѣнской политики, задавшейся цѣлью уничтожить Турціи и—поставить себя на мѣсто нея. Орудіемъ австрійской политики явился честолюбивый радѣтель своихъ интересовъ, Юрій Бранковичь, патріархъ позднѣйшихъ искателей разныхъ княжескихъ титуловъ среди сербовъ и румыновъ.

Мы знакомы немного съ старшимъ братовъ Георгія, Саввой, православнымъ архіепископомъ въ Трансильваніи въ $^1/_2$ XVII в. Свою политическую карьеру Юрій началъ у брата Саввы.

Въ 50-хъ годахъ XVII ст. Трансильванія, васальная земля Турціи, находилась въ рукахъ Георгія Ракочи. Населеніе состояло изъ славянъ (дако-славянъ, сербовъ), румыновъ, секлеровъ и мадьяръ. Славяне и румыны, сельское населеніе, составляли православную паству, секлеры и мадьяре были кальвинис-

---

[1] *Zinkeisen* «Geschichte des Osman. Reichs», V, 116.

[2] Въ 1678 г. венец. посолъ въ Вѣнѣ, Франч. Михіеле, пишетъ синьоріи: «для христіанства и для самой имперіи было бы въ высшей степени полезно держать твердый тайный союзъ съ москвитянами; mà non lo permette l' infedeltà di quella natione, che con li riti, e religione, che professa, hà anco il diffeto, che fù imputato all' antica Grecia». «Fontes rer. austr.» 2. XXVII B. «Die Relationen etc» II, 199.

ты[1]). По возвращеніи своемъ изъ Москвы, гдѣ былъ обласканъ дворомъ, Савва въ 1656 г. получилъ отъ Ракочи подтвержденіе своихъ владычьнихъ правъ. «Савва Бранковичь, по представленіи суперинтендента всѣхъ православныхъ церквей въ Трансильваніи, за его чистоту жизни, ученость, получилъ отъ насъ увѣреніе на полученіе епископской власти надъ всѣми греками, сербами и валахами въ комитетахъ Алба, Гуньядъ, Зоринъ, Бихоръ, Заранда, Красно, Солнокъ, Добочъ, Колоша, Торда, Куколло, Мармарошъ, въ уѣздахъ: Коваръ, Бистрица, Беленгези и въ краю саксовъ и секлеровъ. И мы разсудили дать и утвердить его въ томъ епископствѣ, предоставляя ему полную власть надъ всѣмъ тѣмъ, что составляетъ его обязанности — посѣщать церкви, управлять, рѣшать брачныя дѣла, исправлять пороки служителей церкви и пользоваться всѣми доходами, какіе изстари были за его предшественниками, собирать деньги на печать церковныхъ книгъ на народномъ языкѣ, на поддержаніе школъ и на обычную дань намъ»[2]).

У этого-то Саввы, пользовавшагося расположеніемъ князя Ракочи, выросъ Юрій, по отцу Іоанновичь. Родъ свой Бранковичи вели отъ деспота Бранковича, начала XV ст., «краля и бана хорвато-сербовъ» какъ онъ себя величалъ[3]). Умеръ вскорѣ Ракочи, но и у новаго князя, Апафи, креатуры Турціи, Бранковичи пользовалися старою милостью. У Апафи началась политическая карьера Юрія. Въ 1672 г. онъ является въ должности княжескаго толмача въ Вейсенбургѣ, а въ 1673 сопровождаетъ Павла Сепеши, посланнаго въ Константинополь отъ Апафи просить о помощи возставшимъ мадьярамъ, и въ апрѣлѣ присутствуетъ при тайной аудіенціи посла и мятежниковъ: Форгача, Кенде, у великаго визиря въ саду[4]).

---

[1]) Православные, не составляя «націи» (законъ признавалъ три націи: саксонскую, мадьярскую и секлерскую), терпѣли всякія насилія отъ транс. князей. Вѣра ихъ была терпима, но не свободна. Въ то время какъ на сеймѣ въ Тордѣ (1542) три націи положили: жить каждой свободно и исповѣдывать каждому свою религію — римскую-ли, швейцарскую-ли, или аугсбургскую, «валашскіе попы» были уравнены съ крестьянами, и только на сеймѣ 1573 г. они были освобождены отъ налога на движимое имущество въ размѣрѣ 6 гульд. или пары воловъ. *Fessler* «Geschichte von Ungarn» VIII, 226, 230 Ср. *Голубинскій* 397—403.

[2]) Отъ 29 18 декабря. «Серб. лѣтоп.» 1841, 128.

[3]) Надпись на саблѣ въ Одессѣ, тамъ же 119.

[4]) *Fessler* «Geschichte v. Ungarn.» IX, 232, 239.

Но въ 1680 г. братъ-митрополитъ былъ схваченъ и казненъ[1]) и Юрій спасается въ сосѣднюю Валахію, гдѣ его пріютилъ самъ господарь, знаменитый Іоаннъ Стефанъ Щербанъ II Кантакузинъ, съ дѣятельностью котораго познакомимся сейчасъ ниже.

По почину-ли господаря, или скорѣе по своей собственной волѣ, Бранковичь открываетъ переговоры съ имп. Леопольдомъ, который послѣ разбитія турокъ подъ Вѣной и заключенія общаго христіанскаго союза, уже не боится болѣе турокъ, какъ прежде,[2]) а немного позже — мысль его останавливается лишь на берегу Эгейскаго моря: ему ужь подчиняются сербы, болгары, словомъ, турецкіе христіане[3]).

Знакомый съ дѣлами Турціи на мѣстѣ, знакомый съ ея христіанскимъ населеніемъ по личному опыту, къ тому же сербъ, ведшій свой родъ отъ кралей сербскихъ, энергическій, честолюбивый Бранковичь былъ находкой для Вѣны. Польстить его честолюбію, воспользоваться его знаніемъ мѣстныхъ отношеній и поднять сербовъ, и употребить все это въ интересѣ завлеченія поднявшихся христіанъ на сторону Австріи—вотъ тѣ задачи, которыя тотчасъ же были обозначены вѣнской политикой, когда Бранковичь обратился къ Леопольду съ своими предложеніями.

---

[1]) Въ 1694 г. Арсеній патріархъ такъ описываетъ преслѣдованіе Бранковичей (русскому послу): «naставши седмоградски калвински еретици, насилствием наступают на митрополита и на прочаго священичаскаго сабора, насилствующе их, да на унию калвинску пристати имеют; митрополиту же вазбранение твораше, кнезже седмоградски своим учителем калвинским и оружну крепост ваздѣвши и рукою оружною ва митрополию ваходещим им, вапървее васе сасуди и одежди цръковние, потом и васе имение, и не точию митрополитово, но и брата Георгія, последу же митрополита купно са братом притваралот отъ тех калвински еретиков митрополитъ и ва тамницу вазложенъ бивши, мученію венца васприети сподоби се». «Серб. лѣтоп.» 1830 IV, 64—66.

[2]) См. донесеніе венец. посла Морозини въ 1674 г. «Fontes rer. austr.» 2, XXIII, 2, 156.

[3]) Венец. посолъ доноситъ въ 1690: «Tienne in oltre occupati lesare varie posti e luochi sul Fiume Una sù le Sponde (берегъ) della Saua, principiando dalla Croatia sin' à Belgrado, che separano la Bosnia, e che facilitano l' ingresso in quella Prouincia: *della quale s' aspira auidamente d' impossessarsi, con che rieschi d' estender il Confine sin' al Mare*» (отсюда онъ страстно желаетъ завладѣть Босніей, чтобы оттуда распространить границы до моря). Тамъ же, 273. Какъ видно, грезы Андраши объ Солуни, Македоніи не со вчерашняго дня.

Предложенія Бранковича заключались, какъ видно изъ грамоты къ нему Леопольда 1683 г., въ просьбѣ о признаніи за нимъ его кралевскаго происхожденія и его правъ на нѣкоторыя задунайскія земли. «Мы слышали, что ты рожденъ изъ семьи, члены которой—одни владѣли Босніей, Далмаціей, другіе Хорваціей, Илирикомъ, и мы возвышаемъ тебя не только въ званіе барона Венгріи, но и подтверждаемъ твои наслѣдственныя права на Герцеговину, Срѣмъ н Іоаннополь» Такъ писалъ Леопольдъ въ грамотѣ отъ 7 іюля 1683 г. Мотивы возвышенія Бранковича указаны въ грамотѣ 1688 г. на графское достоинство: «желая привлечь къ трону нашему не только своихъ подданныхъ, *но и фамиліи и народы чужіе, возвратить блескъ, затменный тиранствомъ турецкимъ*»[1]).

Мы видѣли, что политическимъ средоточіемъ турецкихъ сербовъ былъ печскій патріархатъ—и вотъ, залучившись Бранковичемъ, Вѣна стала дѣйствовать на патріархатъ, чтобы поднять сербовъ.

Австрійскіе агенты, какъ сѣтью, опутали сербскія области Турціи, подымая сербовъ противъ мусульманскаго ига. Въ этомъ смыслѣ удачнѣе всего дѣйствовали австрійскіе посланники въ Константинополѣ, Симонъ Ремнигеръ и Христофоръ Кинцбергъ. Еще турки были на верху своей славы, еще далеко до осады Вѣны, Кинцбергъ, разсыпая щедрыя обѣщанія сербамъ—независимость, свободу, при помощи австрійскаго оружія, чтобы сильнѣе привязать сербовъ, изготовилъ имъ заранѣе и ихъ будущаго краля [2]). Нужно было только соединиться съ духовной главой сербовъ, получить его благословеніе. И вотъ еще въ 1681 году Кинцбергъ захватываетъ въ Адріанополѣ старика-патріарха печскаго, Максима, возвращавщагося изъ

---

[1]) Обѣ грамоты. въ сербскомъ переводѣ—«Серб. лѣтоп.» 1842. III, 119 сл.

[2]) Патр. Чарноевичь писалъ въ 1696 г. русскому царю: «возвящавают (австр. посланники) ему (Бранковичу) ћесарско повеление, да би васталъ и устьрмил свое роднаго народа словено-сьрбскаго и словено-влахійскаго и васего под иго турско стенющаго православнаго закона восточнои цьркви народа, и оружие васприетием бран творити да имеют супротив турскаго тирянства, яко да избавившимсе им от ярма поганскаго, старовременно свое свобождение и деспотско начелствие устроити да вазмогут, яко же имели прежде нападения турскаго, и тако са кесарским воинством присачетанному бившу и словено-сьрбскому воинству турскаго ярма насилствие изгнанием да истрсбити будут...». «Серб. лѣтоп.» 1830 IV, 66—67.

Іерусалима, уговариваетъ его вѣнчать на сербское царство припасеннаго Бранковича, въ качествѣ «деспота Иллріи и великаго вождя верхней и нижней Мисіи»[1]) и Юрій былъ *тайно* вѣнчанъ. (Ср. «Серб. лѣтоп.» 1842. III, 120). Честолобіе его было удовлетворено. Черезъ годъ съ небольшимъ (іюнь 1683) онъ былъ признанъ наслѣдственнымъ деспотомъ и въ званіи барона Леопольдомъ (см. выше).

Патріархъ Максимъ вскорѣ умеръ. Ему наслѣдовалъ Арсеній III Чарноевичь, путешествовавшій съ Максимомъ въ Іерусалимъ и участвовавшій при вѣнчаніи деспота. Съ нимъ и началось движеніе сербовъ, и въ началѣ безуспѣшное и опасное для самаго патріарха, пока австрійцы не перешли Дуная. Арсеній долженъ былъ спасаться изъ Печи въ Черногорію. Вотъ что говоритъ современникъ: «многа зла подьеть (Арсеній) тогда оть проклети агарень (турокъ) именна ответиемь и васего лишаемь и ва мале угонезе са главою а васего лишивсе. Ва полунощи низь стену изъ патріаршие свешенъ бисть и прибегь ва Чрную гору и у Никшиħе самотреħи, и прочи ексархи разбегошесе кои камо, едни ва светую гору забегоше, а ини инамо.» Въ Черногоріи, въ бѣгахъ, патріархъ пробылъ все время до взятія австрійцами Бѣлграда сербскаго (1688), послѣ чего онъ возвратился въ свою столицу, всю разоренную («Гласник» XXIII, 249).

Перейдя Саву, австрійцы безъ особеннаго труда завладѣли всѣмъ сербскимъ краемъ и частью западной Болгаріи—южнѣе

---

[1]) Объ этомъ дерзкомъ поступкѣ австр. правительства такъ передавалъ позже Чарноевичь, очевидецъ, русскимъ посламъ въ іюнѣ 1698 г.: «ва лето 1683 прежде мне светителствующу патріарха Максим отъ поклонившему се гробу Х. ва Іеросалимски град отнуду же вазвраштенному бившу ва константинополски и дренополски градови, тамо бивши и кесарски посланники, *от них же понуждаем* бивши древняго деспотскаго племена Георгие Бранкович свештеноподобним светим и помазателним елеем ва предедно наследователно отачаско степенно свое достоинство извествованием деспотскому сановному чину предаваем бив, якоже явставно сведетелство зримо бивает о више рекоми кесарски посланники отъ сего латин. челобитнаго списанія Леополду; тому же Максиму патрху сапособотвовавши и аз...» «Гласник» XXXIII, 164. Ср. его же просьбу Петру В. въ 1696 г.: «ми же таковаго кесарскаго вазвещавания и обещавания разумевши усьрдие приложихом, и по староврименному нашему обичаю, *аще и таиним зраком страха ради турскаю*, Г. Бранковича общимъ избраниемъ именуще народу нашему деспотом бити нарекохом». «Серб. лѣтоп.» 1830. IV, 67.

Печи до Скопья (ген. Пиколомини). Возбуждаемые своимъ старымъ историческимъ вождемъ, патріархомъ, и вновь сфабрикованнымъ, деспотомъ Юріемъ, сербы шли на встрѣчу австрійцамъ, какъ своимъ освободителямъ. Особенно дѣятельное участіе въ возбужденіи и поднятіи сербовъ принималъ патріархъ. Позже, въ 1697 г., въ своемъ невольномъ изгнаніи въ Вѣнѣ, Чарноевичь въ такихъ словахъ разсказывалъ о своемъ участіи въ дѣлѣ турецкомъ русскому посланнику Кузeмкѣ Нефимонову. «Когда цесарскія войска туроκъ въ Венграхъ побили и за Дунай и за Саву рѣку перешли, тогда то чинилось помощію и промысломъ его, святѣйщаго патріарха, и писалъ тогда цесарское величество къ нему многія грамоты съ великою обнадежностью, чтобъ онъ сербовъ и болгаръ и иныхъ народовъ, которые въ его епархіи, наговаривалъ въ подданство его цес. в—ву, а онъ имъ за то всякія вольности обѣщалъ, а наипаче обнадеживалъ въ вѣрѣ православной пребывати безъ всякаго гоненія, по законамъ церковнымъ и святыхъ отецъ. И по тѣмъ цесарскимъ грамотамъ онъ, святѣйшій, обнадежась, чая тому быти во всякомъ соблюденіи, сербовъ и болгаръ и хорватовъ въ подданство цесарю наговорилъ; и пристало тогда ихъ съ пятьдесятъ тысячъ, и въ городахъ и въ мѣстахъ, гдѣ были турки, всѣхъ выбили и высѣкли, и тѣ мѣста во власть отдали нѣмцамъ» («Пам. дип. сн.» VIII, 305).

Представляя себя главнымъ дѣятелемъ въ возбужденіи сербовъ, патріархъ говорилъ правду. Осенью 1689 года главнокомандующій австрійскою арміей въ Турціи, маркграфъ Лудвигъ Баденскій, доносилъ императору Леопольду изъ лагеря при Фетисламѣ: «генералъ Пиколомини ведетъ переговоры съ сербами, изъ коихъ одна часть приняла уже подданство вашего величества; остальные, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ этому примѣру. Въ то же время, какъ пишетъ мнѣ вышеупомянутый генералъ, онъ ждетъ на дняхъ прибытія сербскаго патріарха и нѣкоторыхъ старѣйшинъ сербскаго народа»[1]). Переговоры эти происходили въ Бризерѣ. Здѣсь было заключено условіе между Чарноевичемъ и Пиколомини, при чемъ положили, что тѣ изъ сербовъ, которые подняли оружіе противъ невѣрныхъ, будутъ раздѣлены на отряды по нѣмецкому обычаю, а остальные

---

[1]) «Die freiwillige Theilnahme der Serben und Kroaten». Wien 1854 119.

должны продолжать свои земледѣльческія работы. Онъ же, Пиколомини, обѣщаетъ, что принятую теперь подъ императорскую руку страну будетъ защищать отъ всякаго непріятельскаго нападенія[1]).

Между тѣмъ, еще въ сентябрѣ 1689 года, Лудвигъ Баденскій издалъ прокламацію къ жителямъ Босны, Албаніи, Герцеговины, въ которой призывалъ ихъ къ оружію и поголовному возстанію противъ турокъ. Конечно, нельзя было и сомнѣваться, чтобы прокламація не подѣйствовала, и тысячи «рацовъ» (австрійское офиціальное названіе сербовъ, съ мадьярскаго rácz, собственно, житель Расы) брались за оружіе и соединялись съ австрійцами—австрійское оружіе повсюду торжествовало: возстаніе сербовъ было полное, а между тѣмъ, съ другой стороны, балканскіе проходы отъ Румеліи вплоть до Герцеговины, дунайскія крѣпости отъ Видина и до Никополя, были въ полномъ распоряженіи у австрійцевъ.

Маркграфъ Баденскій издаетъ прокламаціи, а Бранковичь свои, что было не совсѣмъ пріятно Лудвигу. Онъ жалуется, что Бранковичь по всюду разсылаетъ воззванія, чтобы призвать народъ къ оружію и желаетъ ихъ привлечь къ себѣ («Гласник» XXVIII, 133). Но Бранковичь такъ поступалъ съ согласія Вѣны, и у Леопольда онъ былъ лично сейчасъ по взятіи Бѣлграда. Если вѣрить извѣстію, нѣсколько позднему, около Бранковича собрался отрядъ сербовъ въ 30 т.[2]). Допустимъ, что число это преувеличено; но вѣрно одно, что сербы охотно стекались подъ знамена Юрія и его любили; объ этомъ говоритъ самъ Лудвигъ: «не одна тысяча людей въ его войскѣ любитъ его, и онъ имѣетъ весьма многихъ приверженцевъ».

Осенью 1689 г. австрійскія войска были у Скопья—уже недалеко цѣли мечтаній Леопольда—Эгейскаго моря. Это было время ихъ военной славы, время, не повторявшееся позже. Обезпеченный съ юга, гдѣ стояли Пиколомини и сербы Бранковича,

---

[1]) ib. 72. Нѣкоторые сербскіе историки полагаютъ, что маркграфъ велъ переговоры съ Арсеніемъ тайно отъ Бранковича, т. е. что уже тогда созрѣла мысль въ Вѣнѣ отдѣлаться отъ деспота и знать одного, менѣе опаснаго патріарха (Витковичь въ «Гласнику» XXXIII, 125). Но еще только въ 1688 г. Бранковичь б. возведенъ въ графы за «преславныя дѣла своя» (см. дипломъ въ «Серб. лѣт.» 1842 III, 120). И въ 1689 Юрій былъ нуженъ.

[2]) «Brevis historia». 1709 г. «Гласн.» 135. Ср. «Серб. лѣт.» 1830 IV, 67.

маркграфъ Баденскій, рѣшилъ расположиться зимними квартирами по сю сторону Дуная—въ Валахіи, съ участіемъ которой въ текущихъ событіяхъ намъ и необходимо прежде всего познакомиться.

Послѣ умерщвленія Михаила Храбраго союзниками-австрійцами, восемнадцать господарей смѣнилось въ теченіе XVII ст., и съ каждымъ господаремъ Валахія становилась слабѣе. Въ 1678 г. Дука былъ назначенъ господаремъ въ Молдавію, а на его мѣсто былъ облеченъ въ господарскій кафтанъ вел. визиремъ въ Адріанополѣ (по слав. и рум. Одринъ) вел. логоѳетъ Валахіи—Іоаннъ Щербанъ II Кантакузинъ. 6 января 1678 г. онъ съ обычной пышностью въѣзжалъ въ Бухарештъ, при радостныхъ кликахъ бояръ и народа. Не смотря на все благоволеніе Порты, положеніе новаго господаря было трудно. Страна истощена, обезлюдена, а между тѣмъ требованія и поборы возрастали годъ отъ году со стороны турокъ, тогда переимчивыхъ учениковъ своихъ учителей—византійскихъ грековъ Фанара. Не смотря на это, онъ не отчаявался въ лучшей будущности своей Валахіи, усиливалъ войска, въ рядахъ котораго было всегда много сербовъ[1])

Какъ васалъ Турціи, Щербанъ вмѣстѣ съ господаремъ Молдавіи долженъ былъ принять личное участіе въ рядахъ турецкой арміи при осадѣ Вѣны[2]) и вмѣстѣ съ разбитыми турками бѣжалъ изъ Вѣны, хотя еще до осады онъ былъ уже въ тайныхъ переговорахъ съ Леопольдомъ. Еще до осады Вѣны, Щербанъ оказалъ немалую услугу вѣнскому двору, когда одинъ изъ австр. агентовъ въ Турціи, Владисл. Саки, только благодаря содѣйствію господаря, могъ изъ Константинополя чрезъ Молдавію, Польшу и Силезію во время достичь Вѣны и извѣстить о намѣреніяхъ турокъ, прежде чѣмъ они успѣли осадить

---

[1]) Еще у отца его, Щербана I, служили четы сербскія. Въ одной извинительной челобитной господарю стрѣльцы-сербы пишутъ: «намъ ты простилъ нашу измѣну, опять насъ принялъ, удостоилъ насъ твоего хлѣба и соли, какъ имѣли доселѣ, но подъ условіемъ, что отнынѣ мы слушаемся только твоихъ приказаній и ни во что ставимъ слова и наученія другихъ—бояръ или обывателей, и извѣщаемъ господаря о каждомъ поврежденіи его чести, какъ пристойно добрымъ слугамъ, и готовы пролить кровь за него». «Серб. лѣтоп.» 1854. III, 110.

[2]) Объ этомъ участіи см. Хронографъ Кесарія Дапонте въ изданіи Sathas: «Bibliotheca graeca medii aevi» v. III, 27, сл.

іцу. Образовавшаяся затѣмъ священная коалиція, участіеміей даже Россіи, только что побѣжденной Турціей, позвоила господарю болѣе ясно, открыто высказать себя, свои симпатіи къ дѣлу освобожденія христіанъ.

Въ знакъ признательности за услугу, Леопольдъ возвелъ валашскаго господяря въ графы свящ. римской имперіи. Графскую грамоту привезъ Щербану тотъ же Вл. Саки, а вмѣстѣ съ ней и увѣреніе отъ императора въ поддержкѣ и ненарушимости всѣхъ политическихъ и религіозныхъ вольностей для тѣхъ сербовъ и валаховъ, которые поднялись-бы за дѣло христіанства. Ища завлечь въ свою политику турецкихъ христіанъ, Вѣна не только не трогаетъ ихъ религіознаго чувства, но льститъ ему, и мы видѣли, что Вѣна, для обезпеченія своего дѣла, послала за союзомъ съ Москвой, чтобы, прикрываясь Москвой, историческимъ центромъ православія, тѣмъ успѣшнѣе скрыть свои цѣли. Чтобы болѣе приблизить Москву къ себѣ, къ своей политикѣ, Вѣна указываетъ сама валашскому господарю послать въ Россію пословъ, побудить ее съ своей стороны принять участіе въ общей войнѣ противъ враговъ христіанства. Саки предложилъ послать, для вящаго дѣйствія, самого Бранковича. Вмѣстѣ съ этимъ Щербанъ имѣлъ отправить посольство и въ Вѣну.

Но Бранковичь, уже вѣнчанный деспотъ-государь, баронъ имперскій, не поѣхалъ. Онъ подѣйствовалъ на патріарха печскаго Арсенія, чтобы отправить посла въ Москву сообща—отъ имени сербовъ и валаховъ, и «изволением воиводи Влахо-запланинскаго» (слова Чарноевича, «Серб. лѣт.» 1830, IV 69) посольство въ Москву было возложено на архимандрита Аѳонской горы Исаію, родомъ серба изъ Старой Сербіи: позже, кажется, онъ епископъ-помощникъ Арсенія патріарха въ Венгріи.

Исаіи были вручены для передачи царямъ три грамоты: отъ сверженнаго константинопольскаго патріарха Діонисія, отъ господаря валашскаго и отъ сербскаго патріарха Арсенія Чарноевича. Въ сентябрѣ 1688 года Исаія прибылъ въ Москву. Патріархъ Діонисій энергически увѣщевалъ Ивана и Петра Алексѣевичей принять участіе въ войнѣ. «Всякія государства и власти», писалъ онъ, «возстали на антихриста, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, сербы и болгаре, молдаване и валахи. Возстаните, не дремлите, придите спасти насъ» (Соловьевъ, XIV 54).

Щербанъ, съ своей стороны, объявлялъ въ грамотѣ царямъ, что всѣ православные ждутъ отъ нихъ избавленія изъ рукъ видимаго фараона. Сотворивъ со всѣмъ народомъ православнымъ, духовнымъ и мірскимъ, поклоненіе и благодареніе великимъ государямъ, господарь молилъ ихъ о помощи и милосердіи «изъ глубины сердецъ», чтобы вспомнили и познали они обиды и мученія странъ православныхъ народовъ, въ какихъ они нуждахъ, и святая восточная церковь колеблется, и чтобы для имени Божія, возвышенія и утвержденія святой церкви, свободить изволили. Въ заключеніе Щербанъ просилъ царей, чтобъ архимандриту Исаіи милостивое и вѣрное слушаніе дано было [1]). Просьба была исполнена, и в. г—ри указали «доношенія словеснаго выслушать милостиво» Василію Васильевичу и Алексѣю Васильевичу Голицынымъ съ товарищи. Въ своемъ словесномъ доношеніи Исаія объявилъ, чтобы в. г—ри изволили всѣхъ православно живущихъ христіанъ изъ подъ ига мучительскаго свободить и принять въ вѣчное под-

---

[1]) Не имѣя подлинника, мы воспроизвели содержаніе грамоты Щербана изъ отвѣтной грамоты царей на нее. «Собр. госуд. грам. и догов., IV, 591. Мы видимъ, что отъ имени *болгаръ* говоритъ Діонисій; лично они не участвуютъ въ грандіозномъ движеніи православнаго міра, начавшемся съ священной войны и окончившемся только походомъ Петра Великаго на Прутъ. Изъ только что отпечатанныхъ коректурныхъ листовъ «Исторіи болгар. народа» К. Иречка въ русск. переводѣ моего уважаемаго сотоварища пр. Ф. К. Бруна (мои страницы были уже набраны) я провѣдалъ о могучемъ движеніи болгарскаго народа за ¹/₄ вѣка до разсматриваемой эпохи, подъ руководствомъ «величайшаго болгарина XVII столѣтія» (стр. 610), *Парчевича*. Но, какъ указываетъ *ичь*, онъ былъ сербо-хорватъ и при томъ католическій епископъ in partibus, съ каѳедрой въ Молдавіи. У Макушева («Слав. сборн.» III, 25) онъ названъ *Верчевичъ*. Его цѣль была соединить Польшу, имперію и Венецію противъ турокъ, и онъ шатается по дворамъ, но безъ всякаго успѣха. Если священная война, какъ увидимъ, освобожденіемъ турецкихъ христіанъ маскировала свои тайныя цѣли католическаго прозелитизма, то безъ особенной прозорливости можно угадывать, какія стремленія преслѣдовалъ папскій епископъ, псевдо-болгаринъ, потомокъ дубровницкихъ торговцевъ-колонистовъ изъ Кипровца въ Турціи: ad majorem... Парчевичъ не первый и не послѣдній въ серіи *даровыхъ* агентовъ западной Европы, всегда такъ безкорыстно пекшейся объ освобожденіи славянъ въ Турціи. Такіе же адвокаты либерализма зап. Европы, Австріи, по отношенію къ славянамъ, завелись въ послѣднее время и въ нашей литературѣ: впрочемъ, и за то спасибо; подобное направленіе поддерживаетъ духъ изслѣдованія и отстраняетъ доселѣшній индеферентизмъ.

данство подъ высокодержавную руку и послать войска на Буджаки, а иныя судами рѣкою Дунаемъ. Господарь же валашскій со всѣми своими ратями прійдетъ въ помощь къ ратямъ ц. в—ва; для задержанія Крыма — часть войскъ оставить въ Запорожьѣ; что же до бѣлогородской орды, то она противъ царскихъ войскъ не устоитъ. Въ тѣхъ странахъ водъ много, да и въ запасахъ скудости не будетъ. Какъ только государскія рати станутъ приближаться къ Бѣлогородчинѣ, а онъ, воевода, пойдетъ къ нимъ на встрѣчу, тогда всѣ сербы, болгаре и молдаване пристанутъ къ нимъ же, и будетъ путь ихъ до Царяграда безъ помѣшки, потому что за Бѣлогородчиною все живутъ христіане, да и крѣпостей до самаго Царяграда нѣтъ. Христіане ждутъ прихода царскихъ ратей съ радостью, и соберется сербовъ и болгаръ въ 300.000, все тамошнее христіанство встанетъ; а нѣмцамъ тѣ народы вовсе на рады и помогать имъ не будутъ, развѣ по великой неволѣ. Теперь воевода въ городѣ своемъ Бухарештѣ, и войско его все въ сборѣ, а никому не помогаетъ, ни турку, ни цесарю; остерегаетъ свое владѣніе отъ турокъ, татаръ и нѣмцевъ, и хотя къ нему отъ цесаря и многія присылки были съ прошеніемъ, чтобы всталъ на турка, и воевода цесарю въ подданствѣ не отказалъ, однако еще не обѣщался поддаться, сказалъ, что когда цесарь совершенно турка повоюетъ, тогда и онъ его будетъ. Воевода цесарю манитъ по причинѣ вѣры, чтобы не быть подъ иновѣрцемъ, а быть подъ державою православныхъ царей. Турки и татаре земли его не разоряютъ, потому что онъ противъ нихъ не встаетъ и даетъ имъ по силѣ запасы, да и цесарскимъ войскамъ также запасы даетъ, чтобы не наступали (Соловьевъ, XIV 54).

Таково было словесное доношеніе Исаіи, сдѣланное отъ имени Щербана.

Кромѣ грамоты Щербана, Исаія вручилъ царямъ отъ «всея сербскія земли духовныхъ и мірскихъ покорное подданственное къ в. г—рямъ челобитье» патріарха сербскаго Арсенія Чарноевича. Въ своей грамотѣ патріархъ выражалъ одно желаніе съ господаремъ — не оставить православныхъ и избавить ихъ отъ мучительскаго ига. Исаія объявилъ, кромѣ того, великимъ государямъ, что онъ посланъ въ Москву отъ всѣхъ грековъ и сербовъ умолять ихъ воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на турокъ, ибо въ против-

номъ случаѣ православные будутъ отданы изъ бусурманской неволи въ худшую. Церковь православную ненавидятъ папежники; которые города въ Венгріи и Мореѣ цесарскія и венеціанскія войска побрали у турокъ, повсюду въ нихъ папежники начали обращать православныя церкви къ уніи, другія превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ, достанутъ подъ свою власть православно-христіанскія земли, если возьмутъ самый Царьградъ, то православные христіане въ большую погибель прійдутъ, и вѣра православная искоренится. Всѣ православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостію, да и турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся в. г—рямъ, чѣмъ нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и другихъ православныхъ народовъ (ib. 55).

Черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ архимандрита Исаіи въ Москву—28-го декабря 1688 года была изготовлена отвѣтная «обнадеживательная» грамота Ивана и Петра Алексѣевичей валашскому воеводѣ Іоанну Щербану Кантакузину. «Мы великіе государи», писали цари Щербану, «тебя воеводу и владѣтеля земли мултянскія и все православное, живущее въ вашихъ странахъ христіанство, за ваше къ намъ такое желаніе, что вы нашей милости ищите и хотите быти ради единыя православныя христіанскія вѣры подъ нашею самодержавною великою рукою своими землями въ подданствѣ, жалуемъ милостиво, похваляемъ и имѣемъ о васъ и о всѣхъ православныхъ христіанъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное, дабы Господь Богъ милосердый отъ такихъ васъ бѣдъ и печалей изволилъ милостиво свободити. И указали мы для имени божія, милосердуя о васъ и о всемъ народѣ, православно живущемъ подъ игомъ поганскимъ, и ради цѣлости всего христіанства, а паче слыша о разореніи вашемъ во утѣсненіи сущихъ, имѣя наше государское о свобожденіи вашемъ неотмѣнное намѣреніе, послать нашихъ ближнихъ бояръ и воеводъ со многочисленными нашими ратьми конными и пѣшими на самый Крымскій юртъ, дабы при помощи Божіей то ихъ бусурманское гнѣздо прежде искоренить; понеже оныя поганцы изъ тѣхъ своихъ юртовъ выходя многія христіанскимъ державамъ, а паче и самимъ нашимъ землямъ разоренія и пакости дѣютъ. А о томъ вамъ и самимъ вѣдомо подлинно, что у турецкой Порты въ воинскихъ поведеніяхъ лучшая надежда и оборона Крымскій

ханъ и бѣлогородская орда, и пойдутъ наши ближніе бояре и воеводы съ нашими государскими ратьми въ тотъ вышепомянутый путь самымъ раннимъ вешнимъ временемъ, дабы придти въ жилища поганскія въ половинѣ апрѣля. И тебѣ бъ мултянскія земли владѣтелю и воеводѣ и всѣмъ въ вашихъ странахъ православно живущимъ христіанамъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, вѣдая наше о вашемъ изъ подъ ига поганскаго свобожденіи попеченіе и намѣреніе и показанную къ вамъ нашу милость, также и слыша про многія наши войска, которыя напредь сего посланы и нынѣ для разоренія и военнаго промысла надъ непріятели посланы будутъ, на нашу государскую милость быть надежнымъ и къ намъ намѣреніе свое содержать непреложно. А къ инымъ иностраннымъ государствамъ не приставать и не поддаватись и писемъ укрѣпительныхъ подданственныхъ не давать и присяги и обѣщанія на подданство не чинить; а собрався бы тебѣ воеводѣ какъ съ своими, такъ и съ иными христіанскими войски идти, или тѣ войска свои слать въ сходъ къ нашимъ боярамъ и воеводамъ, которые нынѣшнею весною посланы будутъ на крымскіе юрты, тѣми мѣсты, которыя вашему походу будутъ пристойны въ слученіе, а именно къ турецкимъ городкамъ, на Днѣпрѣ стоящимъ, Казыкерменю, чтобъ при помощи божіи тѣхъ гордыхъ поганъ смирить, а васъ всѣхъ православноживущихъ христіанъ отъ ига ихъ свободити. А какъ по милости божіи наши рати тѣхъ непріятелей всего христіанства юрты разорятъ, и тогда мы в. г—ри укажемъ нашимъ ратямъ съ тобою, или съ присланными твоими войски идти и на бѣлогородскую орду и на иныя тамо ихъ поганскія жилища, и васъ со всѣми вашими городами и землями подъ наше самодержавіе принять изволимъ, и нашими государскими войски отъ непріятелей святаго креста господня оборонять и держать начнемъ въ нашемъ милостивомъ жалованьи и призрѣніи. А о томъ бы тебѣ воеводѣ и владѣтелю и всѣмъ православноживущимъ христіанамъ радѣніе свое и попеченіе неотмѣнно приложить, чтобъ тебѣ къ нашимъ боярамъ и воеводамъ въ сходъ придти или кого съ тѣми своими войски послать, которыми мѣсты пристойно, но не омедля и отъ непріятелей безопасно; также и на совершенную на то надежду положить безъ всякаго сумнѣнія, что мы в. г—ри ради единыя православныя христіанскія вѣры отъ васъ не отступимъ, а станемъ держать помощію божіею и боронить отъ непріятелей

будемъ, и милость наша государская и оборона отъемлема никогда не будетъ. А которыми способными мѣсты тебѣ воеводѣ съ войски къ нашимъ войскамъ въ слученіе идти, или кого послати, и о томъ и о иныхъ своихъ намѣреніяхъ и о желаніяхъ къ намъ в. г—мъ писать не омедля съ нашимъ посланнымъ, который того для съ вышепомянутымъ архимандритомъ къ тебѣ посланъ, чтобъ намъ было о всемъ извѣстно вскорѣ. А вышеупомянутаго архимандрита, пожаловавъ нашимъ милостивымъ жалованьемъ, повелѣли къ вамъ отпустить и присланные твои съ нимъ златоглавы и часы мы изволили принять милостиво» («Собр. гос. грам. и догов.» IV, 591).

Въ сентябрѣ 1688 г. Исаія прибылъ въ Москву, и уже въ томъ же мѣсяцѣ правительство объявило о походѣ въ Крымъ. Въ объявленіи, изданномъ по этому случаю, было между прочимъ сказано, видимо подъ вліяніемъ привезенныхъ Исаіей грамотъ: «въ настоящее время турское государство отъ Господа Бога приняло великое наказаніе, и приходитъ бусурманское владѣтельство къ самой конечной гибели, и будучи они бусурманы въ отчаяньи своемъ, въ греческой, ромельской и морейской и сербской и болгарской земляхъ православныхъ христіанъ, мужеска и женска пола, и невинныхъ младенцевъ, послѣ многихъ и различныхъ мукъ и поругався скврернымъ поруганіемъ, мечу и огню предали больше тысячъ, и прочихъ христіанъ младыхъ и женска пола неисчетное множество въ неволю свою бусурманскую побравъ, свезли за море въ Анатолію и за море въ Азію и Египетъ» (ib. 588, 589).

Отвѣтная, милостивая и обнадеживательная грамота в. г—рей о свобожденіи всѣхъ православныхъ изъ-подъ ига поганскаго валашскому воеводѣ была вручена архимандриту Исаіи, и хотя въ грамотѣ было сказано, что посылается нарочный посыльщикъ царскій вмѣстѣ съ архимандритомъ, но «съ Москвы съ тѣмъ архимандритомъ никто не посланъ» (ib. 588, ср. 594).

Но былъ ли отвѣтъ отдѣльно сербскому патріарху—не знаю. Изъ словъ патріарха въ 1696 г. посланнику Нефимонову видно, что были посланы съ Исаіей грамоты; но изъ другой бесѣды его съ Нефимоновымъ какъ будто должно заключать, что ему отвѣта не было, не смотря на его просьбу[1])

---

[1]) Въ статейномъ спискѣ подъ 10 мая 1696 г. «былъ у посланника не

Въ началѣ 1689 Исаія оставилъ Москву и съ обнадежительной грамотой отправился назадъ въ Валахію, къ господарю, въ рукахъ котораго былъ узелъ сношеній турецкихъ христіанъ съ Москвой. Путь его лежалъ чрезъ Трансильванію, которая была въ рукахъ цесарцевъ. Но лишь онъ достигъ Брашова (Кронштадтъ, на границѣ съ Валахіей въ Трансильваніи), какъ былъ схваченъ австрійскими властями.

Цѣли вѣнской политики стали выясняться. Она пошалила съ славянами, дала сербамъ на прокъ деспота, подняла патріарха, славянское населеніе Турціи, кокетничала съ Валахіей, первая предложила Москвѣ занять почетное мѣсто въ разрѣшеніи славянскаго вопроса, сама благословила путь Щербана къ Москвѣ, и когда все было въ ходу, она сказала: стой! Всѣ лица, доселѣ лелѣянныя, сдѣлались подозрительными, опасными, отъ нихъ надо во чтобы ни стало раздѣлаться, пока еще можно, пока не выяснилось наслѣдственное достояніе вѣнской политики—предательство.

Когда Исаія отъѣхалъ въ Москву, злохульные завистники —говоритъ позже патріархъ Арсеній — изобрѣли клевету, что будто деспотъ сербскій и воевода валашскій себѣ на помощь призываютъ силу московскую и своего посла держатъ тамъ и, соединившись съ Москвой, поляками и турками, намѣрены пойти противъ римскаго кесаря; и вотъ когда Исаія весной 1689 пріѣхалъ въ Брашовъ, присланный изъ Валахіи (здѣсь зимовалъ Лудвигъ Баденскій) полковникъ Саки «зверохищним насилствием» нападаетъ на архимандрита, беретъ подъ арестъ и отбираетъ какъ его вещи, такъ и царскія «грамотна писанія». Изъ Брашова несчастный посолъ былъ переведенъ сейчасъ же въ болѣе безопасное масто — въ Сибинь (Германштадтъ), гдѣ просидѣлъ до осени того же года. А между тѣмъ вступиться за Исаію было не кому.

Мы видѣли выше, что Щербанъ, по предложенію Саки, долженъ былъ отправить посланника въ Вѣну къ императору; но это посольство отложено было до очищенія

по одно время сербскій начальный владыка Арсеній, припоминая и листы свои писанные къ Москвѣ въ 195 съ архимандритомъ Исаіемъ, ото всея сербскіе земли духовныхъ и мірскихъ, съ покорнымъ подданственнымъ челобитьемъ, *и къ себѣ о присылкѣ грамотъ о томъ же дѣлѣ.* И то все въ посольскомъ приказѣ найдется». «Пам. дипл. снош.» VIII, 113.

Седмиградіи отъ непріятельскихъ войскъ. Зимой съ 1687 на 1688 годъ вся Седмиградія была уже въ рукахъ цесарцевъ, и Юрій Бранковичь, въ качествѣ полномочнаго посла господаря валашскаго, поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и началъ переговоры съ императорскимъ кабинетомъ. Между тѣмъ въ самой Валахіи было уже все готово, чтобы зимой 1688 года начать наступательныя дѣйствія противъ турокъ, хотя было много людей изъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ, которые не сочувствовали дѣлу Щербана. Вмѣсто прежняго валашскаго войска, дарабантовъ и сейменовъ, Щербанъ завелъ полкъ тампашей и два полка казаковъ. Множество сербовъ и болгаръ было принято господаремъ въ военную службу, такъ что онъ смѣло могъ располагать силами отъ 35 до 40 тысячъ человѣкъ. Всѣ эти войска были скрыты частію въ горахъ и лѣсахъ Валахіи, частію въ сосѣднихъ турецкихъ областяхъ Болгаріи. Правда, Порта получала кое-какія извѣстія о всѣхъ этихъ военныхъ приготовленіяхъ валашскаго господаря; но Щербанъ, благодаря деньгамъ и покупкамъ при турецкомъ дворѣ, умѣлъ дѣйствовать такъ искусно, что когда 29-го октября 1687 г. султанъ Магометъ лишился престола, и его мѣсто занялъ Солиманъ, то Щербанъ немедленно получилъ отъ новаго султана кафтанъ, какъ знакъ подтвержденія въ господарскомъ достоинствѣ (Engel «Gesch. d. Walachei» I, 327, 328).

Юрій Бранковичь велъ еще переговоры съ императорскимъ кабинетомъ, когда 2-го октября 1688 года на подмогу ему было снаряжено новое посольство въ Вѣну. Его составляли знатнѣйшіе бояре валашскіе: братъ господаря, великій спаѳарій Іордаки Кантакузинъ, зять его, великій ага Константинъ Балачанулъ, великій капитанулъ Щербанъ Кантакузинъ и великій комисъ Щербанъ. Это посольство должно было объявить вѣнскому кабинету, что въ случаѣ продолженія успѣшныхъ дѣйствій императорскаго войска противъ турокъ, Валахія остается подъ владычествомъ Австріи.

Завладѣвъ Валахіей, Австрія расчитывала и на Молдавію. Чрезвычайный посолъ московскій въ Венеціи, іеромонахъ Іоанникій Лихудъ, пишетъ о вѣнскихъ новостяхъ весной 1689 г.: «въ Вѣнѣ вся прилѣжно чрезъ Григорія Степановича греченина о сотвореніи мира съ турками и о войнѣ нынѣшняго лѣта межь турками и цесаря вашему в—ву объявилъ и о дѣлахъ, которые тайно мнѣ объявлены отъ мужа онаго, *какъ цесарь по-*

мышляетъ о волоской и о мултянской земляхъ, се есть, послѣ тѣхъ государствъ отъ турковъ отнятіе послѣдуетъ». А эти земли, по мнѣнію Лихуда, надлежитъ взять Москвѣ: «державнѣйшему царству придать, токмо буде и вашему в—ву то благопріятно будетъ» («Пам. дип. сн.» X, 1368).

Что желаніе Щербана поддаться Австріи было вынужденное, что вынуждено было и посольство въ Вѣну, такъ какъ Щербанъ все думалъ о союзѣ съ Москвой, видно изъ тѣхъ переговоровъ, которые завязались въ Вѣнѣ между Лихудомъ и валашскимъ посольствомъ. «Говорилъ я—пишетъ іеромонахъ-посолъ—съ братомъ умершаго господаря мултянскаго Шарбана Кантакузина, потому что онъ пріѣхалъ въ Вѣну посланникомъ, который межь прочихъ рѣчей сказалъ мнѣ подлинно, что тотъ будетъ мултянскій и волоскій господарь, который перво будетъ бѣлогородцкій (Бѣлгородъ-Аккерманъ); того ради слезами и стенаніемъ и аки предъ престоломъ божіимъ молился и просилъ вашу силу и вашихъ войскъ, отъ которыхъ новое грековъ спасеніе и новое избавленіе чается и надежду всю постановити паки греческое царство. Къ тому прибавили многотекущіе слезы многіе и серпскую землю, и силу войскъ и руки вашея обжидаютъ крѣпко, свои вольности избавителей вашего в—ва надѣются» (ib. 1367). Но въ самомъ началѣ переговоровъ, вдругъ разнеслась вѣсть по Валахіи, что господарь Щербанъ внезапно умеръ. Это было 19-го октября 1688 года. Щербанъ былъ отправленъ близкими родственниками — братомъ Константиномъ Кантакузинымъ и племянникомъ Константиномъ Бранкованомъ, который сдѣлался господаремъ[1]).

Какая причина и цѣль могла быть семейнаго заговора противъ Щербана? Его устраиваютъ братъ родной и племянникъ. Обративъ вниманіе на *противуавстрійскій* характеръ послѣдующей политики новаго господаря, Бранкована, на его исканія турецкой милости, съ вѣроятностью можно полагать, что въ уступчивости Щербана, по крайней мѣрѣ, видимой, по отношенію къ намѣреніямъ Австріи, крылась причина заговора;

---

[1]) «Когда султанъ прибылъ въ Адріанополь, пришла вѣсть, что господарь Валахіи Щербанъ воевода Кантакузинъ отдалъ общій долгъ, и по выбору бояръ былъ назначенъ господаремъ Кантакузинъ воевода Басараба; бояре прислали грамоту и подарки, какъ знакъ зависимости отъ имперіи». Дапонте, *Sathas* III, 41.

а цѣль его—оставить связи съ Вѣной. Хочется думать, что заговорщики были не совсѣмъ не правы, въ своихъ послѣднихъ стремленіяхъ. Что было бы съ Балканскимъ полуостровомъ, съ Россіей, если бы Австрія еще съ XVII ст. угнѣздилась на нижнемъ Дунаѣ...

Выжидательная политика новаго господаря прежде всего высказалась въ отвѣтѣ, который онъ далъ на обнадеживательную грамоту Іоанна и Петра Алексѣевичей 1688 г. Вѣроятно, послѣ того какъ въ Москвѣ узнали объ арестованіи архимандрита Исаіи и отобраніи царскихъ грамотъ у послѣдняго генераломъ Гейслеромъ, въ Бухарештъ былъ посланъ съ копіями царскихъ грамотъ, врученныхъ Исаіи, Грекъ Ѳоминъ. Этому-то новому московскому посланнику Бранкованъ отвѣчалъ, что у великихъ государей въ подданствѣ быть всеусердно радъ, только теперь писать объ этомъ государямъ отъ *великаго страха* не станетъ; притомъ же надобно будетъ объ этомъ объявить многимъ людямъ, дѣло разгласится, *нѣмцы и всѣхъ ихъ до конца разорятъ*. Пусть великіе государи напишутъ, на какихъ статьяхъ быть ему у нихъ въ подданствѣ; тогда онъ на подданство листъ напишетъ, и всѣ руки приложатъ; а когда послышитъ, что царскія войска придутъ Крымъ добывать, тогда и онъ съ войсками своими пойдетъ въ сходъ къ царскимъ воеводамъ (Солов. XIV, 57). Поставленный между двухъ огней — турками и австрійцами, обуреваемый «велимъ страхомъ», что «нѣмцы всѣхъ ихъ до конца разорятъ», Бранкованъ только и могъ употреблять въ дѣло политику выжиданія.

Онъ выжидалъ движенія русскихъ на Крымъ и даже на Дунай. Съ откровенностью онъ объяснялъ свою политику Іоанникію Лихуду въ Вѣнѣ. «Пришли ко мнѣ—пишитъ Лихудъ—послѣдніе грамотки изъ мултянской земли, одна отъ господаря Константина Бранкована, который недавно выбранъ, а другая отъ Константина Контакузина, умершаго господаря брата, которые просятъ у мене, дабы я объявилъ в. в—ву слезы грековъ и турское такъ долго пространное мучительство, и всѣ готови суть в. в—ва съ войсками совокупитися послѣ побѣды надъ Крымомъ, се есть, разореніе препоны Константинопольскіи. И когда войска ваша найдутъ къ воложской землѣ, и наипаче сіе воспоминать еже отъ Бога Моисею глаголано, достойно в. в—ву: видя видѣхъ озлобленіе народа моего иже во Египтѣ, и стенаніе ихъ услышахъ и низходихъ избавити

ихъ». Въ подтвержденіе этихъ словъ господаря Лихудъ указываетъ, что «всѣхъ народовъ желаніе есть такъ тѣмъ, которые въ Вѣнѣ живутъ, якоже и тѣ, что въ Венецыи, яко без всякого усумнѣванія о отоманскомъ мучительствѣ, весьма побѣдоносцемъ быти и въ Царѣградѣ царствовати, кромѣ московскихъ самодержцевъ нѣкому; и нѣмцы и венецыяне, а наипаче бѣдные греки, волохи и мултяне побѣду по вся дни надъ Крымомъ отъ войскъ в. в—ва прилежно ожидаютъ» («Пам. дип. сн.» X 1369). Ожиданіе взятія Крыма, предверья къ Царьграду, имѣло свои основанія. Москва въ 1689 г. извѣщаетъ Венецію, что полки ходили подъ турскій на морѣ стоящій городъ Очаковъ, окт. 13 ударили наступательнымъ боемъ на самые земляные валы и посады и съ татары и янычары бой великій имѣли и славно побѣдили, загнавъ въ самую крѣпость бѣгствомъ, а назадъ повернувся, татаръ буджацкихъ съ калгою надъ рѣкою Березиною разбили (ib. 1351).

Австрійцы хозяйничали въ Валахіи—Бранкованъ былъ межъ двухъ огней. Вступаться ему за Исаію было напрасно.

Злая участь архимандрита постигла и того, кто былъ душею сербскаго возстанія и преданнѣйшимъ слугою Вѣны, кто съ своей стороны способствовалъ отправкѣ Исаіи въ Москву. Впервые послѣ этого они, посланникъ и деспотъ, встрѣтились въ германштадской тюрьмѣ.

Бранковичь только что былъ возведенъ Леопольдомъ въ графы имперіи—28 сент. 1688: «мы довольно видѣли и испытали твой умъ, рвеніе, храбрость и считали справедливымъ, чтобы не только преславныя дѣла твои остались въ вѣчной памяти, но и ты самъ да будешь возвышенъ на высшую степень почестей; почему собственной нашей волею, по нашему знанію, украсили мы тебя съ твоимъ потомствомъ титуломъ комита, по-нѣмецки Graf.» («Серб. лѣт.» 1842 III, 120—121). Такъ говорилъ императоръ. Но инымъ языкомъ заговорилъ немного позже главнокомандующій дѣйствующей арміей за Дунаемъ.

На мѣстѣ дѣйствія иначе глядѣли на сербскаго деспота, съ его солдатами. Преслѣдуя въ существѣ дѣла двѣ цѣли: покореніе Турціи и соединеніе схизматиковъ съ Римомъ (Zinkeisen V, 147), имперія, подымая сербовъ, видѣла лишь въ нихъ свое орудіе и никогда не допускала мысли объ освобожденіи ихъ. А между тѣмъ поднявшіеся сербы смотрѣли на деспота, какъ на главу будущаго государства, и онъ пользовался силою,

значеніемъ. «Извѣстный Бранковичъ», писалъ Лудвигъ Баденскій въ 1689 г. императору, Леопольду «разсылаетъ здѣсь вдоль и поперекъ множество грамотъ, которыми онъ старается поднять весь народъ къ оружію и привлечь его къ себѣ, выдаетъ себя за природнаго наслѣднаго деспота Сербіи, Босны, Мизіи, Болгаріи и всѣхъ земель отъ Осѣка до Константинополя и желаетъ ими властвовать и управлять. Генералъ Гейслеръ уже неоднократно обращалъ мое вниманіе на такое поведеніе Бранковича. Не менѣе онъ подозрителенъ и по своей, слишкомъ дружественной перепискѣ съ господаремъ валашскимъ». Мы видѣли, что о тѣхъ же опасеніяхъ говорилъ и патр. Чарноевичъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе маркграфа Леопольдъ подаетъ слѣдующій совѣтъ: «потрудитесь приличнымъ образомъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ призвать его къ себѣ, оказывайте ему уваженіе, но, если нужно, арестуйте». Отеческій совѣтъ немедленно былъ приведенъ въ исполненіе. Въ концѣ 1689 г. Лудвигъ Баденскій доносилъ императору: «того Юрія Бранковича, о которомъ я уже часто писалъ в. в—ву, наконецъ я приманилъ къ себѣ добрыми словами. Но такъ какъ я нашелъ, что онъ не только злоупотребляетъ полученнымъ отъ в. в—ва дипломомъ, но при помощи его желаетъ сдѣлаться независимымъ деспотомъ Сербіи, Иллиріи, Мизіи, Босны, Срема; такъ какъ онъ имѣетъ притязаніе въ качествѣ законнаго наслѣдника на возстановленіе всѣхъ этихъ земель, и наконецъ такъ какъ онъ имѣетъ сильныхъ сторонниковъ въ сербскомъ патріархѣ и духовенствѣ, которое много значитъ у простаго народа, и во многихъ другихъ, которые уже признаютъ его своимъ законнымъ государемъ, что̀ при дальнѣйшемъ упущеніи могло бы повести за собой опасныя послѣдствія—то я вынужденъ былъ арестовать этого Бранковича и послать въ Оршову; дипломъ же, которымъ онъ желалъ пользоваться до высочайшаго рѣшенія вашего величества, я оставилъ на сохраненіе въ канцеляріи» («Theilnahme» 99, 100, 120).

Такимъ безсовѣстнымъ образомъ австрійское правительство отдѣлалось отъ возвышеннаго имъ самимъ человѣка, который имѣлъ неосторожность вѣрить его обѣщаніямъ.

Бранковичъ былъ арестованъ въ Кладовѣ (кн. Сербія) въ 1689 г., «ни ва чемъ вину ему не указующим ни вапрашающим», по словамъ Чарноевича. Изъ Кладова его отвезли въ «градъ, именуеми велики Сибинь-Херманщат, идеже Исаия ар-

химандритъ ва приключително заточение содерживаем бивашe». Здѣсь, въ германштадтской тюрьмѣ оба заключенные просидѣли всю зиму. Весной 1690 г. ихъ обоихъ отправили въ Вѣну, а предварительно (передаю словами Чарноевича) пришли къ нимъ и «яко деспоту, тако и архимандриту самьртоносними прещением и насилствием истезание сатворив о принесшим писание листи грамотние от ц. вел—вня и о више рекомому ластивно оклеветателному самишленію», т. е. отняли царскія грамоты, что получилъ Исаія, и «по многому истезанию единаго по другому» увезли въ Вѣну, гдѣ «нияковаго суда ни осуждения им небивающаго, ва приключение притворени бивають брошены въ тюрьму» (челобитная Петру—«Серб. лѣтоп.» 1830. IV, 72).

Исаія томился въ заключеніи, ждалъ, что Россія вступится за него; но изъ Москвы не было никакихъ вѣстей. Наконецъ, потерявъ всякую надежду на освобожденіе, Исаія, 1-го марта 1691 года, рѣшился отправить письмо въ Москву къ профессору славяно-греко-латинской академіи—Іоанникію Лихуду и напомнить въ Москвѣ о себѣ. Съ Лихудомъ онъ познакомился въ Вѣнѣ, когда тотъ проѣздомъ изъ Венеціи, куда ѣздилъ по своимъ и государевымъ дѣламъ изъ Москвы, пробылъ здѣсь нѣсколько времени, въ концѣ 1690 и началѣ 1691 годовъ[1]). Заключенный архимандритъ, жалуясь на свое плачевное положеніе, писалъ къ Іоанникію, что пока тотъ былъ въ Вѣнѣ, еще была надежда на освобожденіе, а нынѣ хотя и труждается о немъ и Стиля[2]), и другіе, однако же не могутъ ничѣмъ посо-

---

[1]) І. Лихудъ былъ отпущенъ изъ Москвы въ февралѣ 1688 въ Венецію для устройства судьбы своихъ двухъ сыновей и дочери, воспитавшихся тамъ у родственника. «Пам. дип. сн.» X, 1314. Въ концѣ 1689 Іоанникій былъ еще въ Венеціи: въ декабрѣ было указано ему быть посломъ отъ государя «у князя Морозинія и у сенату винипейскаго» ib 1339. Въ эту поѣздку онъ и познакомился съ Исаіей. Изъ Вѣны онъ выѣхалъ въ Венецію 10 апрѣля 1689 г. ib. 1366. Въ Москву возвратился въ 1691 году.

[2]) Адамъ Стиля Швейковскій былъ цесарскимъ переводчикомъ въ Вѣнѣ, и былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ Москвѣ назывались «желательными», которые тайно сообщали въ Москву о всѣхъ, имѣвшихъ какое-либо значеніе, случаяхъ, новостяхъ, слухахъ. Такъ 1-го января 1692 г. Стиля пишетъ Іоанникію Лихуду: «Какъ учинился слухъ въ Вѣнѣ, что Пресвятая Троица благословила благословенный домъ пресвѣтлѣйшаго в. г—ря царя Петра Алексѣевича, рожденіемъ в. г—ря цесаревича Александра Петровича, многіе православныя вѣры греческаго закона, которые случилися

бить — «потому что опричь прежніе бѣды и новая нынѣче явилась, се есть, проклятые езуиты, которые согнаны съ Москвы (въ октябрѣ 1690 г. по просьбѣ патріарха Іоакима, «Полн. собр.» № 1358), суды пріѣхали, и они везде ходятъ и оглашаютъ зѣло худо; и были у цесаря и сказали на меня, что я пріѣхалъ къ Москвѣ съ грамотами отъ Щербана воеводы и отъ патріарховъ, чтобъ встали они греки, болгары, сербы и волохи, чтобъ они взяли Царьгородъ, и потомъ войну вести и на цесаря; и на письмѣ о томъ дали цесарю, что подлинно такъ учинилось въ прибытіи ихъ, какъ они на Москвѣ были, пріѣхалъ я съ тѣмъ дѣломъ, и иныя бѣды многіе сказывали цесарю и всѣмъ ближнимъ людемъ. И такъ они многіе ссоры учинятъ между обоихъ государствъ ложно, и боюсь, чтобы не погубили меня вовсе езуиты. И ты пожалуй извѣсти тамъ на Москвѣ, гдѣ доведется, в. г—рямъ и патріарху о томъ, чтобъ они, в. г—ри, изволили писать о мнѣ къ цесарю; а буде вскорѣ писанія не будетъ, то я, конечно, безъ головы буду. А нынѣ отселѣ идетъ посланный, тамъ и мочно ему и грамоты патріаршескія и Щербановы показати, что противнаго въ нихъ ничего не написано. Ближніе люди говорятъ, что пусть какъ москали безчестили на Москвѣ нашихъ езуитовъ, а мы здѣсь сдѣлаемъ таkожде ему, Исаіѣ, и поморимъ его, и пожалуй, какъ скорѣе, потщися обо мнѣ».

Іезуиты вымещали свою злобу на злочастномъ архимандритѣ, но были и въ Вѣнѣ люди, которые, стоя выше мелкихъ страстей, выказывали живое участіе къ жалкому положенію Исаіи. Вмѣстѣ съ письмомъ отъ 1-го марта І. Лихудъ получилъ отъ Исаіи другое, въ которомъ тотъ писалъ: «по отъѣздѣ твоемъ пришелъ ко мнѣ первосвященникъ цесарскій и спрашивалъ, для чего меня держатъ толикое время въ заключеніи, и я сказалъ ему подлинно, какъ взяли у меня грамоты государскія и роспечатали, и бесчестили, и грабили меня, и заключили; и онъ сказалъ: какъ бы москали взяли грамоты цесарскія и роспечатали, и какова бъ человѣка ограбили и бесчестили, и отъ того

тогда въ Вѣнѣ, греки, волохи, мултяны, сербы и иные, а наипаче послы бояре мултянскіе, и самъ онъ Адамъ Стиля великіе радости и благодареніе Богу о томъ воздали» (Пам. дип. сн., VII, 951). Москва щедро платила этимъ желательнымъ людямъ, за что они обязывались во всякихъ случаяхъ вѣрно и нелестно служить, вѣрно и истинно извѣщать и писать.

бъ великая ссора учинилась межъ государствъ. А нынѣ идетъ цесарскій посланный къ Москвѣ, мочно ему и гораздо о томъ дѣлѣ пѣнять и не припустити скоро къ рукѣ для такова бесчестія, потому что роспечатаніе грамотъ монаршескихъ и бесчестіе посыльщиковъ у всѣхъ монарховъ вельми остерегается. А нынѣ то дѣло, что они дѣлали, разгласилось по всей Европѣ, и езувиты воры многія лжи вымышляютъ къ тому и разсѣваютъ здѣсь плевелы» («Пам. дип. сн.» VII, 718).

Исаія уже досиживалъ два года въ австрійской тюрьмѣ, а между тѣмъ изъ Москвы ничего не было слышно, и онъ послалъ третіе письмо въ Москву къ Лихуду, чтобы снова напомнить о себѣ. Ближній кардиналъ цесаревъ—писалъ заключенный — поѣхалъ въ Римъ, для смерти папиной (Александра VIII), и нынѣ никакого прибѣжища у него, Исаіи, нѣтъ, и потому онъ просилъ Лихуда, чтобъ радѣли въ Москвѣ объ избавленіи его. «Езувиты смѣются и говорятъ, что нѣтъ у москалей разума и не смѣютъ они для меня ничего дѣлати. Ты самъ вѣдаешь—что я не собою просилъ грамотъ къ Щербану или къ патріархамъ: сами г—ри изволили черезъ меня о нужныхъ своихъ государскихъ дѣлѣхъ писать, а нынѣ не токмо грамоты государскія роспечатаны и обесчещены напрасно, но и меня грабили и заключили тому нынѣ два года и морятъ голодомъ; и не для меня убогаго, токмо для ихъ государской чести и славы имени своего доведется имъ, в. г—рямъ, о томъ дѣлѣ крѣпко стояти и розыскати, потому что не токмо иные, но и здѣшніе зѣло удивляются тому, что въ два года не отозвались ничего отъ нихъ, в. г—рей, а они про своихъ езувитовъ умираютъ, не токмо заступаютъ» (ib. 721).

Наконецъ письма подѣйствовали въ Москвѣ. Они были представлены въ посольскій приказъ Лихудомъ, и въ томъ же 1691 году былъ посланъ царскій указъ гетману Ивану Мазепѣ отправить нарочнаго посыльщика въ Вѣну съ грамотой отъ в. г—рей «о свобожденіи архимандрита Исаіи, который взятъ былъ отъ нѣмецкихъ войскъ въ цесарской землѣ». Въ Вѣну немедленно былъ отправленъ гетманомъ войсковой товарищъ Климъ Калницкій съ грамотой царскою, который грамоту эту «цесарю подалъ на дорогѣ, когда цесарь ѣхалъ на потѣху», и архимандритъ Исаія былъ освобожденъ (ib. 968).

Еще не было извѣстно объ освобожденіи Исаіи, а въ Москвѣ не забыли поднять это дѣло и предъ цесарскимъ «ин-

тернунцыушемъ», Іоганомъ Курцомъ, о которомъ говорилъ заключенный архимандритъ въ своихъ письмахъ. На одномъ изъ отвѣтовъ въ посольскомъ приказѣ окольничій Чадаевъ и думный дьякъ Украинцевъ продложили Курцу щекотливый вопросъ объ Исаіи, и онъ отвѣчалъ имъ, что «вѣдомо де ему изъ Вѣны по письмамъ, присланнымъ чрезъ почту, что архимандритъ Исаія, который задержанъ былъ въ Вѣнѣ, по грамотѣ ц. в—ва свобожденъ изъ заключенія, и гонецъ, который съ ихъ ц. в—ва грамотой къ цес. в—ву посланъ, ѣдетъ съ нимъ архимандритомъ назадъ и отъ его цесарскаго в—ва отпущенъ; и то де его цес. в—во учинилъ для древней братской дружбы и любви по желанію ц. в—ва, что того задержаннаго архимандрита велѣлъ освободить». Чаадаевъ и Украинцевъ поблагодарили за освобожденіе Исаіи, но замѣтили Курцу, что «только тотъ архимандритъ задержанъ былъ напрасно, и взялъ его въ цесарскихъ войскахъ генералъ Гейслеръ невиннаго, потому что отъ в. г—рей посланъ былъ ко вселенскимъ свят. патріархамъ съ грамотами, а тѣ грамоты писаны о милостынѣ, а ни о иномъ о чемъ, и у грамотъ была печать государственная большая; и тѣ грамоты тотъ Гейслеръ у него отнялъ и послалъ ко двору цес. в—ва, и кромѣ грамотъ пожитковъ никакихъ у того архимандрита не взято, и тѣмъ учинено сторонѣ в. г—рей непочитаніе». Въ оправданіе своего правительства, Курцъ наивно возразилъ Чаадаеву и Украинцеву, «что цес. в—во того задержанія архимандричья не вѣдалъ, потому что цес. в—ву донесть и побить челомъ было некому, для чего онъ въ задержаніи и былъ; а когда отъ в. г—рей къ его цес. в—ву съ грамотою присланъ былъ гонецъ о свободѣ, того архимандрита велѣлъ свободить вскорѣ, и тому задержанію цесарь былъ не радъ. А что такъ тотъ Гейслеръ дерзновенно учинилъ, что грамоты ц. в—ва распечатывалъ, а ему было Гейслеру распечатывать не довелось, и впредь о томъ въ сторонѣ цес. в—ва будетъ опасительное осмотрѣніе». Оправдавъ такимъ образомъ свое правительство, Курцъ счелъ нужнымъ изложить и свое собственное оправданіе: «а какъ будучи въ Вѣнѣ Аникій Ликудій сказалъ ему, посланному, о взятіи и задержаніи того архимандрита передъ выѣздомъ его (изъ Вѣны въ Москву) только за одинъ день, а онъ уже былъ отъ цес. в—ва отпущенъ, и явиться къ его цес. в—ву съ такимъ ходатайствомъ о освобожденіи того архимандрита не смѣлъ, донесъ о томъ заступительно до цесар.

канцлера Киниксека (Кинскаго) и по тому его донесенію чрезъ того канцлера и цес. в—ву вѣдомо о томъ учинилось» (ib. 878.

Не извѣстно, на сколько удовлетворилось подобными объясненіями Курца московское правительство; но какъ бы то ни было, злополучный архимандритъ послѣ болѣе чѣмъ двугодичнаго тюремнаго заключенія былъ освобожденъ.

Но слишкомъ поспѣшила вѣнская политика торжествовать свое предательство: какъ бы мстя за предательство, военное счастіе оставило австрійцевъ.

Жестоки были австрійцы и къ поднявшимся за нихъ сербамъ. Вступая за Дунай они, какъ новые мисіонеры, несли насиліе и прозелитизмъ. Послѣ того какъ турки были избиты сербами, и «тѣ мѣста во власть отдали нѣмцамъ—жалуется въ 1696 г. патріархъ Чарноевичь въ Вѣнѣ — и нѣмцы, а наипаче люторы и кальвинисты (т. е. мадьяре), великія насилія святымъ прав. церквамъ и монастырямъ починили, и жителямъ грабежи и неистовыя дѣла; и видя такія поруганія и грабежи, жители отъ нѣмецъ отстали и отъ разоренія разбрелись» («Пам. дипл. сн.» VIII, 307. донесеніе рус. посла).

Въ это самое время начинается война на Рейнѣ съ Лудовикомъ XIV (поддержка Турціи Франціей идетъ уже съ половины XVII ст.); часть войскъ, съ Лудвигомъ, отзывается изъ-за Дуная; ослабленныя австрійскія войска, при недоброжелательствѣ извѣстной части мѣстнаго населенія, терпятъ неудачу за неудачей.

Зимой съ 1689 на 90 годъ турки бьютъ, а «войска србска и немачка—говорю словами современной лѣтописи—пала на зимище отъ Белграда до Пеħи, отъ Пеħи до Скопіа, и тако васе побеже ка Белграду» («Гласник» XXXIII, 250). Чрезъ Прокупле австрійцы отступили на Нишъ, гдѣ на выручку ихъ встрѣтилъ новый главнокомандующій австрійскій, Ветерани, и здѣсь они на время задержались. Турки отступили въ Софію. Но новый великій визирь Кара, изъ знаменитой фамиліи Чюприли, съ весны повелъ нападеніе рѣшительное: въ августѣ былъ взятъ приступомъ Пиротъ, Видинъ, въ сентябрѣ Нишъ и Смедерево, а 1 октября палъ и Бѣлградъ, гдѣ погибло 8 т. цесарцевъ.

Въ тоже время также дурно пошли дѣла въ Валахіи и Трансильваніи.

Бранкованъ, погубившій Щербана, какъ васалъ турецкій, державшій войска противъ австрійцевъ, какъ ни увертывался

отъ австрійской окупаціи, ни чего не достигъ: еще зимой 1689 нѣмцы вошли въ Валахію и расположились у Кымполунго, Питештъ, Търговишта. Бранкованъ жаловался въ Москву, что «нѣмцы до конца разорятъ», — но этого мало: онъ просилъ Порту объ изгнаніи, и султанъ приказалъ хану татаръ въ Буджакѣ войти въ Валахію на помощь господарю. Генералъ Гейслеръ, командовавшій въ Валахіи и Трансильваніи, рѣшился наконецъ раздѣлаться съ двусмысленнымъ господаремъ и захватить его хитростью: но Бранкованъ не дался въ обманъ, оставилъ Бухарештъ, учредивъ временное правительство изъ бояръ, и удалился въ монастырь Плеторешты, гдѣ и сталъ поджидать прихода буджацкихъ татаръ. Вскорѣ было получено извѣстіе о приближеніи хана къ границѣ, и Бранкованъ поспѣшилъ отправить къ нему посольство съ богатыми подарками. У села Пертештъ свидѣлись господарь и аккерманскій калга. Здѣсь они положили, что татаре пойдутъ къ Бухарешту, а господарь съ своими двинется туда же изъ Бузео. Но австрійцы заблаговременно оставили Бухарештъ и отошли въ Трансильванію, гдѣ впрочемъ не долго оставались.

Въ апрѣлѣ 1690 г. умеръ князь трансильванскій Апафи, въ послѣднее время перешедшій на сторону имперіи. На его мѣсто былъ назначенъ султаномъ преданный другъ Турціи, Текели. Новый князь получилъ въ помощь 16 т. турокъ, напалъ въ августѣ на генерала Гейслера, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ, осенью 1690 г. была потеряна для имперіи и Трансильванія.

Итакъ, съ исходомъ 1690 года австрійцы должны были очистить задунайскія земли сербовъ и отойти въ Венгрію: съ флангу имъ угрожалъ Текели. Они оставляли на милость и немилость турокъ поднятую ими сербскую райю.

Бранковича и Исаію повели въ Вѣну, за ними отступали австрійцы, за ними потянулась и часть сербской райи.

Уже 4-го апр. 1690 г. императоръ издалъ манифестъ, которымъ «народы Албаніи, Сербіи, Мизіи, Болгаріи, Македоніи и Расціи» призывались въ послѣдній разъ къ оружію, а затѣмъ приглашались къ переселенію въ Венгрію—слѣдовать за отступающими австрійцами.

Таковъ былъ финалъ того дѣла, которое начали Бранковичь и печьскій патріархъ, Арсеній III Чарноевичь, съ указанія имперіи, объявившей, что она несетъ свободу возстающимъ.

И безъ приглашенія императорскаго сербы должны были искать теперь спасенія въ бѣгствѣ, и въ главѣ ихъ вождь-патріархъ, съ своимъ клиромъ, справедливо «бояся отъ бусурманъ за отступленіе отъ турка и за подданіе цесарю мученія» (Чарноевичь Нефимонову, «Пам. дипл. сн.» VIII, 37).

Главное мѣсто дѣйствія были такъ называемая Старая Сербія, Раса, зап. Македонія, и славянское населеніе этихъ областей масами двинулось за спасающимся патріархомъ, «и самь патріархь вамале убеже ва Белградь, а многи иноци и ексархи изгибоше близь патріарха» («Гласник» XXXIII, 250). Бѣгство было поспѣшно, какъ поспѣшно было и отступленіе австрійцевъ.

Путь патріарха шелъ изъ Косова поля чрезъ Приштину, Прокупле, Нишъ, Ягодину, Смедерево, Бѣлградъ. За нимъ бѣжалъ народъ, со скотомъ, домашнею утварью и всякимъ скарбомъ. Число бѣглецовъ доходило до 37 тыс. семей, приблизительно 100 тыс. душъ[1]). Въ слѣд. словахъ описываетъ очевидецъ это бѣгство райи: «малу же нашему народу бѣгу емшуся уз Дунав горе, едни на лађах, иних же на конѣхь и колесницахь, други же пѣши яко же и аз сиромах; 40 дней бысть нам путь хожденія и придохом къ Будиму граду, тамо же и св. патріархъ Арсеніе Черноевичь и неколика владика и от многих монастырей калугера и человѣци мнози отъ всей земли сербскія» (ib. XII, 682).

Конечно, не всѣ сербы и болгары оставили, да и не могли успѣть, свои пепелища. Опорожненныя мѣста въ Старой Сербіи заняли арнауты, подвинувшіеся съ юга (и теперь Косово поле населяютъ арнауты); а кто остался, неизбѣжно подвергся гоненію. «Турки пришедъ съ татары — разсказываетъ позже Чарноевичь—въ сербской и болгарской землѣ у нѣмцевъ городы и мѣста учали отбирать назадъ, а какъ городы у нѣмцевъ назадъ отобрали, и нѣмецъ отпускали, а благочестивыхъ всѣхъ съ женами и дѣтьми, за то что цесарю поддавалися, сѣкли» (Нефимоновъ въ Москву въ 1697 году, «Пам. дип. сн.» VIII, 307).

Раія спасалась отъ турецкой мести, патріархъ съ своими тоже. Они шли въ Венгрію, потому что ихъ манитъ туда им-

---

[1]) Якшичь въ Гласникѣ, XXXIII, 51. Но по Витковичу, бѣглецовъ было болѣе 600.000. ib. XXVIII, 132.

ператоръ,—они тамъ найдутъ своихъ же сербовъ[1]). Не забота о судьбѣ поднявшихся въ пользу имперіи сербовъ руководила Леопольдомъ, когда онъ приглашалъ ихъ къ переселенію: испытанные солдаты въ недавнихъ битвахъ, стойкіе бойцы за свою народность, приглашаемые сербы—это даровая могучая стѣна имперіи на югѣ.

Приглашеніе предлагало весьма удобныя условія для переселенія.

Сербы получали особую землю въ Венгріи, межъ Дунаемъ и Савой; состоя въ зависимости отъ единаго императора, они изымались изъ вѣдѣнія венгерской администраціи (жупаній), вѣдались своими властями: властью свободно выбираемаго *патріарха*, какъ въ старину въ Турціи, глава духовная[2]), и властью также свободно выбираемаго *воеводы*[3])—свѣтскій представитель организующейся военной общины сербовъ. Само собою понятно, что свобода совѣсти, по словамъ императора, должна была быть полная: «обѣщаемся сохранять свободу вашей вѣры» —говорилъ Леопольдъ въ первомъ приглашеніи. Но среди массы щедрыхъ обѣщаній не забыто было указать сербамъ, что, уходя изъ своихъ пепелищъ, они покидаютъ ихъ на время, не на-всегда—Турція вскорѣ будетъ завоевана, и они возвратятся къ своимъ насиженнымъ мѣстамъ: «мы употребимъ всѣ усилія, чтобы побѣдоносным оружіемъ нашимъ возможно скорѣе сно-

---

[1]) Въ одномъ суд. актѣ 1711 г. упоминаются сербы Буды, жившіе здѣсь еще при туркѣ, «Гласник», XXVIII, 465. О сербахъ въ Венгріи вообще, ранѣе Арсенія, см. Суботича «Отрывки изъ Вербеци» «Серб. лѣтоп. 1843. II. 32 и книгу Picot: «Les Serbes en Hongrie» 2 vol. Prague 1874 (анонимная).

[2]) Въ привилегіи отъ 20 августа 1691 г. «Liceatque vobis inter vos ex natione et lingua rasciana archiepiscopum, quem status ecclesiasticus et saecularis inter se eliget; isque archep. sicut hactenus gr. ritus ecclesiis et ejusdem professionis communitati praeesse valeat, ex propria auctoritate eccl—ca in tota Graecia, Rascia, Bulgaria, Dalmatia, Bosnia, Jenopolia et Herzegovina, necnon in Hungaria et Croatia, Mysia et Illyria, ubi de facto existunt, facultate disponendi gaudeat». До самаго послѣдняго времени, патріархъ сербскій былъ главой всѣхъ православныхъ въ Австріи.

[3]) Въ воззваніи 6 апр. 1690: «promittimus servata inprimis eligendi vajvodae libertate». Кромѣ этого воззванія были изданы: привилегія отъ 6 авг., 21 авг., 11 дек. 1690 г. и отъ авг. 1691 г. Позже были еще двѣ: 13 мая 1694 и 4 марта 1695. Главныя мѣста изъ нихъ собраны въ статьѣ Г. Витковича: «Критички поглед на прошлост срба у Угарској» въ «Гласнику» XXVIII, 139 и сл. Ср. «Серб. лѣтоп.», разныхъ годовъ.

ва ввести сербскій народъ въ его прежній край, прежнія жилища, выгнавши оттуда врага» (отъ 20 авг. 1691 г.).

Съ горькимъ опытомъ и съ коробомъ богатыхъ обѣщаній переходили сербы Дунай. Сцена дѣйствія перемѣняется: Турція замѣщается Австріей и для сербовъ, и для насъ.

Бѣглецамъ было отведено мѣсто вдоль средняго Дуная, вверхъ и внизъ Пешта, на в. отъ Дуная чрезъ Арадъ до Трансильваніи. Размѣщеніе это производилось по указанію военнаго совѣта. Въ привилегіи 1695 читаемъ: «въ епархіяхъ, въ которыхъ *по волѣ нашего придворнаго военнаго совѣта* поселилось знатное число семей народа сербскаго, принятаго изъ турецкаго рабства въ наше подданство...» («Гласник» XXVIII, 147). Но сербамъ говорили, что этотъ отводъ временный: настоящую вторую родину они имѣютъ основать на югѣ, межь Дравой и Савой—въ Словоніи и Срѣмѣ, на в. отъ границъ хорватскихъ, и межь Крижемъ и Маришемъ въ Бачкѣ. Только надо ждать.

Центромъ этихъ временныхъ колоній были Буда, Пештъ и два громадные острова Дуная на с. и югъ отъ Пешта, Св. Андрей (Szent Andre) и Чепель. Здѣсь была самая численная колонія: уже въ 1690 г. были поставлены четыре церкви. И доселѣ С. Андре сохранилъ значеніе церковнаго центра. На с. поселенія достигали крѣпости Коморна, гдѣ стояли такъ назыв. шайкаши, составлявшіе сербскую флотилію. На югѣ въ 1693 г. сербы населили край межь Дунаемъ и Тисой («Гласник» XXXIII, 161, отрывки изъ хроники Ю. Бранковича).

Въ городахъ сербы занялись ремеслами, особенно выдѣлкой кожъ[1]); въ селахъ землей. Расселенные по громадному краю юговост. Венгріи, они вмѣстѣ съ своими старыми земляками вскорѣ образовали нѣсколько епархій: въ Енополѣ, Карловцахъ, Сегединѣ, Вел. Варадинѣ, Будѣ, Могачѣ и Вършцѣ. Надъ ними стояла патріархія.

Планъ разселенія, вышедшій изъ военнаго совѣта, былъ ясенъ. Имъ достигалась двоякая цѣль: сербы не составляли компактной массы и въ тоже время занимали крѣпости на Дунаѣ, окружили

---

[1]) Въ 1697 Арсеній по просьбѣ «майсторовъ руфета табачкога» издаетъ кожевенный уставъ, чтобы не забылся «обичаи отъ старине», что вынесенъ изъ-за Дуная. «Серб. лѣтоп.» 1854 II, 68. Ср. привилегію тому же цеху Леопольда ib. 71.

мадьярскую столицу и опоясывали рядомъ своихъ колоній съ з. на в. край бунтовавшихъ въ сѣверо-восточныхъ комитатахъ мадьяръ Текели, позже Ракоци. Очевидно, сербы были разсмотрѣны въ Вѣнѣ, какъ цѣнное орудіе для зауздапья мадьяръ, и закабалены въ цесарскую службу. Но сербы съ своей стороны непрестанно домогаются обѣщанной територіи. Въ началѣ 1694 г. патріархъ и подвоевода Монастирличь подаютъ въ Вѣнѣ протестъ «nomine gentis rascianae» о переселеніи сербовъ въ поле куманское, въ Славонію, въ Малую Валахію, и Леопольдъ соглашается, чтобы «сказанное переселеніе состоялось возможно скорѣе», не позже октября, по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ (рѣшеніе военнаго совѣта 31 мая 1694 «Серб. лѣтоп.» 1841 V, 140). Дѣйствительно, извѣстная часть переселенцевъ переходитъ въ Срѣмъ; въ 1695 открывается епископія въ Карловцахъ, основывается масса монастырей, которые должны были напоминать бѣглецамъ объ ихъ родинѣ.

Черезъ четыре года проѣзжалъ по Срѣму и вдоль Дуная, промежъ монастырей и сербскихъ колоній, русскій уполномоченный на карловицкомъ конгресѣ, Прокопій Возницынъ, и оставилъ описаніе ихъ. Выѣхавъ изъ Карловцевъ, 24 янв. 1699 г. посолъ ночевалъ въ монастырѣ благовѣщенія «именуемомъ Крушедоловѣ, гдѣ игуменъ и братіи пятьдесятъ человѣкъ; здѣсь мощи св. деспотовъ сербскихъ: архіеп. Максима и матери его Ангелины въ одной ракѣ; съ лѣвой стороны Стефана, отца св. Максима, да брата его Іоанна, въ одной же ракѣ. И ѣхали Сирміей отъ того м—ря до села Ирика 2 мили, отъ села Ирика до Опова м—ря, идѣже лежатъ мощи св. Ѳеодора Тирона, полмили. Отъ того же м—ря до села Бешенова, близь котораго м—рь арх. Михаила, три мили, гдѣ и ночевали. 26 янв., отъѣхавъ отъ того м—ря три мили, ночевали въ деревнѣ Покледи, въ землянныхъ избахъ, по тамошнему зовутся *куки*» («Пам. дип. сн.» IX, 519). Очевидно, *куки*, серб. *куħа* домъ, знакъ того, что населеніе Сирміи составляли уже сербы.

Посолъ, какъ русскій, оказывалъ вниманіе сербскимъ монахамъ. Такъ Крушедольскому м—рю отъ далъ на мѣстѣ отъ себя отписку въ Кіевъ, что когда старцы идучи къ Москвѣ для челобитья в. г—рю о милостынѣ прибудутъ въ Кіевъ, чтобъ ихъ пропустить (ib. 531).

Изъ Срѣма Возницынъ ѣдетъ вверхъ по Дунаю, мимо дунайскихъ колоній сербовъ. 2 февр. онъ выѣхалъ изъ Могача

и пріѣхалъ «до мѣста Сечоа, гдѣ живетъ сербскій патріархъ Арсеній. Тутъ жители благоч. вѣры переходятъ для благочестія къ патріарху, съ воли цес. в—ва изъ разныхъ мѣстъ; патріарху даютъ десятую часть отъ жита, а и на цесаря поборы съ нихъ есть. Отъ Сечоа до ксензовскаго мѣста Сексартъ 4 мили, отъ Сексарта до Сибенторна 5 миль. До сего мѣста даже отъ самые Сирміи тамошніе жители говорятъ по сербску и по словенску, а отъ сего мѣста къ Вѣнѣ по венгерску и вѣры католицкой, а сербовъ мало». И дѣйствительно, по пути въ Раабъ Возницына встрѣчаютъ въ городахъ мадьяре и сербы: «въ цесарскихъ городахъ и мѣстахъ венгры и сербы встрѣчею и стрѣльбою многое почитаніе чинили» (ib. 522. 523).

Вѣна ловко воспользовалась обѣщаніемъ—дать сербамъ вождя, главу, въ лицѣ воеводы. Но этотъ вождь сталъ не вождемъ народа въ дѣлахъ народа, а австрійскимъ военнымъ чиновникомъ, ведшихъ своихъ въ бой и безъ всякихъ другихъ правъ. Чтобы было яснѣе вѣнское пониманіе обѣщаннаго воеводы, императоръ на первый разъ позволилъ сербамъ избрать лишь подвоеводу (vice-vojvoda) — I. Монастирлича (Monasterly); но когда онъ вскорѣ умеръ, то и это званіе было уничтожено, а сербы получили вмѣсто воеводы «полковника славянской народной милиціи», простаго австрійскаго солдата. Значеніе этой подмѣны чистосердечно высказалъ позже извѣстный воспитатель Іосифа II, Бартенштейнъ: «простымъ задержаніемъ доходовъ легко было держать патріарха на уздѣ, но не воеводу, у котораго всегда были готовые солдаты подъ ружьемъ» («Гласник» XXVIII, 125).

Сербамъ не отвели особой земли, а разселили. Имъ обѣщана полная свобода жить для себя, въ зависимости отъ одного императора, а изъ нихъ сейчасъ подѣлали солдатъ и размѣстили по окраинамъ имперіи. Въ 1706 г. по смерти Арсенія, еп. Исаія Дяковичь, чтобъ получить изъ Вѣны согласіе на выборъ новаго патріарха, указываетъ такой путь: сербы С. Андре, Буды, Пешта избираютъ депутатовъ, а эти съ готовыми петиціями ѣдутъ въ Вайценъ и Коморнъ за подписями сербскихъ офицеровъ, затѣмъ уже на границу трансильванскую и хорватскую въ Лику («Гласник» XXVIII, 458). Очевидно, въ Вѣнѣ широко поняли обусловленную зависимость переселяющихся сербовъ отъ единаго императора.

Повсюду ловкій обманъ, предъявленіе обязанностей, а о

правахъ ни рѣчи. «Первые въ бою противъ турокъ бывали они, сербы и болгары» говорилъ Арсеній русскому послу Нефимонову съ жалобой въ 1697 г. и говорилъ правду. Во всѣхъ обращеніяхъ Вѣны къ сербамъ, храбрость ихъ, вѣрность—избитое мѣсто. Послушаемъ донесеніе сторонняго наблюдателя, посла К. Нефимонова. Отъ 10 іюня 1696 пишетъ онъ тайно, цыфирною азбукою: «изъ Петръ-Варадына писалъ полковникъ, что былъ бой съ турками у сербовъ и рацыянъ, которые цесарю служатъ, а рацыяне взяли въ полонъ 40 чел. и добычь великую получили». Отъ 5 іюля: «рацыяне подходили подъ турскіе крѣпости Кѣево и Тиминкулы, и посады пожгли и языковъ побрали и многую добычь получили». Чрезъ мѣсяцъ онъ сообщаетъ о неудачныхъ битвахъ у устья Тисы и Темишвара: «нѣкоторые регименты въ бой не пошли по тому, что имъ заслуженнаго не выплачено, и оттого такъ нѣмецъ много и пропало. Послѣ боя посыланъ въ подъѣздъ для провѣдыванія и для языка сербскаго войска полковникъ Иванъ Монастирій съ двѣмя сты кони, которыхъ здѣсь называютъ рацыяны, и съѣхались съ турскимъ и ихъ побили и Саркана пашу въ полонъ взяли, за котораго пашу курфирстъ саксонскій тѣмъ рацыяномъ три тыс. таляровъ далъ» («Пам. дип. сн.» VIII, 145, 170, 269).

Поселенцы были солдаты, имъ намѣренно не разрѣшали школъ, какъ свидѣтельствуетъ Бартенштейнъ, чтобы обезопасить себя отъ пробужденія среди нихъ идеи національности («Гласник» XXVIII, 461). Но въ то же время большинство были голяки, мѣстами безъ клока земли—на сѣверѣ. Въ 1706 г. сербы Буды жалуются еп. Исаіѣ: «наш сиромашки народ у Маджарской особито не има ни за едну стопу конску земле, нити пак какве слободе, него понизни и потурнути (ободранный) од свакого» (ib. 467). Поселенцевъ, усѣвшихся въ городахъ, власти давили налогами и приводили въ нищету. Мы слышимъ постоянно одну и туже жалобу: «на нас ни кошула (рубаха) не остаде на леђих (плечахъ)». Употребляли на самыя тяжкія работы: постройку шанцевъ, доставку пушекъ и т. д. «Пока война, не досаждайте намъ; будетъ миръ, мы пойдемъ къ императору, падемъ ницъ предъ нимъ, будемъ землю цѣловать, чтобъ смилостивился онъ надъ нами, хоть за нашу вѣрность. А не будетъ помочи и здѣсь, разбредемся, куда глаза глядятъ». Такъ жаловались сербы Буды (ib. 468, 69). «Въ протоколахъ общинъ—говоритъ спеціалистъ-историкъ—можно ви-

дѣть, что сербы прямо заявляли, что имъ подъ туркомъ было легче, чѣмъ подъ христіанскими господами» (Витковичь, ib. 470). Тоже повторялъ патріархъ русскимъ. Въ томъ же розовомъ свѣтѣ видѣлъ жизнь сербовъ и Бартенштейнъ: вся масса привилегій соблюдалась на словахъ, а не на дѣлѣ.

Доселѣ сербовъ обирали физически: но могло ли «апостолическое величество» и цесарскіе владѣтели, какъ называетъ Чарноевичь іезуитовъ, оставить въ покоѣ ихъ души? Скоро началась австрійская забота и о сербскихъ душахъ. Только что усѣлись сербы, а уже послышались жалобы на католиковъ.

4 марта 1695 г. Леопольдъ издаетъ подтвердительную грамоту для умиротворенія взволнованной совѣсти патріарха и сербовъ. «Есть наши вѣрные люди обоего сословія, которые не обращали вниманіе на милистивую волю нашу и наше разрѣшеніе, позволяютъ себѣ тревожить архіепископа и народъ сербскій въ употребленіи его церковнаго обряда, или препятствуютъ его ду[illegible]ному управленію, или, наконецъ, вымогаютъ съ народа десятину, что совершается на ихъ же бѣду и съ опасностью нашей службы. Архіепископъ проситъ насъ, чтобы мы благоизволили, для вящаго одушевленія ихъ службы, подтвердить его достоинство и власть въ постановленіи епископовъ его обряда, допустить епископамъ свободное отправленіе, безъ всякой помѣхи, ихъ пастырскаго званія, а цѣлому народу снова признать свободное повсюду исповѣданье его вѣры и старую свободу отъ десятины» и, какъ естественно ожидать, императоръ всемилостивѣйше все разрѣшаетъ—чтобы не исполнять, принявъ во вниманіе «вѣрныя услуги народа сербскаго, благородно принесенныя имъ противъ общаго врага христіанства, обильно пролитую имъ кровь и его приверженность къ намъ, которую онъ обѣщаетъ и впредь». Утвердивъ поставленныхъ патріархомъ епископовъ: Исаію Дяковича (кажется, это злополучный нашъ архимандритъ-посолъ) въ Енополь, Стефана Метохійца въ Карловцы, Евѳимія Дробняка въ Сегединъ, Евѳимія Поповича въ Буду, Евѳимія Тетовца въ Могачъ, Спиридона Штибицу въ Вършацъ и Ефрема Банянина въ Вел. Варадинъ, императоръ торжественно ручался, что весь сербскій народъ въ мѣстахъ, отведенныхъ ему комиссіей придворнаго совѣта, свободно исповѣдуетъ свою вѣру, безъ всякаго страха, опасенія и вреда, на тѣлѣ или имуществѣ, свободный отъ десятины, отъ всякихъ притѣсненій со стороны «на-

шихъ прелатовъ и чиновниковъ». Въ заключеніе императоръ не могъ не похвалить въ сербахъ ихъ «ненависти и ожесточенія, что̀ они питаютъ всегда противъ турецкаго ига» («Гласник» XXVIII 145). Вѣна всегда знала, гдѣ больная струна южнаго славянства.

Но, повторяя слова Бартенштейна, одно было на бумагѣ, другое на дѣлѣ.

Въ декабрѣ 1695 года былъ посланъ изъ Москвы въ Вѣну дьякъ Козьма Никитинъ Неѳимоновъ, и къ нему-то обратился патріархъ Чарноевичь съ жалобой на свое скорбное положеніе отъ католическаго духовенства и съ просьбой о помощи.

10-го мая 1696 года Неѳимоновъ доносилъ въ Москву, что былъ у него, посланника, не по одно время сербскій начальный владыка Арсеній, со слезами говорилъ о разореніи церквей святыхъ, о расхищеніи, что̀ терпятъ православные отъ римскихъ бискуповъ, какого не было и отъ бусурманъ, и многіе изъ православныхъ прельщены мздою въ проклятую унію («Пам. дип. сн.» VIII, 113). Владыка Арсеній — продолжалъ Неѳимоновъ—съ великимъ прошеніемъ ему, посланнику, говорилъ, что для нуждъ всего православія сербскаго, болгарскаго и словенскаго и церковныхъ о челобитьѣ великому государю намѣренъ онъ послать вмѣсто себя митрополита или епископа къ Москвѣ съ нимъ, посланникомъ. Но дожидаться отъѣзда посланника было долго, и патріархъ рѣшилъ отправить своихъ пословъ раньше, съ какою цѣлью онъ и обратился къ Неѳимонову, прося послѣдняго выдать его посламъ отписку отъ себя, что тотъ и исполнилъ 29-го сентября. Въ этой отпискѣ Неѳимоновъ, изложивъ исторію переселенія сербовъ въ Венгрію, писалъ Петру со словъ самого патріарха. «Въ Вѣну пріѣздъ съ епископы для челобитья цес. в—ву грамотъ его (владыки) и обнадеживанья римскіе духовные не слушаютъ и чинятъ благочестивымъ въ вѣрѣ пущее насиліе и поносятъ, всячески ругаясь; лучше имъ, благочестивымъ, было жить подъ туркомъ для того, хоть и дань давали имъ, а насилія и гоненія въ вѣрѣ отъ нихъ не было, и имѣли всякую свободу. А нынѣ римскіе духовные, а наипаче езуиты, всякую тѣсноту благочестивымъ чинятъ и мирно жить не даютъ. О томъ съ великими слезами мнѣ холопу твоему говорилъ. И для тѣхъ нуждъ всего православія и церковныхъ потребъ къ вамъ, в. г—рю, для челобитья посылаетъ онъ своего подвластнаго митрополита, Стефана Бѣ-

лоградскаго, да архимандрита Софонія съ причетники. И просилъ меня холопа твоего, чтобъ о томъ челобитьѣ его и посланныхъ къ вамъ, в. г—рю, я холопъ твой писалъ. И я холопъ вашъ, надѣясь на ваши ц. в—ва, моего премилосердаго монарха, всея вселенныя къ прибѣгающимъ православнымъ милость, сію отписку по прошенію его съ посыльщики его изъ Вѣны послалъ сентября въ 29-й день и велѣлъ подать въ вашемъ государственномъ посольскомъ приказѣ думному дьяку Украинцеву съ товарищи. А въ вашихъ в. г—ря мнѣ холопу твоему врученныхъ дѣлѣхъ и въ провѣданіи всякихъ вѣдомостей онъ святѣйшій помочь чинилъ, также и о вашемъ ц. в—ва многолѣтнемъ здравіи и о побѣдѣ на враги и супостаты Господа Бога просилъ и нынѣ молитъ непрестанно. Нужное, государь, и скорбное житіе—заканчивалъ Нефимоновъ—въ гоненіи отъ римлянъ терпятъ, надѣясь и совершенно себѣ свобожденія чаютъ, при помощи Божіей, отъ васъ в. г—ря, вашего ц. в—ва (ib. 305—306).

«Та отписка», сказано въ статейномъ спискѣ посольства, «отдана въ Вѣнѣ присланному святѣйшаго патріарха черному священнику Митрофану», и вслѣдствіе естественной боязни, чтобъ она не попала австрійскому правительству, была писана «цыфирною азбукой».

Съ этого времени отношенія между Арсеніемъ Чарноевичемъ и русскимъ посланникомъ Нефимоновымъ сдѣлались самыя дружественныя. Будучи въ Вѣнѣ, патріархъ не только часто посѣщалъ посланника и «о всякихъ вѣдомостяхъ и поведеніяхъ сказывалъ и в. г—ря въ дѣлахъ вспоминалъ», но иногда, въ большіе праздники, совершалъ у него на дому богослуженіе. Такъ 31 мая (рожденіе Петра) «въ день Троицы у посланника отправлялъ святую службу св. Арсеній и о многолѣтнемъ здравіи Госп. Бога молилъ, и за все это посланникъ, надѣясь на милость в. г—ря, далъ жалованья заздравные милости собольми, камками, книгами и ефимками, всего на 50 рублевъ, понеже въ великомъ утѣсненіи и скорби живетъ» (ib. 455).

Посланникъ прожилъ въ Вѣнѣ годъ съ небольшимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ патріархомъ Арсеніемъ; но въ февралѣ 1697 года онъ долженъ былъ съ нимъ проститься — уѣзжалъ въ Москву. На смѣну Нефимонову, спустя немного времени, явилось въ Вѣну новое русское посольство, съ которымъ патріархъ и возобновилъ свои сношенія. Это посоль-

ство составляли великіе и полномочные послы: Францъ Яковлевичъ Лефортъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и думный дьякъ, Прокофій Богдановичъ Возницынъ. Въ Вѣну великіе послы прибыли 16-го іюня 1698 года. «Іюля въ 9-й день былъ у великихъ и полномочныхъ пословъ сербскій патріархъ Арсеній Чарноевичь и билъ челомъ в. г—рю, а великимъ и полномочнымъ посломъ подалъ челобитную, а въ челобитной его написано: тому де нынѣ съ десять лѣтъ вышелъ онъ изъ турской области, изъ Сербіи, подъ державу цес. в—ва со многимъ сербскимъ народомъ до ста тысящъ душъ православныхъ христіанъ, и по его де цес. указу дано имъ для селенія въ Венгрехъ за Будиномъ часть нѣкая венгерской земли, на которой и прежде сего они сербы живали жъ; и они де на той земли поселились и построили церкви божіи и монастыри. И то де для одержанія ихъ, что у нихъ той земли не отымать и въ вѣрѣ ихъ насилія никому не чинить, утверждено привиліями цес. в—ва. А лежитъ де та ихъ земля на самомъ турскомъ рубежѣ, и они сербы непрестанно съ турки за тое землю войну имѣютъ, да въ помочь цес. войскамъ противъ турковъ всегда по всякой годъ съ той своей поселенной земли даютъ они сербы по 10 и по 8 и по 6 тысячъ человѣкъ конскаго и пѣшаго войска. А нынѣ де цес. владѣтели іезуиты принуждаютъ ихъ утѣсненіемъ къ уніи и накладываютъ на нихъ многіе лишніе дани сверхъ тѣхъ данныхъ привилей; и чтобъ де его цес. в—во ходатайствомъ его ц. в—ва для святыя православныя вѣры тѣхъ привилей у нихъ сербянъ нарушивать и подданнымъ своимъ езувитамъ въ вѣрѣ ихъ насилія и къ уніи принужденія чинить, и лишнихъ даней, сверхъ обыкновенныхъ, что напередъ сего они съ земли давали, накладывать не велѣлъ и тѣ прежніе привиліи его цес. в—во повелѣлъ бы нынѣ обновить и вновь подтвердить» (ib. 1374).

Такъ просилъ русскаго царя, спустя немного лѣтъ послѣ переселенія, обманутый австрійскимъ правительствомъ патріархъ Арсеній.

Принявъ челобитье патріаха, великіе послы отвѣчали, что «по указу в. г—ря его ц. в—ва когда будутъ съ цесарскими ближними людьми въ отвѣтѣхъ и тогда о вольностяхъ ихъ говорить цес. ближнимъ людямъ будутъ» (ib). И они говорили такъ дѣйствительно по указу Петра (Голиковъ «Дѣянія» I 516).

Такимъ образомъ, когда законный путь былъ испробованъ

и не привелъ ни къ чему, обновленъ тотъ старый путь, который еще на родинѣ былъ выработанъ жизнью — обращеніе за помощью къ Москвѣ, къ царю. Измѣнилась сцена дѣйствія — Австрія, а не Турція, но обстоятельства были тѣже: сербы, хоть и потерявшіе родину, не потеряли славянскаго чувства, остались старыми сербами; тотъ-же гнетъ, но преслѣдованіе интересовъ папскаго прозелетизма внесло новую черту въ старую тяжелую картину. И этотъ путь не устрашился открыть тотъ, кого видимо ласкалъ вѣнскій дворъ (въ 1696 г. напр. Арсеній получилъ отъ Леопольда замокъ Сиракъ, «Серб. лѣтоп.» 1841, II 102), кто тѣмъ не менѣе обвиняется въ предательствѣ народа уже давно. Это въ Вѣнѣ начались у насъ тѣ отношенія сербскія, которыя закончились спустя полстолѣтія у Пороговъ и на Бугѣ. Проведены были сербы, какъ проведенъ былъ тотъ, кто былъ первымъ виновникомъ потери ими ихъ родины: не было возврата имъ, не было возврата и ему.

Мы оставили деспота Бранковича, когда его вмѣстѣ съ Исаіей привезли въ Вѣну и бросили въ тюрьму. Его сотоварищъ былъ выпущенъ, по ходатайству изъ Москвы; ждалъ и онъ ходатайствъ и прежде всего отъ «своего», какъ онъ любилъ выражаться, народа: и изъ тюрьмы онъ видѣлъ въ себѣ сербскаго деспота, государя.

И дѣйствительно, только что сербы усѣлись въ Венгріи, патріархъ обратился къ Леопольду съ просьбою объ освобожденіи деспота, и получилъ уклончивый отвѣтъ: «онъ не можетъ быть выпущенъ, пока дѣло его не разсмотрѣно, но постараются разсмотрѣть поскорѣе». Но Арсеній не останавливается, переселенцы посылаютъ депутатовъ: епископа Исаію, подвоеводу Монастирлича, указываютъ, что деспота держатъ противъ всякаго закона, чѣмъ оскорбляютъ ихъ, сербовъ, ходатайствуютъ разъ, другой; но въ Вѣнѣ имъ даютъ тотъ же уклончивый отвѣтъ. Было ясно, что вѣнскій путь и въ этомъ направленіи былъ закрытъ.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ падаетъ обвиненіе самого Бранковича противъ Чарноевича. Онъ могъ обвинять патріарха, съ своей точки, въ узурпаторствѣ, въ присвоеніи верховныхъ якобы правъ надъ сербскимъ народомъ: «каковою савестію — пишетъ деспотъ въ своей «хроникѣ» — дьрзнул еси от цесарскаго двора прошеніем подъ свою область прісвоіти яко цьрковни лик, тако и мірски»; но онъ былъ неправъ, обви-

няя своего счастливаго соперника въ намѣренномъ нерадѣніи объ его освобожденіи: «еліко отстоит небо отъ земле, толіко отстояла сут самотренія и деланія твоя отъ благодети обштои, колмі же паче от *деспотскаго свобожденія* усьрдно понужденіе твое» («Гласник» XXXIII, 146, 150).

Столь же несправедливо было обвиненіе и подвоеводы Монастирлича, что онъ, преслѣдуя цѣли наживы, забылъ «деспотско ва кустодію узіліштно зауставленіе» (ib. 154), обвиненіе и противъ народа, который забылъ-де про своего «естественнаго начальника», обвиненіе, которое деспотъ повторялъ до конца своей жизни. «Небрежением нииково попечение о нашему свобожденію не имеете», пишетъ Бранковичь патріарху въ 1704 г. «Не ва небрежително запомненіе оставлаваете обштим именомь васего народа србскаго обештавание почившаго патриарха; коль крати ва мимошедши времена сія, вазвести ми, ва кои челобитни меморіаль и ва коему пърпому пункту вазложиль еси прошеніе о деспотскому начелству и свобожденію?» спрашиваетъ Бранковичь народъ въ 1708 году (ib. 171, 180).

Но возвратимся назадъ: Вѣна водила въ дѣлѣ Бранковича, какъ водила въ другихъ вопросахъ, и патріархъ обратился къ испытанному прибѣжищу — къ Москвѣ.

Въ 1696 г. патріархъ пишетъ челобитную къ Петру: «да благоугодну причину приобревши, ходатайством послания грамотнаго писания и посланника царствия вашего свобождение деспота нашего и проча полазно потребователна дела народу нашему словеносьрбскому и словеновлахійскому изслѣдствовати во двору римскаго кесарства да благоизволите» («Серб. лѣтоп.» 1830 IV, 73). Просьба эта помѣчена Вѣной и переслана, вѣроятно, чрезъ пріятеля, посланника Нефимонова.

Когда Нефимоновъ былъ отозванъ и смѣненъ «великими послами», Головинымъ, Лефортомъ и Возницынымъ, въ 1698 г. Арсеній повторяетъ ходатайство о Бранковичѣ, указывая, что онъ 9 лѣтъ «ва узилиштну кустидию зауставлен» и весь въ неоплатныхъ долгахъ («Гласник» XXXIII, 165). Къ нимъ обращается и самъ Бранковичь — спасите.

9 іюля (1698) «билъ челомъ в. г—рю и в. полномочнымъ посломъ донесъ челобитье сербинъ Георгій Бранковичъ, который стоитъ за карауломъ цес. в—ва въ Вѣнѣ, что онъ изъ подъ владѣнья турскаго салтана призванъ въ государство цес. в—ва и держатъ за карауломъ десятый годъ, а его цес. в—во

жалованною своею грамотою, призывая его изъ-подъ турскаго подданства, обнадежилъ, что жить онъ будетъ при славяносербскомъ илирскомъ народѣ во всякой вольности, и чтобъ его цес. в—во ходатайствомъ его цар. в—ва того деспота по обѣщанію своему уволнилъ и при сербскомъ рацыянскомъ народѣ жить ему повелѣлъ свободно и тое прежнюю данную ему грамоту новымъ привиліемъ повелѣлъ обновить» («Пам. дип. сн. VIII, 1374). Такъ доносилъ въ Москву Возницынъ.

Ходатайства съ разныхъ сторонъ шли въ Москву о деспотѣ; очевидно, Бранковичь все не терялъ надежды. Но судьба его давно была опредѣлена въ Вѣнѣ. Мы видѣли, интересы австрійскіе требовали избавиться отъ него, какъ возможнаго представителя идеи независимости сербскаго народа, идеи славяно-православной народности — эту идею у себя дома нужно было подавить прежде, чѣмъ народъ свыкся съ ней. Кажется, судьба Бранковича не историческая загадка: но эту незагадку и доселѣ не разрѣшили для себя сербы и, во главѣ ихъ, ихъ католическіе собратья. Сами лѣзутъ въ петлю и не подозрѣваютъ, что они прямые кандидаты Бранковича.

Возницынъ съ товарищами обѣщалъ Бранковичу, какъ обѣщалъ Арсенію, переговорить объ ихъ дѣлахъ съ цесарскими людьми и исполнилъ. 19 іюля Головинъ и Лефортъ выѣхали изъ Вѣны, остался одинъ Возницынъ и ввелъ сербское дѣло въ свои дипломатическіе переговоры. Это первое заступничество наше за славянъ въ Австріи, первое смѣлое вмѣшательство наше въ ея внутреннія дѣла, окончиться которому предстоитъ еще не въ близкомъ будущемъ. Его нельзя потому здѣсь не отмѣтить съ удареніемъ [1]).

---

[1]) Вообще, ужь очень рано Петръ Великій и его дипломаты весьма интересовались свѣдѣніями, и точными, о славянахъ въ Австріи. Сдѣлаю одно указаніе изъ официальной переписки. «Октября во 2 день (1697 г.), по указу В. Г—ря, посланъ изъ Гаги въ *Шклявонскую* землю изъ дворянъ Григорій Островскій, для нѣкоторыхъ дѣлъ тайно; а что ему велѣно дѣлать, и о томъ ему даны статьи и данъ ему для свободнаго проѣзду пасъ таковъ, каковы даваны пасы дворянамъ, которые посланы учится морскаго дѣла. А для той посылки в. г—ря жалованья, подмогъ и наемъ подводъ, дано ему триста золотыхъ червонныхъ. А въ данныхъ ему Григорью статьяхъ написано. 1) Ѣхать изъ Гаги, развѣдавъ подлинно, на которые земли и мѣста ближе и податнѣе, до Словенской или Словацкой и до Шклявонской земли, а на которые мѣста поѣдетъ, и чрезъ чьи земли и государства, и вольные

27 февраля 1699 г. Возницынъ имѣлъ приватную конференцію у цес. вицеканцлера графа Коуница и предложилъ о

городы, и что отъ котораго города до которыхъ мѣстъ верстъ и миль, и какова дорога, и въ подводахъ, и въ кормѣхъ довольство есть-ли, о томъ о всемъ, развѣдавъ и разсмотря подлинно, записать именно. 2) Проѣхавъ въ тое Шклявонскую землю провѣдать: подъ которымъ она государемъ, и многоль въ ней городовъ и знатныхъ мѣстъ, и многолюдная ль она, и какіе въ ней люди, служилые ль или купецкіе, или пахотные, и которыхъ чиновъ болши, и есть ли въ ней капитаны, порутчики, шкиперы, боцманы, штирманы и матрозы, которыебъ служили, или и нынѣ служатъ на воинскихъ корабляхъ? 3) Да и о томъ ему провѣдать: каковы тамъ люди, къ морскому пути и бою будутъ ли противъ венетовъ, и начемъ заобычнѣе, на какихъ судахъ больши употребленія къ бою имѣютъ, на корабляхъ-ли или на каторгахъ, и въ которыхъ мѣстахъ они той войны употребляютъ, и въ чьихъ флотахъ? И о томъ для подлиннаго увѣренія разговоряся съ знатными начальными людми, взять у нихъ на писмѣ. При томъ провѣдать подлинно жь, кто того морскаго дѣла и употребленія есть въ той же землѣ, или того жъ языку, изъ знатныхъ началныхъ людей вице-адмиралы, и иныхъ вышнихъ и нижнихъ чиновъ, и имяна ихъ двухъ или трехъ, или и болши записать. 4) Да потомъ провѣдать: тотъ славенской народъ славенской ли языкъ употребляютъ, и мочно ль съ ними рускому человѣку о всемъ говорить и разумѣть; и изъ нихъ какова ни есть чина человѣка того славенскаго народа и языка привесть съ собою въ Амстердамъ, для познанія языка ихъ, уговоряся съ нимъ по чему давать на мѣсяцъ. 5) Да и о томъ провѣдать: того народа много ли на морѣ служатъ, или болши на земли? 6) Да ему жъ будучи въ Славенской езмлѣ, о всемъ вышеписанномъ развѣдать и учиня, провѣдать: Венеція далеколь отъ той Славенской земли, и путь къ ней на которые мѣста, и чрезъ чьи земли и городы, и сколько миль будетъ или дней ходу? 7) А будетъ словаки языкъ свой употребляютъ не противъ рускаго языка, и узнать его, что они говорятъ, рускому человѣку будетъ не мочно, и такихъ вышеписанныхъ начальныхъ людей нѣтъ, и ему ѣхать въ Венецію; а пріѣхавъ въ Венецію провѣдать: естли въ Венеціи вышеписанные начальные люди капитаны, порутчики, шиперы, и т. д. которые бъ умѣли словенскаго языка, морскаго искуства, и многоль тамъ того языка и иныхъ языковъ такихъ людей? и буде ихъ нанимать въ государеву службу, и такіе люди въ моск. г—рство въ службу поѣдутъ-ли и почему похотятъ? о томъ съ ними поговорить на примѣръ. Такъ же и о томъ провѣдать: того словенскаго языка и иныхъ языковъ вышніе начальные люди есть ли, и кто имяны, и какіе чины, и въ которыхъ флотахъ служатъ, и какое о себѣ имя и похвалу въ воинскихъ морскихъ дѣлѣхъ имѣютъ? И то все провѣдавъ подлинно, записать о всемъ имянно, и съ тою запискою ѣхать въ Амстердамъ не мѣшкая нигдѣ». Такова *тайная* инструкція; но Островской былъ только въ Венеціи и возвратился оттуда 23 декабря въ Амстердамъ (1697), вывезя двухъ «капитановъ — Стематика Меру да Андрѣя Депиора, греческой вѣры; а по даннымъ ему статьямъ въ Шклявонію не ѣздилъ и ничего не учинилъ и бывъ въ Венеціи толко, возвратился безъ дѣла». «Пам. дип. сн». VIII, 1014—1016, 1152.

вольности и о удѣлѣ земли и о свободѣ вѣры сербскому патріарху и всему тому народу; также и о свободѣ деспота Г. Бранковича, который за карауломъ въ Вѣнѣ, и желая на то все удовольствованія просилъ отпуску. Вицеканцлеръ о томъ о всемъ хотѣлъ донести цес. в—ву и ему (т. е. послу) отповѣдь учинить, а при томъ говорилъ, чтобъ посолъ о тѣхъ дѣлахъ далъ для памяти кратко на письмѣ.

Уже въ тотъ же день просимая записка была передана Коуницу: «еще именемъ царскаго в — ва прошу о сербскомъ патріархѣ и о народѣ ихъ, о употребленіи вольности и о мѣстѣ и о вѣрѣ, о деспотѣ Г. Бранковичѣ, дабы свободенъ былъ и отпущенъ, и привилія бъ имъ подтвержены были». Что Возницынъ понималъ серьезное значеніе своего шага, видно изъ указанія мотивовъ въ оправданіе своего вмѣшательства: «а то прошеніе объ нихъ — заключаетъ такъ промеморію — для вѣры, а не для иного чего, а царскаго в — ва въ сторонѣ и вновь въ римской вѣрѣ, для прошенія цес. в—ва, всякая повольность чинится» (ib. IX, 534, 535).

Черезъ недѣлю, 2 марта, былъ отвѣтъ Коуница. Леопольдъ обѣщаетъ исполнить просьбу о патріархѣ, въ общихъ выраженіяхъ и условно: «по своей склонности къ царю императоръ укажетъ, яко да патріархъ сербскій и его народы, якоже доселѣ, такъ и досихъ, всякое безопаство и вольность употребляютъ, онъ всячески надеженъ, что и царь по своему любвеврачительству туже вольность и безопаство католикамъ въ Москвѣ подастъ». Но относительно второй просьбы, о свободѣ деспота, въ темныхъ выраженіяхъ отвѣта былъ учтивый отказъ: «о деспотѣ Бранковичѣ потребное сіе изображеніе дати цес. в—во повелитъ; и по сихъ такое радѣніе имѣти будетъ, что и въ сей вещи царское в—во прямымъ дѣломъ уразумѣетъ, но аичтоже паче цес. в—во усердствуетъ, токмо да желанія царя весьма удовольствуетъ» (ib. 546, 547).

Отвѣтъ русскому послу былъ тотъ же, что давался сербамъ: разсмотримъ его дѣло. Болѣе Возницынъ не могъ начинать дѣла. За то съ особеннымъ вниманіемъ онъ относился ко всѣмъ матеріальнымъ нуждамъ сербовъ и помогалъ, гдѣ и какъ могъ, пользуясь значеніемъ посла.

Августа 14 (1698), по челобитью сербскаго патріарха, данъ ему до Москвы проѣзжій листъ. «Великій посолъ думный совѣтникъ П. Б. Возницынъ объявляю: донесъ мнѣ сербскій па-

тріархъ, что онъ по указу Леопольдуса цесаря желаетъ ѣхать для нѣкоторыхъ потребъ своихъ до Москвы бити челомъ о милостынѣ, а путь свой имѣти будетъ чрезъ его цес. в—ва и кор. в—ва польскаго государства. И по тому желанію патріарху въ ту дорогу ѣхать позволяю. А какъ онъ пріѣдетъ въ Смоленескъ,. и воеводѣ Салтыково съ товарищи объ отпускѣ его въ Москву и о дачѣ ему и при немъ будущимъ людямъ корму и подводъ учинить по указу в. государя». Тогда же посолъ выдалъ проѣзжій листъ Ефрему, епископу Іустіанскому, той же патріаршей епархіи, съ причетники, о пропускѣ къ Москвѣ для челобитья о милостынѣ (ib. 91, 92). Вѣроятно, подъ Ефремомъ Іустіанскимъ разумѣется епископъ Великоварадинскій.

Посолъ не затруднялся являться съ своимъ вліяніемъ на помощь сербамъ въ дѣлахъ даже мелкаго хозяйства. Мы видѣли выше, съ какимъ вниманіемъ отнесся Возницынъ къ только что появившимся сербскимъ монастырямъ въ Срѣмѣ. Но вотъ—на постройку церкви въ одномъ монастырѣ господарь Валахіи подарилъ значительное количество каменной соли, и посолъ заботится о безпошлинной доставкѣ ея: «по прошенію сербина іеромонаха Аѳонасія далъ посолъ отъ себя на латинскомъ языкѣ къ цес. камеру-президенту письмо, съ подписаніемъ руки своей, чтобъ имъ старцамъ пропустить 2600 камней соли безпошлинно, которую соль далъ имъ волошскій господарь на церковное строеніе» (ib. 554).

Но и Чарноевичь, и сербы отвѣчали тѣмъ же сочувствіемъ русскому послу, уполномоченному на конгресѣ въ сербскомъ городкѣ, Карловцахъ. Въ городахъ ему сербы устраивали привѣтныя встрѣчи; а на «комисіи», т. е. на конгресѣ, патріархъ служилъ у русскаго посла посредникомъ въ переговорахъ его съ турецкими комисарами, самъ и при помощи довѣренныхъ сербскихъ священниковъ. Такъ 19 марта 1699 г. Возницынъ извѣщаетъ комисаровъ, что Петръ «нами учиненный покой воспріялъ за благо», и это извѣщеніе было послано чрезъ сербскаго патріарха (ib. 576). Мы имѣемъ указаніе самого турецкаго посла: «лутчему невозможно быти отъ патріарха Иппекію», пишетъ Маврокордато (ib. 167. О священникахъ ib. 149).

Дипломатическое вмѣшательство Возницына по дѣлу австрійскихъ сербовъ не привело ни къ чему, а между тѣмъ подошло время, когда все вниманіе русскаго посла должно было быть направлено исключительно на Турцію, на закрѣпленіе

за Москвой тѣхъ выгодъ, которыя перепали на ея долю за участіе въ священномъ союзѣ. Союзники, подъ вліяніемъ уговоровъ Англіи и Голландіи, явившихся спасать Турцію при возможно менѣе тягостныхъ условіяхъ, шли на миръ и въ противность союзному договору мало обращали вниманіе на нежеланіе Москвы легко мириться, и просто недоброхотствовали ей.

19 іюня 1698 г. Петръ указалъ посламъ Головину и Лефорту отъѣхать изъ Вѣны къ Москвѣ, а при цесарскомъ дворѣ въ полномочныхъ послахъ остаться дьяку, пожалованному теперь совѣтникомъ, Пр Возницыну. Но этимъ же указомъ Возницынъ былъ уполномоченъ, буде дойдетъ до турскаго дѣла, быть представителемъ царя на съѣздахъ съ турскими послами. «Наказали ему—говорилъ царь въ грамотѣ къ цесарю — дабы оный купно съ вашими и иныхъ союзныхъ нашихъ послы, съ турскими послы на съѣздѣ былъ и за нашу сторону разговоръ имѣлъ и на пристойныхъ статьяхъ, если до того дойдетъ, договоръ учинилъ и утвердилъ; въ чемъ не сумнѣваемся, что по обязательству союза и по древней къ намъ вашей дружбѣ, съ вашей стороны въ тѣхъ мирныхъ договорѣхъ наше желаніе, належащее къ пользѣ нашей и всего христіанства, презрѣно и оставлено не будетъ» (ib. IX, 3).

Чрезъ мѣсяцъ Головинъ и Лефортъ уѣхали, а 28 іюля гр. Кинскій сообщилъ Возницыну условія, «каковы прислали посредники, англійскій и голандскій послы (Пажетъ и Кольнеръ), ѣдучи къ съѣзжему мѣсту, съ дороги изъ-за Софіи о турскомъ миру съ цес. в—вомъ и съ союзники». Посредники писали о полученіи условій имперіи и Венеціи и «воспріявъ радовались, понеже, когда пріятно Портѣ быти покажется, поступати тщимся къ подтвержденію основанія такъ, дабы наискорѣе къ съѣзду поступлено было, гдѣ уже, подтвердивъ существо, о окрестностяхъ, которыя къ миру потребны покажутся, удобно якоже и скорѣе договариватися возможно. Мы чаемъ общаго правила основаніе—како владѣете—такъ здѣсь за благо приняти покажется, что о немъ нечего». Они сообщали дальше, что уполномоченные Порты, вышній канцлеръ Магметъ Аѳенда и государственный секретарь Ал. Маврокордато, «съ нами вскорѣ въ Бѣлградъ поѣдутъ, гдѣ радѣніемъ посредства нашего ожидати будутъ, дабы о мѣстѣ, гдѣ быть съѣзду, скорѣе согласится, котораго они Саланкаменъ или въ сосѣдствѣ онаго предлагаютъ». Посредники предлагали Вѣну, Дебрецинъ, но Порта до-

могалась, «дабы на такомъ мѣстѣ, которое никому не принадлежитъ». Сообщали, что Порта настаивала только на перемиріи, но въ виду требованій императора и Венеціи они къ перемирію не соизволятъ (ib. 30—32).

Итакъ, основаніемъ переговоровъ было «правило»—*како владѣете*. Но этимъ условіемъ не могла быть довольна прежде всего Польша, и уже 29 іюля былъ у Возницына аблегатъ польскій, ксензъ Гамалинскій, съ жалобой на союзниковъ—имперію и Венецію: «поляки не токмо въ рукахъ своихъ непріятельское что не держатъ, но и своего власнаго не могутъ сыскать—Подоля и прочая». Неудовольствіе своего польскаго сотоварища раздѣлялъ и Возницынъ. Кинскому и Коуницу онъ прямо заявилъ, что если бы «съ турской стороны кому изъ союзныхъ какое неудовольствованіе было, тогда лучше и пристойнѣе тѣхъ бусурманъ воевать и для лучшей надежды тотъ союзъ продолжать, чѣмъ бы того непріятеля къ искорененію привести» (ib. 48). Посолъ настаивалъ, что миръ съ турками долженъ удовлетворить всѣхъ членовъ союза, что потому до съѣзда необходимо всѣмъ условиться въ своихъ требованіяхъ. Точка зрѣнія Возницына была старая, московская, точка и современной Россіи—искоренить политическую силу Турціи, поставить на мѣсто нея иную—силу турецкихъ христіанъ, какъ это будетъ особенно ясно въ предложеніи Возницына на конгресѣ. Но иная точка была у Вѣны: она работала для себя—себя поставить на мѣсто Турціи; а этого нельзя, такъ быть довольнымъ, что есть,—и Кинскій отвѣчалъ Возницыну: напередъ уславливаться не слѣдъ, пусть каждый требуетъ на съѣздѣ, чего захочетъ. Ясно, что Вѣна уже заранѣе выдавала Москву головой: вѣдайся сама, приготовила Возницыну самое тягостное положеніе на предстоявшемъ съѣздѣ. Мнѣніе Возницына раздѣлялъ одинъ аблегатъ польскій, которому было указано «цесаря наговаривать, чтобъ миру съ туркомъ не чинить; поляки говорятъ, что на ихъ сторону удовольства въ статьяхъ турскихъ нѣтъ» (сообщеніе резидента Никитина изъ Варшавы Возницыну 24 іюня 1698, ib. VIII, 1338). Но, получивъ отъ самого Леопольда разъясненія въ смыслѣ отвѣта Кинскаго, Возницынъ оставилъ свои требованія.

Въ октябрѣ уполномоченные съѣхались вблизи только что отстроившагося сербскаго городка въ Срѣмѣ, Карловцевъ и, какъ писали раньше посредники, въ шатрахъ. Возницынъ помѣстился около Петроварадина, по другой сторонѣ Дуная. Перегово-

ры протянулись чрезъ всю зиму, и посолъ «терпѣлъ всякую нужу и стужу»; утѣшалъ себя тѣмъ, что «по вся недѣли и праздники ѣздилъ къ обѣднѣ» въ городъ (ib. IX, 514).

Тяжело было положеніе русскаго посла. Вмѣсто совѣта у союзныхъ пословъ онъ встрѣчалъ одну интригу. Они интригуютъ противъ него у турокъ, подговариваютъ не уступать русскимъ требованіямъ, а требованія эти были весьма серьозны:

1) «Понеже крымскіе, очаковскіе и бѣлогородскіе татаровя многую шкоду и убытки починили, то его цар. в—во желаетъ, чтобы уступленъ былъ на крымскомъ острову при устьѣ Азовскаго моря гор. Керчь.

2) Свобода торговая до Крыму, до порубежныхъ городовъ и до Константинополя и далѣй.

3) Гробъ господень противъ древняго обычая во владѣніи іерусалимскаго греческіе вѣры патріарха.

4) Церквамъ и монастырямъ, греческую вѣру имѣющимъ, вездѣ во владѣніи его салтанова в—ва сущимъ, такжъ и разныхъ народовъ людемъ: *грекомъ*, *сербомъ*, *болгаромъ*, *словакомъ* и инымъ всѣмъ, тоежъ вѣры употребляющимъ, *да будетъ всякая свобода и вольности*, *безъ всякаго отягченія и лишнихъ податей*, *а накладные дани да отъимутся отъ нихъ*, *а впредь къ тому принуждаемы не будутъ*» (ib. 206, 207). Эти условія вполнѣ согласовались съ тѣми задачами, которыя выставила Москва Леопольду, вступая въ союзъ: «то они (цари) учинили для отысканія церквей божіихъ грецкого и римского закона и для освобожденія въ полону подъ игомъ бусурманскимъ стенящихъ и для отысканія исконно належащихъ государствъ и рубежей христіанскимъ монархомъ» (ib. VII, 276).

Кто не видитъ, что въ послѣднемъ пунктѣ изъ числа тѣхъ, «на каковыхъ пунктахъ царь желаетъ быть съ салтановымъ в—вомъ турскимъ въ дружбѣ и въ миру», дана та политическая програма, исполнить которую стремилась Россія въ теченіе обоихъ послѣдующихъ столѣтій, которая стоила намъ десяти войнъ и которая только въ эти вѣчнопамятные въ нашей исторіи дни привела насъ подъ Константинополь, гдѣ мы продиктовали то, что было предложено забытымъ Возницынымъ на турской комисіи въ Карловцахъ, почти въ сердцѣ Европы, ровно за 180 лѣтъ до санстефанскаго договора. И какая громадная въ содержаніи разница между этими условіями Петра, конечно, отвергнутыми Портой, и тѣми, на которыхъ помирил-

ся Леопольдъ. Напрасно искать въ условіяхъ цесарскихъ той высокой заботы о судьбѣ христіанской райи, которая такъ смѣло выставлена Возницынымъ, какъ политическая заповѣдь Россіи: въ нихъ одна забота — о своей наживѣ, поскорѣй закончить свою выгодную сдѣлку. Въ одномъ только пунктѣ сказалась забота цесарцевъ о славянской райѣ: «да не будетъ прибѣжище или отраду дать злымъ людемъ бунтовщикамъ, и дабы и вящи въ злыхъ такихъ своевольностехъ остережено было, и того ради *ни единой странѣ вольно да не будетъ содержать и кормить гайдуковъ*» (т. е. бѣглецовъ, въ родѣ нынѣшнихъ боснійскихъ, 8 предложеніе ib. 221).

И свои историческія требованія объ улучшеніи быта единовѣрныхъ Возницынъ заявилъ въ обстановкѣ, самой трудной, когда повсюду были одни подвохи — со стороны союзныхъ. Предложенія Возницына были отвергнуты, и послу оставалось пойти на перемиріе. Возницынъ и Маврокордато въ засѣданіи 10 декабря согласились, что въ теченіе двухъ лѣтъ особые послы учинятъ мирный договоръ. «Тогда англійскій посолъ—пишетъ Возницынъ—злояростнымъ устремленіемъ молчавъ и чернѣвъ, и краснѣвъ, многій испустилъ свой ядъ, и говорилъ уже это и не знаемо что, и пословъ въ Царьградъ не посылать; но по крайней мѣрѣ надобно къ сему прибавить, чтобы отъ сего числа въ три мѣсяца царь далъ знать, желаетъ ли онъ быть въ мирѣ и на чемъ, и когда пришлетъ пословъ своихъ, то оный совершить чрезъ ихъ же посредство; да и то надо нынѣ поставить, чтобъ ц. в—во вновь городовъ не строилъ и никакихъ крѣпостей не укрѣплялъ, не обновлялъ и не починивалъ» (Голиковъ «Дѣянія» I 592). Ясно, вѣковое нахальсто. Послу допекалъ также ксензъ Гамалинскій, онъ жалуется въ Москву, и въ этой жалобѣ свѣтится то же глубокое пониманіе политическихъ отношеній. «Съ поляки твердо подтвердить, которые намъ вяще всѣхъ народовъ враги и мыслятъ вся злая на насъ и ждутъ времени, гдѣ и нынѣ польской посолъ къ туркамъ приказывалъ, чтобъ съ нами не мирились, понеже и они имъ будутъ въ помочь, и иные многіе неприятству злобные слова. Я на милость твою, государя моего, надѣясь, доношу — во истину надобно съ ними опасно поступить и злое ихъ намѣреніе вовсе истребить. Чая, что мы цѣло въ войнѣ останемся, еще и никакого сношенія въ дѣлѣхъ со мною имѣть не восхотѣлъ» (ib. 513, 14). Хотя еще недавно таже Польша иначе смотрѣла

на Москву и Турцію; на предложенія Турціи о мирѣ въ 1689 г. Польша отвѣчала: «требѣ есть, чтобъ крымскихъ, нагайскихъ, очаковскихъ, бѣлогородскихъ ордъ отчасти чрезъ море въ Азію, отчасти же чрезъ Дунай въ Трацкую землю перевесть, а Крымъ уступить москвитинамъ» (ib. VII, 445).

Ясно, что и съ своими думными дьяками-бородачами, этими доморощенными, дурно пахучими дипломатами, старая Москва понимала свои историческія цѣли свою политику, столь же ясно и твердо, какъ мы сегодня свою русскую политику. Съ какимъ сердечнымъ удовольствіемъ читаешь стряпню нашихъ бородатыхъ дипломатовъ, открывавшихъ своихъ людей даже въ грозномъ цесарствѣ и умѣвшихъ приласкать ихъ. Бѣда, что позже ихъ уже не понимали.

Цѣло въ войнѣ мы не остались, какъ надѣялся нашъ польскій союзный въ Карловцахъ. Мы видѣли, было заключено перемирье, а уговориться о мирѣ положено было позже специальнымъ посламъ русскимъ и турскимъ. Всѣ же другіе союзные помирились твердо.

На самомъ исходѣ столѣтія, 29 декабря 1699 года, заключена была священная война, начатая 17 лѣтъ назадъ. При посредничествѣ главнымъ образомъ Англіи, Турція удержала свое европейское положеніе еще надолго, хотя цѣною весьма значительныхъ уступокъ на с.-западѣ своимъ двумъ доселѣ сильнѣйшимъ врагамъ—имперіи и Венеціи.

Потеря Азова, битва на рѣкѣ Сентѣ (между Бѣлградомъ и Петроварадиномъ), заключеніе рисквикскаго мира, когда Австрія могла двинуть снова всѣ свои силы на Турцію, всѣ эти обстоятельства заставили константинопольскій дворъ нѣсколько сбавить воинственнаго пыла, и партія мира въ диванѣ начала брать верхъ. Война продолжится — и Богъ вѣсть, чѣмъ она можетъ окончиться? можно потерять Бѣлградъ, Темешваръ, ключи Сербіи и Валахіи, можно потерять весь Крымъ, который теперь ничѣмъ не защищенъ. Венеція, владѣя Мореей, будетъ постоянно отвлекать флотъ изъ Чернаго моря, а тутъ страшныя приготовленія русскаго царя. Замѣтимъ кстати, что Петръ уже рано понялъ значеніе Чернаго моря и уже давно задумалъ то дѣло, исполненіемъ котораго былъ въ послѣдствіи неудавшійся прутскій походъ. Учась корабельному искусству на верфяхъ Голландіи, молодой царь писалъ патріарху Адріану: «Мы въ Нидерландахъ... трудимся, что чинимъ не отъ нужды,

но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратясь противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатію его быть. *Чего до послѣдняго издыханія желать не престану*» (Соловьевъ, XIV, 258, Голиковъ «Дѣян.» I 388). Не должно ли наконецъ опасаться, что подданые великаго султана греческой вѣры имѣютъ сильное желаніе поддаться государю, который, какъ этотъ царь московскій, одной съ ними вѣры (Zinkeisen, V, 201)? Такъ разсуждала партія мира въ диванѣ, и, по свидѣтельству Контарини, особенно напирала на послѣднемъ своемъ доводѣ. Но Порта тѣмъ болѣе должна была спѣшить миромъ, что только чуяла недоброе, а не знала, что̀ происходило на дѣлѣ. У Порты былъ одинъ человѣкъ греческой вѣры, по видимому, вполнѣ преданный ей—господарь Валахіи, въ которомъ она не могла заподозрить симпатіи къ Россіи, но замысловъ этого человѣка она не знала.

Стоя на перепутьѣ, Валахія была какою-то общею добычей, въ которую мѣтили запустить когти всѣ ея сосѣди. Австрія уже давно острила зубы на богатую дунайскую равнину; отъ нея не отставала и плелась туда же и тощая Польша. Когда со стороны турокъ были предложены предварительныя условія мира, русскій резидентъ въ Варшавѣ, Алексѣй Никитинъ, писалъ великимъ посламъ въ Вѣну (отъ 24-го іюня): «поляки велѣли (своему послу Гамалинскому) цесаря наговорить, чтобъ миру съ туркомъ не чинить, а для чего, того не вѣдомо; только поляки говорятъ, что на ихъ сторону удовольства въ статьяхъ турскихъ нѣтъ, и хотятъ, чтобъ мултянскую землю имъ турокъ уступилъ» («Пам. дип. сн.» VIII, 1338).

Еще десять лѣтъ назадъ, когда Турція сепаратными договорами желала было разбить священный союзъ, въ 1689 Польша, въ отвѣтъ на предложенія Турціи о мирѣ, требовала уступить ей «что есть земли между Днѣпромъ и Дунаемъ, молдавскую землю и обою Алпинскую Валахію», какъ сообщалъ русскій резидентъ въ Варшавѣ (ib. VII 445, ср. о томъ же въ 1690 ib. 517).

Находясь съ своею Валахіей въ отчаянномъ положеніи, между двухъ огней—съ одной стороны турки, съ другой поляки и австрійцы—Бранкованъ вспомнилъ забытаго имъ русскаго царя и съ воплемъ отчаянія обратился къ нему, ища спасенія. Въ началѣ 1698 года онъ тайно отправилъ въ Россію одного изъ бояръ, Георгія Кастріота, съ грамотой къ Петру,

въ которой просилъ его принять Валахію въ подданство и послать войска въ Бесарабію. Кастріотъ явился къ Мазепѣ и гетману велѣно было немедленно отпустить гонца къ Москвѣ. Въ грамотѣ своей о подданствѣ Бранкованъ писалъ: «Со слезами молимъ, спаси насъ отъ папистовъ и іезуитовъ, которые бѣснуются на православныхъ больше, чѣмъ на турокъ и жидовъ. Война мірская можетъ когда-нибудь кончиться, а война іезуитская никогда» (Соловьевъ, XIV, 329). Но было уже поздно; упущеннаго времени нельзя было воротить; война кончалась, и самъ Петръ волей-неволей долженъ былъ вступить въ мирные переговоры. Понимая, что значила дунайская равнина, Порта имѣла еще столько силы, чтобы во что бы ни стало не выпустить ее изъ рукъ своихъ для кого бы то ни было, и, уступая всѣ земли на сѣверъ отъ Дуная, она упорно стояла за Валахію: «поляки весьма изъ мултянскіе земли вытить имѣютъ», сказано было въ предварительныхъ мирныхъ статьяхъ великаго визиря («Пам. дип. сн.» VIII, 1282). 29 іюля 1698, въ бытность царя въ Вѣнѣ, была подана почта съ Москвы, отпущенная іюля въ 1 день, на которой прислано письмо мултянскаго посланца, Г. Кастріота, о подданствѣ мултянской земли (ib. IX 41). На моленіе Бранкована Петръ могъ сдѣлать одно —сообщить для принятія къ свѣдѣнію великимъ посламъ (ib. VIII 1334, 1335). Но Бранкованъ избавился отъ папежниковъ и іезуитовъ и безъ Петра: карловицкимъ миромъ была торжественно закрѣплена дунайская равнина за Турціей.

«Никогда еще», говоритъ Цинкейзенъ (V, 237), «Порта не покупала болѣе позорнаго, болѣе невыгоднаго мира, цѣною болѣе тяжелыхъ жертвъ, какимъ былъ тотъ, который при закатѣ XVII вѣка на негостепріимныхъ поляхъ карловицкихъ положилъ конецъ ея долговременной борьбѣ съ соединившимися противъ нея въ священный союзъ державами европейскаго христіанства. Она потеряла почти половину своихъ владѣній, свои лучшія и доходнѣйшія области въ Европѣ и вмѣстѣ съ ними, естественно, значительную часть своихъ финансовыхъ и военныхъ средствъ. Венгрія до темешварскаго баната, Седмиградія, Морея, Далмація, Украина, Подолія были теперь оторваны отъ османскаго государственнаго тѣла, и въ то время какъ съ запада, со стороны отовсюду открытыхъ границъ, одолѣвавшая сила христіанскаго оружія все ближе и ближе подвигалась къ столицѣ имперіи, Каменецъ-Подольскій и Азовъ

образовали наступательные передовые посты ея опаснѣйшихъ враговъ на сѣверѣ».

Сербовъ перевелъ патріархъ Арсеній; но былъ ли въ немъ злой умыселъ, предательство народа? Можно ли винить его въ переводѣ? Отовсюду слышу я сербскіе голоса: да, виновенъ! слышу безконечныя іеремiады, нареканія....

Я не могу пѣть въ одинъ тонъ съ современными сербскими историками княжества, для которыхъ Арсеній то «глупецъ» (Витковичь въ «Гласнику» XXVIII, 6), то «подлецъ» (Ст. Новаковичь ib. XXXIII, 141). Новаковичь, безспорно, одинъ изъ наиболѣе трезвыхъ политиковъ Бѣлграда, не различаетъ Чарноевича отъ Бранковича: оба они руководились-де при поднятіи и переводѣ сербовъ въ Австрію прежде всего не необходимостью, интересами блага народнаго, а узко егоистическими соображеніями. На первомъ мѣстѣ шло — возобновить старое деспотство; не удалось это въ Сербіи, такъ удастся въ Австріи. Патріарху, который доселѣ въ предводительствѣ народомъ былъ безъ соперника, казалось, безъ сомнѣнія, не выгоднымъ оставить это отличіе Бранковичу. О народѣ, о его счастіи и несчастіи, по старому властельскому типику, никто и не думалъ (ib).

У Новаковича заключеніе отъ настоящаго къ прошлому. Въ Бѣлградѣ желали бы имѣть въ старой Сербіи сербовъ, а теперь тамъ арнауты; потомки же сербовъ Арсенія въ Венгріи не имѣютъ пока значенія для Бѣлграда. Но во время Арсенія «кнежевины» еще не было: не вина его, что онъ не могъ работать для нея. Онъ силился создать свою «кнежевину» въ государственной колыбели сербовъ—въ Печи, Дечанахъ; попытка не удалась и не могла удасться, если бы турки были и уничтожены, потому что его проводили и провели австрійцы. Но развѣ и сегодня Австрія не имѣетъ почвы въ Бѣлградѣ? Нельзя же винить серба XVII ст., что онъ имѣлъ вѣру, при помощи христіанскаго цесаря, создать величіе, блескъ своего народа? Позади его опыта у него не было. Мы высоко цѣнимъ дѣятельность Георгія Чернаго, Милоша — но не тѣже это попытки, что и Арсенія? Разница, что онѣ были въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ, случайны, безъ плана. Мы не цѣнимъ ихъ по тому, что онѣ удались: въ нихъ для насъ дорого не затерявшееся сознаніе свободы народа. Не будемъ же неправы къ несчастному патріарху, который искупленъ въ памяти народа народной пѣснью (о смерти его въ Вѣнѣ, «Серб. лѣтоп.» 1842, 61); войдемъ

въ жизнь его и, можетъ быть, найдемъ въ ней для себя небезполезныя и сегодня указанія... Онъ близко познакомилъ сербовъ съ Москвой—не забудемъ и этого.

Хула на Арсенія идетъ отъ Бранковича. Онъ обвинялъ, что патріархъ, презрѣвъ его званіе, по наушенію одного «латинскаго настоятеля», добылъ отъ императора особое «грамотно писание», чтобы имѣть «саравнителну власть» надъ церковью и народомъ. «Ты, нѣкій сербскій церковникъ (т. е. Арсеній), одинъ все себѣ присвоивъ, съ безстыдствомъ утверждалъ, что всяческая власть прилична монашескому клобуку, и порабощеніе, въ какомъ былъ сербскій народъ подъ туркомъ, ты уготовилъ ему и въ цесарской землѣ, чтобы только ты одинъ имѣлъ все» (Хроника въ «Гласнику» XXXIII, 147).

Но ясно, зависть и озлобленіе руковидили Бранковичемъ, видѣвшимъ, что та власть, къ которой онъ такъ стремился и было достигъ, очутилась въ рукахъ калугера—патріарха. Въ характерѣ Бранковича не одна черта отталкивающая. И въ заключеніи онъ бредилъ только титуломъ «наслѣдственнаго деспота» и важно подписывался подъ весьма просительными письмами къ Петру Великому — спаси меня и дай денегъ. Можетъ быть, тщеславіе деспота, отсутствіе любви къ дѣлу изъ-за дѣла понималъ Петръ; отсюда видимо холодный пріемъ всѣхъ его моленій.

Но при этой матеріальной невыгодѣ была одна выгода—нравственная. Москва и славяне впервые встрѣтились лицомъ къ лицу въ Австріи. Москва узнала про славянъ и въ цесарской землѣ, и тамъ же она ознакомилась ближе съ христіанами турецкими. Она узнала на дѣлѣ, что могутъ стоить они въ политикѣ европейской и она сама, по отношенію къ турецкому вопросу; смогла оцѣнить роль своихъ сосѣдокъ: Польши и имперіи, каждый разъ, когда бы зашла рѣчь о христіанахъ. Ея разочарованія на «турской комисіи» — та полезная школа опыта, которая единое условіе — здоровой, реальной политики. Война союза должна была быть полезна и другой сторонѣ — христіанамъ. Она должна была отрезвить ихъ отъ дѣтской довѣрчивости къ людямъ, которыхъ не знаешь и, проводя ихъ чрезъ туже школу опыта, должна была очистить ихъ. На примѣрѣ сербовъ они имѣли читать свою судьбу, какъ изготовлялась она ихъ друзьями — въ Вѣнѣ. Бѣда только, что мы, русскіе, особенно богаты были слабой памятью ко всѣмъ тяж-

кимъ урокамъ прошедшаго, что старая довѣрчивость не затерялась и сегодня среди христіанъ. А политика — только злопамятна.

Не прошло и десяти лѣтъ, и этотъ моральный результатъ отъ священной войны сказался въ самомъ яркомъ свѣтѣ — въ памятные годы *Прутскаго похода.*

Глава 2. До прутскаго похода (1711).

Съ неисполненными надеждами оставлялъ Возницынъ конгресъ карловицкій, гдѣ впервые Европа обсуждала и рѣшала судьбу турецкихъ христіанъ, извѣрившійся въ цесаря, но въ тоже время съ сознаніемъ, что потерянное освобожденіе христіанъ не потеряно, но оно должно только получить иной ходъ, должно было принято исключительно въ руки Россіи.

Покидая конгресъ, Возницынъ сознаетъ возможность новой войны съ Турціей, войны одной Россіи, и онъ соображаетъ шансы ея.

Мы видѣли, что однимъ изъ первыхъ дѣятелей въ возбужденіи Москвы, въ уговорѣ ея начать войну за освобожденіе христіанъ былъ сверженный патріархъ Константинополя, Досиѳей, и вотъ, по пути изъ Карловцевъ въ Вѣну, Возницынъ посылаетъ Досиѳею, какъ знакомому на мѣстѣ съ положеніемъ Турціи и ея христіанъ, рядъ интимныхъ запросовъ о видахъ Россіи при новой войнѣ. Запросы эти очерчиваютъ взглядъ опытнаго русскаго дипломата на средства къ освобожденію христіанъ—средства самаго краснаго оттѣнка.

24 янв. (1699), по выѣздѣ изъ Варадина, онъ послалъ чрезъ своего испытаннаго агента въ монашеской рясѣ, старца Григорія, цыфирное письмо къ Досиѳею. «Турки желаютъ отъ насъ—пишетъ посолъ—днѣпровскихъ городковъ; скажи и отпиши, что лучше: въ миру ль съ ними быть, или въ войнѣ, и буде въ миру, на чемъ они съ нами помирятся? И буде быть

въ войнѣ, *можемъ ли мы съ ними одни воевать, и помогутъ ли и пристанутъ ли къ намъ греки, волохи, мултяне, сербы, болгаре и иные православные народы, и мочно ль на нихъ надежду имѣть?»* Возницынъ не увлекается—требуетъ провѣрки на мѣстѣ не разъ имъ читанныхъ и слышанныхъ симпатій православныхъ къ Москвѣ, осторожность тѣмъ необходимѣйшая, что въ его головѣ уже зрѣетъ мысль, которую осуществилъ позже его державный повелитель, мысль о походѣ за Прутъ, о вторженіи за Дунай: «и хлѣбными запасы и конскими кормами могутъ ли войска наши безъ нужды, зашедшіе въ чужіе края, пропитаться?» Опытъ карловицкаго съѣзда научилъ Возницына, что старые, какъ оказалось, фальшивые союзники не только не могутъ быть принимаемы въ расчетъ, напротивъ, ихъ отнынѣ необходимо отнести въ разрядъ враговъ; онъ предвидитъ, что Европа не позволитъ Россіи одной начать расправу съ Турціей, но, не полагаясь на себя, онъ спрашиваетъ и объ этомъ патріарха: «въ то время (т. е. на случай вторженія) не пристанутъ ли къ туркамъ въ помощь иные, а именно—цесарь за сербы, полякъ за волохи, французъ и венеты, не допуская до силы»? («Пам. дип. сн.» IX, 516, 17).

Изъ этой замѣчательной депеши Возницына видно, что дипломатія Петра не обманывала себя на счетъ значенія карловицкаго конгреса для Россіи, ясно постигала тѣ отношенія, которыя принимала Европа къ Россіи и къ христіанамъ въ вопросѣ турецкомъ: но Россія не отступала подъ угрозой складывавшихся отношеній, предъ тягостью своей старой задачи—«слобожденія христіанъ», значительно только выяснившейся на карловицкомъ конгресѣ. Возницынъ провидитъ войну, обдумываетъ и ея средства, и былъ правъ: война оказалась возможной, и въ очень скоромъ времени, какъ и предполагалъ онъ.

Жизнь въ средней Европѣ сейчасъ же послѣ карловицкаго мира указала, что брожженіе, начатое войной священнаго союза въ средѣ христіанъ Турціи, унялось на самое короткое время. Усиленное новымъ элементомъ неудовольствія—сербами въ Австріи, оно, крѣпчая постепенно, теперь живѣе собиралось около своей точки тяготѣнія и приготовляло взрывъ.

Въ благодарность за испытанную вѣрность, которую оказывалъ господарь Валахіи Портѣ въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, послѣдняя освободила Валахію на два года отъ всякихъ податей; а въ знакъ особеннаго благоволенія лично къ

Бранковану, султанъ пожаловалъ его въ пожизненные господари. Бранкованъ былъ внѣ себя отъ радости; страшный громъ пушекъ извѣстилъ жителей Букарешта объ этомъ великомъ для господаря днѣ. Но не успѣли пройдти эти льготные два года, какъ Бранкованъ получилъ приказанiе отъ великаго визиря взнести 8 тысячъ кошельковъ. Скрѣпя сердце, господарь и бояре исполнили приказанiе. Прошелъ еще годъ, и 20-го сентября 1702 полученъ былъ новый фирманъ—объ уплатѣ дани за годъ впередъ, и въ декабрѣ деньги были взнесены. Бранкованъ спокойно жилъ въ Букарештѣ, какъ вдругъ въ 1703 году собралась разразиться надъ его головой страшная гроза.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ враговъ Бранкована опаснѣе другихъ былъ великiй драгоманъ Порты—Александръ Маврокордато, пользовавшiйся послѣ заключенiя карловицкаго мира особеннымъ расположенiемъ дивана. «Непримиримый врагъ»—какъ называетъ Маврокордата Кантемиръ—онъ вмѣстѣ съ великимъ визиремъ замыслилъ лишить его господарства. Въ половинѣ апрѣля прибылъ въ Букарештъ турецкiй имброгоръ съ письмомъ отъ великаго визиря, а въ ѳоминъ понедѣльникъ онъ имѣлъ аудiенцiю у Бранкована. Визирь требовалъ, чтобы господарь немедленно явился въ Адрiанополь (Одринъ) на поклонъ султану, то-есть, поднести султану годичную дань въ двойномъ размѣрѣ. Бранкованъ, вѣрный своей политикѣ, тотчасъ же отвѣчалъ визирю, что поспѣшитъ исполнить высокое приказанiе. Между тѣмъ господарь заболѣлъ; боясь, чтобы враги не воспользовались его замедленiемъ, онъ поспѣшилъ отправить посольство въ Адрiанополь съ извѣщенiемъ о своей болѣзни, и вмѣстѣ съ этимъ ему было дано тайное порученiе не щадить денегъ, чтобы только отклонить ударъ, который онъ предчувствовалъ. Впрочемъ, въ началѣ мая Бранкованъ былъ уже здоровъ, а 20-го мая онъ прибылъ въ Адрiанополь. Ни великiй визирь, ни драгоманъ не ждали такого оборота дѣла; они надѣялись, что господарь откажется отъ предложенной высокой чести.

По прiѣздѣ Бранкована въ Адрiанополь, его первый посѣтилъ Маврокордато: онъ былъ удовольствованъ тѣмъ, что онъ и сынъ его Николай получили большiе подарки. 9-го iюля господарь былъ принятъ дружелюбно самимъ визиремъ, а 15-го iюня султаномъ. Въ знакъ своей милости къ Бранковану султанъ пожаловалъ ему новый фирманъ въ подтвержденiе пожизненнаго господарскаго достоинства. Бранкованъ извлекъ пользу изъ не-

удавшихся козней враговъ; но эта польза обошлась ему слишкомъ дорого. Возвратясь изъ Адріанополя, онъ признавался великому стольнику Константину Кантакузину и нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, что онъ готовъ скорѣй умереть, чѣмъ предпринять еще разъ путешествіе за Дунай.

Подъ вліяніемъ недавнихъ впечатлѣній въ головѣ Бранкована снова пробуждается заглохшая мысль, и къ этому-то времени мы должны отнести возобновленіе его сношеній съ Петромъ Великимъ.

Мы видѣли, что, отставъ отъ Москвы и въ теченіе десяти лѣтъ не зная ея, Бранкованъ въ началѣ 1698 г. обращается къ Петру съ рѣшительной просьбой принять въ подданство. Но обращеніе это было на канунѣ открывавшагося конгреса. Петръ могъ благодарить, обѣщать—но пока не могъ принять одинъ войну съ Турціей а, можетъ быть, и съ союзниками изъ-за Валахіи. Но проходитъ четыре года послѣ мира, и просьба повторяется. Въ половинѣ 1704 г. посланникъ Бранкована, Давидъ Чаушъ, «человѣкъ весьма доброй», прибылъ въ Петербургъ. Несомнѣнно, рѣчь пошла о подчиненіи Валахіи — тема старая; но подробности этихъ переговоровъ мнѣ неизвѣстны [1]). Переговоры велъ Головинъ. Надо думать, что, они не привели къ опредѣленному концу: война сѣверная только что начиналась; мы были побиты; кто зналъ, что будетъ дальше? вмѣшается или нѣтъ Турція? отъ этого всецѣло зависѣлъ отвѣтъ валашскому господарю. Но прошелъ годъ. Петръ оправился. Въ Константинополѣ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за поединкомъ двухъ сѣверныхъ богатырей, не скрываютъ симпатій къ Карлу и опасеній предъ растущей Россіей — и Петръ вспоминаетъ о Бранкованѣ и о его послѣ: «о турецкомъ дѣлѣ — пишетъ онъ Головину 7 марта 1706 г. въ отвѣтъ на его доне-

---

[1]) Ни въ изданіи Румянцева, ни въ «Полномъ собраніи» нѣтъ свѣдѣній. 13 октября 1704 г. Ѳ. Головинъ пишетъ въ Москву Мус. Пушкину: «просилъ меня мултянской посланникъ госп. Давидъ Чаушъ, обрѣтающейся здѣ, что пишетъ ему на Москвѣ живописецъ Ив. Вас. сынъ Жеребцовъ иконы, котораго живописца взяли нынѣ къ дѣлу триумфальныхъ воротъ, и оттого иконному письму учинилась остановка», по этому Голиковъ проситъ Пушкина освободить «дабы онъ могъ то иконное письмо совершить, а онъ г. Чаушъ человѣкъ весьма доброй и будетъ за сіе самъ милости твоей благодарить». Изъ «Сборника П. Муханова». Спб. 1866 г.

сенія — съ немалою радостью слышимъ и васъ взаимно поздравляемъ.... Зѣлобъ хорошо, чтобъ подъ сей часъ Чаушъ Давидъ былъ у насъ. О Толстомъ хотя ему и тягостно (въ Турціи), однако еще бъ тамъ нѣкоторое время побылъ» (Голиковъ «Дѣянія» XIII, 247). Здѣсь Петръ видимо сожалѣетъ, что посольство Чауша 1704 года осталось безъ результатовъ. Можетъ быть, Петръ, понимая людей, мало расчитывалъ на стараго кознодѣя валашскаго, а потому въ 1704 г. не рѣшался войти въ опредѣленныя обязательства съ Бранкованомъ, а позже сожалѣлъ.

Между тѣмъ положеніе Бранкована дѣлалось шатче и шатче. Если до этого времени Бранкованъ, имѣя враговъ только въ Царѣградѣ, былъ спокоенъ со стороны Молдавіи, гдѣ сидѣлъ его другъ Михаилъ Раковица, то въ началѣ 1705 года обстоятельства перемѣнились: Раковица былъ лишенъ престола, а на его мѣсто взошелъ старинный врагъ Бранкована, Антіохъ Кантемиръ. Долженствуя зорко слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Яссахъ, господарь только силою денегъ могъ отклонять удары изъ Константинополя. Въ теченіе 1706 года, кромѣ обычной годовой дани, Бранкованъ долженъ былъ внести слишкомъ 220 кошельковъ, что составляетъ около $^1/_2$ миліона рублей. Наступилъ 1707 годъ; 5-го марта Бранкованъ получилъ приказаніе отъ визиря, въ виду приближавшейся грозы съ сѣвера, выслать 2.300 рабочихъ съ 350 подводами на укрѣпленіе Бендеръ. Исполненіе этого приказанія обошлось очень не дешево. Но лишь только оно было выполнено, визирь потребовалъ высылки изъ предѣловъ Валахіи всѣхъ турецкихъ подданныхъ, которые имѣли здѣсь свои поселенія. Требованіе было невыполнимо: Бранкованъ уже давно сносился съ задунайскими славянами, давалъ имъ убѣжище у себя, и потому, выславши, для вида, турокъ и нѣкоторыхъ изъ поселившихся на лѣвомъ берегу Дуная болгаръ, онъ въ то же время приказалъ тайно поселить у границъ Седмиградіи до 15-ти тысячъ сербовъ.

Но между тѣмъ обстоятельства складывались лучше для Бранкована: изъ далекой Россіи стали получаться болѣе и болѣе обнадеживающія извѣстія. Во второй половинѣ 1707 года, великій спаѳарій Ѳома Кантакузинъ получилъ изъ Петербурга отъ канцлера Головкина два обнадеживавшихъ письма, отъ 30-го апрѣля и 30-го іюня. Оба письма были одинаковаго содержанія; въ обоихъ русскій канцлеръ изъявлялъ свою глубокую при-

знательность Ѳомѣ Кантакузину за его ревность, за его благія намѣренія къ дѣлу христіанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высокое благоволеніе своего августѣйшаго монарха[1]). Само собою понятно, что разумѣлось подъ словомъ «дѣло христіанъ» въ письмахъ русскаго канцлера. Эти письма графа Головкина въ Букарештъ драгоцѣнны для насъ потому, что довольно ясно устанавливаютъ ту точку, съ которой мы должны смотрѣть на дѣятельность великаго царя русскаго по отношенію къ постепенному подготовленію прутскаго похода.

Такъ, въ тихомолку, шли эти сношенія господарства съ Россіей, пока наконецъ не настала минута, когда можно было дѣйствовать открыто: этою минутой была полтавская битва. Если до этого времени, по свидѣтельству Когальничана, не только самъ Бранкованъ и Ѳома Кантакузинъ, но и очень многіе другіе бояре находились въ тайной перепискѣ съ Петромъ Великимъ, которая производилась чрезъ логоѳета Корба («Fragments» II 153), то послѣ полтавской битвы осторожный господарь уже болѣе не медлилъ войдти въ прямые переговоры съ русскимъ царемъ, и тотчасъ же былъ посланъ къ Петру изъ Букарешта бояринъ Давидъ, а нѣсколько времени спустя, уже извѣстный намъ по посольству 1698 года конюшій Георгій Кастріотъ. При посредствѣ этихъ уполномоченныхъ былъ заключенъ взаимовспомогательный союзный договоръ между господаремъ Валахіи и русскимъ царемъ. Этимъ договоромъ Бранкованъ обязывался Петру на случай, если бы у послѣдняго началась война съ турками, объявить себя за Россію, поднять сербовъ и болгаръ, собрать до 30 тысячъ вспомогательнаго войска и снабжать русскую армію всѣми необходимыми съѣстными припасами. Съ своей стороны, Петръ признавалъ Бранкована пожизненнымъ господаремъ Валахіи, само господарство должно быть независимымъ, но подъ покровительствомъ Россіи, которая защищаетъ его отъ всѣмъ враговъ. По заключеніи договора Петръ послалъ Бранковану андреевскій крестъ (ib. I 183. Engel, I. 366).

Но примѣръ, поданный господаремъ Валахіи, былъ только сигналомъ.

Мы видѣли, что въ 1705 году на престолъ Молдавіи взо-

---

[1]) «Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques, par *M. Kogalnicean.* Jassi. 1845. II, 153. См. прим. ниже.

шелъ Антіохъ Кантемиръ; но онъ продержался не болѣе двухъ лѣтъ, и въ 1707 году его смѣнилъ Михаилъ Раковица, во второй разъ вступившій на тотъ же престолъ. Первое, одногоднее его управленіе господарствомъ въ 1704 году было также безцвѣтно, какъ и управленіе его предшественниковъ. Судьба Молдавіи была какъ то особенно злосчастна: въ то время какъ на престолѣ Валахіи сидѣли Щербанъ, Бранкованъ, господари молдавскіе мѣнялись почти что ежегодно. Молдавія была игрушкой въ рукахъ великихъ визирей. Право быть ея господаремъ продавалось почти что съ молотка. При такомъ печальномъ положеніи дѣлъ, понятно, что Молдавія въ великую эпоху священной войны должна была играть убогую, страдательную роль, и, будучи сосѣдкою Польши, она никогда не могла оправиться отъ грабежей голодныхъ польскихъ солдатъ, дрожа, съ другой стороны, даже за свое существованіе: мы видѣли притязанія поляковъ, впрочемъ безуспѣшныя, такъ какъ карловицкимъ миромъ Молдавія и Валахія были твердо закрѣплены за Турціею.

Правда, и на Молдавіи не осталась безъ вліянія великая священная война. Лучшіе молдавскіе люди ясно понимали то плачевное положеніе, въ которое привели ихъ несчастную родину мѣнявшіеся что годъ господари, и они рѣшились вытянуть ее на иную дорогу. Молдавскіе свѣтскіе и духовные чины собрались въ Яссахъ и 1-го января 1684 года общимъ совѣтомъ отправили въ Москву къ царямъ митрополита Досиѳея и боярина Лупула Каманаря съ моленіемъ объ избавленіи отъ враговъ и принятіи въ подданство.

«Мы смиренніи рабы святаго вы царства», писали чины «вси обывателіе молдавскія земли, руцѣ спрятавше, колѣна преклонше, низко челомъ бьемъ, да избавите насъ отъ находящихъ на насъ бѣдъ, приближающимся намъ уже къ конечной погибели отъ безбожныхъ турковъ и татаръ, иже начаша подаяти ядъ свой варварскій и готови опустошити землю нашу ненависти ради и зависти, видяще свою поганскую силу ослабленную и умаленную отъ слугъ Христовыхъ, въ началѣ же отъ нѣмецкаго воинства и польскаго. Умилосердитеся и избавити насъ отъ враговъ нашихъ, пославши войска противъ агаряновъ, ускорите, да не погибнемъ; отъ иныя бо страны ни откуда надежды о избавленіи, токмо на святое вы царство».

Это моленье царямъ было подписано самимъ митрополи-

томъ Досиѳеемъ, четырьмя епископами, логоѳетомъ Раковичемъ, медельничаромъ Савинымъ, Іоной Раковизомъ, Гинкуломъ, Доничемъ и многими другими знатнѣйшими боярами и заканчивалось словами: «все господарство наше, великіе и малые, нижайшіе раби царствія вашего, всѣ въ подданство предаемся» («Пол. собр. зак.» II, 957).

Митрополитъ Досиѳей былъ задержанъ въ Кіевѣ, гдѣ бояринъ Салтыковъ сдѣлалъ ему допросъ; на немъ онъ показалъ, что причина его посольства — разореніе, безмѣрные и нестерпимые налоги, что полякамъ они поддаться не хотятъ, потому что «поляки люди злосливые и въ словахъ своихъ ни въ чемъ непостоянны», а ту дань, какую платили туркамъ, «учнутъ давать в. г—рямъ съ радостью. Да и мултянскій владѣтель Щербанъ воевода со всею землею — говорилъ Досиѳей, у в. г—рей въ подданствѣ быть хочетъ же, и который турченинъ присыланъ отъ салтана турскаго въ мултянскую землю, Щербанъ воевода убилъ до смерти». Грамоты Досиѳея были отобраны и отосланы въ посольскій приказъ, а вскорѣ было получено изъ Москвы приказаніе отпустить пословъ обратно въ Молдавію и тамъ ожидать дальнѣйшаго по сему дѣлу объясненія. Но, кажется, никакого дальнѣйшаго объясненія не было, что само собою понятно по невозможности исполненія просимаго въ ту пору, когда Россія только еще собиралась къ принятію участія въ походѣ Европы на турокъ; время было выбрано неудачное.

Но первый неудавшійся опытъ не остался одинокимъ явленіемъ, и въ ту минуту, когда великая священная война подходила къ концу, послышался снова голосъ изъ Молдавіи, взывавшій къ Россіи о спасеніи. 3-го мая 1698 года гетманъ Мазепа доносилъ Петру: «мая во 2 день пріѣхалъ ко мнѣ въ Батуринъ посланный Савва Константиновъ капитанъ отъ волошскаго владѣтеля и принесъ малое цыфирьное письмо, приказывая ему словесно донести мнѣ о нынѣшнихъ поведеніяхъ бусурманъ, и я то письмо перевелъ, и словесную рѣчь посланнаго онаго записавъ, посылаю въ донесеніе вамъ, великому государю». Въ своей словесной рѣчи капитанъ Константиновъ объяснилъ гетману, что онъ посланъ отъ владѣтеля волошскаго и всѣхъ начальныхъ и всей земли молдавской, что владѣтель волошскій по примѣру владѣтеля мултянскаго желаетъ быть со всѣмъ народомъ земли волошской

подъ обороной его ц. в—ва «Силы», говорилъ посланникъ, «имѣютъ приходить наступательно войною на Буджакъ; того ради проситъ онъ, владѣтель, чтобъ отъ наступленія польскаго и отъ тяжкаго ихъ ига защищены и соблюдены были, сказывая, что уже и такъ отъ польской области имѣютъ несносное отягченіе; понеже не точію люди тяжкимъ игомъ по мѣстамъ, польскою властію обладаемымъ, суть отягчены, но и церкви божіи во унію римскаго костела обращены».

Владѣтель волошскій, обратившійся къ Петру, былъ Антіохъ Кантемиръ, заклятый врагъ Бранкована, правившій Молдавіей въ 1696 по 1701 годъ. На донесеніе Мазепы Петръ отвѣчалъ ему 16-го мая: «того капитана со всѣми при немъ будучими людьми и съ лошадьми отпустить тебѣ къ Москвѣ, а къ волошскому господарю послать бы тебѣ отъ себя вѣрнаго и въ тѣхъ странахъ бывалаго человѣка безъ мотчанія и приказать съ нимъ къ нему къ господарю словесно: что съ тѣмъ объявленіемъ, о чемъ онъ господарь прислалъ къ тебѣ того своего капитана Саву Константинова, послалъ ты его Саву Константинова для подлиннаго извѣстія къ намъ, в. г—рю, къ Москвѣ; и велѣлъ его господаря тому своему посланному нашею царскою милостью обнадежить, что то его доношеніе и подданственное объявленіе пріемлемъ мы милостиво, и впредь бы онъ господарь съ своими совѣтники и со всѣмъ народомъ молдовлахійскаго владѣнія своего на нашу государскую милость по желанію своему былъ надеженъ; а по желанію ихъ при помощи Божіей у насъ въ забвеніи не будетъ; а буде волошскій господарь того твоего посланнаго учнетъ спрашивать о готовости войскъ нашихъ и о походѣ ихъ, куда нынѣшняго лѣта пойдутъ, и тебѣ, подданному нашему, приказать тому своему посланному слугѣ смотря по нынѣшнему настоящему дѣлу и поведенію, какъ тебя въ томъ Господь Богъ вразумитъ и наставитъ» («Полн. собр. зак.» II, № 1374).

Но голосъ Антіоха Кантемира раздался слишкомъ поздно: съ какимъ бы неудовольствіемъ ни относился Петръ къ намѣренію своихъ союзниковъ помириться съ турками, онъ долженъ былъ покориться необходимости, и, можетъ-быть, съ болью въ сердцѣ оттолкнуть отъ себя умолявшую о спасеніи Молдавію и оставить ее на произволъ туркамъ.

Таковы были слѣдствія вліянія священной войны и на безсильную Молдавію; но всѣ они не имѣли никакого значенія

политическаго въ общемъ ходѣ дѣлъ, почему мы и сочли нужнымъ коснуться ихъ только слегка, говоря уже о времени послѣ карловицкаго мира.

Возвращаемся къ прерванному разсказу. Когда Михаилъ Раковица въ первый разъ управлялъ Молдавіей, въ 1704 году, онъ былъ другомъ Бранкована; но теперь, вступивъ вторично на престолъ господарскій, прямой Раковица былъ далеко не въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ двуличнымъ господаремъ Валахіи. Что была за причина ихъ размолвки, не знаю. Ненавидя Порту, съ другой стороны ненавидимый Бранкованомъ и низложенными господарями-мазилами, «которые—по выраженію одного молдавскаго лѣтописца начала XVIII столѣтія, Ивана Некульче—какъ голодные волки ждали его паденія въ Константинополѣ», онъ рѣшился вступить въ тайныя сношенія съ Петромъ, чтобъ окончить дѣло, начатое Антіохомъ Кантемиромъ. «Раковица», продолжаетъ Некульче, «цѣнилъ значеніе Россіи и предвидѣлъ, что въ самомъ близкомъ будущемъ она принесетъ утѣшеніе христіанамъ (турецкимъ)» [1]). Изъ словъ совре-

---

[1]) *Kogalnicean*, «Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques» I, 26. Будучи хорошо знакомъ съ богатымъ лѣтописнымъ дѣломъ Молдавіи и Валахіи, Когальничанъ издалъ отрывки молдавскихъ лѣтописей, обнимающихъ собою многознаменательную эпоху прутскаго похода для обоихъ дунайскихъ господарствъ. «Молдавія и Валахія—говоритъ Когальничанъ въ предисловіи—съ самыхъ отдаленныхъ временъ и до нашихъ дней служили театромъ почти всѣхъ войнъ между турками съ одной стороны и венграми, поляками, имперцами и русскими съ другой; вслѣдствіе чего эти двѣ страны необходимо должны владѣть богатымъ запасомъ свѣдѣній для исторіи каждаго изъ этихъ народовъ, что дѣйствительно и есть. Я избралъ начало XVIII вѣка, ибо особенно въ эту эпоху наша почва была мѣстомъ встрѣчи самыхъ великихъ именъ этого вѣка—Петра Великаго, Карла XII; съ другой стороны на второмъ планѣ—Бранкована, Кантемира, Мазепы. Эти отрывки содержатъ бездну фактовъ, изъ коихъ одни совершенно забыты, другіе — совершенно искажены у иностранныхъ историковъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ событій былъ походъ Петра Великаго на берега Прута, но это великое дѣло являлось намъ по сіе время подъ ложною точкой зрѣнія. Какой историкъ французскій, нѣмецкій, шведскій и даже русскій не рисовалъ намъ Петра вымаливающимъ у Балтаджи миръ цѣной алмазовъ Екатерины и денегъ офицеровъ? Но наши хроники, безпристрастныя, не принадлежащія ни къ какой сторонѣ, намъ докажутъ, что великій императоръ, какъ ни было опасно его положеніе, никогда не дѣлалъ предложеній, недостойныхъ его, что не Петръ, а великій визирь первый потребовалъ мира». (XVII). 1-й томъ «Fragments» содержитъ отрывки изъ хроники Ивана Некульче (1662—1743),

меннаго молдавскаго лѣтописца видно, чѣмъ становился Петръ Великій и для его народа, и для всего турецкаго христіанства. Подъ вліяніемъ этого чувства любви къ русскому царю, широкой популярности Петра среди христіанъ, цѣлые отряды изъ сосѣдней Молдавіи шли на службу къ нему, крѣпко занятому сѣверной войной—служба ихъ была ему желанна. 20 апр. 1707 былъ принятъ Апостолъ Кигечъ, «яко комендантъ волохской хоронгви» съ офицерами и рядовыми («Полн. собр. зак» № 2148), а ротмистръ Ив. Жичанъ такъ описываетъ свою службу Петру. «Когда въ 1709 г. вышелъ король на Украину, ординовано меня по его кор. указу первѣе съ Ив. Танскимъ, который былъ у его въ полону, къ Меншикову для перемѣны нѣкоего шведского волоского офицера, то тогда, ревнуючи по православномъ законѣ, а будучи обнадеживаніемъ милости в. в—ва въ службу призваный, взялъ таковую до услугъ в. в—ва ревность, что волохъ шведскихъ 180 чел. отговорилъ и съ ними въ Харковъ пришолъ и съ тѣми волохами какъ прежде зачатія полтавской баталіи многія партіи счастливо отправлялъ, такъ и въ самую ону частые непріятелю дѣйствовалъ уроны. Когда ординованъ я былъ съ Кропотовымъ до границъ венгерскихъ, какая тамо служба моя была, полагаюсь на его свидѣтельство, а потомъ въ Черновцахъ съ шведами, послѣди же и въ Прутѣ на акціи турецкой отважныя чинилъ промышленія» («Матеріалы в. уч. арх. гл. шт.» I 619).

Между тѣмъ сношенія Раковицы съ Петромъ не успѣли прійдти еще къ какимъ-либо результатамъ, какъ судьба господаря рѣшилась благодаря неусыпной заботливости Бранкована. Незначительный случай рушилъ все. Дѣло было послѣ полтав-

---

бывшаго гетманомъ молдавскихъ войскъ во все продолженіе прутскаго похода и бѣжавшаго вмѣстѣ съ Кантемиромъ въ Россію. Онъ лично принималъ участіе въ роковой битвѣ при Станилештахъ и на его слова мы можемъ полагаться. Изъ другого лѣтописца-очевидца событій на берегахъ Прута — логоѳета Николая Костина, доведшаго свою хронику до конца прутскаго похода и почти во всемъ согласнаго съ Некульче, приведено только то, въ чемъ онъ расходится съ послѣднимъ. Первый томъ труда Когальничана для насъ очень важенъ; менѣе имѣетъ значеніе 2-й томъ, гдѣ помѣщены: хроника Николая Муста, стараго дьяка дивана (1662—1729), сообщающая мало новаго послѣ Некульче, большой отрывокъ изъ хроники Николая Костина о полтавской битвѣ, интересный своими подробностями, и лѣтопись Авксентія, низкаго льстеца перваго господаря ѳанаріота.

ской битвы. Карлъ XII жилъ въ Бендерахъ; можетъ быть, вслѣдствіе желанія Порты, можетъ быть, вслѣдствіе собственнаго желанія король намѣренъ былъ покинуть Бендеры и перенести свое пребываніе въ Яссы. Господарь, узнавъ о намѣреніи короля, поспѣшилъ предложить свои услуги Петру—схватить короля, когда онъ прибудетъ въ Яссы. Понятно, какъ долженъ былъ быть радъ Петръ этому предложенію Раковицы, когда онъ только и добивался у султана высылки Карла изъ предѣловъ Турціи, и 19-го августа, по просьбѣ господаря, отправилъ въ Галицію бригадира Кропотова съ отрядомъ драгуновъ и козаковъ. Но, отправляя Кропотова на столь важное дѣло, Петръ снабдилъ его тайнымъ наказомъ. «Пришедъ», говорилъ наказъ, «дать секретно знать чрезъ вѣрнаго посланника господарю волошскому о своемъ прибытіи и поступать въ поимкѣ короля по совѣту сего господаря. Въ пути своемъ къ Каменцу разглашать, что отправленъ къ сему городу на квартиры, а настоящее дѣло держать весьма тайно, такъ чтобъ и изъ его команды не зналъ никто прямаго дѣла сей посылки; вслѣдствіе сего и пересылку съ господаремъ держать въ такой же тайности. Ежели по счастію пойманъ будетъ король, то поступать съ нимъ со всякою учтивостью, и имѣя его за честнымъ арестомъ, какъ возможно скорѣе везти его къ намъ, давъ о томъ предварительно знать тотъ же часъ» (Голиковъ «Дополненія» VIII, 281) Но между тѣмъ какъ растилались эти сѣти Карлу, король перемѣнилъ свое намѣреніе, узнавъ, можетъ быть, о замыслахъ Раковицы, остался въ Бендерахъ, а въ Молдавію отправилъ полковника Гиленкрона съ 1000 человѣкъ шведовъ и запорожцевъ. Шведы пошли къ границамъ Галиціи. Кропотовъ, узнавъ о приближеніи шведовъ къ Черновцамъ, перешелъ рѣку Черемошу и двинулся на встрѣчу: шведы сдались въ плѣнъ (конецъ сентября); запорожцы бѣжали и были потоплены въ Прутѣ волохами.

Но послѣ перехода Кропотовымъ молдавской границы у Черновицъ, и послѣ того какъ планъ господаря не удался, послѣднему нельзя было долѣе оставаться въ Яссахъ. Съ одной стороны, опасаясь нашествія татаръ за переходъ русскими границы, съ другой — желая предупредить всякій доносъ объ измѣнѣ, Раковица рѣшился бѣжать изъ Молдавіи въ Россію. Своего тестя, спаѳарія Дедіула, онъ отправилъ въ Черновцы съ порученіемъ сноситься съ русскими, а самъ занялся сборомъ

къ отъѣзду. Все было готово, только нѣкоторую остановку представлялъ пріѣздъ капиджи-баши за годичною данью, но господарь отослалъ его въ Галацъ.

Но не дремалъ врагъ Раковицы, Бранкованъ, хотя теперь уже политическій другъ Петра и Россіи. Въ Букарештѣ было нѣсколько недовольныхъ молдавскихъ бояръ, которые знали о всѣхъ замыслахъ Раковицы, и они сообщили о нихъ Бранковану. Послѣдній тотчасъ же далъ знать въ Константинополь, и великій визирь приказалъ сераксиру бендерскому Юзуфу схватить измѣнника. Въ Яссы былъ посланъ капиджи-баши съ 300 спаіями. Раковица, не зная объ опасности, ждалъ только прибытія русскаго охраннаго отряда, о которомъ онъ просилъ Петра чрезъ тестя своего Дедіула, и который перешелъ было уже Черемошу, какъ вдругъ 14-го октября (1709) онъ былъ арестованъ капиджи-баши. Онъ успѣлъ только извѣстить Дедіула, чтобы тотъ спасался въ Польшу, и сообщить о случившемся русскихъ. Изъ Яссъ Раковица былъ перевезенъ въ Бендеры, а отсюда въ Константинополь, гдѣ былъ брошенъ въ семибашенный замокъ (Некульче I, 26).

Такимъ образомъ были прерваны на полу пути завязавшіяся сношенія молдавскаго господаря съ Петромъ Великимъ, и въ то время, когда Бранкованъ заключалъ тѣсный союзный договоръ съ русскимъ царемъ, Раковица изъ-за злобы этого лукаваго человѣка томился въ почетной константинопольской тюрьмѣ. На мѣсто свергнутаго Раковицы на престолъ молдавскій возсѣлъ 25-го января 1710 года предтеча фанаріотовъ — Николай Маврокордато.

Но какъ ни чувствительно могло быть для Петра паденіе преданнаго господаря, потеря эта не была невознаградима: уже молдавскій лѣтописецъ Некульче, говоря о Раковицѣ, замѣтилъ, что послѣдній не былъ единственнымъ подручникомъ Порты, который сносился съ русскимъ царемъ: «Бранкованъ и *весь сербскій народъ* находились давно въ сношеніяхъ съ Петромъ и ждали съ нетерпѣніемъ его появленія въ Турціи» (ib.). Лѣтописецъ говорилъ правду, и Петръ, лишившись Раковицы, тогда же нашелъ союзника въ сербахъ.

Мы видѣли выше, какъ жестоко обманулись сербы, когда, прельщенные обѣщаніями Австріи, должны были покинуть родныя поля и, избѣгая мщенія турокъ, переселиться въ юго-восточныя области Венгріи. Тщетно патріархъ Арсеній отъ име-

ни угнетаемыхъ переселенцевъ обращался къ Россіи съ мольбой о ходатайствѣ предъ императоромъ. Время было трудное для Россіи; она могла лишь обѣщать, будучи и сама обманута не меньше сербовъ, и, только покоряясь горькой необходимости, принимала участіе въ карловицкихъ переговорахъ. Къ чести сербовъ, они понимали это, и даже неудовлетворенные въ своихъ просьбахъ Россіей, не переставали питать къ ней чувства глубокой пріязни и братской любви.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ карловицкаго мира. Бѣглецы-сербы пообвыкли нѣсколько къ своему новому отечеству, но положеніе ихъ не улучшилось: предъ ними снова возсталъ роковой вопросъ—что дѣлать?

Междуусобная война въ с.-восточной Венгріи между Леопольдомъ и возставшими мадьярами-кальвинистами пошла съ 1700 съ ожесточеніемъ. Возстаніемъ руководилъ энергическій, молодой Ракоци II, поддерживаемый деньгами и морально со стороны Версаля, и Австрія, занятая только что открывшейся войной за испанское наслѣдство, должна была искать своего спасенія въ «вѣрной расціанской націи», по просту, въ сербахъ («Гласник» XXX 2).

Мы видѣли, что колоніи сербовъ были размѣщены Вѣной въ интересѣ усмиренія бунтовавшихъ мадьяръ. Очевидно, съ озлобленіемъ должны были отнестись къ ненавистнымъ пришлецамъ сторонники Ракоци, и сильные удары были направлены противъ нихъ. Сербы сражались храбро. Уже современникъ-лѣтописецъ записалъ: «наста курушагь (мадьяр. названіе «крестовая война» возстаніямъ Текели, Ракоци), тогда сербли показаше храбрость свою крепку и Леопольду помогаше велми и сербли побѣдише мадьяри» («Гласник» XX, 16). Но за эти побѣды сербы платились дорого: поселенія ихъ были уничтожаемы до тла. Первая встрѣча была у Вел. Варадина; сербы разбили мадьяръ, но Берчени отомстилъ грабежемъ.

Положеніе сербовъ было самое трудное. Австрійскія войска бьетъ Ракоци, они одни должны были выдерживать бѣшенство мадьяръ. Отстать отъ Вѣны и передаться на сторону мадьяръ было невозможно. Кто не зналъ кальвинскаго фанатизма возставшихъ, ихъ презрѣнія къ православной церкви, ихъ ненависти ко всему *несвоему*? Съ одной стороны, Вѣна, обманъ, преслѣдованія, съ другой, Ракоци съ мадьярами — висѣлицы. Выбирай—что лучше. Поставленный межь двухъ

огней, вождь сербовъ, старый Чарноевичь, выбралъ меньшее зло—Вѣну, и упорно отклонялъ золотыя посулы Ракоци. 3 авг. 1703 г. Ракоци пишетъ сербамъ: «храбрый сербскій народъ не мало горя и гоненій перенесъ въ этомъ государствѣ;—но и онъ могъ бы стать участникомъ въ издавней свободѣ нашей земли —только встаньте, за оружіе—въ защиту нашей земли. Обѣщаюсь, что никой дани не будутъ платить сербы; города сербскіе навсегда свободны. Но ежели сербы будутъ противъ насъ, какъ это было у Вел. Варадина, то мы безъ милосердія будемъ колоть, сѣчь ихъ, не щадя и дѣтей, и съ божьей помощью въ конецъ истребимъ ихъ въ нашей мадьярской землѣ» («Гласник» XXX 10)

Зовъ и угрозы остались безъ успѣха.

Черезъ годъ же, въ сент. 1705, Ракоци шлетъ тоже приглашеніе на имя самого патріарха. Ракоци жалуется на жестокости сербовъ, укоряетъ въ угодничествѣ нѣмцамъ — но все прощаетъ, лишь бы только Арсеній перешелъ на сторону его. «Словомъ нашимъ обѣщаемъ, что и вы, и клиръ церковный, и весь сербскій народъ будутъ возстановлены нами въ ихъ нарушенныхъ и ограбленныхъ вольностяхъ и сохранены въ нихъ во вѣки». Въ концѣ Арсенію обѣщаетъ подарокъ—20 тыс. гульденовъ (ib. 18). Арсеній переслалъ это письмо въ Вѣну.

Лойяльность Вѣнѣ стоила дорого: мадьяре жгли поселенія, варварски убивали; австрійцы обѣщали, надували, грабили налогами, поставкой провіанта, отнятіемъ людей у земли.

Въ первое время въ Вѣнѣ щадили лично патріарха; но въ 1702 онъ уже жалуется на свою нищету: «яко нагіи и лишенни вьсякого своего благопотребствіа въ странах сих»; на стѣсненія личной свободы: «издадоше намъ декрет, да на ниже ни инуде от светаго Андреа ходити по своихь христіанъ не будемо слободни» (изъ писемъ къ Бранковичу ib. 169. 167). И вотъ, лойяльный патріархъ обращается къ Москвѣ, ищетъ отъ нея облегченія для себя и своихъ. 29 окт. 1705 г. Чарноевичь пишетъ канцлеру Головину, своему знакомцу еще изъ Вѣны съ 1698 г., отчаянное письмо, въ которомъ черными красками рисуетъ положеніе свое въ Австріи. «Головине, намже по духу святому сине възлюблены! Богу попустившу грѣхъ ради нашихъ, иже оставшая некая честь (часть) православніихь христіанъ от озлобленіа агарѣнскых чед и вселившаясе въ сих угарскых странь и потомь діаволь въсѣя въ Угрих плѣвель

свою и оттуду роди се междусобная брань съ цесаромъ; потом паки постыже нас лютая зима; яко многих правовѣрныхъ священных и мирскых многая тѣлеса, стари и юноше съ младенци мачемъ угарскымъ въ снѣдь быше. Денъ же и нощь бѣгающе, съ своими осиротелымъ народомь отъ мѣста на мѣсто, акы корабль въ пучинахъ вѣликаго окіана бѣгствуемо» (въ моск. арх. ин. дѣлъ, отрывокъ въ Гласникѣ XV, 264)

Патріархъ жалуется, а его бѣгающіе съ мѣста на мѣсто сербы ищутъ иного средства пособить себѣ: ищутъ политическаго союза съ Москвой.

Въ концѣ 1704 прибылъ въ Москву уполномоченный посланникъ отъ австрійскихъ сербовъ, «комендантъ» города Тителя, Пантелеимонъ Божичь. По турецкимъ условіямъ на карловицкомъ съѣздѣ «Титулъ городъ, который между Тизою и Дунаемъ рѣками, въ разореніи остатися имѣетъ и въ той странѣ вновь никакой замокъ построенъ да не будетъ» («Пам. дипл. сн.» VIII, 1281); но страна считала не малое число сербскихъ селъ—около 34 общинъ (см. освободительную грамоту 1693 г. «Гласник» XXXIII, 157, изъ хроники Бранковича).

Необычайный посланникъ былъ лицо весьма вліятельное среди австрійскихъ сербовъ. Въ 1695 г. мы Панту Божича, съ званіемъ капитана, находимъ въ числѣ трехчленной сербской депутаціи, вмѣстѣ съ епископомъ Исаіей и Николаемъ Фельдваріемъ, посланной въ Вѣну просить о Бранковичѣ. Ей кардиналъ Колоничъ отвѣчалъ, что яко бы освобожденіе деспота затруднено патріархомъ. Въ 1699 г. мы находимъ его въ подобномъ же посольствѣ въ Вѣну, но уже съ званіемъ тительскаго тысячника, т. е. коменданта (ib. XXVIII 124, 158). Этотъ опытный посолъ и былъ отправленъ въ Москву съ трудною мисіей— соединить австрійскихъ сербовъ съ Россіей.

25 ноября 1704 Божичь былъ принятъ бояриномъ-канцлеромъ Головинымъ и говорилъ ему: «мы отъ давняго времени пребываемъ подъ игомъ бусурманскимъ и многія нужды и скорби за вѣру христіанскую и за церковь нашу претерпѣваемъ, отъ чего убѣгая и чая себѣ лучшаго и свободнаго пребыванія и повольности въ вѣрѣ нашей и всякой себѣ справедливости отъ цесаря, якоже онъ намъ обѣщалъ, и поддалися ему, за что, по обычаю нашему православному, служили ему вѣрно противъ бусурманъ и много тысячи людей своихъ потеряли безъ всякой платы, не требуя отъ него ни ружья, ни пушекъ, но на своемъ

иждивеніи служили. А видя къ себѣ многую кривду отъ цес. начальниковъ, совѣтовали мы съ прежде бывшимъ мултянскимъ воеводой Щербаномъ Кантакузинымъ, дабы намъ какое себѣ спасеніе обрѣсти; на что оный господарь отвѣщалъ всѣмъ нашимъ начальнымъ, чтобъ мы себѣ инаго не промышляли, а ожидали бъ отъ восточнаго царя всякой себѣ помощи и тѣмъ насъ обнадежилъ, на что мы и присягли всѣ». Этими словами Божичь очертилъ исторію перваго пробужденія сербовъ въ Турціи. «А по смерти онаго Щербана», продолжалъ посланникъ, «нынѣшній господарь Бранкованъ обнадежилъ также, и всѣ Кантакузины въ томъ насъ утверждали, чего ради и послали посланника своего господина Корбе къ его ц. в—ву, котораго по сіе время ожидали мы. А понеже ужь толикое время отповѣди о томъ дѣлѣ не получили и всегда пребывали въ сумнительствѣ,—прислали меня наши единомышленники начальные къ господарю мултянскому для отповѣди и къ Кантакузинымъ, и они меня къ ц. в—ву для отповѣди прислали. Того ради доношу его в—ву, что я присланъ отъ всѣхъ начальныхъ сербовъ, которые живутъ подъ цесаремъ въ венгерской землѣ при границахъ турскихъ, прося его в—во, дабы знали мы, что изволяетъ насъ имѣть за своихъ подданныхъ и вѣрныхъ; и во все время приличное вѣдалъ бы, что всегда готовы служить противъ бусурманъ безъ всякой платы и жалованья, никакого оружія не требуя, но токмо за едино православіе; а коликое число войска будетъ самъ его ц. в—во удивится. И желаемъ вѣдать — если его в—во будетъ имѣть подъ своею рукою; понеже хотя принуждали насъ бунтовщики венгерскіе, чтобы мы были съ ними противъ цесаря, однако увѣдавъ, что та факція есть французская и шведская отъ посла Рѣчи Посполитой и отъ шведскаго короля къ Ракоцію посланнаго, котораго мы въ пути переняли, въ томъ отказали, и ни во что не вступились, покамѣстъ здѣсь я побуду и увѣдомлюся —какъ намъ поступать и долго ли ожидать, или бы гдѣ себѣ какого мѣста искать. Такожде и прочіе сербы—заключилъ Божичь—которые суть подъ бусурманомъ и венеціанами, всѣ во единомысліи съ нами пребываютъ, въ чемъ иные надежды по Бозѣ кромѣ его в—ва не имѣемъ, и если его в—во оставитъ насъ, тогда всѣ православные погибнемъ» (Соловьевъ XV, приложеніе 4).

Не знаю, что отвѣчало русское правительство посланнику

отъ начальныхъ сербовъ австрійскихъ на его запросъ— позволяетъ ли ц. в—во имѣть ихъ за своихъ подданныхъ, подъ своею рукою. Знаю, что Божичь остался на всегда въ Россіи. Какъ видно изъ письма Головкина въ 1718 г., Божичь умеръ въ Малороссіи, вѣроятно, около этого времени, гдѣ ему были пожалованны помѣстья въ нѣжинскомъ полку, оставивъ сына Ивана («Матеріалы военно-учен. архива гл. штаба» I, Спб. 1871. 823). Но для насъ важны энергическія слова Божича сами по себѣ, какъ фактъ, свидѣтельство той глубокой симпатіи, которую имѣло имя Петра въ югославянскомъ мірѣ—между сербами, какъ австрійскими, такъ и тѣми, «которые суть подъ бусурманомъ и венеціанами».

Уже тогда этого сочувствія сербовъ къ русскому царю стали побаиваться, и прежде всего въ Вѣнѣ. Утомленный борьбою съ Карломъ, Петръ искалъ посредничества для примиренія у Англіи, Франціи, и наконецъ обратился къ Австріи. Но изъ Вѣны въ началѣ 1707 года русскій агентъ Гюйсенъ доносилъ въ Москву: «непріятель нашъ не спитъ и старается у другихъ народовъ привести нашъ народъ въ ненависть. Шведскіе министры внушаютъ при всѣхъ дворахъ, что ц. в—во со временемъ можетъ предпринять наступательное движеніе на другихъ г—рей и преодолѣть ихъ скиѳскимъ подобіемъ. Когда была здѣсь рѣчь, что царское в—во согласится по цесаревой просьбѣ послать нѣсколько тысячъ козаковъ въ семиградскую землю для склоненія венгровъ къ миру, то цес. министры, склонные къ шведской сторонѣ, разсуждали, что никакъ нельзя на это согласиться: царь можетъ утвердиться въ Венгріи, опершись на живущихъ здѣсь сербовъ греческой вѣры» (Солов. XV 218).

Конечно, опасенія цес. министровъ были преувеличены, но они не ошибались, если, разсуждая такимъ образомъ, выражали только невольное чувство боязни предъ возраставшею популярностью далекаго русскаго царя между южнымъ славянствомъ, и отвращеніемъ его отъ Вѣны.

Но не одни опасенія изъ-за своихъ славянъ были у Вѣны. Эти опасенія имѣли почву для себя въ будущемъ. У ней были опасенія предъ Петромъ иного рода, болѣе существенныя, опасенія текущаго дня. Подошло время, когда и враги сербовъ — *мадьяры*, потянули на сѣверъ къ Петру и съ тою же жалобой, что и проведенные сербы—моментъ въ политикѣ Петра, безъ сомнѣнія, не лишенный глубокаго интереса и въ настоящую минуту.

Мы видѣли, что сербы Арсенія были разселены по Венгріи такъ, чтобы при помощи ихъ удобно было удерживать мадьяръ. Ко времени переселеніи шелъ второй десятокъ лѣтъ, какъ протестантскіе чины Венгріи подняли, подъ предводительствомъ Текели, знамя возстанія противъ габсбурговъ, добиваясь религіозной свободы. Центромъ возстанія были гористые, трудно доступные сѣверные и сѣверовосточные комитаты — русскіе и валашскіе. Притихшее на самое короткое время, возстаніе поднялось сильнѣе съ началомъ новаго столѣтія, когда оно перешло въ руки молодаго Ракоци, вызваннаго Франціей.

Ракоци былъ креатурой версальской политики, считавшейся тогда съ габсбургами за испанское наслѣдство. «Начало моихъ дѣйствій подъ покровительствомъ столь великаго короля и правота моего дѣла могли обѣщать мнѣ только удачу». Такъ начиналъ Ракоци свое первое донесеніе Лудовику 26-го сентября 1703 г. объ успѣхахъ въ вост. Венгріи («Fontes rer. austr.» 2. XVII, 2. 437). Какъ хвалился позже Ракоци, возстаніе онъ началъ съ 70 своими служителями, но вскорѣ оно разрослось до крайне опасной для Вѣны гражданской войны. Уже въ сент. 1705 г. былъ заключенъ союзъ между Франціей и Баваріей съ одной стороны, Ракоци и соединенными чинами венгерскаго королевства съ другой, для возстановленія старой свободы Трансильваніи и Венгріи (ib. 1. 85). Воскресивъ возстаніе, Версаль не забывалъ никогда подливать масла въ огонь: «извѣстіе ваше о побѣдѣ — пишетъ министръ де-Торси агенту Ракоци, Ветешу, 6 окт. 1705 г. — должно показать венгерцамъ, что они способны не только къ сопротивленію, но и къ уничтоженію имперскихъ войскъ, и вдохновить ихъ еще болѣе къ защитѣ своей свободы». Въ томъ же духѣ писалъ и самъ «христіанѣйшій» король (ib. 1. 288, 291).

Мы слышали въ словахъ посла австрійскихъ сербовъ горькую жалобу одновременно и на Вѣну, и на «бунтовщиковъ», т. е. Ракоци. Сербы истребляли мадьяръ изъ-за Вѣны, мадьяре платили имъ тѣмъ же: кто былъ во что гораздъ. Недовольные Вѣной, сербы опасались соединенія съ Ракоци и жалуются на обоихъ Петру. Онъ только съ удовольствіемъ могъ встрѣтить обращеніе сербовъ, но успокоить ихъ въ ихъ жалобахъ въ одно и тоже время на Вѣну и Ракоци былъ не въ состояніи. Наученный опытомъ недавняго конгреса, онъ какъ и сербы, въ Вѣнѣ видѣлъ своего злаго врага; но не такъ, какъ они,

глядѣлъ онъ на бунтовщиковъ венгерскихъ. Они были его *союзники.*

Занятый своими домашними дѣлами, Петръ и послѣ неудачи карловицкаго конгреса не застраховалъ себя отъ мысли думать о свобожденіи своихъ турецкихъ христіанъ. Онъ подыскивалъ только теперь новыя средства къ разрѣшенію дорогаго для него вопроса, вопроса всей его жизни, и, какъ на одномъ изъ такихъ средствъ, онъ остановился на Ракоци, на «бунтовщикахъ». Они пакостятъ цесарю и сильно, слѣдов. могутъ быть полезны въ турецкомъ дѣлѣ, въ счетахъ съ Австріей, они природные союзники. 8 янв. 1707 г. Петръ пишетъ изъ Жолквы Апраксину: «здѣсь еще всѣ дѣла какъ брага, и не знаемъ еще, что будетъ постоянно; всѣ здѣсь говорятъ заподлинно, что *шведъ конечно намѣренъ противъ имперіи. Дай Боже, чтобъ правда то была.* Турковъ 15 т. къ Рагоцію подлинно пришли, и *понеже сей Рагоцій нынѣ зѣло великую силу имѣетъ,* изъ чего чаютъ и турецкой войнѣ быть, что впередь время покажетъ», т. е. съ имперіей (Голиковъ «Дѣянія» III, 222).

Не признавая Станислава, извѣрившись въ союзникѣ Августѣ, Петръ порѣшилъ предоставить Польшу Ракоци, усилить забунтовавшую Венгрію, а себя обезопасить тѣмъ противъ имперіи, отучить ее становиться поперекъ дороги въ турецкомъ, т. е. славянскомъ дѣлѣ.

Въ маѣ 1707 г. Петръ собралъ сеймъ въ Люблинѣ, и здѣсь рѣшили избрать Ракоци. «Царь и сенаторы — доноситъ агентъ Ракоци Ветешъ курфирсту баварскому 19 іюля — предложили Ракоци польскую корону, и царь съ угрозой, что въ случаѣ отказа онъ вступитъ въ союзъ съ императоромъ, противъ него» (ib. 1. 63).

Ракоци въ началѣ затруднялся. Онъ зависитъ отъ Франціи, Франція въ дружбѣ съ Швеціей, а Карлъ и Петръ враги, отношенія сложныя и могутъ быть опасными для дѣла его и соединенныхъ чиновъ Венгріи. Но въ августѣ повторяются предложенія и угрозы: «Ветешъ скажетъ курфирсту баварскому — пишетъ Ракоци въ октябрѣ — что его намѣреніе блестящимъ образомъ благопріятствуетъ нашимъ — ибо во время своего возвращенія онъ (Ветешъ) нашелъ здѣсь посла царскаго, присланнаго во второй разъ за полученіемъ нашихъ послѣднихъ рѣшеній на предложенія, сдѣланныя имъ мнѣ два мѣсяца назадъ — относительно короны польской; царь возобновлялъ

свои предложенія съ угрозами, если мы будемъ продолжать отказываться» (ib. 1. 296).

Ракоци принялъ наконецъ предложеніе союза. «Я и соединенное королевство венгерское — пишетъ князь 26 августа 1707 г. въ инструкціи своему послу въ Берлинъ — не нашли союза болѣе прочнаго и полезнаго, какъ союзъ съ царемъ и Рѣчью Посполитой; императоръ хвастался союзомъ съ Петромъ чтобъ меня устрашить: но этотъ государь предупредилъ и онъ, искалъ дружбы со мной, предлагая корону польскую, и равнымъ образомъ я рѣшился связать себя съ нимъ и съ Рѣчью» (ib. 1. 65). Но до послѣдней минуты онъ не переставалъ колебаться. «Такъ какъ у насъ — пишетъ Ракоци въ октябрѣ — никогда не было намѣренія и желанія искать короны польской въ такое время, когда насъ занимаютъ работы по освобожденію короны нашей родины, мы указали нашимъ уполномоченнымъ прежде всего убѣдить царя предпочесть миръ неизвѣстной войнѣ и что вопреки нашимъ рѣшеніямъ мы охотно желаемъ предпочесть интересъ Рѣчи тѣмъ выгодамъ, которыя мы будемъ мочь извлечь изъ избранія». (ib 1. 297. ср. 307). Главный аргументъ въ пользу союза были угрозы, боязнь могущества Петра: «единая причина, почему мы не отказались—пишетъ Ракоци въ Парижъ—это та, что мы были извѣщены нашимъ министромъ при царскомъ дворѣ, что онъ былъ готовъ уже заключить союзъ съ императоромъ» (ib. 1. 307). По указанію изъ Версаля, Ракоци имѣлъ бы соединиться съ Карломъ (ib.); но еще въ іюнѣ Ветешъ (министръ при Петрѣ) объясняетъ курфирсту, что и Ракоци приметъ союзъ на условіяхъ, выгодныхъ для Франціи, что его намѣреніе — по старому продолжать войну съ императоромъ, но залучивъ въ нее и царя, если король шведскій не желаетъ дѣйствовать въ видахъ Франціи (ib. 1. 63).

Въ августѣ Ракоци отправилъ посольство къ Петру въ Варшаву для заключенія союза. Его составляли: Фр. Берчени, Фр. Клобушицкій, Бертетій, Ал. Недецкій и Павелъ Радай (у Голикова «Дополненія» VIII 349, вм. Берчени Ст. Андрасъ, т. е. Андраши). Послы имѣли заключить союзъ отъ имени Ракоци и «венгерскаго королевства за вольность соединеннаго». По Голикову (ib.), послы предварительно предложили корону Венгріи для царевича Алексѣя, но Петръ отклонилъ. Послѣ недолгихъ «бесѣдъ» договоръ былъ заключенъ 4 сент. 1707 г. въ Варшавѣ, а 10 дек. ратификованъ въ Москвѣ[1]).

---

[1]) Онъ помѣщенъ въ «Полн. собр. законовъ» т. IV № 2156. Его ла-

Ракоци обязывался принять корону, причемъ «если шведъ въ Польшу не войдетъ, то елекцію отложить и между тѣмъ временемъ посредничества французскаго и баварскаго къ миру съ шведами испытать». Но срокъ отложенія 4 мѣсяца; послѣ этого князь принимаетъ корону «безъ отлагательства, а царь отъ намѣренія своего, къ персонѣ княжей объявленнаго, отступить не имѣетъ, и къ народу венгерскому пріятство (amititiam) являть обѣщаетъ». Въ отсутствіе царя, князь получаетъ подъ свою верховную команду все войско русское «яко союзничьимъ войскамъ обычай». Одинъ безъ другаго не чинятъ съ непріятелемъ никакихъ трактатовъ. «Если шведъ (ст. 6) въ венгерскую землю вступитъ, и въ такомъ случаѣ обѣщаетъ его ц. в—во чинамъ королевства венгерскаго противъ оного войскомъ и иждивеніемъ вспомогать и не имѣютъ его ц. в—ва помощныя войска ничего отъ онаго королевства жителей, кромѣ обыкновеннаго прокормленія, домогаться. Ц. в—во (ст. 9) приводитъ цес. в—во добрыми способы къ возвращенію вольности венгерскія и седмиградскія и въ томъ всякіе возможные труды прилагать благоволительно обѣщаетъ. Его ц. в—во (ст. 10) обѣщаетъ труды свои по всякой возможности прилагать у цес. в—ва къ содержанію его княжей свѣтлости въ княженіи седмиградскомъ и въ прочемъ всякое возможное вспоможеніе въ томъ чинить его свѣтлости соизволяетъ». Въ этомъ существенныя черты договора. Кромѣ того, Петръ обѣщалъ на случай изгнанія съ престола польскаго дать на пропитаніе Ракоци «нѣкоторую провинцію и для убѣжища друзей и вѣрныхъ его»; выговорена была свобода торговли межъ союзными землями: «дабы какъ жителямъ королевства венгерскаго и седмиградскаго вольный промыслъ и проѣздъ позволено есть, такъ-бы взаимно и людямъ ц. в—ва тожъ позволеніе съ проѣзжими листами имѣти»; съ обѣихъ сторонъ держатся резиденты.

Въ этомъ договорѣ «елекція» была для Петра поводомъ, чтобы изъ Ракоци сдѣлать добраго сподручника, неопаснаго въ Рѣчи по своимъ первымъ интересамъ въ Венгріи и весьма полезнаго по этимъ интересамъ противъ имперіи: за нимъ стояло «королевство за вольность соединенное», второй союзникъ Петра. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ елекція должна была

тинскій собратъ въ цитуемомъ томѣ «Fontes» стр. 308—312. Оба текста состоятъ изъ 17 статей, съ дополненіемъ къ 13-ой и сходствуютъ дословно.

произойти «безъ отлагательства»; срокъ 4 мѣсяцевъ—единственная уступка, сдѣланная Петромъ Ракоци, не желавшему польской короны. Предъ своимъ величіемъ, «sa puissance», о которомъ часто говоритъ Ракоци въ своихъ письмахъ (1. 307), Петръ съумѣлъ заставить имперскаго бунтовщика соединиться съ собою, служить своимъ интересамъ противъ имперіи: онъ съумѣлъ опредѣлить ту общую почву, на которой они оба могли соединиться — эта почва — обоюдное недоброжелательство къ Вѣнѣ, желаніе — обезсилить ее. Зачѣмъ? У Ракоци затѣмъ, чтобы укрѣпить за собой Трансильванію, а «королевству за вольность соединенному» возвратить вольность. У Петра не затѣмъ, чтобы успѣшнѣе покончить войну шведскую, потому что договоромъ Ракоци обязывался «посредничества французскаго и баварскаго къ миру съ шведомъ испытать», и какъ увидимъ, обязательство исполнилъ, а затѣмъ.... но пусть говоритъ самъ Ракоци. «Рано или поздно, но австрійскій домъ воспользуется тѣми интригами, что сталъ сѣять онъ въ Константинополѣ — возжечь войну между его в—вомъ царемъ и турками, точнѣе, его интересы и увеличеніе могущества царскаго в—ва заставятъ турокъ начать ее, быть можетъ, раньше истеченія срока карловицкаго мира. Пусть потому его в—во (царь) разсудитъ, съ какой пользой могутъ быть ему Венгрія и Трансильванія при этой встрѣчѣ; если же австрійскій домъ одолѣетъ Венгрію и турки будутъ наступать, мы не будемъ въ состояніи помочь его в—ву: *австрійскій домъ не дозволитъ ему сдѣлать никакихъ побѣдъ въ этихъ странахъ.* Если же при этой счастливой встрѣчѣ Венгрія и Трансильванія будутъ свободны, онѣ сочтутъ для себя удовольствіемъ и обязанностью соединить свои силы съ силами его в—ва и помочь тѣмъ *возстановить престолъ въ Константинополѣ.* Мы просимъ его в—во благоволить прочесть снова проектъ, который мы ему представили въ прошломъ году чрезъ нашихъ министровъ». Такъ писалъ Ракоци въ маѣ 1710 года, отправляя Ветеша посломъ въ Москву (ib. 1. 178).

Соображенія турецко-австрійскаго, т. е. славянскаго вопроса указали Петру остановиться на мадьярскомъ бунтовщикѣ и соединиться съ нимъ самымъ тѣснымъ союзомъ, быть можетъ, къ ужасу сербовъ Черноевича. Оправдала-ли дѣйствительность политику Петра? Къ несчастію славянъ, въ моментъ знаменитаго перехода черезъ Прутъ русскаго царя, его союзника-бунтовщика уже не было въ Венгріи: онъ былъ изгнанъ, а за

вольность соединенные чины были побѣждены австрійцами и не могли «помочь царю возстановить престолъ въ Константинополѣ». Но забѣгу впередъ и замѣчу. что до конца дней своихъ — и царь, и Ракоци умираютъ почти одновременно: 1725, 1726 г.—союзникъ-бунтовщикъ не переставалъ думать воспользоваться милостью царя и помочь царю: Ракоци принадлежитъ мысль о лигѣ изъ Франціи, Испаніи и Россіи, мысль, которую онъ горячо лелѣялъ въ послѣдніе годы свои (ib. 2. 519, 535) и которая напрасно приписывается испанскому кабинету.

Два раза въ нашей исторіи мы сталкивались съ мадьярами: въ 1707 и 1848. Оба раза съ мадьярами-бунтовщиками. Оба раза они противъ Вѣны. Оба раза противъ нихъ сербы, хорваты. Но первый разъ мы за нихъ, второй противъ. Гдѣ мы лучше?

Въ 1848 мы усмирили мадьяръ: гроза, чувствованная еще Ракоци, разразилась. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться бунтовщиками, какъ средствомъ противъ Вѣны, мы выдали ихъ безусловно, не ослабили, но усилили Вѣну, и это усиленіе, созданное нами, дало намъ чувствовать себя въ Севастополѣ и чувствуется въ Берлинѣ.

Иныя отношенія созданы были Петромъ Великимъ. Заручившись рано Ракоци, держа его противъ Вѣны на-готовѣ, онъ свободно распоряжался у себя на югѣ, и когда смѣло двинулся на Прутъ — за славянами, изъ Вѣны не посмѣли прямо сказать: стой! Договоръ 1707 года, т. е. завязавшіяся сношенія съ мадьярами, значительно облегчили политикѣ нашей путь за Дунай, хотя, если основываться на Голиковѣ, подъ договоромъ стояло имя Андраши...

Межъ бумагъ министра Ракоціева у Петра, Ветеша, нашелся краткій перечень статей варшавскаго договора, въ редакціи нѣсколько отличной отъ офиціальнаго текста, но за подписью царя, Головкина и Долгорукаго. Черновыя ли это замѣтки Ветеша, а потому возможно неточныя, или уклоненія въ нихъ имѣютъ свое основаніе — не знаю. Но этотъ перечень дорогъ для насъ, какъ указатель того, какъ истолковывался, понимался договоръ со стороны Ракоци. Договоръ этотъ названъ «наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ». Петръ обязывался употребить всѣ свои силы для доставленія курфирсту Баваріи венгерской короны (3). «Его царское в—во возьметъ и беретъ сказанное королевство венгерское подъ свое покро-

вительство (sous sa protection) и поможетъ ему арміей въ 20 т.» (4). «Его ц. в—во употребитъ всѣ усилія, чтобы отвести сербовъ отъ стороны императора, подѣйствовать на воеводъ Молдавіи и Валахіи, чтобы не оказывали они никакой помощи императору, не задерживали возставшихъ подданныхъ въ своихъ государствахъ» (5, ib. 1. 67).

По смыслу этого перечня, Венгрія входила въ васальныя отношенія къ Россіи въ силу договора 1707 г.

Новый васалъ Москвы, цесарскій «бунтовщикъ», согласно уговору, поспѣшилъ «испытать посредничества». Успѣхъ посредничества подымалъ его шансы противъ императора.

Сейчасъ по заключеніи союза, 17 сент. главный уполномоченный, генералъ Берчени, писалъ версальскому кабинету. «Императоръ усиленно домогался у царя союза, чтобы дѣйствовать сообща противъ венгерцевъ, обѣщая ему миръ съ шведскимъ королемъ, а въ случаѣ отказа со стороны послѣдняго, онъ готовъ соединиться съ нимъ противъ короля; но царь, не развѣдавъ основательно дѣла, уклонялся. Если бы король шведскій, по желанію Франціи, остался въ Германіи и не вошелъ въ Польшу, то царь могъ бы причинить большое замѣшательство въ Венгріи, которая, не имѣя ни откуда помощи, должна бы была терпѣть москвитянъ. Вотъ почему, въ этой крайности, князь Ракоци счелъ наиболѣе выгоднымъ стать другомъ царя, который видимо предпочитаетъ дружбу короля дружбѣ императора и желаемый имъ миръ будетъ на пользу короля и Франціи, въ случаѣ если его в—во устроитъ его съ обезпеченіемъ и выгодами какъ для Венгріи, такъ и для Польши». Повторивъ, что заключенный союзъ между царемъ и венгерцами помѣшалъ царю соединиться съ Вѣной, генералъ указываетъ, что, примиривши Петра съ Карломъ, французскій король будетъ въ состояніи имѣть въ Венгріи короля по своей волѣ, такъ какъ, царь обѣщалъ всѣми своими силами помогать избранію и коронованію того, кого укажетъ французскій король и такимъ путемъ можно будетъ составить лигу изъ Венгріи, Польши и Россіи (ib. 1. 71, 72).

Вопросъ о венгерскомъ королѣ былъ тѣмъ живѣе, что только что умеръ Леопольдъ, а кандидатомъ былъ баварскій курфирстъ. Отправляя въ октяб. 1707 по этому поводу Ветеша въ Баварію, Ракоци настоятельно проситъ принять посредничество, тщательно устраняя возможныя возраженія. «Могутъ

сказать, что интересы не дозволяютъ посредничествомъ навлекать на себя столь опаснаго врага, какъ шведскій король, дѣйствія котораго противъ имперіи представляютъ болѣе прочныя выгоды, чѣмъ союзъ съ царемъ, битыя силы котораго могутъ быть оставлены безъ вниманія (estre mesprises), хотя они состоятъ изъ 80 т., не считая козаковъ. Но посредничество на условіяхъ столь выгодныхъ, какъ сообщены они намъ отъ самого царя, не должно оскорбить короля шведскаго». Ракоци понимаетъ значеніе Россіи въ политикѣ Европы, предвидитъ возраженіе, что Россію надо доконать, пока она не оправилась, не окрѣпла; но онъ противъ этого указываетъ, что отъ мира съ царемъ еще не грозитъ бѣдой Европѣ, такъ какъ Россію всегда можно удержать. «Если король шведскій не пожелаетъ сдѣлать этого шага въ виду того, что наступило время уничтожить силу Россіи, преже чѣмъ она увеличилась дисциплиной и порядкомъ, которые теперь вводятся, то можно будетъ избѣжать этого неудобства увѣренностью, что король шведскій будетъ имѣть гарантію въ курфирстѣ, какъ королѣ венгерскомъ, въ королѣ польскомъ и еще въ туркахъ, если это необходимо; можно не сомнѣваться, что всѣ эти державы будутъ болѣе чѣмъ достаточны, чтобы гарантировать миръ и ограничить могущество царя, соединившись съ нимъ» (ib 1. 299, 300).

Но въ Версали не охотно слушали Ракоци, и перемиріе не пошло. Карлъ изъ Германіи двинулся въ Польшу, откуда въ Украину, чтобы въ сердцѣ Россіи сломить ея возраставшее могущество.

И Ракоци, и австрійскіе сербы, о которыхъ позже писалъ трансильванскій князь, что они «взираютъ на русскихъ какъ на мессію, пришедшаго ихъ спасти» (ib. 2. 520), и «бѣдные христіане» съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣли на сѣверовостокъ, слѣдили за ходомъ великой борьбы русскаго царя со шведомъ, принимавшей такіе величественные размѣры. Наконецъ она разрѣшилась великою битвой подъ Полтавой. Повсюду она произвела потрясающее дѣйствіе.

23 августа 1709 Ветешъ сообщаетъ Ракоци изъ Парижа: «Мы только что получили нѣкоторыя свѣдѣнія о пораженіи шведской арміи русскими подъ Полтавой. Носилки короля найдены разбитыми, не знаютъ объ участи короля — его нѣтъ ни между убитыми, ни между раненными, ни между своими. Версальскій дворъ глубоко скорбитъ объ этомъ несчастіи, но нельзя

ли будетъ воскресить дѣло посредничества? Можетъ быть, король шведскій не будетъ болѣе такъ упрямиться» (ib. 1. 45). Чрезъ двѣ недѣли Ветешъ спѣшитъ поправить первое сообщеніе. «Пораженіе было полное. Король спасся вплавь чрезъ Днѣпръ съ немногими. Говорятъ, что онъ направился въ Венгрію. Если это такъ, тамъ будутъ знать, какія принять мѣры... Король вамъ можетъ помочь во многомъ; но прежде чѣмъ онъ былъ бы въ состояніи вамъ помочь, царь можетъ вамъ также много повредить, и онъ въ состояніи. Будетъ очень трудно найти средство оказать вниманіе одному изъ этихъ двухъ враговъ, чтобы не оскорбить другаго. Франція будетъ благодарна за вниманіе къ королю, но не знаю, отдастъ ли она отчетъ за тѣ случайности, которыя могутъ встрѣтиться, оскорбляя русскихъ» (ib. 1. 146).

Ракоци согласился съ доводами своего парижскаго агента въ пользу Россіи: ихъ подкрѣпляли наставшія неудачи съ цесарскими войсками.

Въ маѣ 1710 г. Ракоци посылаетъ епископа мункачскаго (очевидно, русскаго, или греко-уніатскаго) и нѣкоего Гербе (de Herbée) съ секретнымъ порученіемъ—увѣрить Петра въ своей ненарушимой преданности Россіи, очистить себя отъ подозрѣній въ слѣдствіе двусмысленныхъ дѣйствій версальскаго двора, а также — убѣдить Петра принять близко къ сердцу дѣло Венгріи.

«Внутреннее состояніе королевства и настоящія обстоятельства войны — говоритъ Ракоци въ инструкціи Гербе — даютъ этимъ переговорамъ характеръ наиболѣе важныхъ и наиболѣе тайныхъ изъ всѣхъ, какія были у насъ доселѣ. Для блага нашихъ интересовъ мы почитаемъ нужнымъ, чтобы онъ жилъ при царскомъ дворѣ и тамъ переговаривался, безъ званія. Спѣшить какъ можно и, прибывши къ царю, онъ или епископъ мункачскій имѣетъ вручить свои ввѣрительныя грамоты лично царю, и, получивъ слушаніе, онъ представитъ государю въ самыхъ энергическихъ словахъ: «нашу неизмѣнную преданность ко всѣхъ его интересамъ вообще; наше сожалѣніе въ виду дѣйствій нашихъ враговъ, которые стараются извѣрить насъ всякими неправдами предъ лицомъ такого великаго государя. Мы желаемъ служить его тайнымъ видамъ, чтобы имѣть возможность отчитываться прямо предъ его лицомъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, относительно которыхъ онъ

полагаетъ, что мы дѣйствовали противъ его интересовъ. Со дня заключенія варшавскаго договора, ничто такъ не было близко нашему сердцу, какъ исполненіе его во всемъ, что зависѣло отъ насъ. Узнавъ, что и послѣ побѣды шведской его в—во продолжаетъ желать вступить въ переговоры съ королемъ при посредничествѣ Франціи, мы послали одну особу къ пашѣ бендерскому съ наказомъ изслѣдовать шведскій дворъ — желаетъ ли онъ воспользоваться расположеніемъ его в—ва или нѣтъ». Ракоци извинялся за непропускъ кіевскаго палатина, благодарилъ за распоряженія, сдѣланныя чрезъ Вѣрбича (d'Vrbic) въ его пользу. «Узнавши о его пріѣздѣ, мы тотчасъ покинули нашу армію, чтобы переговорить съ нимъ и послѣ взаимныхъ сообщеній мы узнали, что предложенія царя были отринуты вѣнскимъ дворомъ, который, въ виду своихъ успѣховъ, имѣетъ въ виду одно — силою подчинить себѣ эту націю и искоренить всѣхъ тѣхъ, которые выдались во время этой войны». Ракоци старается убѣдить Петра въ прямой зависимости успѣха его плановъ на очетъ Турціи съ успѣхами дѣла его и соединенныхъ чиновъ. Мы это замѣчательное мѣсто имѣли уже выше: интересы Австріи требуютъ войны Турціи съ Россіей—«пусть же его в—во разсудитъ, съ какой пользой могутъ быть ему Венгрія и Трансильванія при этой встрѣчи; если австр. домъ одолѣетъ Венгрію, мы не будемъ въ состояніи помочь; если же онѣ будутъ свободны, онѣ сочтутъ для себя удовольствіемъ и обязанностью соединить свои силы съ силами его в—ва и помочь тѣмъ возстановить престолъ въ Константинополѣ». Указавъ далѣе, что всѣ протестантскія государства желаютъ обезпечить ему владѣніе Трансильваніей и возвратить Венгріи ея старыя свободы, Ракоци продолжаетъ. «Если вопреки всѣмъ этимъ основаніямъ его в—во не найдетъ удобнымъ объявить себя противъ императора, то мы покорнѣйше просимъ не оставить насъ и согласиться на слѣдующія средства, чтобъ поддержать насъ: подъ предлогомъ помѣшать проходу шведскаго короля черезъ Венгрію, послать въ нашу крѣпость Мункачъ гарнизонъ отъ 3 до 4 тысячъ и возобновить увѣренія въ принятіи подъ свое покровительство всѣхъ тѣхъ, которые пожелаютъ укрыться во владѣніяхъ его в—ва. Его в—во предоставитъ намъ свободу удалиться съ своими въ Украину, гдѣ намъ предоставитъ земли для образованія колоніи, съ моимъ управленіемъ, подъ его верховною властью. Его в—во указалъ бы министрамъ

своимъ купить земли тѣхъ венгерцевъ, которые удалятся подъ его покровительство, а князь Меншиковъ пріобрѣлъ бы мои земли съ Токаемъ». Но здѣсь Ракоци не забылъ оговорить, что, занимая Венгрію, его в—во не вмѣшивается въ дѣла ни Венгріи, ни Трансильваніи; а для удобства сообщенія съ окупаціоннымъ корпусомъ въ Венгріи Ракоци предоставляетъ Петру занять Мармарошъ, по сѣверо-восточной границѣ Галиціи. Русскій корпусъ будетъ усиленъ значительнымъ числомъ венгерцевъ, «которые пойдутъ со мною на службу и будутъ очень и очень полезны». Комитаты Сатмаръ, Берегъ, Угоча и Мармарошъ доставляютъ продовольствіе корпусу. «Мои войска входятъ подъ команду русскихъ генераловъ. Но его в—во остается въ сказанныхъ земляхъ не долѣе, какъ до возстановленія меня въ моемъ Трансильванскомъ княжествѣ». Въ послѣдней статьѣ инструкціи Ракоци приказывалъ «остерегаться Шафирова, который весь преданъ австрійскому дому, а изъ иностранныхъ генераловъ открыться лишь Ренне, который долженъ знать хорошо всѣ мои дѣла» (ib. 1. 175—182).

Очевидно, Петръ былъ недоволенъ на Ракоци за неуспѣшность посредничества. Шафировъ стоялъ за союзъ съ Австріей, Австрія тѣснила Ракоци, а французскій дворъ поддерживалъ шведа, чѣмъ осложнялъ отношенія Ракоци къ Петру. Ракоци доказываетъ Петру, что вопросъ о турецкихъ христіанахъ тѣсно связанъ съ вопросомъ венгерскимъ, а покровитель Ракоци, Лудовикъ XIV, употребляетъ всѣ усилія, чтобы напустить Порту на Россію, пока она еще занята шведомъ, какъ это увидимъ ниже. Или Ракоци не понималъ Франціи, или поступалъ лукаво. Второе менѣе вѣроятно въ виду того, что значительные успѣхи австрійцевъ въ сѣверной Венгріи, подходившихъ уже къ Мункачу, послѣдней крѣпости Ракочи, ставили дѣло соединенныхъ чиновъ Венгріи въ прямую зависимость отъ отношенія къ нему русскаго царя: Петръ былъ послѣдней опорой на мѣстѣ. Это видно изъ инструкціи, это видно изъ новой попытки Ракоци о посредничествѣ.

4 іюля 1710 извѣстный агентъ Ветешъ, по приказанію Ракоци, представляетъ Лудовику XIV обширную меморію—въ доказательство пользы посредничества. Ветешъ писалъ, что онъ только что получилъ извѣстіе отъ Дезальера (французскаго посла въ Турціи) изъ Бендеръ, что Карлъ съ удовольствіемъ принимаетъ посредничество короля о мирѣ съ царемъ, и что

князь сообщилъ объ этомъ и царю, отъ котораго получилъ согласіе. «Польза, которую обѣщаетъ царь вашему в—ву, заключается въ варшавской деклараціи князя 1707 г., исполнить которую онъ твердо обѣщаетъ и въ своихъ письмахъ; въ случаѣ мира при вашемъ посредничествѣ онъ обязывается дѣйствовать всѣми своими силами противъ австрійскаго дома въ пользу Венгріи. И въ случаѣ даже неудачи посредничества онъ предлагаетъ союзъ съ в. в—вомъ противъ императора и всяческую помочь и возможное обезпеченіе венгерцамъ». «Увѣреніе ваше, государь — заключалъ Ветешъ — успокоитъ духъ его царскаго в—ва и утвердитъ упованія князя, возлагаемыя на его покровительство» (ib. 1. 168—172).

Въ Версали на словахъ дали согласіе, выразили желаніе видѣть миръ между сѣверными противниками. Въ концѣ октября Ракоци шлетъ новое посольство въ Москву сообщить «радостный» результатъ переговоровъ. Въ этомъ смыслѣ была составлена ввѣрительная грамота (ib 1. 175). Въ Москву отправлялся Ветешъ. Кромѣ того ему поручено было достигнуть соглашенія по вопросамъ майскаго посольства: возстановить князя въ прежней милости Петра и поднять его за дѣло Венгріи. «Не имѣя надобности въ какой нибудь особенной инструкціи, я получилъ копію съ старой, данной де Гербе, съ приказаніемъ слѣдовать ей во всемъ, и я уѣхалъ 1 октября 1710 года» — пишетъ Ветешъ (ib.). Изъ Серенча (Szerencs) Ветешъ направился въ Варшаву, въ Москву прибылъ 2 февраля 1711 года.

Въ Москвѣ ждали посла Ракоци горькія разочарованія. Онъ въѣзжалъ съ радостью въ Москву, а ему оттуда указали дорогу. Дѣла турецко-шведскія приняли такой оборотъ, что было внѣ сомнѣнія, что Версаль проводилъ Ракоци съ его хлопотами о посредничествѣ и желалъ провести Петра.

6 февраля Головкинъ и Шафировъ приняли посла. При слушаньѣ присутствовалъ Петръ во второй комнатѣ. На сообщенія посла о французскомъ посредничествѣ, Головкинъ отвѣчалъ со словъ царя, что съ отъѣзда посла изъ Парижа дѣла такъ измѣнились, что не можетъ быть сомнѣнія въ дурныхъ чувствахъ Лудовика къ царю, что его в—во убѣжденъ, что война, которую турки готовятся начать, дѣло его рукъ. Послѣ этого отвѣта, посолъ представилъ меморію, въ которой повторялись просьбы майской инструкціи, рѣшеніе французскаго кабинета о принятіи посредничества отъ 5 іюля минувшаго

года и проэктъ разрѣшенія затрудненій, которыя могли бы встрѣтиться Петру при принятіи настоятельнаго домогательства Ракоци — пойти войной на имперію. Самое важное затрудненіе — возможность турецкой войны, и посолъ не забываетъ коснуться этого вопроса. «Если вспыхнетъ война съ турками, то пусть удостоитъ его в—во принять моего князя подъ свое особенное и дѣйствительное покровительство и оказать на дѣлѣ благосклонно обѣщанную помочь, его свѣтлость обѣщаетъ со всѣми войсками своими явиться къ его в—ву» (ib. 1. 200).

Черезъ два дня получился отъ Петра тотъ же неудовлетворительный отвѣтъ и на письменные документы. «Мнѣ показали въ оригиналѣ письма русскаго посла у Порты, изъ которыхъ явствуютъ интриги Дезальера, чтобъ подбить турокъ къ войнѣ. Мнѣ дали окончательный отвѣтъ, что достоинство и интересы царскаго в—ва не позволяютъ ему слышать ни о какихъ предложеніяхъ и давать вѣру рѣшенію короля, столь вѣроломнаго и обманчиваго, какъ король французскій». Посолъ возражалъ, что желанія короля внѣ сомнѣнія, что французскій посолъ, вѣроятно, дѣйствовалъ на собственный рискъ, и просилъ повременить съ отказомъ, такъ какъ французскій король готовъ итти въ союзъ съ царемъ противъ всѣхъ.

Рѣчь Ветеша по видимому подѣйствовала, и русскіе дипломаты готовы были уже смягчить свой гнѣвъ противъ короля: послу дали срокъ дать на письмѣ свои объясненія. «До 20 февраля — пишетъ посолъ Ракоци — былъ я между страхомъ и надеждой. Шафировъ сообщилъ, что его в—ву понравились мои объясненія, онъ дастъ слушанье и прибавилъ, что его в—во вполнѣ доволенъ прямотой и точностью, съ которой ваша свѣтлость радѣетъ о его интересахъ, и что за то не замедлитъ дать всѣ знаки своего благороднаго покровительства». Здѣсь же вицеканцлеръ объявилъ послу, что Петръ болѣе всего занятъ союзомъ съ Франціей, какъ единственнымъ условіемъ для выполненія своихъ намѣреній относительно турокъ.

Посолъ благодушествовалъ, какъ неожиданное обстоятельство измѣнило всѣ его расчеты: пріѣздъ секретаря русскаго посла въ Константинополѣ и курьера отъ князя Долгорукаго. 25 февраля Ветешъ былъ приглашенъ къ канцлеру, гдѣ ему объявили, что къ царю онъ не будетъ допущенъ, отвѣтъ прежній, и «данъ уже приказъ дать мнѣ лошадей и ѣхать не позже двухъ дней. Печальный возвратился я домой, и черезъ два часа

мнѣ принесли мои паспорты». Посолъ зашелъ проститься къ Шафирову, который ему и объяснилъ причину дурнаго оборота дѣла. «Секретарь привезъ всѣ бумаги, которыя подготовляли разрывъ. Шафировъ объяснилъ мнѣ статьи, которыя были представлены Дезальеромъ визирю отъ имени короля, чтобы ему указать всю пользу отъ этой войны, слѣдствія отъ нея для Порты, увеличивающееся могущество царя, особенно послѣ покоренія Ливоніи, легкость, съ какою и турки могутъ очутиться въ обстоятельствахъ сегодняшняго дня». Свой отчетъ Ракоци Ветешъ заключалъ словами: «я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы хорошо сослужить вамъ. Прошу извинить меня за дурной исходъ моихъ вѣрныхъ заботъ. Царь отправляется въ Азовъ, оттуда въ Польшу, чтобы тотчасъ же двинуться въ Молдавію, такъ какъ его намѣреніе идти прямо на встрѣчу туркамъ»[1]).

26 февраля посолъ Ракоци оставлялъ Москву съ неудачей, но съ прежней милостью къ венгерскому князю, и съ важнымъ извѣстіемъ о войнѣ турецкой.

Могъ ли Ракоци и венгерскіе «за вольность соединенные» чины исполнить свое обѣщаніе 1710 года, увидимъ ниже. Мы возвращаемся теперь къ противникамъ Ракоци и ко вторымъ пріятелямъ русскаго царя въ Австріи — сербамъ.

Послѣ отъѣзда Божича къ Москвѣ изъ Венгріи, дѣла сербовъ пошли еще хуже. Война Ракоци тянулась, сербы платились за нее всѣмъ, а изъ Вѣны по старому идутъ хорошія слова, да дурныя дѣла.

27 окт. 1706 г. умеръ старый Арсеній, и сербы лишились послѣдняго защитника своихъ интересовъ предъ Вѣной. Еще въ 1702 г. его неудачный сотоварищъ, деспотъ, былъ увезенъ подальше отъ сербовъ изъ Вѣны, въ крѣпостцу Хебъ (Eger) въ Чехіи, откуда онъ ревностнѣе прежняго вопіялъ объ осво-

---

[1]) ib. 1. 201—213. Въ отчетѣ этомъ интересныя черты для характеристики Петра. Вообще весь первый томъ «Actenstücke zur Geschichte Fr. Rakoczy's» предлагаетъ богатый и драгоцѣнный матеріалъ для исторіи политики Петра Великаго. Можетъ быть, не будетъ смѣло сказать, что вся иностранная политика Петра сосредоточивалась въ одномъ вопросѣ—*турецкомъ*, вопросѣ о «бѣдныхъ христіанахъ», какъ онъ любилъ выражаться; остальные вопросы, даже шведскій — были лишь средствомъ для достиженія завѣтной цѣли великаго русскаго человѣка — «свобожденія турецкихъ христіанъ». Отношенія его къ бунтовавшей Венгріи — лучшая илюстрація только что сказаннаго. Въ словахъ бунтовщика-Ракоци не мало драгоцѣнныхъ зеренъ для пониманія Петра, какъ русскаго царя.

божденіи, и столь же безуспѣшно, до самой своей смерти[1]). Подвоевода Монастирличь умеръ ранѣе патріарха. Руководителями

[1]) 19 февр. 1702, послѣ 13 лѣтъ заключенія, «Георгие Бранковичь словено-сьрбски вечно санаследователни деспотъ», какъ титулуетъ онъ по старому самъ себя, напоминаетъ снова о себѣ Петру. Онъ еще сидитъ въ Вѣнѣ и подаетъ просительную грамоту объ исходатайствованіи у цесаря свободы ему: «монархо цару *мне же и васеми восточними нашими православними народами утешително надеяние*». Извиняясь, что, можетъ быть, своими «многими и недостойными писаніями досажденіе» причинилъ, Бранковичь напоминаетъ о просьбѣ своей еще къ Возницыну и полученномъ отъ него обѣщаніи: «яко еще ва узилищну кустодію оставшу ми се пребиваніем ц. ти в—ву пространнейше известовати приваручих пълномощному зде бившему в. посланнику кнезу П Б. Возничину; имже великаго посланничаства ходатайством коленопреклонно до лица земле себе простирающе, благоутробно милосьрдие просим непрезри, мое узилищно страдание». Затѣмъ онъ повторяетъ просьбу: «ва таковую благодет ц. ти в—ва совьршено упование имею, и покорним уничижением просим и умилно челом бию по царскому обещаванию, превеликою своею и нескончаваемою ц. милостию благопроизволи напечатанную свою грамоту прислати ка кесара в—ву ради свобождения моего уже отъ 13 летно узилищнои кустодии (въ моск. архивѣ, «Гласник» XV 161). Нѣтъ сомнѣнія, въ Вѣнѣ знали объ этой непріятной перепискѣ Бранковича съ Петромъ, русская политика котораго, политика славянскаго направленія, выяснялись все болѣе. И, вѣроятно, въ заботѣ, чтобы несчастный «санаследователни деспотъ» не досаждалъ своими многими писаніями, не Москву, конечно, а Вѣну, его выпроводили въ началѣ 1703 изъ Вѣны въ Хебъ. Въ этомъ нѣмецкомъ захолустьѣ, Бранковичь, ревностно оберегаемый, занялся своими мемуарами, написалъ 1750 листовъ хроники, и все утѣшалъ себя надеждой на освобожденіе, и даже помимо Петра. О тяжелой его жизни въ Хебѣ мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія очевидцевъ. 2 окт. 1702 имп. Леопольдъ отправилъ въ Хебъ собственноручный наказъ, гдѣ, до мельчайшихъ подробностей, указаны были правила какъ съ деспотомъ обходиться. На содержаніе его отпускалось 1000 гульд. Почти все время онъ прожилъ въ домѣ нѣкоего Минети, который оставилъ свои воспоминанія. «Убѣдившись, что всѣ просьбы его безъ послѣдствій—пишетъ Минети, деспотъ безъ ропота предался своей судьбѣ. Если кто нибудь напоминалъ о его заточеніи, онъ пожималъ только плечами, не говоря ни слова». Съ особенною тщательностью онъ холилъ свою бороду, которую отростилъ до колѣнъ. Въ 1707 онъ занемогъ, просился въ Прагу, но ему не позволили. Городъ спросилъ въ Вѣнѣ, гдѣ похоронить деспота—ибо онъ не католикъ. Императоръ собственноручно отвѣчалъ: «у дверей какой нибудь церкви, внѣ стѣнъ» («Гласник» XXVIII. 294, 295). 29 мая 1705 года Бранковичь обращается къ *польскому* королю. Письмо писано тѣмъ же утомительно витіеватымъ, пустословнымъ слогомъ, какъ и всѣ его писанія. Онъ проситъ Августа «изходатаіставна деіствіа пріуказати, яко да свобождаваем да біваю и прежде біваемоі златолепноі свободності вазвратім да біваю». Указываетъ, что уже разъ обращался къ

народнаго дѣла сербовъ остались поставленные во время Арсеніемъ епископы и. во главѣ ихъ Исаія Дяковичъ. «мудрый», какъ прозвалъ его народъ. «бѣдный и горькій страдалецъ», какъ подписывался самъ.

Понимая значеніе патріарха для народа въ иновѣрческой, богатой фанатизмомъ странѣ. «мудрый» епископъ всячески силится добиться разрѣшенія у Вѣны на избраніе новаго патріарха, не безъ надежды, что преемникомъ былъ бы онъ. Леопольда уже не было въ живыхъ (1706): преемникъ. Іосифъ I, былъ еще молодой человѣкъ: была надежда на податливость. Можно было видѣть, что Вѣна желаетъ устранить званіе патріарха, какъ устранено было званіе воеводы. Но сербы добились отъ

польскому послу въ Вѣнѣ и московскому. «иже речені посланія подобієм повеленія ц. в—ва зрачному образу моему свобожденіе настоятелно понудівші, и разрешително ответоиздаваніе сім подобієм прінзобрев бів». Но «даже и до данашнега времена еште ні уелішім ніже истезаніем испітиваем біваю, непрестано прістоеште уже ва мімошаствіе 16 летімі пренеповінніешім зауставленіем васхіштітелно (т. е. насильственно) саваздържаваем біваю и страстотърпно стражду». Онъ молитъ—повторить ходатайство въ Вѣнѣ, особенно въ виду его бѣдственнаго положенія въ Хебѣ, гдѣ онъ долженъ былъ надѣлать массу долговъ, «отъ преізбілности» (ib. XXXIII 177). Но и чрезъ польскаго короля не послѣдовало освобожденіе. Какое ходатайство могло имѣть успѣхъ, когда и невинная просьба Бранковича перевести его, по случаю его тяжкой болѣзни, изъ Хеба въ Прагу, сочтена была въ Вѣнѣ неисполнимой, и были приняты всѣ мѣры на случай смерти «схизматика». Тяжело было состояніе упрятаннаго деспота: ни отъ куда никакого голоса о свободѣ. Но обремененный долгами, старѣющій Бранковичъ не терялъ надежды, и за два мѣсяца до своей смерти, 29 сент. 1711 года, онъ обращается снова къ Петру. «Вспомни, пишетъ деспотъ, обѣщаніе, данное тобою еще въ Вѣнѣ своими царскими словами—не попустить страдать мнѣ въ напасти этой неповинно; съ покорнымъ уничиженіемъ прошу и умильно челомъ бью о помощи.» Онъ снова ссылается на свои отношенія къ Возницыну, что уже тогда были «изложителни пункти и о моему свобожденію слово речено бист»; но дѣло было неокончено и продолжается до сего дня, какъ ясно изъ отвѣта австрійскаго, который прилагается здѣсь. Не забываетъ и сказать о своихъ долгахъ — въ Хебѣ и Вѣнѣ, «его же ради милостиню прошу, да себе откупити, и жилиштно мое кърмленіе имети да вазмогу». Но прежде чѣмъ могъ послѣдовать отвѣтъ, 19 февраля 1711 Бранковича не стало; онъ былъ погребенъ, согласно инструкціи императора, у вратъ церкви Св. Креста, «внѣ стѣнъ». Всѣ три письма изъ архива бѣлгр. уч. общества въ Гласникѣ XXXIII, 177 — 184. Письмо къ Петру и въ моск. арх. м. ин. д. (Отрывокъ, съ невѣрной датой, «Гласник», XV, 263.

молодаго императора, что имъ позволено держать саборъ, т. е. сеймъ, для обсужденія вопроса о новомъ патріархѣ.

24 мая 1707 г. сошлись депутаты на первый народный сеймъ въ монастырѣ Крушедольскомъ, въ Срѣмѣ. Соборъ избралъ патріархомъ мудраго Исаію, но въ Вѣнѣ утвердили его только въ званіи митрополита. Но помимо этого, соборъ выработалъ рядъ предложеній, весьма существенныхъ для правильной организаціи народнаго сербскаго дѣла. Соборъ просилъ о предоставленіи патріарху права еще при жизни своей избирать преемника и поставлять его всѣми людьми духовными и мірскими—мѣра противъ стремленій Вѣны. Но чтобы усилить значеніе патріарха, соборъ воскресилъ обѣщаніе привилегій—патріархъ собираетъ самолично, безъ всякой помѣхи, общій сеймъ народа, а епископъ—въ своей епископіи. Мы слышали не однократныя жалобы сербовъ на утѣсненія ихъ вѣры; и утѣсненія давали Вѣнѣ желанные результаты: сербы стали принимать унію. Соборъ 1707 принялъ свои мѣры и противъ этой измѣны народу. «Если бы кто изъ народа или клира, епископъ или какой церковникъ, сталъ уніатомъ, таковой да выйдетъ изъ нашей среды, оставитъ свою должность—да не дѣлаютъ соблазна въ народѣ, какъ это было доселѣ». Кромѣ того, соборъ постановилъ ходатайствовать объ уравненіи въ правахъ сербовъ, жителей городовъ, съ нѣмцами и мадьярами, объ освобожденіи народа отъ военныхъ натуральныхъ повинностей, объ основаніи школъ при церквяхъ, типографій и о передачѣ имъ обѣщанной привилегіями земли между Дравой и Савой и далѣе на востокъ—Славонію и Срѣмъ («Гласник» XXX 153—155).

Для поднесенія этихъ предложеній собора Іосифу былъ избранъ митрополитъ Исаія, и 4 января 1708 г. Исаія представилъ ихъ императору въ Вѣнѣ, съ просьбой подтвердить. Іосифъ принялъ милостиво соборнаго депутата, и предложенія сербскія внесъ въ труды собиравшагося тогда венгерскаго сейма въ Пресбургѣ (Пожунь), куда, по высочайшему повелѣнію, имѣли послать и сербы своихъ представителей — по два отъ комитатовъ: бачскаго и срѣмскаго (ib. 28). Но прежде чѣмъ дошло до разсмотрѣнія сербскихъ привилегій и предложеній крушедольскаго собора, сеймъ разбѣжался при приближеніи войскъ Ракоци. Но если бы сеймъ и продолжалъ свои работы, едва ли можно сомнѣваться, что онъ не призналъ бы ни из-

данныхъ императоромъ Леопольдомъ отъ своего имени привилегій, ни постановленій собора 1707 года.

Опять сербы остались ни съ чѣмъ—въ томъ же положеніи беззащитной добычи своеволія и фанатизма. Къ довершенію бѣды, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стало и мудраго Исаіи. Онъ умеръ въ Вѣнѣ 21 іюля 1708 г., занятый дѣлами своихъ сербовъ изъ Буды. «Да будетъ ему вѣчная память. И мы остались въ заботѣ и скорби, потерявши своего добраго архипастыря»—пишутъ депутаты изъ Буды своимъ довѣрителямъ (ib. 63). Хотя тѣже депутаты сообщали, что и дворъ и министры, видя ихъ скорбь, утѣшали, чтобы «мы не печалились о смерти митрополита, милость императорская пребудетъ съ нами» (ib.): но два года прошло, и Вѣна не допускала избранія новаго митрополита. Только въ маѣ 1710 г. былъ разрѣшенъ новый соборъ въ томъ же Крушедольскомъ монастырѣ. Избранъ былъ Софроній Подгоричанинъ, епископъ панкрацкій (епархія панкрацкая за мѣсто сегединской). Новый соборъ не упустилъ случая, возобновилъ ходатайство о предложеніяхъ 1707 г. и получилъ, теперь отъ императора Карла VI, отказъ въ принятіи ихъ. Венгрія усмирялась; «рацыяне» еще ранѣе стали подозрительными въ виду возрастающаго величія Петра: мы слышали предположенія австрійскихъ министровъ въ донесеніи русскаго агента 1707 года—могла ли Вѣна думать объ организаціонномъ усиленіи сербовъ, о созданіи внутри себя общины людей, всѣми своими добрыми чувствами стремившихся къ Москвѣ, а злыми — къ Вѣнѣ? Имъ готовилась изъ Вѣны не свобода, а драгонады 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Какъ вездѣ и всегда, смирная часть продолжала терпѣть, немирная стала искать выхода, и самаго рѣшительнаго.

Мы видѣли, что уже послѣ первыхъ притѣсненій, сербы послали въ Москву своихъ пословъ о помощи; могли ли они удержаться теперь, послѣ полтавской битвы, когда всѣ труждающіеся и обремененные, непритворно и притворно пошли въ Москву къ Петру съ своими скорбями, прося защиты и предлагая себя?

Мы познакомились съ господаремъ Валахіи послѣ 1709 года; мы видѣли дѣйствія полтавской битвы на Ракоци и «королевство за вольность соединенное»—бунтовавшихъ мадьяръ: очередь оставалась за южными славянами. И они откликнулись въ лицѣ тѣхъ, которые уже раньше объявили Петру желаніе

«токмо за едино православіе служить противъ бусурмановъ»— австрійскихъ сербовъ.

Въ маѣ 1710 года прибылъ въ Москву сотникъ Богданъ Поповичь и вручилъ царю Петру грамоту отъ сербскихъ полковниковъ Ивана Текелія и Волина Потыседа, изъ городовъ Арада и Сегедина. Въ своей грамотѣ Текелей и Потыседъ писали: «о благочестивый царю, красносіятельное солнце правды! милостивымъ окомъ воззри на насъ убогихъ и твоими царскими щедротами промысли о нашей сербской землѣ, отъ многихъ лѣтъ грѣхъ ради нашихъ ярмомъ бусурманскимъ обремененной, особенно, когда воздвигнетъ Господь Богъ крестоносную десницу твою на бусурмана; не забудь и насъ, малѣйшихъ, приглашеніемъ царскимъ и милованіемъ своимъ, да и мы потщимся службою своею за своего православнаго царя» (ib. XVI 78).

Дѣйствительно, австрійскіе сербы потщились за своего царя: мы увидимъ, что когда Петръ въ 1711 г. вступилъ въ Молдавію, 19,000 сербовъ шли на соединеніе съ русскими войсками изъ Угріи, но къ несчастію, измѣнившій Петру Бранкованъ воспрепятствовалъ переходу ихъ чрезъ Дунай.

Между тѣмъ, въ то время какъ австрійскіе сербы умоляли русскаго царя промыслить объ отеческой сербской землѣ, когда Господь Богъ воздвигнетъ руку его на бусурмана, изъ далекаго уголка сербскаго міра—Дубровника (Ragusa), неслась пѣснь католическаго монаха, которая, обращаясь къ «сѣверному пламени», что горѣлъ, «полный благороднаго свѣта», призывала его спѣшить на югъ Европы, да свершитъ онъ дѣло, возложенное на него всѣмъ южнымъ христіанствомъ: «руби, пали невѣрныхъ, что ненавидятъ истину, пусть сгинутъ они въ рѣкѣ собственной крови. Живи, пусть проклятый ходжа болѣе не кричитъ съ минарета, и да разрушатся всѣ мечети врага христіанства. Защити честь православія, освободи ее изъ рабства; да расширится и расплодится она твоей силою». Такъ говорилъ Петру, іезуитъ Игнатій Градичь («Чтенія моск. общ.» 1865).

Такимъ образомъ, великій царь уже располагалъ матеріальною помощью валаховъ, австрійскихъ сербовъ, общимъ сочувствіемъ всего юго-востока Европы, въ своихъ рукахъ имѣлъ венгерское дѣло противъ цесаря: когда крестоносная десница его дѣйствительно подвиглась на бусурмана, когда онъ рѣ-

шился выполнить свои планы по отношенію къ Турціи, о которыхъ писалъ агентъ трансильванскаго князя въ Москвѣ Ракоци, на канунѣ турецкаго разрыва, $^{15}/_{26}$ февраля 1711 года, со словъ Головкина: «Петръ страстно желаетъ мира съ Швеціей и союза съ Франціей, чтобъ быть въ состояніи исполнить наконецъ свои намѣренія относительно турокъ (pour se mettre en estat un jour ses projets contre les turques)». Рука русская подвиглась на бусурмана и раньше, несомнѣнно, чѣмъ того желалъ самъ Петръ, какъ это видѣли изъ переговоровъ съ посланникомъ Ракоци и венгерскихъ чиновъ. Петръ расчитывалъ на многое и въ расчетѣ былъ обманутъ.

Глава 3. Прутскій походъ (1711) и послѣдніе годы.

Уже давно, съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдила Порта за успѣхами шведскаго оружія на сѣверѣ, и въ то время какъ Карлъ XII утверждался въ прусской Польшѣ и низводилъ короля Августа, очаковскій Юзуфъ паша велъ съ нимъ переговоры о заключеніи союза. Карлъ потребовалъ отъ Турціи свободной торговли для шведовъ, признанія Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ, но главное—высылки вспомогательнаго турецкаго корпуса. Ведшій эти переговоры турецкій агентъ замѣтилъ Карлу, что Порта слишкомъ далека отъ шведовъ, и потому послѣднее требованіе не возможно. Но король возразилъ, что пусть султанъ вышлетъ вспомогательный корпусъ противъ Каменца-Подольска, а тогда легко будетъ соединиться съ нимъ. Но Порта при тогдашнемъ мирномъ настроеніи дивана не хотѣла заходить такъ далеко, и первая попытка союза съ Карломъ XII не имѣла успѣха. Визирь только стороной, но не безъ уполномочія султана, указалъ королю на крымскаго хана, на котораго онъ могъ бы расчитывать. Кажется, Карлъ, при походѣ своемъ въ Украину, до послѣдней минуты расчитывалъ на хана, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, чѣмъ болѣе покидало короля военное счастіе,

тѣмъ сдержаннѣе становилась Порта, и тѣмъ строже были приказанія, которыя она посылала хану—не трогаться (Zinkeisen, V 518).

Поднятіе Украины, запорожскихъ казаковъ было неудачно. Немногіе пристали, другіе просили хана о землѣ. 9 мая 1709 г. Головкинъ пишетъ гетману Скоропадскому: «визирь къ хану писалъ, чтобъ запорожцевъ не принималъ и никакого вида къ ссорамъ съ ц. в—вомъ не подавалъ» («Матеріалы военно-учен. архива генер. штаба» I 657). Безъ успѣха была попытка поднять казаковъ «обрѣтающихся на Ингулѣ, Ингульцѣ и Богѣ и на иныхъ рѣчкахъ, къ которымъ Гордѣенко писалъ, дабы они шли къ нему вору на служеніе» (изъ письма Головкина къ гетману 25 апр. 1709 ib. 656). Однимъ только помогали малоросы Карлу. Въ универсалѣ Карлъ просилъ вести провіантъ «за многую плату; на что смотря изъ простого народа многіе склоняются и въ непріятельское войско ѣздятъ»—выговариваетъ Меншиковъ гетману (ib. 563). Вѣрность Малороссіи гарантировала успѣхъ Петра и спасла дѣло славянства. Дѣло Мазепы не нуждается въ объясненіи: имя ему дается само собой.

Въ минуту полтавской катастрофы Порта не успѣла остановиться ни на чемъ опредѣленномъ, а между тѣмъ дѣла съ этой минуты приняли рѣшительный оборотъ.

Послѣ 6 дней пути Карлъ достигъ Очакова. Здѣсь его не схватили, не смотря на требованіе и угрозы Петра: «буде примутъ ихъ къ себѣ—пишетъ канцлеръ гетману — то явное будетъ съ ихъ стороны нарушеніе миру» (ib. 665).

Свиту его составляли канцлеръ Мюлернъ, секретарь Нейгебауеръ и нѣсколько шведскихъ и польскихъ генераловъ. Прежде чѣмъ двинуться отсюда въ Бендеры, король отправилъ Нейгебауера съ письмомъ къ султану въ Константинополь. Въ письмѣ своемъ онъ извѣщалъ султана о постигшемъ его несчастіи, которое заставило его искать спасенія въ владѣніяхъ его султанскаго в—ва, и писалъ, что онъ проситъ только средствъ, которыя дозволили бы ему возвратиться къ войску, оставленному въ Польшѣ: «если дать царю время воспользоваться выгодами, доставленными ему нашимъ несчастіемъ, онъ бросится внезапно на одну изъ вашихъ областей, какъ это онъ сдѣлалъ, бросившись съ своимъ вѣроломнымъ союзникомъ на насъ среди мира, безъ объявленія войны. Крѣпости, воздвигнутыя имъ на Дону и Азовскомъ морѣ, его вновь построен-

ный флотъ—все это довольно ясно обнаруживаетъ его зловредные замыслы противъ вашей имперіи, не требуя особенныхъ доказательствъ вѣроломства. При такомъ положеніи дѣлъ, намъ кажется, нѣтъ ничего полезнѣе и сподручнѣе для отвращенія грозящей вамъ опасности, какъ союзъ между вашей высокой Портой и нашимъ дворомъ, чѣмъ в. в—во дастъ намъ возможность возвратиться въ Польшу и въ наше государство, усилить войско и еще разъ проникнуть въ сердце Московіи, чтобы наконецъ положить предѣлъ честолюбію и властолюбію царя» (ib. 382).

Канцлеръ Мюлернъ, съ своей стороны, написалъ письмо визирю Али-пашѣ Чорли въ томъ же духѣ.

Черезъ три дня по отъѣздѣ Нейгебауера Карлъ отправился въ Бендеры. Онъ отказался помѣститься въ бендерской цитадели и разбилъ свой станъ на берегу Днѣстра, на лугу, подъ крѣпостными пушками; но потомъ онъ долженъ былъ перейдти на житье въ молдавскую деревню Варницы.

Пріѣздъ Нейгебауера въ Константинополь съ письмомъ привелъ визиря въ немалое замѣшательство. Посланный домогался аудіенціи у султана, а визирь отказывалъ ему въ ней подъ предлогомъ, что у него нѣтъ ввѣрительныхъ грамотъ отъ короля. Когда узнали объ этомъ въ Бендерахъ, въ Константинополь былъ немедленно посланъ генералъ Понятовскій съ требуемыми грамотами.

Между тѣмъ не дремалъ въ Константинополѣ и русскій посолъ Толстой. Онъ прямо объявилъ визирю, что Петръ ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ дальнѣйшаго пребыванія Карла въ Турціи, и всякая поддержка ему со стороны Порты вооруженною рукой будетъ сочтена за объявленіе войны. Мы уже знаемъ, почему Толстой могъ дѣйствовать рѣшительно. Диванъ отвѣчалъ русскому послу, что султанъ никоимъ образомъ не можетъ отказать королю въ покровительствѣ, но этимъ нисколько не нарушается миръ, такъ какъ въ мирномъ договорѣ съ Россіей ничего не оговорено на подобный случай. Не смотря на сильнѣйшіе происки шведской партіи, которая не преминула выставить уничтоженіе отряда Гиленкрона бригадиромъ Кропотовымъ подъ Черновцами, то есть на турецкой територіи, какъ на нарушеніе мира со стороны царя, Толстому удалось въ ноябрѣ 1709 г. возобновить тридцатилѣтній миръ Россіи съ Турціей. Относительно шведскаго короля было

положено, что Карлъ одинъ, безъ всякой свиты, долженъ немедленно оставить Бендеры; до польской границы его будетъ сопровождать турецкій отрядъ, а здѣсь онъ будетъ переданъ русскому офицеру. Мазепа и козаки должны быть высланы изъ турецкихъ областей. Порта обязывалась сообщить о всѣхъ этихъ условіяхъ королю; буде же онъ не захочетъ имъ повиноваться, она отказывалась отъ поданія ему какой бы то ни было помощи.

3-го января 1710 года Толстой имѣлъ торжественную аудіенцію у султана, на которой былъ ратификованъ новый договоръ. Въ маѣ этотъ договоръ былъ отосланъ къ Петру съ письмомъ султана.

Карлъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, когда узналъ о содержаніи новаго договора. Нейгебауеръ, не умѣвшій дѣйствовать искусно, былъ отозванъ изъ Константинополя, а дальнѣйшее веденіе дѣлъ было поручено полковнику Функу. Между тѣмъ, по приказанію короля, была составлена записка, въ которой визирь представлялся измѣнникомъ, подкупленнымъ царемъ. Съ этой запиской отправился въ Константинополь Понятовскій. Ему удалось, помимо визиря, вручить ее самому султану, когда тотъ однажды въ пятницу возвращался изъ мечети. Записка достигла своей цѣли. Благодаря ей и проискамъ враговъ визиря, Али-Чорли былъ сосланъ въ Кафу; а государственная печать перешла въ руки Нуумана-Кюпрели, который считался другомъ шведовъ. Но въ немъ обманулась шведская партія: онъ былъ человѣкъ миролюбиваго характера и вовсе не расположенъ къ войнѣ; онъ ограничился только тѣмъ, что послалъ королю въ Бендеры 800 кошельковъ. Конечно, Карлъ былъ недоволенъ новымъ визиремъ; а между тѣмъ шведская партія въ Константинополѣ дѣйствовала столь ловко, что успѣла возбудить янычаръ. Они стали кричать и требовать вести ихъ на русскихъ. Поставленный въ затруднительное положеніе, Нууманъ-Кюпрели сложилъ съ себя визирство, и его мѣсто занялъ воинственно-настроенный Балтаджи Мугамедъ-паша; шведская партія, во главѣ которой стоялъ особенно ненавистный Толстому Понятовскій, торжествовала побѣду.

Между тѣмъ уже въ іюлѣ 1710 года Петръ отправилъ энергическое посланіе султану, въ которомъ сильно укорялъ за неисполненіе условій только что возобновленнаго мирнаго договора. Петръ жаловался, что султанъ до сихъ поръ еще не вы-

слалъ изъ своихъ владѣній короля и бунтовщиковъ козаковъ, и мало того, король не только не высланъ, но въ Бендерахъ постоянно увеличиваются турецкія войска, и самъ султанъ намѣренъ нарушить миръ.

Прошло три мѣсяца, но не было никакого отвѣта отъ султана, и 18-го октября Петръ отправилъ второе посланіе, еще болѣе рѣшительнаго характера. Царь прямо спрашивалъ султана—намѣренъ ли онъ исполнить условія мирнаго договора, или нѣтъ; если нѣтъ, то «заботясь о своей безопасности, мы—писалъ Петръ—поведемъ наши войска къ границамъ» и, соединясь съ королемъ Августомъ и Рѣчью Посполитой, «употребимъ всѣ усилія, чтобъ уничтожить непріязненные намъ замыслы» [1]). Но и на это письмо не послѣдовало отвѣта отъ Порты, а между тѣмъ дѣла въ Константинополѣ приняли рѣшительный оборотъ. Сторонники войны, подстрекаемые Понятовскимъ и французскимъ посланникомъ Дезальеромъ, одержали верхъ надъ сторонниками мира, и гонцы, везшіе царскую грамоту отъ 18-го октября, были перехвачены на границѣ и брошены въ тюрьму, гдѣ они протомились до прутскаго мира. Для окончательнаго рѣшенія вопроса о войнѣ—былъ вызванъ въ Царьградъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, «другъ и благопріятель шведовъ». Принятый съ знаками особеннаго почета султаномъ, онъ объявилъ себя за необходимость войны «съ москвитяниномъ, который, согласившись съ христіанскими подданными Порты, объ одномъ только и хлопочетъ — чтобы завладѣть Румеліей». 20-го ноября 1710 г. было торжественное засѣданіе дивана въ присутствіи султана; къ нему были приглашены всѣ свѣтскіе и духовные сановники, и здѣсь торжественно рѣшили объявить войну Россіи. Толстой съ своими людьми былъ брошенъ въ семибашенный замокъ, и въ декабрѣ султанъ издалъ манифестъ ко всѣмъ пашамъ, намѣстникамъ, начальникамъ войскъ, въ которомъ объявлялась война Россіи. Весной слѣдующаго года визирь долженъ былъ двинуться въ походъ съ 200 тысячнымъ войскомъ; крымскій ханъ съ своей стороны съ 200 тысячами татаръ; кромѣ того флотъ изъ 300 кораблей назначался для покоренія Азова.

---

[1]) Посланія Петра—*Lamberty*, *Mémoires pour servir à l'histoire du* XVIII *siècle*, t. 6. 241, 424.

Извѣстіе о разрывѣ съ Турціей застало Петра въ Петербургѣ 22-го декабря.

Имѣя тяжелую войну на сѣверѣ, Петръ, естественно, желалъ до поры до времени сохраненія добрыхъ отношеній къ Турціи, и хотя извѣстіе о разрывѣ съ Портой не могло изумить его, тѣмъ не менѣе миръ пока былъ довольно желателенъ; вотъ почему, 6-го января 1711 года, Петръ отправилъ къ султану третье письмо прежняго содержанія. Конечно, отвѣта никакого не было.

Прошло около полутора мѣсяца послѣ отправки послѣдняго письма къ султану, и 22-го февраля былъ обнародованъ манифестъ о войнѣ съ турками. Къ турецкимъ границамъ онъ былъ разосланъ въ переводѣ. Начался прутскій походъ.

25-го февраля, въ воскресенье, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ было совершено всенародное молебствіе, да ниспошлетъ Господь побѣду на миронарушителей, и торжественно читанъ манифестъ. Предъ соборомъ на площади стояли въ строѣ гвардейскіе полки, и на ихъ развѣвавшихся красныхъ знаменахъ виднѣлась надпись: «за имя Іисуса Христа и христіанство»; а нѣсколько выше былъ изображенъ крестъ и вокругъ него: «симъ знаменемъ побѣдиши» (Голиковъ IV 215).

Такимъ образомъ, наконецъ, «Господь Богъ воздвигъ крестоносную десницу царя на бусурмана» и общею радостью должны были наполниться сердца «тамошнихъ бѣднымъ христіанъ» (по выраженію Петра ib. 201): договоръ, заключенный съ сильнымъ Бранкованомъ, на котораго Петръ болѣе всего возлагалъ надежды, вступалъ въ силу; сербы австрійскіе могли теперь потщиться «службою своею за своего православнаго царя».

Съ одной стороны только Петръ былъ нѣсколько ослабленъ въ минуту своего знаменитаго движенія на Прутъ — со стороны своего австрійскаго союзника—Ракоци и Венгріи.

Мы помнимъ, въ какихъ энергическихъ словахъ Ракоци поддерживалъ въ Петрѣ вѣру къ себѣ: свободная Трансильванія и свободная Венгрія протестантовъ при первомъ призывѣ пойдутъ на подмогу русскому царю со всѣми своими силами — воздвигать тронъ въ Константинополѣ. Допустимъ, что отъ обѣщанія и до дѣла далеко, что, при указываемыхъ условіяхъ, ни Ракоци, ни чины не пошли бы на Константинополь подъ широко развивавшимся славянскимъ знаменемъ русскаго царя.

Но свободная протестантская Венгрія, имѣя предъ собой всегда своего историческаго врага—Австрію, неусыпно бдившаго надъ ея судьбой, не могла не цѣнить только что заложенной опоры въ русскомъ царѣ, не могла связать добровольно своихъ судебъ съ судьбами врага, пока еще были свѣжи въ памяти кровавыя событія недавняго прошлаго, и пойти противъ царя: національный фанатизмъ современныхъ Тисъ и Андраши еще не существовалъ. Планы Ракоци, быть можетъ, не потеряли интереса и сегодня. Съ другой стороны, и Петръ не могъ и не расчитывалъ (вспомнимъ переговоры съ Витешомъ въ февралѣ 1711) на такія же безкорыстныя жертвы со стороны Венгріи, какія могли принести царю турецкіе христіане, т. е. непосредственные участники въ дѣлѣ царя и Россіи, и на какія онъ въ правѣ расчитывать: но имѣя въ Ракоци и Венгріи своего союзника, онъ разсматривалъ ихъ, какъ годное оружіе противъ всегда проводящей имперіи; въ рукахъ его былъ испытанный, легко воспламеняющійся элементъ въ домѣ врага.

Мы видѣли, съ какою торопливостью и съ какимъ безпокойствомъ посылалъ Ракоци посла за посломъ къ Петру, чтобы поднять его какъ можно скорѣе противъ Австріи: дѣло его и за вольность соединеннаго королевства съ половины 1710 г. стало колебаться, подъ ударами австрійцевъ. Въ моментъ объявленія войны Ракоци и конфедераты держались еще въ сѣверной Венгріи; но въ маѣ Кошицы (Kaschau), столицу Ракоци, заняли австрійцы, а еще въ мартѣ потребовали отъ князя безусловной сдачи. «Не удивительно, что предложеніе было отвергнуто, такъ какъ не было увѣренности ни въ личной безопасности, ни надежды на возвращеніе конфискованныхъ имѣній при предварительномъ требованіи всѣхъ крѣпостей и соединенныхъ войскъ» (изъ письма Ракоціева агента Бреннера, 6 мая, «Fontes» etc. 1. 352). Ракоци бѣжалъ, и въ концѣ марта мы его находимъ уже въ Россіи, въ Стрицѣ (вѣроятно, Стрый въ Галиціи, «Stritz en Russie» ib.), гдѣ онъ нетерпѣливо ждетъ пріѣзда Петра, своей послѣдней надежды, опоры.

Въ мартѣ Петръ уѣхалъ изъ Москвы въ Галицію, гдѣ былъ онъ въ апрѣлѣ. Здѣсь произошли послѣдніе переговоры Ракоци съ русскимъ царемъ. Результатъ своихъ переговоровъ Ракоци изложилъ въ письмѣ въ Версаль отъ 18 іюня изъ Высоцкаго, въ Галиціи. Жалуясь на постигшее несчастіе, на французскую политику, онъ говоритъ между прочимъ. «Я могу

сказать, что я успѣлъ во всемъ у царя и у короля польскаго. Первый рѣшилъ прежде всего принять посредничество для мира съ шведами и турками; послѣ мира съ турками онъ согласенъ на всеобщій миръ и рѣшилъ поддерживать мое правое дѣло оружіемъ (soustenir ma iuste cause par la uoye des armes). Шесть дней назадъ пріѣзжалъ секретарь Волковъ, чтобы засвидѣтельствовать взаимную пріязнь и утвердить меня въ томъ, о чемъ я только что говорилъ. Равнымъ образомъ и король польскій склоненъ ко мнѣ и объявилъ, что готовъ войти въ прямую дружбу съ его в—вомъ; если хотятъ, чтобъ онъ вывелъ свои войска изъ Саксоніи, онъ сдѣлаетъ, и если король (Лудовикъ) поможетъ заключить миръ съ турками, онъ въ союзѣ съ царемъ русскимъ и королемъ датскимъ готовъ поддерживать посредничество общаго мира при помощи оружія, войти съ своими войсками въ имперскія земли, въ то время какъ царь тоже сдѣлаетъ въ Венгріи, и принять венгерскую корону... Осуществить это великое дѣло (союза) мнѣ кажется тѣмъ легче, что турки по видимому сожалѣютъ о начатой войнѣ вслѣдствіе бунта черкесовъ, которымъ послѣдуютъ господари Молдавіи и Валахіи, посланники которыхъ были уже здѣсь. Греки и сербы въ такомъ же настроеніи и мѣшаютъ туркамъ соединить свои силы и вывести ихъ изъ провинцій подозрительныхъ, а что еще болѣе, царь уѣхалъ отъ меня съ рѣшеніемъ, что не смотря на всѣ выгоды, какія онъ можетъ имѣть, онъ готовъ заключить миръ, самый разсудительный, чтобы быть только въ состояніи помочь мнѣ и моему отечеству всѣми своими военными силами и даже собою лично[1]).

Итакъ, несомнѣнно, между Петромъ и Ракоціемъ произошло свиданіе въ Галиціи. Петръ утвердилъ своего несчастнаго

---

[1]) «La reussite de cette grande affaire me paroit dautant plus facile, que les turcs paraissent se repentir de l' entreprise de leur gverre par la revolte des circassiens, qui seront svivis par les princes de Moldavie et de Valachie, dont les deputes ont este icy. Les grecs et les rasciens sont dans les mêmes dispositions et empeschent les turcs de joindre leur forces et de les faire sortir des prouinces soubçonnées, et ce qui est de plus, le csar est parti de chez moi avec la resolution, que malgré les avantages, qu' il poura avoir il sera prest de faire la paix la plus raisonable du monde, pour quil puisse m' aider et ma patrie, avec touttes ses forces et même en persone». «Fontes» 2, IX, 1. 359.

союзника въ своемъ прежнемъ расположеніи къ нему и воскресилъ въ немъ надежду на возвращеніе потеряннаго. Ракоци расчитывалъ соединиться съ русскими войсками въ Молдавіи, чтобы оттуда произвести вторженіе въ Трансильванію и напасть на австрійцевъ, конечно, въ случаѣ удачи. $^{29}/_{18}$ іюля, когда Петръ уже давно былъ на Прутѣ, Ракоци пишетъ своему старому агенту Ветешу въ Парижъ—князь все не терялъ надежды на подмогу отъ Версаля. «Помощь отъ царя зависитъ отъ мира съ турками», по этому все еще въ неизвѣстности, по мнѣнію Ракоци; пусть же французскій король посредствомъ своихъ министровъ въ Польшѣ и денегъ подыметъ нѣсколько полковъ подъ предлогомъ появленія русскихъ войскъ и отдастъ ихъ ему; «надо только, чтобы я заключилъ договоръ съ королемъ (Лудовикомъ), какъ князь Трансильваніи, управленіе которой всегда зависѣло отъ сената Венгріи. Я дамъ силу моимъ притязаніемъ на это княжество, и при содѣйствіи русской арміи, которая по всему вѣроятію задержится въ Молдавіи, я буду мочь войти прямо въ Трансильванію, гдѣ непріятель занимаетъ лишь плохо укрѣпленныя деревни, и когда я отвлеку его силы отъ этого княжества, можно будетъ во время заставить взяться за оружіе венгерцевъ, имѣя столько иностранныхъ войскъ, прямо зависящихъ отъ меня» (ib. I. 362).

Но Ракоци и не предчувствовалъ, что въ эти минуты дѣло на Прутѣ приняло неожиданный оборотъ и для него, и для Петра, какъ это увидимъ сейчасъ. Петръ не могъ воспользоваться его диверсіей противъ Австріи, для обезпеченія тыла. Но возвратимся нѣсколько назадъ.

Ракоци былъ изгнанъ изъ Венгріи; но Петръ имѣлъ его на готовѣ противъ Австріи; противъ Турціи вести его не могъ. Но нашелся новый союзникъ и въ самую минуту открытія знаменитаго движенія на Прутъ.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ Москвы, Петръ обратилъ вниманіе на тотъ небольшой народъ между «бѣдными христіанами» Турціи, который болѣе трехъ вѣковъ уже бился съ турками за Христа и свободу, который могъ быть однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ союзниковъ: это были неизвѣстные дотолѣ Россіи черногорцы. На нихъ указалъ Петру одинъ изъ славныхъ дѣятелей петровскаго времени, Савва Лукичь Владиславлевичь, простой торговецъ масломъ изъ Дубровника (Ragusa), въ послѣдствіи графъ Рагузинскій. Самъ будучи родомъ изъ

села Попова въ Герцеговинѣ, Савва хорошо зналъ черногорцевъ, былъ другомъ тогдашняго правителя ихъ, митрополита Даніила, и могъ на нихъ надѣяться. Владиславлевичу было поручено Петромъ заняться этимъ дѣломъ, и онъ изготовилъ царскую грамоту къ черногорцамъ, которая 3-го марта въ двухъ экземплярахъ была послана митрополиту Даніилу и брату его, кнезу Лукѣ Петровичу, чрезъ двухъ земляковъ Саввы, сербовъ, бывшихъ на царской службѣ, полковника Михаила Милорадовича и капитана Ивана Лукичевича. Это была та знаменитая грамота, которая первымъ громкимъ кличемъ призывала всѣхъ южныхъ славянъ къ оружію за свободу. Но прежде чѣмъ мы пойдемъ дальше, мы должны познакомиться съ состояніемъ Черногоріи въ началѣ XVIII вѣка, особенно съ лицомъ ея славнаго представителя, митрополита Даніила Петровича[1]).

Въ 1695 году умеръ владыка Савва Очиничь. На главной скупщинѣ въ Цетиньѣ въ 1697 году народъ избралъ въ митрополиты неизвѣстнаго дотолѣ Даніила Петровича, или какъ его иначе называютъ, Стептевича. Онъ еще дитятей покинулъ отцовскій домъ въ Нѣгушахъ, пришелъ въ Цетинскій монастырь, постригся и принялъ имя Даніила; въ мірѣ же онъ назывался Николаемъ. Даніилу еще не было 20 лѣтъ, когда его народъ избралъ въ митрополиты; въ 1700 году онъ былъ по-

---

[1]) *Михаилъ Милорадовичъ*, сынъ Иліи, жилъ въ Россіи, при Петрѣ, съ первыхъ годовъ XVIII ст. и служилъ у царя гонцомъ въ сношеніяхъ съ юго-западными сербами. Въ монастырѣ Житомысличахъ въ Герцеговинѣ, хранятся двѣ книги: евангеліе и минея, обѣ подарокъ Петра и принесены Милорадовичами, одна въ 1703, другая въ 1707 г. На одной и другой тождественная приписка: «лѣта 1703 (1707) сію книгу пожаловалъ Петаръ монархъ россіискіи въ сербскую землю въ монастырь Житомысликъ и принесе ихъ Гавро и *Михаилъ*, сынови Иліе *Милорадовића*». См. србско-далматинскіи магазинъ» за лѣто 1846, 145. Прибавлю, что и въ другихъ сербскихъ монастыряхъ есть грамоты Петра, напр. въ Раваницкомъ, см. статью П. А. Лавровскаго въ «Гласнику», XII (Ср. ib. XX). О родѣ Милорадовичей въ Россіи см. книгу его потомка, Гр. Милорадовича: «О родѣ дворянъ и графа Милорадовичъ», Кіевъ 1875, въ приложеніи къ «Русск. Архиву» 1871 II. Большинство грамотъ изъ позднѣйшаго времени. Графъ могъ бы съ бо́льшимъ вниманіемъ отнестись къ своему роду, а то въ началѣ книгѣ ошибка на ошибкѣ. Еще раньше, въ 1857 г., въ приложеніи къ «черниговскимъ губ. вѣдомостямъ» помѣщены были тѣмъ же авторомъ, тогда еще не графомъ, сборникъ документовъ о родѣ Милорадовичей; вышелъ отдѣльной книжкой: «Матеріалы для исторіи южной Россіи». О службѣ Милорадовича послѣ 1711 г. ниже.

священъ въ архіереи въ Сечуѣ (въ Угріи) извѣстнымъ намъ патріархомъ Арсеніемъ Чарноевичемъ.

Изъ Венгріи Даніилъ возвратился въ 1701 году. Первымъ его дѣломъ по управленію Черногоріей было очищеніе ея отъ всѣхъ турокъ и потурченныхъ собратій, которые слишкомъ много зла надѣлали черногорцамъ, особенно при нападеніи въ 1687 году Сулеймана паши, когда они принимали участіе въ священной войнѣ. Мысль объ очищеніи была уже давно въ головѣ владыки, но онъ только выжидалъ удобнаго случая. Случай скоро представился. Въ 1702 году былъ посланъ изъ Константинополя въ Подгорицу Демиръ-паша для покоренія зетскихъ сербовъ и набора потурченниковъ. Занявъ Верхнюю Зету, онъ рѣшился хитростью захватить владыку Даніила, чтобы такимъ образомъ наконецъ овладѣть Черной горой. Нѣсколько зетскихъ сербовъ были посланы въ Цетинью съ приглашеніемъ митрополита къ пашѣ. Владыка предугадывалъ ловушку и долго не соглашался, пока наконецъ присланные сербы не поручились за его безопасность. Демиръ-паша встрѣтилъ Даніила очень ласково, но поговоривши съ нимъ немного, онъ приказалъ посадить его въ оковы и бросить въ тюрьму. На другой день утромъ къ спинѣ заключеннаго былъ привязанъ дубовый колъ и его погнали въ Спужъ: здѣсь должна была совершиться казнь — посаженье на колъ; но раздумавъ, паша велѣлъ погнать страдальца назадъ въ Подгорицу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней продолжались эти истязанія; ночью владыку вѣшали за руки къ потолку тюрьмы, и въ такомъ мучительномъ положеніи онъ висѣлъ до утра. Не смотря на всѣ эти пытки, владыка бывъ непоколебимъ и отвергалъ всѣ предложенія паши поддаться султану.

Вся Зета ужаснулась при вѣсти объ этихъ истязаніяхъ, и всѣ бросились къ пашѣ умолять освободить митрополита. Демиръ долго не соглашался, но наконецъ потребовалъ 600 цекиновъ, которые немедленно и были ему выплачены.

Возвратясь изъ Подгорицы въ Цетинью, Даніилъ созвалъ къ себѣ всѣхъ главарей черногорскихъ и обратился къ нимъ съ такою рѣчью. «Вы видите, что сдѣлали Черной горѣ проклятые потурченники; подумайте, что́ они и впредь готовы намъ сдѣлать! Это—лютые, ядовитые змѣи, которыхъ я никакъ не могу потерпѣть въ нѣдрахъ нашихъ. А если вы этихъ магометанъ, которые не захотѣли бы креститься, не истребите

въ нашей землѣ, я не буду болѣе вашимъ старѣйшиной и пастыремъ. Если вы хотите меня слушать, я вамъ говорю: очистите Черную гору отъ турецкаго духа и какъ юнаки потрудитесь на возвращеніе своей свободы!»

Главари приняли предложеніе своего владыки и рѣшили общее избіеніе всѣхъ потуреченниковъ; оно было назначено въ ночь предъ Рождествомъ 1702 года. Рѣзня произошла страшная; всѣ, кто не успѣлъ бѣжать, были перебиты; лишь немногіе остались въ Черной горѣ — принявшіе крещеніе. Героями этой страшной ночи были пятеро братьевъ Мартиновичей, свѣжую память о которыхъ доселѣ сохранила народная пѣсня (см. Милутиновичъ, «Исторія Црне горе» 1835. 35 — 44; разсказъ самого Даніила объ этой рѣзнѣ, простой, безхитростный, съ весьма интересными подробностями—«Гласник» XVII 315).

Очистивъ Черную гору отъ ея внутреннихъ враговъ, владыка Даніилъ, какъ пастырь духовный, обратилъ свою дѣятельность на поправленіе разрушенныхъ турками въ послѣдніе годы XVII столѣтія храмомъ божіихъ: «въ лѣто 1704 — говоритъ черногорская лѣтопись—сагради Владико Данило црьковь велику—храмь рождеству пресвятыя Богородице, посемь и вась манастырь сагради» (Милаковичъ, 107). Слѣдующіе годы до 1711 прошли для Черногоріи въ спокойствіи.

Такова была личность и дѣятельность митрополита Даніила, когда лѣтомъ 1711 года въ первый разъ изъ далекаго русскаго царства прибыли въ Черную гору посланники Петра, Милорадовичь и Лукичевичь, съ призывною царскою грамотой противъ общаго врага. Она была надписана всѣмъ «митрополитамъ, княземъ, воеводамъ, сердаремъ, арамбашамъ, капитаномъ, витезамъ и всѣмъ доброжелательнымъ христіаномъ православныя вѣры греческія и римскія и прочимъ духовнаго и мирскаго чина людямъ Сервіи, Славоніи, Македоніи, Босны, Ерцеговины.... и протчимъ христолюбивымъ, обрѣтающимся подъ игомъ тиранскимъ турскаго салтана».

«Извѣстно да будетъ—говорила грамота—вашимъ благороднымъ особамъ и всѣмъ народамъ-почитателямъ распятія Христа Бога нашего, чрезъ него же вси надѣемся во царствіе его внити, добросердечно потрудившеся за вѣру и церковь. Понеже турки варвары Христовой церкви и православнаго народа гонители, многихъ государствъ и земель неправедно завоеватели и многихъ церквей и монастырей разорители, недо-

вольни суть владѣніемъ грецкою имперію и иныхъ многихъ потентатовъ, не завоеванныхъ, но неправдою взятыхъ; и прельщая сирыхъ, убогихъ и вдовыхъ склоняютъ прежде во свою протекцію, а потомъ, яко волцы овецъ расхищали, и стадо христіанское разоряли, и толикыя кристіянскія провинціи въ подданство неправедно привели, яко и донынѣ тиранствомъ и мученіемъ оныхъ разоряютъ и въ поганскую магометанскую вѣру насильно приводятъ. А нынѣ видя они насъ наше царское величество и христіанскому народу доброжелательныхъ и за помощію всемилостиваго Бога въ воинскихъ поступкахъ предуспѣвательныхъ, возъимѣвше подозрѣніе, яко бы мы намѣрены обирать отъ нихъ неправедное завладѣніе земель и христіаномъ подъ игомъ ихъ стенящимъ вспомогать, то они турки союзився съ еретикомъ королемъ шведскимъ... нашему ц. в—ву неправедно безъ жадныя имъ причины войну объявили и посла нашего, въ Константинополѣ пребывающаго, въ темницу засадили, намѣревающе и остатнее стадо Христово въ подданство привести.

«Того ради взирающе мы на сицевыя ихъ неправды и на христіянъ гоненіе, призвавше Бога на помощь, понудихомся собирати не точію наши войска и силы, но и *прочихъ потентатовъ союзниковъ нашихъ*, и сего года весною намѣреніе имѣемъ, дабы не токмо возмощи намъ противу непріятеля бусурмана съ воинствомъ наступати, но и сильнымъ оружіемъ *въ средину владѣтельства его входимъ и утѣсненныхъ православныхъ христіянъ, сице Богъ допуститъ, отъ поганскаго его ига освобождать*, на которую войну полагаемъ крайніе наши таланты, и съ любезновѣрными и искусными нашими войски самоперсонѣ противъ непріятеля онаго выступаемъ; ибо всѣмъ добрымъ, чистымъ и кавалерскимъ христіанскимъ сердцамъ должно есть, презрѣвъ страхъ и трудности, за церкву и православную вѣру не токмо воевати, но и послѣднюю каплю крови проліяти, что̀ отъ насъ по возможности и учинено будетъ. Притомъ, понеже удостовѣрилися есмы изъ многихъ исторій, яко древніе ваши короли, деспоты, и князіе и прочія господа не токмо отъ языка славенска славно всегда почитахуся, но и оружіемъ сами себя по всей Европѣ храбро ославляху даже до тиранскаго неправеднаго овладанія: того для въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ, подражая вышереченныхъ своихъ предковъ, древнія свои славы возобновити, союзився съ

нашими силами и единокупно на непріятеля вооружився воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу, за свободу и вольность вашу и наслѣдниковъ вашихъ; прочее аще кто отъ васъ въ сію праведную войну за вспоможеніе христіаномъ потрудитися имать, той перво получитъ отъ всеблагаго Бога всякое благое возмездіе, а отъ насъ милость и награжденіе, и ожалованъ будетъ кійждо васъ привилигіями нашими по заслугамъ и желанію вашему; ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошнія народы христіянскія отъ тиранства поганскаго избавити, православныя церкви паки украсити и животворящій крестъ возвысити, и тако наконецъ аще будемъ единокупно кійждо по своей возможности трудитися и за вѣру воевати, то имя Христово вящше прославится, а *поганина Магомета наслѣдницы будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество —въ пески и степи аравійскія*» (Милутиновичъ 45—49.

Получивъ грамоту, владыка Даніилъ собралъ народъ на скупщину и сказалъ имъ. «Мы, любезные братья черногорцы, слышали, что гдѣ то на востокѣ, Богъ знаетъ какъ далеко, есть православный царь, и всегда мы желали знать о немъ и о его царствѣ; но замкнутые отовсюду горами, мы ничего не могли узнать о немъ ни отъ кого. Намъ по нынѣшній день казалось, что онъ ничего не можетъ знать о горсточкѣ небольшаго, заключеннаго между змѣями и скорпіонами, народа, и его посланники никакъ не могли бы прійдти къ намъ: но вотъ теперь, благодаря Бога, мы видимъ его посланниковъ, въ рукахъ у насъ его царскія грамоты,—посланниковъ, говорю я, не чужеродцевъ, а нашихъ же братьевъ сербовъ, которые говорятъ намъ, что Петръ императоръ и самодержецъ всей Россіи, что его царство, благословенное Богомъ сильнѣе и пространнѣе всякаго царства на свѣтѣ. Онъ воюетъ съ турками и ищетъ только одной славы—освободить церкви Христовы и монастыри, воздвигнуть ихъ честный крестъ и народъ христіанскій избавить изъ-подъ лютаго ига турецкаго. Мы должны молить Бога, да будетъ Онъ ему помощникомъ, а сами, взявшись за оружіе и соединившись съ нимъ, идти противъ общаго врага. Мы съ русскими одного племени, одной вѣры: когда бы мы приблизились къ нимъ и сосѣдствомъ! Итакъ, вооружайтесь, братья черногорцы! Я самъ, не жалѣя ни имущества, ни живота, готовъ идти съ вами на службу царю православному и нашему

отечеству, моля Преблагаго Бога, да будетъ Онъ намъ помощникомъ и путеводителемъ» (Милаковичъ 111—113).

Послѣ этой сильной рѣчи владыки была прочтена народу царская грамота и была принята она съ восторгомъ черногорцами; съ пѣснями и ружейными выстрѣлами разошлись по домамъ, гдѣ каждый сталъ заготовлять порохъ и свинецъ.

Такъ приняли грамоту царскую новые союзники Россіи. Но мы должны возвратиться къ Петру.

Пять дней спустя послѣ составленія грамоты къ черногорцамъ, Петръ выѣхалъ въ Смоленскъ, а оттуда въ Слуцкъ. Мы видѣли, въ началѣ апрѣля онъ былъ уже въ Галиціи; здѣсь ему предстояло заключить союзный договоръ съ послѣдними изъ турецкихъ христіанъ, которые послѣ паденія Раковицы были безгласны, съ молдаванами, въ лицѣ ихъ представителя, дотолѣ преданнѣйшаго слуги турокъ, Димитрія Кантемира.

Мы видѣли выше, что послѣ несчастной катастрофы, постигшей Раковицу за его сношенія съ Петромъ, на престолъ Молдавіи возсѣлъ сынъ знаменитаго драгомана, Николай Маврокордато. Онъ, какъ и его отецъ, былъ хорошимъ дипломатомъ, но не такого человѣка требовали обстоятельства. Мы видѣли, что уже въ 1709 году былъ заключенъ тайный договоръ между Петромъ и господаремъ Валахіи. Все это было хорошо извѣстно Портѣ, и потому, естественно, она не могла терпѣть теперь такого опаснаго человѣка, какъ Бранкованъ. Въ самый разгаръ приготовленій къ войнѣ, ханъ крымскій прямо говорилъ султану: «Бранкованъ богатъ и силенъ; у него многочисленныя войска, и онъ съ давнихъ поръ преданнѣйшій другъ русскимъ. Неблагоразумно въ эту критическую минуту оставлять столь значительное господарство въ рукахъ человѣка, который по этому одному можетъ склонить побѣду на сторону нашихъ враговъ. Каждую минуту онъ можетъ измѣнить намъ и остановить успѣхъ нашихъ войскъ. Необходимо охватить его, ибо по доброй волѣ онъ не согласится пріѣхать въ Константинополь. Но одинъ только Кантемиръ способенъ на это, и его надо назначить господаремъ Молдавіи. Николай Маврокордато никогда не будетъ достаточно ловокъ, чтобъ исполнить это порученіе; къ тому же я не желалъ бы сноситься съ человѣкомъ, которому я не довѣряю» (Некульче Fragments I 38). Представленія хана нашли вѣрными, и 23-го ноября 1710 г. въ Молдавію былъ назначенъ Димитрій Кантемиръ съ обѣщаніемъ, буде ему удастся схва-

тить Бранкована, получить и престолъ Валахіи. Въ Константинополѣ на Кантемира расчитывали, какъ на каменную стѣну, но сильно ошиблись. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Яссы, какъ рѣшилъ въ головѣ своей иное. Чтó побудило его къ измѣнѣ Портѣ— рѣшить довольно трудно. Причина, выставляемая самимъ Кантемиромъ, въ его «Исторіи Отоманской имперіи» (IV, 417), будто онъ перешелъ на сторону Петра вслѣдствіе того, что визирь потребовалъ отъ него обычныхъ подарковъ за назначеніе, слишкомъ мала. Мы можемъ болѣе довѣрить словамъ безпристрастнаго лѣтописца Некульче, который притомъ былъ человѣкомъ близкимъ и расположеннымъ къ господарю. «Кантемиръ», говоритъ онъ, «слишкомъ долго не получая приказанія отъ визиря схватить Бранкована, полагалъ, что послѣдній помирился съ Портой; между тѣмъ, зная о закоренѣлой ненависти Бранкована ко всему его роду, и видя, съ какою радостью и нетерпѣніемъ ждало все христіанство прибытія русскихъ, онъ рѣшился оставить турокъ и перейдти на сторону своихъ единовѣрцевъ» (ib. 41).

Переходя на сторону Петра, Кантемиръ былъ особенно дорогъ тѣмъ, что могъ открывать всѣ планы Порты. Чтобы лучше дѣйствовать, онъ испросилъ у визиря формальное разрѣшеніе свободно сноситься съ русскими, якобы съ цѣлью доносить о всѣхъ замыслахъ Петра. Молдавскій повѣренный въ Константинополѣ, Жано, открыто сносился съ заключеннымъ въ семибашенномъ замкѣ русскимъ посломъ, получалъ отъ него депеши, пересылалъ ихъ къ Кантемиру, который уже отправлялъ ихъ по назначенію. Петръ хорошо понималъ ту услугу, которую оказывалъ ему Кантемиръ, такъ что когда митрополитъ молдавскій Гедеонъ, гетманъ Жора и многіе другіе бояре дали знать Петру, что господарь обманываетъ и русскихъ, и турокъ, царь не повѣрилъ клеветѣ (ib. 42).

Между тѣмъ уже въ январѣ 1711 года былъ посланъ Кантемиромъ къ Петру молдавскій капитанъ Прокопій съ увѣреніемъ, что коль скоро русскіе двинутся противъ турокъ, онъ предоставитъ въ распоряженіе ихъ 20.000 конницы (Хроника Костина ib.). Всѣ эти тайныя сношенія были извѣстны только самымъ приближеннымъ лицамъ.

Русскіе скоро двинулись; съ двухъ противоположныхъ концовъ приближались къ границамъ Молдавіи Шереметевъ и визирь Балтаджи-паша. Наступила рѣшительная минута для

Кантемира. Въ виду этого обстоятельства господарь созвалъ боярскую думу и, скрывая свои сношенія съ Петромъ, нарисовалъ боярамъ картину положенія Молдавіи. Послѣ этого онъ предложилъ имъ вопросъ, что дѣлать? Большинство бояръ, хорошо знавшее о дружбѣ господаря съ турками и ничего не знавшее о его сношеніяхъ съ Петромъ, было въ недоумѣніи какъ отвѣчать. Одни (очень немногіе) совѣтовали идти къ городу Фальчѣ и здѣсь дожидаться рѣшенія вопроса между русскими и турками; другіе предложили удалиться къ Берладу, подальше отъ Прута; третіе наконецъ требовали отступить къ Фокшанамъ, на границу валашскую, а кто побѣдитъ, къ тому и пристать. Кантемиръ, противъ мнѣнія большинства, принялъ сторону тѣхъ немногихъ, которые совѣтовали отступить съ войскомъ къ Фальчѣ. Бояре съ шумомъ вышли изъ залы думы, немедленно оставили столицу, и одни поѣхали въ свои вотчины, другіе на встрѣчу русской арміи (ib. 43).

Такимъ образомъ, бояре пошли врозь съ господаремъ, и причиною раздора была непонятная скрытость послѣдняго, которая заставляла его покрывать тайною всѣ свои сношенія съ Петромъ даже тогда, когда рѣшался вопросъ — какъ быть, когда большинство бояръ высказалось рѣшительно, и когда наконецъ еще задолго до созванія боярской думы былъ отправленъ въ Галицію къ Петру вестіарій Стефанъ Лука для заключенія договора. Туркамъ Кантемиръ далъ знать, что это посольство имѣетъ цѣлью разузнать о силахъ и движеніи русскихъ.

Чрезъ Черновцы Лука прибылъ въ Ярославъ, гдѣ находился Петръ. Посланникъ молдавскій былъ принятъ съ большимъ почетомъ, а 13-го апрѣля 1711 года былъ заключенъ договоръ между Кантемиромъ и Петромъ. Господарь принимался подъ вѣчное покровительство Россіи, и принесши сперва секретно присягу, подписавъ ее своею рукой и припечатавъ княжею печатью, долженъ былъ какъ можно скорѣе прислать ее съ вѣрнымъ человѣкомъ; послѣдній срокъ присылки — конецъ мая. Договоръ долженъ содержаться подъ величайшей тайной до вступленія русскихъ въ Молдавію. Статьи же самаго договора были слѣдующія:

1) Молдавія удерживаетъ свои старыя границы по Днѣстръ, включая и Буджакъ. Всѣ крѣпости остаются за нею. На время укрѣпленныя мѣста занимаются русскими войсками, но, съ приведеніемъ господарства въ надлежащій порядокъ, ихъ смѣ-

няютъ молдавскія войска. 2) Молдавія не платитъ дани. 3) Господарь Молдавіи не смѣняемъ, развѣ только онъ измѣнитъ общему дѣлу (la cause commune) или православію. Страна избираетъ тогда въ преемники одного изъ сыновей его или братьевъ, по своей волѣ. Но престолъ не можетъ выйти изъ рода Кантемировъ, доколѣ онъ не вымретъ. 4) Господарь не имѣетъ права лишать бояръ ихъ должностей, развѣ только кто будетъ обвиненъ въ уголовномъ преступленіи. 5) Налоги съ городовъ и соляная регалія составляютъ доходы господаря; но онъ не имѣетъ права изъявлять притязанія на какую-либо иную статью доходовъ господарства. 6) Монастыри, бояре и мазилы сохраняютъ въ полной собственности земли и крестьянъ; оброкъ, который платятъ послѣдніе своимъ господамъ, составляютъ—десятина отъ ульевъ и свиней и гощина (мелкая монета) отъ овецъ. 7) Страна во все продолженіе войны имѣетъ на военной ногѣ 10.000 человѣкъ, но содержаніе ихъ отъ царя. 8) Русскіе никогда не могутъ занимать должностей въ господарствѣ, 9) покупать имѣнія въ Молдавіи, 10) жениться на молдаванкахъ. 11) Господарь не имѣетъ права наказывать боярина, каково бы ни было его преступленіе, безъ суда боярской думы и безъ подписи митрополичей подъ приговоромъ. 12) Титулъ молдавскаго господаря: пресвѣтлѣйшій господарь Молдавіи, самодержецъ и союзникъ русскаго царства. Наконецъ, 13) царь не заключаетъ мира съ турками, въ коемъ было бы поставлено, что Молдавія снова возвращается подъ иго мусульманское. Въ существенныхъ вопросахъ—о государственной територіи, престолонаслѣдіи, формѣ васальности, договоръ 1711 г. одинаковъ съ договоромъ 1656 (см. стр. 22).

Кромѣ того, въ этотъ договоръ, касавшійся всей страны, были включены отдѣльныя статьи, обнимавшія собой частные интересы господаря: 1) въ случаѣ если бы царь принужденъ былъ заключить миръ съ турками, онъ даетъ Кантемиру два дома въ Москвѣ, вотчины, которыя своею стоимостью равнялись бы господарскимъ вотчинамъ въ Молдавіи, и ежедневные расходы на него и его дворъ, и 2) въ случаѣ если бы господарю не понравилось жить въ Россіи, онъ воленъ переселиться, куда будетъ угодно (Fragments, I 45 сл.).

Этимъ договоромъ Петръ принималъ Молдавію въ подданство потому, что «видя приближеніе войскъ нашихъ», сказано въ договорѣ, «яснѣйшій господарь и принцъ волошскія

земли разсудилъ за благо обще съ нами трудитися и за освобожденіе славнаго народа волошскаго, подъ правительствомъ его сущаго, купно и иныхъ народовъ христіанскихъ, подъ игомъ варварскимъ страждущихъ, не щадя живота и благосостоянія своего, предложити намъ чрезъ письма свои склонность свою объявилъ, желая того ради со всею землей и народомъ волошскимъ быть подъ протекціею нашего ц. в—ва» («Полн. собр. зак.» IV № 2347).

Вмѣстѣ съ договоромъ, чрезъ Стефана Луку Петръ послалъ Кантемиру свой портретъ украшенный бриліантами, много драгоцѣнныхъ вещей и шубъ.

Между тѣмъ начало непріязненныхъ дѣйствій было благопріятно для насъ. Еще въ ноябрѣ 1710 визирь приказалъ крымскому хану идти къ Воронежу и сжечь тамъ рускій флотъ, а хану аккерманскому вмѣстѣ съ воеводой кіевскимъ Потоцкимъ—къ Кіеву. Въ началѣ января 1711 Девлетъ Гирей съ татарами и запорожскими казаками двинулся въ Украину; но его встрѣтилъ гетманъ Скоропадскій и разбилъ; татары принуждены были поспѣшно бѣжать. Столь же неудачно было нападеніе аккерманскаго хана, Потоцкаго и боеваго товарища Мазепы, Филиппа Орлика. Соединившись у Сорокъ, ханъ и воевода кіевскій перешли Днѣстръ и послѣ страшныхъ опустошеній достигли Немирова; заднѣпровская Украина пристала къ Потоцкому и Орлику; но у Бѣлой Церкви они встрѣтились съ русскими. Послѣ жестокой битвы, гдѣ чудеса храбрости оказали находившіеся въ русской службѣ молдаване, съ своимъ полковникомъ Григорашемъ Иваненко, ханъ Потоцкій, и Орликъ были обращены въ бѣгство (Fragments, I 39, 132 сл.). Эти первые успѣхи сильно порадовали Петра. «О ханѣ», писалъ Петръ Меншикову 3-го мая, «чаю, что вы извѣстны, что съ урономъ великимъ возвратился и сынъ его убитъ на Украинѣ. Здѣсь заднѣпровская Украина вся было къ Орлику и воеводѣ кіевскому пристала, кромѣ Танскаго и Галагана, но оную изрядно наши вычистили и оныхъ скотовъ иныхъ за Днѣпръ къ гетману, а прочихъ, чаю, въ подарокъ вашей милости въ губернію на пустыя мѣста пришлемъ» [1]).

---

[1]) *Соловьевъ*, XVI 75. Мазепа хорошо извѣстенъ русскимъ, менѣе—его преемникъ по враждѣ къ Россіи, Орликъ; но этотъ господинъ, быть можетъ,

Шутливый тонъ этого письма ясно указываетъ на веселое расположеніе духа Петра. Этому бодрому расположенію еще болѣе содѣйствовали письма отъ «бѣдныхъ христіанъ», которые умоляли царя спѣшить вступленіемъ къ нимъ, чтобъ упредить турокъ. Въ апрѣлѣ въ Луцкѣ Петръ имѣлъ военный совѣтъ и послѣ него приказалъ Шереметеву, чтобы всей арміи стать отъ Бреславля къ Днѣстру къ 15-му мая. «Мы тожъ къ 15-му числу мая къ вамъ будемъ», писалъ Петръ изъ Яворова 22-го апрѣля, «и ежели кого въ своемъ мѣстѣ не застанемъ, и тѣ принуждены будутъ послѣ отвѣчать. Для Бога не умедлите

болѣе интересенъ, чѣмъ его учитель. Послѣ отчаянной, но неудавшейся попытки поднять Украину въ тылу русской арміи, шедшей на великое и святое дѣло «освобожденія христіанъ», этотъ праотецъ современныхъ украинофильскихъ дѣятелей въ Галиціи, болѣе 30 лѣтъ скитался по разнымъ непріязненнымъ Россіи дворамъ Европы и подавалъ проекты для ослабленія русскаго государства и «освобожденія» козаковъ отъ «despoticae Moscorum potestatis». Образчикъ такихъ проектовъ — письмо Орлика къ генеральному асистенту іезуитскаго ордена въ Римѣ, отъ 5 августа 1727 изъ Салоникъ. Онъ проситъ ходатайства предъ Польшей о предоставленіи ему Украины, а за это онъ обѣщаетъ Риму унію— «provinciam illam ad unionem cum romana ecclesia adducere». За обнародованье этого любопытнаго документа мы обязаны благодарностью рѣдкому русскому патріотизму *уніатскаго каноника* во Львовѣ А. Петрушевича. Онъ изданъ въ «Науковомъ сборникѣ» (Львовъ, 1872) и отдѣльно: «Ф. Орликъ, послѣдній польскій гетманъ зап. Украины», по современной 1727 г. римской копіи, съ офиціальной помѣтой полученія: «Rome 4 Novembris 1727». Эту копію видѣлъ и я, разсматривалъ, нѣсколько дней назадъ (она у Петрушевича): смѣшно было бы говорить о подлогѣ. О дѣятельности Орлика послѣ полтавской битвы въ Турціи можно найти свѣдѣнія въ ненапечатанныхъ мемуарахъ генерала Понятовскаго, посла Карлова у Порты, въ архивѣ Чарторыжскихъ, теперь въ Краковѣ. Содержаніе ихъ изложено въ статьѣ Кл. Кантецкаго «Karol XII w Polsce i Turcyi» въ журналѣ «Przewodnik naukowy i literacki, dodatek do Gazety Lwowskiej», rok V. t. V, s. 2, 3, 4 (Lwów 1877). Что же касается до тенденцій современныхъ дѣятелей украинськихъ въ Галиціи, то онѣ ясны напр. изъ случайно попавшагося мнѣ во Львовѣ номера 14, 1878 г., газеты «Правда»—статья по поводу конгреса. Ихъ антипатіи тождественны съ антипатіями поляковъ, — но пусть говоритъ сама «Правда»: «Московськи славянофильски шовинисти, коли вывісили так завчасу и в такій горячци в послѣднійвійні всеславянську хоругов, забули сироти що далеко не всі народи славянськи були втягнені до тоі війни за славянську волю... Два, *великі историею, интелигенциею, великі надіями славяньськи народи: украінський* и *польский*, дізнають такоі зневаги и кривди на своіх народних правах у тій державі, якоі не дізнають у ній инши неславянськи народности». Кажется, говорятъ яснымъ языкомъ. Но ихъ немного.

въ назначенное мѣсто, ибо и нынѣ отъ всѣхъ христіанъ паки письма получили, которые самимъ Богомъ просятъ, дабы поспѣшить прежде турокъ, въ чемъ превеликую пользу являютъ; а ежели умѣшкаемъ, то вдесятеро тяжелѣе, или едва возможно будетъ свой интересъ исполнить, и тако все потеряемъ умедленіемъ».

Прошло двѣ недѣли, и 7-го мая Петръ счелъ нужнымъ послать медлительному Шереметеву подполковника Долгорукаго съ «пунктами», чтобы поторопить его. «Такъ какъ мы изъ всѣхъ мѣстъ вѣдомости и напоминанія имѣемъ, а особливо намъ непрестанныя прошенія отъ господарей мултянскаго и волошскаго и всѣхъ изъ тѣхъ народовъ знатныхъ людей доходятъ, чтобъ мы какъ наискорѣе поспѣшили, буде не возможно всѣмъ корпусомъ, то хотя знатную часть его, болѣе въ кавалеріи состоящаго, послать въ волошскую землю и сближиться къ Дунаю, гдѣ турки велѣли дѣлать мостъ, предлагая, что коль скоро войска наши вступятъ въ ту землю, то они господари съ войсками своими къ Бендерамъ (куда имъ по указу турскому идти велѣно) не только не пойдутъ, но тотчасъ съ войсками нашими соединятся и весь народъ свой многочисленный побудятъ къ воспріятію оружія противъ турокъ; на что глядя и сербы (отъ которыхъ мы такое же прошеніе и обѣщаніе имѣемъ), также и болгары и иные христіанскіе народы противъ турка возстанутъ и съ нашимъ войскомъ совокупятся; иные же внутрь турской области возмущеніе учинятъ, что видя турскій визирь за Дунай пойдти не отважится и большая часть войскъ его разбѣжится, а, можетъ быть, бунтъ учинятъ. А буде мы тою посылкою не ускоримъ, турки, чрезъ Дунай переправясь со многимъ войскомъ, принудятъ ихъ, господарей, по неволѣ съ войсками своими съ собой совокупиться, и большая часть христіанъ не посмѣютъ до тѣхъ поръ къ намъ приступить, пока увидятъ развѣ нашу при помощи Божіей баталію, а иные малодушные и противъ насъ туркамъ служить будутъ. Вступивши въ Молдавію, тотчасъ послать къ господарю, дабы онъ соединился съ нимъ, фельдмаршаломъ, и сверхъ того разослать ко всѣмъ христіанскимъ народамъ листы, чтобъ всѣ они шли за имя Христово противъ врага креста его. Также послать и къ мултянскому господарю съ письмомъ своимъ къ нему и къ Кантакузинымъ, дабы и онъ совокупился съ своими войсками, а между тѣмъ прислалъ бы къ нему, фельдмаршалу, довѣренную особу

для совѣта и соглашенія. Буде же турки чрезъ Дунай со всею силою уже перешли, то стать за Днѣстромъ въ удобномъ мѣстѣ и, чрезъ лазутчиковъ развѣдавъ о числѣ непріятельской арміи, стараться обращать къ себѣ волоховъ, молдаванъ, сербовъ и другихъ христіанъ, и которые будутъ приводить, давать тѣмъ жалованье. При входѣ же въ волошскую землю заказать подъ смертною казнью въ войскѣ, чтобъ никто у христіанъ никакой живности, ни хлѣба безъ указа и безъ денегъ не бралъ, и жителей ничѣмъ не озлобляли, но поступали пріятельски; и буде кто что дерзнетъ чинить, тѣмъ безъ пощады жестокое наказаніе, а по разсужденію и смертная казнь, не смотря на лицо» (Голиковъ, IV 228).

Изъ этого плана военныхъ дѣйствій видно, что всѣ расчеты Петра основывались главнымъ образомъ на поголовномъ возстаніи христіанъ при первомъ извѣстіи о приближеніи русскихъ къ Дунаю. Объявленіе обоихъ господарей имѣло служить сигналомъ къ такому движенію за Дунаемъ. Сербы австрійскіе обѣщали помочь—перейти Дунай и поднять своихъ. Противъ цесаря могъ быть употребленъ Ракоци. Изъ указаннаго письма Ракоци видно, что надежды и расчеты Петра раздѣлялъ вполнѣ и его венгерскій союзникъ и на нихъ основывалъ свои.

Шереметевъ имѣлъ разослать ко всѣмъ христіанскимъ народамъ листы при вступленіи въ Молдавію. А еще раньше приглашена была къ участію въ общемъ поднятіи христіанъ и константинопольская патріархія: когда-то, и не давно еще, патріархъ Досиѳей горячо работалъ въ интересахъ освобожденія христіанъ и особенно славянъ, укоряя Москву въ медлительности.

Чрезъ патріархію Петръ приглашалъ къ возстанію «всѣхъ вѣрныхъ, всѣхъ митрополитовъ, воеводъ, сердарей, вождей, гайдуковъ, капитановъ, достойныхъ поликаровъ, всѣхъ христіянъ, ромеевъ, что служатъ честно вѣрѣ, всѣхъ поповъ, и сербовъ, хорватовъ, арнаутовъ, босняковъ, всѣхъ, что въ монастырѣ Румеліи, и тѣхъ, что въ землѣ Черногоріи, черногорцевъ, гіаніотовъ, тіогіогіатлитовъ, дерниклидовъ, торнувлидовъ (Търново?) и хорватовъ, короче всѣхъ, что любятъ Бога и друзья христіанъ. Вотъ знайте, что турки втоптали въ грязь нашу вѣру, обманомъ захватили церкви и мѣста, опустошили и разорили многіе церкви и монастыри и къ тому ромейское царство, многіе обманы учинили — а какую нищету! сколькихъ

вдовъ и сиротъ захватили и разсѣяли, словно волкъ овецъ! Но вотъ я иду на помощь вамъ! Если пожелаетъ сердце ваше, не бѣгите отъ великаго царства моего, ибо оно право—чтобы не соблазнили васъ турки, и не побѣжали бы вы отъ слова моего. Отбросьте страхъ и сразитесь за вѣру, за церковь, за которую мы прольемъ послѣднюю каплю крови!»[1]).

Кантемиръ особенно торопилъ Петра и извѣщалъ, что какъ скоро русскіе вступятъ въ Молдавію. онъ съ войскомъ тотчасъ же соединится съ ними и подыметъ весь молдавскій народъ, а между тѣмъ въ дѣйствительности онъ самъ еще не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться, и медлилъ. 20-го мая онъ оставилъ свою столицу и съ женой и всѣмъ дворомъ уѣхалъ въ. укрѣпленный замокъ Баглуйскій, близь монастыря Формозскаго. Съ отъѣздомъ господаря изъ столицы жители стали разсѣеваться повсюду. Турки, занимавшіеся торговлей въ Яссахъ, поспѣшили также убраться, оставляя все свое имущество. Наконецъ, послѣ тысячи сомнѣній и колебаній, Кантемиръ рѣшился объявить себя на сторонѣ русскихъ; но чтобъ обезопасить себя на всякій случай, онъ послалъ капитана Прокопія и агу Димитрія къ Шереметеву въ Могилевъ на Днѣстрѣ съ просьбой прислать къ нему четырехтысячный отрядъ до прибытія всей русской арміи. Шереметевъ тотчасъ же отрядилъ бригадира Кропотова съ 3.000 драгуновъ и полковника Кигеча съ его молдаванами. Кропотовъ былъ уже на Прутѣ у деревни Загаранчи (ниже Скулянъ въ Бесарабіи), когда Кантемиръ собралъ на совѣтъ тѣхъ немногихъ бояръ, которые оставались ему вѣрны—логоѳета Николая Костина, ворника Ивана Стурдзу, Юрія Росети, вестіарія Илію Катарджи, и торжественно объявилъ имъ, что онъ, господарь, пригласилъ русскихъ въ Молдавію, и въ ту минуту, когда онъ говоритъ, ихъ передовой отрядъ переходитъ Прутъ. «Бояре», свидѣтельствуетъ Некульче, «были внѣ себя отъ радости при этомъ извѣстіи и отвѣчали ему: вы хорошее дѣло сдѣлали, что призвали русскихъ,

---

[1]) *Miklosich* «Acta et diplomata graeca medii aevi» III 279—281. На этотъ любопытный документъ на греческомъ языкѣ, помѣченный 23 марта, обратилъ мое вниманіе высокоув. проф. Ф. К. Брунъ. Онъ у меня въ отрывкахъ. Что такое гіаніоты и т. д., не знаю. Документъ носитъ такую греч. помѣтку: «копія грамоты, которую послалъ царь ко всей райи турецкаго царства, отъ которой онъ искалъ помощи».

чтобъ освободить насъ отъ турецкаго ига; если бы мы замѣтили, что вы намѣрены идти на встрѣчу туркамъ, мы твердо рѣшили покинуть васъ и поддаться царю Петру (Fragments, I 52). Найдя такимъ образомъ полное сочувствіе въ этихъ немногихъ боярахъ, Кантемиръ болѣе не медлилъ, и на разсвѣтѣ въ пятницу, 1-го іюня, уѣхалъ къ Пруту на встрѣчу Кропотову. Кропотова онъ проводилъ отъ Прута до Баглуйской равнины, гдѣ русскіе расположились обозомъ и гдѣ было заготовлено для нихъ продовольствіе. На другой день Кропотовъ въѣхалъ въ Яссы и былъ торжественно принятъ господаремъ; посѣтивъ дворецъ господарскій, столичныя церкви, вечеромъ онъ возвратился въ обозъ.

Лишь только первый русскій отрядъ показался въ Молдавіи, молдаване, «вѣрные своему нраву», по выраженію Некульче, бросились на оставшихся еще въ Яссахъ турокъ-купцовъ и принялись ихъ умерщвлять; рѣзня, начавшаяся въ столицѣ, мигомъ распространилась по всему господарству и сдѣлалась общей. Серебро, платья, лошади, быки, овцы, медъ, воскъ, словомъ все, что̀ только составляло предметъ торговли турокъ, вдругъ было расхищено. «Съѣстные припасы, разные пряные товары», говоритъ Некульче, «были разсыпаны по улицамъ; старыя бабы, дѣти по уши наѣдались изюма, винныхъ ягодъ, орѣховъ» (ib. 53).

Между тѣмъ 30-го мая Шереметевъ перешелъ Днѣстръ у Сорокъ. По этому случаю Петръ писалъ ему 4-го іюня: «поздравляю вамъ съ счастливымъ переходомъ и начатіемъ соединенія съ христіаны утѣсненными, которыхъ вскорѣ желаю видѣть», а черезъ день снова: «будемъ къ вамъ какъ возможно поспѣшать.... Взаимно поздравляю вамъ приступленіемъ господаря волошскаго» (Соловьевъ, XVI 83). 5-го іюня Шереметевъ былъ уже на Прутѣ у деревни Кучоры; съ другой стороны великій визирь подходилъ къ Дунаю у Исакчи. Мостъ былъ уже готовъ на Дунаѣ, но Балтаджи-паша, узнавъ о вступленіи русскихъ въ Молдавію, опасался переходить Дунай. Онъ еще ничего не слышалъ объ измѣнѣ Кантемира, и чтобъ обезопасить себя съ тыла отъ Бранкована, онъ только теперь послалъ приказаніе господарю молдавскому схватить его: и гнѣву визиря не было границъ, когда онъ узналъ истинное положеніе дѣлъ. Первою жертвой былъ повѣренный Кантемира въ Царѣградѣ, Иванъ Критянинъ: онъ былъ обезглавленъ.

Мы видѣли, что 5-го іюня главная русская армія была уже въ Кучорѣ; немедленно по полученіи извѣстія объ этомъ, Кантемиръ въ сопровожденіи гетмана Ивана Некульче, Росети, Стефана Луки и Кропотова поѣхалъ на встрѣчу Шереметеву. Господарь поднесъ въ подарокъ фельдмаршалу коня, и въ свою очередь получилъ отъ него двѣ великолѣпныхъ шубы. Вмѣстѣ съ Шереметевымъ въ Кучору прибылъ Савва Рагузинскій, завѣдывавшій продовольствіемъ войскъ. Онъ вручилъ Кантемиру 200 кошельковъ на наборъ молдавскаго войска, и 30 кошельковъ для закупки рогатаго скота. По свидѣтельству Николая Муста, стараго дьяка дивана, Кантемиръ, получивши деньги, поручилъ своимъ полковникамъ и офицерамъ набирать охотниковъ. Охотниковъ было много; всякій, кто только былъ въ состояніи носить оружіе, становился подъ знамена этого ополченія; слуги, боярская челядь кидали своихъ господъ, чтобы получить «царское жалованье». Каждый изъ новобранцевъ получалъ впередъ 50 піастровъ; но очень многіе изъ нихъ были только по имени воины, безъ всякаго оружія. Въ Яссахъ въ то время нельзя было купить ни ружья, ни пистолета, ни лука. Часть этой вновь набранной конницы вмѣсто оружія имѣла только заостренныя палки и колья; лошади вполнѣ соотвѣтствовали вооруженію своихъ всадниковъ. «И чего можно было ждать отъ этихъ поселянъ», замѣчаетъ Мустъ, «которые никогда не садились на коня, и не брали въ руки сабли?» Результатомъ всего этого была трата денегъ и грабежи (Fragments, II 30).

Между тѣмъ тотчасъ по прибытіи русскихъ войскъ въ Кучору, Кантемиръ поспѣшилъ издать воззваніе къ народу — «объявительные листы», въ которомъ онъ въ первый разъ назвалъ себя «вѣчнымъ господаремъ Молдавіи» (домнъ вечникъ а царей Молдовей). Въ листахъ онъ призывалъ къ оружію всѣхъ молдавскихъ бояръ и служилыхъ людей (служиторъ) съ угрозою для первыхъ—отнятіемъ вотчинъ, для вторыхъ—рабствомъ. Этимъ самымъ воззваніемъ крестьянамъ объявлялась свободная торговля на базарахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они приглашались продавать свои припасы въ русскомъ обозѣ.

Бояре и мазилы тотчасъ же стеклись въ Яссы, и только очень немногіе не явились; служилые люди со всѣхъ сторонъ становились подъ знамена народныя. По свидѣтельству лѣтописцевъ-очевидцевъ, сапожники, портные, кожевники, харчевники, словомъ все спѣшило на соединеніе съ русскими.

Петръ, извѣщенный о дѣйствіяхъ Кантемира, 8-го іюня изъ Браславля писалъ Апраксину: «Шереметевъ уже въ Яссахъ, котораго господарь волошскій со всѣмъ войскомъ встрѣтилъ и съ онымъ случился, и публично универсалы противъ турокъ на посполитое рушеніе выдалъ и поступаетъ зѣло ревностно, чего и отъ мултянскаго и отъ прочихъ вскорѣ ожидаемъ; и тако сею новизною вамъ поздравляемъ и просимъ у Бога, дабы Самъ за Свое имя вступился и даровалъ сему доброму началу благополучный и скорый конецъ (Соловьевъ, XVI 84). Тогда же съ радостью онъ извѣщаетъ и сенатъ о прибытіи Шереметева въ Яссы, пріемѣ и союзѣ съ господаремъ (Барановъ «Архивъ пр. сената» I № 125).

Мы видѣли изъ «пунктовъ», посланныхъ къ Шереметеву еще въ маѣ, какъ сильно Петръ торопилъ фельдмаршала, чтобъ упредить турокъ и не дать имъ перейдти Дуная, а между тѣмъ 8-го іюня Шереметевъ доносилъ Петру, что турки уже перешли Дунай при деревнѣ Облучицѣ у Исакчи. Петръ былъ крайне огорченъ, и 12-го іюня отвѣчалъ ему, будучи самъ уже на Днѣстрѣ: «о замедленіи вашемъ зѣло дивлюся, понеже первое хотѣли изъ Браславля итти 16-го числа (мая), и такобъ возможно было поспѣть въ четыре дни, то-есть, къ 20-го числу; и вы перешли (Днѣстръ) 30-го числа, и тако десять дней потеряно, къ томужъ на Яссы криво; и ежелибъ по указу учинили, тобъ конечно прежде турокъ къ Дунаю были, ибо отъ Днѣстра только до Дуная 10 или по нуждѣ 13 дней ходу, на которое дѣло я больше не знаю какіе указы посылать, понеже обо всемъ уже довольный указъ данъ; въ чемъ можете отвѣтъ дать».

Шереметевъ отвѣчалъ въ оправданіе, что если бы онъ пошелъ прямо къ Дунаю, то Кантемиръ принужденъ былъ бы или соединиться съ турками, или вся Молдавія была бы разорена, что, даже идя этимъ путемъ, онъ не предупредилъ бы турокъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству Николая Костина, Кантемиръ ежеминутно торопилъ Шереметева въ Яссы и потому только послѣдній, перейдя Днѣстръ, пошелъ прямо къ Пруту, то-есть, измѣнилъ первоначальный планъ Петра. «Злая судьба нашей родины», восклицаетъ съ прискорбіемъ по этому случаю Костинъ, «не хотѣла, чтобъ она вырвалась изъ опустошенія и рабства» (Fragments, приложеніе 5-ое).

Въ половинѣ іюня Петръ самъ былъ уже на Днѣстрѣ и перешелъ его у Сорокъ. Здѣсь онъ простоялъ обозомъ болѣе

недѣли. Получивъ отъ самого Кантемира «писаніе» съ извѣщеніемъ о соединеніи съ Шереметевымъ, Петръ благодарилъ господаря письмомъ отъ 16-го іюня изъ Сорокъ. Въ немъ увѣдомлялъ Кантемира, «коль пріятна намъ была оная вѣдомость, что любезность ваша, какъ скоро графъ Шереметевъ съ знатною частію кавалеріи нашей въ подданную вамъ провинцію вшелъ, обѣщаніе, которое вы по постановленному договору намъ учинили, преизрядно исполнилъ, себя, оружіе свое и войска къ намъ присоединилъ. Мы истинно оное пріятнымъ сердцемъ признаваемъ, не токмо оное во всякомъ случаѣ дѣломъ самимъ признаемъ, но и въ томъ пребудемъ, что любезность ваша оныя надежды не лишится, которую себѣ изъ сего въ протекцію нашу отданія воспріяти уповаете, но чаемой плодъ и пользу съ потомствомъ своимъ совершенно получать и имѣть со всею землею своею будете. Чтоже принадлежитъ въ войскѣ нашемъ, и отъ любезности вашей прилежно желаемъ, чтобъ не токмо помянутому нашему фельдмаршалу въ учиненіи дѣйствъ противъ непріятеля и въ другихъ случаяхъ мудрыми своими совѣтами вспомогать, но и о пропитаніи войска нашего, какъ того, что тамъ, такъ и съ нами идущаго главнаго, попеченіе имѣть. И естли потребнаго хлѣба ни изъ земель непріятельскихъ, и ни за деньги и належащую плату получить невозможно, то при оскудѣніи хлѣба войску довольно волами и овцами, между тѣмъ покамѣсть отъинуды при вступленіи въ непріятельскую землю промыслить возможемъ, вспомочь и удовольство учинить потщитесь; и тѣмъ самимъ какъ любезность ваша насъ попремногу обяжетъ, такъ и оное всякою милостію наградить потщимся» (Сборникъ Муханова, 617).

Чрезъ два дня, 18 іюня, Головкинъ пишетъ Скоропадскому: «компанія въ сихъ краяхъ противъ наслѣднаго непріятеля щасливо началась, понеже коль скоро Шереметевъ чрезъ Днѣстръ переправился и въ Волоскую землю вступилъ, то принцъ волоскій къ ц. в—ву декляровался и по силѣ трактата себя обязалъ чрезъ всю сію войну, яко союзникъ, крѣпко держатися и со всею своею силою купно съ нами дѣйствовать, якоже онъ уже дѣйствительно съ 10 тыс. благо вооруженныхъ и конныхъ волоховъ съ Шереметевымъ соединился и еще болѣе войскъ къ себѣ ожидаетъ. О непріятелѣ имѣемъ вѣдомость, что хотя везирь къ Дунаю пришелъ и по сю сторону транжементъ здѣлалъ, но и перейдутъ ли сюды со всею своею армеею и при

сближенiи войскъ нашихъ будетъ ли стоять, сiе научитъ время, хотя многiе о томъ зѣло сумнѣваются» («Матер. в. уч. арх. гл. шт.» I 715).

20-го iюня Петръ двинулся съ войскомъ изъ Сорокъ на встрѣчу туркамъ. Въ сознанiи величiя событiй, ожидавшихъ впереди, величiя вопроса, ведшаго впервые русскаго царя на Дунай, Петръ вступалъ на молдавскую почву съ чувствомъ благоговѣнiя. Онъ пишетъ Меншикову: «мы сегодня пошли отсюду (изъ Сорокъ), а ежели турки совсѣмъ на сю сторону перейдутъ, то въ будущемъ мѣсяцѣ чаю быть конечно баталiи» и тутъ же онъ молитвено обращается къ Богу: «Боже, дай милость свою!» «Мы имѣемъ надлежащiй и единому Богу свѣдомый путь» — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ (Голиковъ, IV 543, 549). Переходъ чрезъ знойныя равнины между Днѣстромъ и Прутомъ былъ совершенъ въ три ночи для избѣжанiя лѣтнихъ жаровъ. Съ дороги 21-го iюня Петръ писалъ Шереметеву, чтобы тотъ, ставши въ удобномъ мѣстѣ у Прута, дожидался его: «а между тѣмъ пошлите партiю отъ себя съ добрымъ командиромъ къ мултянской землѣ (Валахiи) и пишите съ ними отъ себя, такожь Саввѣ (Рагузинскому), велите писать съ общаго согласiя съ господаремъ и Кантакузинымъ, призывая ихъ, чтобъ по обѣщанiю своему къ намъ пристали, а межъ тѣмъ велѣть купить провiанта.... Буде же станутъ мултяны отговариваться, что не могутъ пристать, то объявить, что мы изъ того увидимъ ихъ самое непрiятельство и велѣть въ такомъ случаѣ тому командиру, посылая, брать самимъ въ мултянской землѣ хлѣба и скота, сколько могутъ получить безденежно, только чтобъ ничего не грабили».

25-го iюня Петръ былъ въ Загаранчѣ на Прутѣ. Войско, шедшее съ Петромъ, пошло внизъ вдоль лѣваго берега Прута и въ Кучорѣ соединилось съ Шереметевымъ, а самъ царь перешелъ Прутъ и вечеромъ прибылъ въ Яссы. Кантемира не было въ столицѣ; бояре, знатнѣйшiе молдаване, духовенство, и во главѣ его митрополитъ Гедеонъ, съ крестомъ и святою водой вышли на встрѣчу Петру и цѣловали у него руку: «всѣ», говоритъ Некульче, «возсылали благодарность Всемогущему, что Онъ наконецъ избавилъ ихъ отъ тяжкаго ига турокъ». Часъ спустя прибыла въ Яссы и Екатерина, а въ слѣдъ за нею самъ господарь. Петръ возвращался тогда изъ бани; Кантемиръ ждалъ его внизу на лѣстницѣ во дворѣ. Когда царь прибли-

зился, онъ подошелъ къ рукѣ. Приподнявъ одною рукой, Петръ поцѣловалъ его въ лобъ — господарь былъ низкаго роста (Fragments, I 60). Кантемиръ произвелъ хорошее впечатлѣніе: онъ показался Петру «человѣкомъ зѣло разумнымъ и въ совѣтахъ способнымъ» (Соловьевъ, XVI 88). Нѣсколько иначе говоритъ о пріѣздѣ въ Яссы канцлеръ: «его в—во изволилъ сюды къ рѣкѣ Прутѣ прибыть сего мѣсяца въ 23 день съ полками гвардіи и дивизіею г. Вейда, и въ 24 день, взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ драгунъ, переправясь оную рѣку, изволилъ ходить въ Яссы, который отсюды разстояніемъ 2 мили, гдѣ, выѣхавъ изъ города, встрѣтилъ господарь и всѣ бояря и другія знатныя особы съ великою радостью и обѣщали пребывать въ вѣрности. Его в—во изволилъ стоять въ замкѣ господарскомъ» («Матеріалы» I 716, письмо къ гетману 30 іюня).

На другой день, въ воскресенье, 25-го іюня, въ честь Петра былъ данъ господаремъ торжественный обѣдъ. Царь не сидѣлъ на первомъ мѣстѣ; онъ посадилъ туда хозяина, около него Головкина, а самъ занялъ третье мѣсто; подлѣ Петра помѣстились недавно прибывшій изъ Букарешта великій спаѳарій Ѳома Кантакузинъ, другой валашскій бояринъ, извѣстный намъ Георгій Кастріотъ, Шафировъ, Савва Владиславлевичь и всѣ русскіе генералы; кромѣ того, въ обѣдѣ участвовали многіе изъ молдавскихъ бояръ. По окончаніи обѣда, Петръ подзывалъ къ себѣ каждаго изъ присутствовавшихъ бояръ и подносилъ имъ по бокалу вина, наливая собственноручно.

Большую часть времени своего недолгаго пребыванія въ Яссахъ Петръ посвятилъ на осмотръ церквей, монастырей и замѣчательныхъ зданій столицы. Изъ церквей ему особенно понравилась церковь Голіа: «она соединяетъ въ себѣ», сказалъ о ней Петръ, «три стиля — византійскій, польскій и русскій». 26-го іюня въ понедѣльникъ утромъ Петръ одинъ, пѣшкомъ, отправился въ монастырь Трехъ Святителей для поклоненія мощамъ св. Параскевы. Здѣсь его ждалъ митрополитъ съ духовенствомъ. Прослушавъ всю обѣдню, Петръ посѣтилъ монастырскую трапезу, гдѣ былъ приготовленъ для него завтракъ. Изъ монастыря Трехъ Святителей царь пошелъ въ каѳедральный ясскій соборъ; отсюда, посѣтивъ сперва митрополита, Петръ, въ сопровожденіи господаря, поѣхалъ въ монастырь Голіа и уже довольно поздно возвратился во дворецъ. Но того же дня вечеромъ Петръ вмѣстѣ съ Екатериной отпра-

вился въ Кучору, куда къ слѣдующему дню, годовщинѣ полтавской битвы, были приглашены господарь, митрополитъ и 15 знатнѣйшихъ бояръ.

27-го іюня въ лагерной церкви митрополитъ Гедеонъ служилъ обѣдню, и «по благодарственномъ молебнѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ читалъ казанье, и была изъ пушекъ стрѣльба, потомъ и вся пѣхота бѣглымъ огнемъ стрѣляла» (Пекарскій «Наука при П. В.» I 485). Все это закончилось веселымъ пиромъ. На другой же день Кантемиръ, митрополитъ Гедеонъ и приглашенные бояре подписали заключенный въ Ярославѣ договоръ, а затѣмъ они возвратились въ Яссы въ сопровожденіи Саввы Рагузинскаго, гдѣ въ день Петра и Павла всѣ епископы и бояре, не бывшіе въ Кучорѣ, прослушавши въ дворцовой церкви обѣдню, приложили и свои руки къ договору (Fragments, I 70).

Но что же дѣлалъ Бранкованъ въ Мултянахъ, котораго Петръ, какъ было видно изъ письма къ Шереметеву отъ 21 іюня, началъ подозрѣвать? Въ письмѣ отъ 30 іюня къ гетману канцлеръ пишетъ: въ тоже время прибылъ къ его в—ву, изъ Мултянской земли спотарій графъ Ѳома Контакозинъ съ объявленіемъ вѣрности всего народа и войскъ мултянскаго, а господарь мултянской еще съ войскомъ нашимъ не случился, представляя причины, что ему за дальностію войскъ нашихъ случиться не возможно» («Матеріалы» I 716).

Мы оставили Бранкована, когда онъ въ 1709 году заключилъ тайный договоръ съ Петромъ. Но не долго этотъ договоръ оставался тайной для Порты: Мазепа первый указалъ на него, а ханъ крымскій уже прямо говорилъ султану, что прежде чѣмъ начинать войну съ царемъ, надо кончить счеты съ Бранкованомъ. Мы видѣли, что слѣдствіемъ словъ хана было назначеніе въ Молдавію заклятаго врага Бранкована, Дмитрія Кантемира.

Легко понять, что почувствовалъ господарь, когда получилъ извѣстіе объ этомъ назначеніи. Онъ спѣшилъ тотчасъ же дать знать Петру, что на Кантемира расчитывать нельзя, что онъ тѣломъ и душею преданъ туркамъ. Но Бранкованъ ошибался; мы видѣли, что Кантемиръ, лишь только пріѣхалъ въ Яссы въ ноябрѣ 1710 года, уже завелъ сношенія съ царемъ. Вотъ почему Петръ отвѣчалъ Бранковану на его письмо, что для блага «общаго дѣла» онъ долженъ помириться съ Канте-

миромъ. Дѣйствительно, господарь послушался совѣта царя, и послалъ въ Яссы великаго логоѳета Корба. Бранкованъ и Кантемиръ примирились; душой ихъ примиренія былъ находившійся тогда въ Яссахъ іерусалимскій патріархъ Досиѳей. Но, мирясь съ своимъ врагомъ, Кантемиръ отнюдь не оставлялъ своего задушевнаго желанія сдѣлаться владыкой обоихъ государствъ; естественно, примиреніе не могло быть искреннимъ.

Съ двухъ противуположныхъ концовъ шли къ Дунаю русскія и турецкія войска; но Бранкованъ, какъ и Кантемиръ, не остановился ни на чемъ опредѣленномъ. Онъ опасался валашскихъ бояръ, которые не всѣ были за союзъ съ Россіей; великій спаѳарій Михаилъ Кантакузинъ прямо сказалъ ему: «рисковано объявлять себя за Россію, прежде чѣмъ царское войско не перейдетъ Дуная. Кто знаетъ, будетъ ли Валахія счастливѣе подъ владычествомъ русскихъ, чѣмъ подъ властію турокъ! Нашего истиннаго спасенія мы можетъ ждать только отъ нѣмецкаго императора, который, въ виду дѣла Ракоци, въ самомъ непродолжительномъ времени объявитъ Портѣ войну». Прежнее недовѣріе къ господарю Молдавіи, упорство многихъ бояръ, громадныя приготовленія турокъ, приближеніе великаго визиря, все это окончательно убило энергію Бранкована, и онъ сдѣлался въ высшей степени нерѣшительнымъ и подозрительнымъ. Онъ послалъ нѣсколькихъ бояръ къ Петру, чтобы напомнить о статьяхъ договора и просить какъ можно скорѣе вступить въ Валахію. Но Петръ, какъ мы видѣли, имѣлъ совершенно иной планъ — идти прямо къ Дунаю и упредить турокъ; Шереметевъ же, вопреки указу Петра, пошелъ къ Яссамъ. Въ послѣднемъ поступкѣ Шереметева Бранкованъ увидѣлъ только предпочтеніе своему недоброжелателю.

Ожидая рѣшительнаго отвѣта на свое посольство, господарь собралъ всѣ валашскія войска въ сычуенскомъ округѣ. Между тѣмъ бояре, недовольные дѣйствіями Бранкована, въ деревнѣ Гура-Урлацилорѣ подъ предсѣдательствомъ епископа Анѳимія держали тайное совѣщаніе; на немъ они рѣшили выбрать одного изъ себя и послать въ Яссы къ Петру, чтобы разоблачить двусмысленное поведеніе господаря, который рѣшился обманывать и русскихъ, и турокъ. Выборъ палъ на энергическаго Ѳому Кантакузина, который тотчасъ же уѣхалъ въ Яссы (Хроника Рад. Попеску, Fragments, I 114). Это посольство отъ недовольныхъ валашскихъ бояръ имѣло большое

значеніе на измѣненіе отношеній между Петромъ и Бранкованомъ. Обвиненія Бранкована, сдѣланныя Кантакузинымъ, состояли изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1) господарь, получивъ отъ царя 300 кошельковъ для сформированія войска и закупки продовольствія, не представилъ ни того, ни другого; 2) у него былъ тайный планъ, въ случаѣ если бы русскіе одержали побѣду надъ турками, поддаться австрійскому императору; «но», прибавлялъ Кантакузинъ, «ни бояре, ни купечество, ни народъ не имѣютъ ни малѣйшаго желанія поддаться нѣмцу, а напротивъ русскому царю»; наконецъ, 3) господарь воспрепятствовалъ переходу черезъ Дунай 19 тысячамъ сербовъ австрійскихъ, которые шли на соединеніе съ русскими. Какъ единственно вѣрное средство избавиться отъ Бранкована, Кантакузинъ предложилъ Петру дать ему нѣсколько тысячъ легкой конницы, съ нею онъ возьметъ важную крѣпость Браиловъ, и тогда тотчасъ же и войска, и народъ валашскій объявятъ себя на сторонѣ русскихъ.

Между тѣмъ, въ то самое время какъ Ѳома Кантакузинъ возбуждалъ Петра противъ Бранкована, султанъ началъ сильно безпокоиться объ исходѣ войны. Все христіанское населеніе могло подняться противъ него, и султанъ рѣшился покончить разрывъ съ Россіей миромъ. Съ первымъ извѣстіемъ о приближеніи русскихъ войскъ въ молдавскимъ границамъ, онъ пригласилъ къ себѣ іерусалимскаго патріарха Хрисанѳа, друга Бранкована, и приказалъ ему написать къ господарю письмо, чтобы послѣдній отъ имени султана сдѣлалъ предложеніе царю о мирѣ съ уступкой Россіи всѣхъ земель вплоть до Дуная[1]). Получивъ письмо отъ патріарха, Бранкованъ тотчасъ же послалъ въ Яссы конюшаго Македона съ полномочіемъ Порты. Македонъ прибылъ въ Яссы 25-го іюня; но Петръ отвергъ предложеніе, «ибо тогда частію не повѣрено, паче же того ради не принято, дабы не дать непріятелю сердца» (у Соловьева, XVI 88). На это рѣшеніе, по свидѣтельству Некульче, имѣлъ большое вліяніе Ѳома Кантакузинъ, надѣявшійся замѣстить собой Бранкована при помощи Петра.

---

[1]) *Некульче*: «Pour prix de la paix le sultan promettait de céder à la Russie tout le territoire jusqu'au Danube». Fragments, I 66. Некульче вообще достовѣрный источникъ; но здѣсь граница въ рядъ ли назначена вѣрно, впрочемъ ср. ниже 154.

Мы слышали предложеніе Ѳомы относительно Браилова. Его сильно поддерживалъ Кантемиръ, заранѣе радуясь паденію своего врага. Петръ согласился на предложеніе Кантакузина, ибо надѣялся такимъ образомъ захватить припасы, которые были собраны въ деревняхъ около Браилова. Посольство Кантакузина отъ валашскихъ бояръ нѣсколько подняло упадающій духъ Петра, послѣ того какъ подозрѣніе по отношенію къ Бранковану получило оправданіе. Петръ извѣщаетъ Меншикова объ усиленіи шансовъ на успѣхъ. «Мы до Прута прибыли въ 23 день сего мѣсяца; маршъ нашъ былъ съ несказаннымъ трудомъ отъ жару и жажды, о чемъ скажетъ Полянской, яко самовидѣцъ какъ сего, такъ и вожделѣннаго пріему насъ отъ г—ря волошскаго и прочихъ сей земли. Мултянскій гетманъ Кантакузинъ, сюда прибылъ съ такимъ же обнадеживаніемъ, что они всѣ готовы, только бъ что-нибудь войска къ нимъ послать» (Голик. IV 547)

20-го іюня Рене и Чириковъ съ 12.000 конницы двинулись къ Браилову; при нихъ находился и Ѳома Кантакузинъ. Рене и Кантакузинъ имѣли съ собой «универсалы» къ валахамъ, призывавшіе ихъ къ возстанію. У Галаца было назначенно соединеніе Рене съ главною арміей. «Хотя и опасно было, однако же, дабы христіанъ, желающихъ помощи, въ отчаяніе не привесть, на сей опасный весьма путь, для неимѣнія провіанта, позволено»[1]). По свидѣтельству Костина, Рене, взявши Браиловъ, долженъ былъ разрушить мостъ на Дунаѣ и этимъ прервать сообщеніе съ Болгаріей.

Отрядивъ Рене къ Браилову, Петръ, раздраженный противъ Бранкована, отправилъ къ нему письмо, въ которомъ требовалъ немедленнаго исполненія его обѣщаній, и прежде

---

[1]) Изъ журнала Петра В. Голиковъ IV 247. Объясняя это движеніе къ Браилову, Голиковъ говоритъ: «когда получена вѣдомость, что турки еще не всѣ за Дунай перешли, то Кантемиръ и всѣ чины неотступными просьбами убѣждали монарха ускорить непріятеля къ Дунаю, представляя за рѣкою Сыретью великіе магазины, которые турки въ молдавской землѣ собрали по деревнямъ около Браилова, и что лежитъ оный провіантъ безъ всякой обороны; а сіе о провіантѣ показаніе увѣряли Бранкованов посланникъ и Ѳома Кантакузинъ и одна знатная духовная, но іудинымъ предательствомъ преисполненная особа. Все сіе убѣдило монарха согласиться ни ихъ просьбу». ib. Въ самомъ журналѣ: «къ сему же присовокупися *нѣкая церковная особа, подъ именемъ святости діавольскія соплетающая хитрости*» (ib. 265 пр.). Вѣроятно, молд. митрополитъ Гедеонъ.

всего, присылки 100 возовъ съ продовольствіемъ. «Буде же станутъ мултянцы отговариваться, то объявить, что мы изъ того признаемъ ихъ непріятельство и велѣть брать самимъ въ ихъ землѣ хлѣбъ и скотъ безденежно, только бы не грабили», пишетъ Петръ Шереметеву (Голиковъ, IV 245). Въ письмѣ ясно высказалось сильное неудовольствіе царя. Господарь былъ оскорбленъ письмомъ и отвѣчалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ договоромъ, такъ какъ русскіе не вступили въ Валахію, и отнынѣ прекращаетъ всякія сношенія съ царемъ и мирится съ турками. Дѣйствительно, лишь только визирь вступилъ въ Молдавію, Бранкованъ отправился къ нему на встрѣчу и предоставилъ туркамъ всѣ тѣ припасы, которые онъ заготовилъ для Петра. Голиковъ ссылается на журналъ Петра и утверждаетъ, что два «коварные мултянца»—шпіона находились въ русскомъ лагерѣ, извѣстный посолъ 1698 г., Кастріотъ, и Лупулъ, и ежедневно доносили о тяжеломъ положеніи русской арміи, безъ провіанта» (IV 246). Переходъ Бранкована имѣлъ самыя тяжелыя послѣдствія для русскихъ, ибо въ то время какъ изобиліе царствовало въ турецкомъ лагерѣ, въ войскахъ русскихъ сталъ чувствоваться голодъ. Кантемиръ обѣщалъ болѣе Петру, чѣмъ сколько могъ, и къ довершенію несчастія саранча уничтожила всѣ посѣвы и траву въ Молдавіи. Петръ довѣрился и положился болѣе на Кантемира, чѣмъ на богатаго и сильнаго Бранкована. Недовольный предпочтеніемъ, искушенный долгимъ опытомъ коварства господарь хотя и обѣщалъ Петру на бумагѣ многое; но когда дошло до дѣла, старый грѣшникъ остановился предъ неизвѣстностью исхода борьбы, счелъ за благо предпочесть извѣстное неизвѣстному и, измѣнивъ Петру, передался весь туркамъ. А плохая интендатура Кантемира губила явно, съ своей стороны, великій походъ 1711 года.

Русскія войска находились въ Кучорѣ, когда получено было извѣстіе, что визирь усиленнымъ маршемъ идетъ по лѣвому берегу Прута къ Яссамъ, и русскіе 7-го іюля перешли Прутъ. У Гура-Жижіей вся армія была раздѣлена на три корпуса—Януса, Шереметева и Рѣпнина. Съ корпусомъ Шереметева находился самъ Петръ и Кантемиръ. Такъ какъ всѣ поля были опустошены саранчей, то первый и второй корпусы спѣшили въ Гура-Сереції, гдѣ они надѣялись найти траву. Корпусъ Рѣпнина подвигался очень медленно, такъ какъ велъ за

собой большой обозъ и имѣлъ множество больныхъ. Въ то же самое время по противоположному берегу рѣки двигались орды аккерманскихъ татаръ и слѣдили за русскими.

Генералъ Янусъ съ авангардомъ долженъ былъ разрушить турецкіе мосты на Прутѣ у Витрисоае и такимъ образомъ воспрепятствовать переходу турокъ на правый берегъ рѣки; но Балтаджи упредилъ его, такъ что когда Янусъ въ субботу 7-го іюля пришелъ къ Гура-Сереції, не вдалекѣ отъ Прута. визирь былъ уже на лѣвомъ берегу и началъ переправу. Янусъ тот часъ далъ знать Петру, что только соединенными тремя корпусами можно удержать турокъ. Петръ находился тогда въ Гура-Прутецулуй; но видя, что пѣхота только съ трудомъ достигла Мовилы-Робіей, и что едва-ли къ слѣдующему дню поспѣетъ въ Гура-Сереції, послалъ къ Янусу одного молдавана съ приказаніемъ отступать. Въ 11 часовъ ночи Янусъ началъ отступленіе. Турки испугались, заслыша сильный шумъ отъ двигавшихся въ русскомъ обозѣ телегъ, и думали даже ретироваться назадъ, и только чрезъ нѣсколько времени, узнавши въ чемъ дѣло, продолжали переправу во всю ночь. Янусъ на разсвѣтѣ безъ всякой потери прибылъ въ Касселе-Банулуй, не вдалекѣ отъ Гура-Прутецулуй, гдѣ находился Петръ. Любопытно, что молдаване-современники смотрѣли на это отступленіе Януса, какъ на измѣну: «утверждаютъ» говоритъ Мустъ, «что визирь достигъ этого отступленія при помощи нѣкоторой суммы денегъ» (Fragments, II 37).

Только утромъ 8-го іюля турки бросились преслѣдовать русскихъ. 4.000 русской пѣхоты заняли позицію около болота Балта-Прутецулуй; впереди ихъ составили боевую линію 4.000 молдаванъ. Первое нападеніе турокъ было сдѣлано на молдаванъ. «Бѣдные молдаване, не знавшіе никакой тактики, не видавшіе никогда непріятельскаго огня, плохо вооруженные, съ честью выдержали первый натискъ; но когда вся турецкая конница стремительно бросилась на нихъ, они погнулись и обратились въ бѣгство» (ib.). Разбивши молдаванъ, турки направили атаку на русскую пѣхоту; но она ихъ встрѣтила убійственнымъ огнемъ, и турки были отражены.

Съ утра и до поздней ночи непріятель стягивалъ свои силы вдоль холмовъ, между тѣмъ какъ татаре перешли Прутъ повыше города Хуша. Атакъ болѣе не было, лишь происходили легкія стычки между молдаванами и татарами. Этого самого

дня къ вечеру прибылъ наконецъ корпусъ Рѣпнина въ деревню Станилешты, но не смотря на всѣ усилія онъ не могъ достичь Гура Прутецулуй. Петръ былъ сильно обезпокоенъ этимъ замедленіемъ, и ему пришла въ голову странная мысль. Онъ призвалъ къ себѣ гетмана молдавскихъ войскъ, Ивана Некульче, и спросилъ его: не возьмется ли онъ провести его и императрицу до границъ Венгріи? Но гетманъ отвѣчалъ Петру, что это почти что невозможно, такъ какъ, вѣроятно, вся Верхняя Молдавія занята татарами. «Въ случаѣ плачевнаго исхода», говоритъ самъ Некульче, «я не хотѣлъ принять на свою голову проклятій всей России». Оставляя армію, Петръ поручалъ главное начальство Шереметеву и Кантемиру съ приказаніемъ держаться въ Молдавіи до тѣхъ поръ, пока онъ не воротится назадъ съ свѣжими силами (ib. I 79).

Между тѣмъ въ Каселе-Банулуй нельзя было долѣе держаться, и въ 2 часа ночи Петръ приказалъ отступать по направленію къ Яссамъ, чтобы соединиться съ корпусомъ Рѣпнина. Страшно темная ночь скрывала отступленіе; турки хотя и слышали шумъ въ русскомъ обозѣ, но не двигались. Въ понедѣльникъ 9-го іюля утромъ всѣ три корпуса соединились у Станилештъ. Русскіе заняли позицію ниже холмовъ; пѣхота укрѣпилась рогатками; конница расположилась внутри окоповъ. На разсвѣтѣ, увидѣвъ лагерь покинутымъ, турки бросились преслѣдовать отступавшихъ русскихъ, но успѣли захватить лишь 100 телѣгъ изъ обоза. Укрѣпивъ съ своей стороны позицію, они атаковали русскіе окопы съ переди и съ тыла; но встрѣченные сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, падали, по выраженію Некульче, «какъ спѣлыя груши съ дерева, когда его сильно трясутъ». Непріятель болѣе не ходилъ въ атаку, и все дѣло ограничивалось незначительными стычками. Въ одной изъ этихъ стычекъ молдаване захватили въ плѣнъ какого-то турка. Приведенный въ лагерь, онъ объявилъ, что визирь получилъ приказаніе отъ султана во что бы то ни стало заключить миръ, въ случаѣ если не будетъ вѣрной надежды на побѣду. Это извѣстіе ободрило Петра. Онъ велѣлъ Шереметеву написать отъ своего имени письмо визирю, давая разумѣть, что онъ, фельдмаршалъ, съ своей стороны не прочь отъ мира. Съ тѣмъ же плѣннымъ туркомъ это письмо было отослано въ турецкій лагерь. Но отвѣта никакого не послѣдовало.

На другой день, 10-го іюля, съ ранняго утра поднялась страшная канонада; турки навели свои орудія на русскіе окопы съ двухъ сторонъ; дымъ отъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ затемнялъ солнце. Картина была ужасная; огонь турецкихъ батарей представлялъ какъ бы сплошное пламя. Кантемиръ совѣтовалъ Петру двинуть пѣхоту на непріятельскія батареи и сбить оттуда янычаръ, но Петръ не соглашался. Между тѣмъ положеніе русскихъ дѣлалось все ужаснѣе и ужаснѣе; огонь непріятельскій производилъ страшныя опустошенія въ рядахъ русскаго войска; солдаты изнемогали отъ жажды; съ величайшимъ трудомъ успѣли молдаване набрать воды въ Прутѣ. Видя, что держаться долѣе въ окопахъ нельзя, Петръ рѣшился наконецъ повести пѣхоту въ атаку. Главное начальство было поручено генералу Видману. Ободряемые Видманомъ, солдаты пошли на приступъ непріятельскихъ батарей. Видманъ былъ убитъ; рѣзня поднялась страшная. Турки уже многихъ не досчитывали у себя, но визирь не унывалъ; онъ все еще надѣялся на побѣду; угрозами, увѣщаніями онъ ободрялъ своихъ, какъ вдругъ янычары отказались продолжать битву. «Мы не пойдемъ на врага!»—кричали они; «уже нѣтъ половины нашихъ! Пусть визирь поскорѣй заключаетъ миръ, какъ приказалъ ему султанъ»... И визирь долженъ былъ уступить яростнымъ крикамъ янычаръ: въ русскій лагерь былъ тотчасъ же посланъ имброгоръ Магомедъ-паша (свидѣтельство Некульче, ib. II 38). Но кромѣ волненія янычаръ, была и другая причина, заставлявшая визиря желать мира: получено было извѣстіе о взятіи Браилова и начавшемся возстаніи валаховъ, о чемъ въ русскомъ лагерѣ никто ничего не зналъ. Шереметевъ и русскіе генералы соглашались на миръ, но нѣмецкіе и молдаване стояли за продолженіе войны. Есть извѣстіе, что Кантемиръ палъ въ ноги Петру и умолялъ отвергнуть предложеніе визиря (ib.). Петръ долго колебался, но убѣжденія Екатерины подѣйствовали, и онъ склонился на мнѣніе Шереметева.

Изъ русскаго лагеря были посланы къ визирю Шафировъ, Савва Владиславлевичъ и старшій сынъ фельдмаршала—Михаилъ Борисовичъ. Какъ первое условіе мира, русскіе уполномоченные поставили уступку Россіи всего пространства до Дуная, чтó было предложено прежде отъ имени султана чрезъ посланника господаря валашскаго Македона. Но Балтаджи, засмѣявшись, сказалъ: «тогда былъ одинъ торгъ, а теперь

другой»,—и съ своей стороны потребовалъ отъ Петра свободнаго пропуска Карла XII, возвращенія ему отнятыхъ областей, выдачи Кантемира, возвращенія Азова, уплаты контрибуціи и военныхъ издержекъ, уничтоженія крѣпостей на Днѣпрѣ, возвращенія Польшѣ Украины по Днѣпръ, очищенія Браилова и наконецъ выхода изъ Крыма русскихъ войскъ, буде они тамъ. Петръ отвѣчалъ на эти требованія, что онъ на все согласенъ, но о возвращеніи шведскому королю балтійскихъ губерній, выдачѣ Кантемира и контрибуціи не можетъ быть и рѣчи. Балтаджи особенно настаивалъ на выдачѣ Кантемира, но Петръ отвѣчалъ, что скорѣе потеряетъ всѣ земли до Курска, чѣмъ выдастъ господаря. Онъ приказалъ его скрыть въ одной изъ обозныхъ телѣгъ Екатерины, и никто не зналъ, куда дѣлся Кантемиръ, кромѣ гетмана Некульче и двоихъ тѣлохранителей. Податливость Петра въ такомъ вопросѣ, какъ уступка государственной територіи, показываетъ, что онъ сознавалъ свою поспѣшность и потому свою оплошность, понялъ безвыходность положенія. Въ уста Петра влагаютъ слова: «я теперь въ такомъ же состояніи, въ какомъ былъ братъ мой Карлъ подъ Полтавой. Я сдѣлалъ такую же ошибку, какъ и онъ: я вошелъ въ непріятельскую землю, не взявъ нужныхъ мѣръ для содержанія арміи. Да погибнетъ измѣнникъ Бранкованъ за свое предательство» (Голиковъ, IV 555). Не могло исполниться желаніе Петра въ письмѣ къ Меншикову: «дай Боже, чтобъ въ іюлѣ тожъ видѣть, какъ въ іюнѣ» (ib. 547). Іюль былъ не похожъ на іюнь.

Не вдалекѣ отъ Яссъ Кантемиръ отдѣлился отъ русскаго войска и уѣхалъ въ свою покинутую столицу, чтобы захватить жену и дѣтей, куда и прибылъ 14-го іюля. Въ Яссахъ господарь прожилъ двое сутокъ; онѣ были совершенно пусты. 16-го іюля онъ покинулъ навсегда ихъ и соединился съ русскимъ войскомъ у Загаранчи на Прутѣ. Но не одинъ Кантемиръ покидалъ Молдавію; вмѣстѣ съ нимъ присоединились къ отступавшему русскому войску 24 знатнѣйшихъ боярина—Некульче, Савинъ, Смунчило, Абаза, Георгица, Антіохъ, Стефанъ Лука, Сандо Стурдза и многіе другіе. Въ послѣднихъ числахъ іюля Петръ былъ уже въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, а 1-го августа Кантемиръ подалъ «меморіалъ» о себѣ и о бѣжавшихъ съ нимъ боярахъ. Чрезъ три дня господарь получилъ отвѣтъ отъ графа Головкина, что «его ц. в—во изволяетъ его князя Кантемира, бояръ и прочихъ офицеровъ и волоховъ, которые нынѣ при немъ,

имѣть въ милости своей. и титулъ свѣтлѣйшаго князя россійскаго содержать ему и наслѣдникамъ его. Соизволяетъ ему домъ съ каменными палатами дать и деревни въ тамошнихъ мѣстахъ пріискать; кромѣ того въ Харьковѣ велѣно ему дать дворъ съ фольварками и деревни генерала Шидловскаго съ дворами, со скотомъ и всякимъ заводомъ. Дѣламъ, прилучившимся о какихъ-либо ссорахъ его или семейства его. быть подъ своимъ судомъ, а волоховъ въ ихъ собственныхъ дѣлахъ судить ему, князю. Ѣздить ему къ Москвѣ и въ иные города, также и посланныхъ посылать свободно. и сыновей своихъ для наукъ въ знатные города и иныя христіанскія страны отпускать. Вещи, которыя нынѣ при немъ и прочихъ будутъ въ Россію привезены, тѣ продавать безъ пошлинъ; а ежели когда они будутъ въ россійскомъ государствѣ чѣмъ торговать, съ того имъ належитъ пошлины платить. А которые дворы и деревни въ Харьковѣ велѣно ему дать, съ тѣхъ никакихъ податей въ казну не берется. Которые волохи нынѣ съ нимъ княземъ пріѣдутъ въ Россію и не могутъ въ данныхъ деревняхъ Шидловскаго помѣститься, о тѣхъ посланы указы къ губернаторамъ, графу Апраксину, князю Голицыну, дабы они согласясь опредѣлили имъ въ нынѣшнюю зиму въ губерніяхъ своихъ квартиры; а впредь будутъ имъ также сысканы и опредѣлены особыя жилища. За утрату и издержку въ нынѣшнемъ походѣ укажетъ ц. в—во ихъ наградить своею милостію впредь» (Сборникъ Муханова, I 620, ср. «Пол. собр. зак.» № 2413).

Получивъ этотъ отвѣтъ отъ графа Головкина, Кантемиръ вскорѣ отдѣлился отъ русскаго войска и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ онъ пробылъ двѣ недѣли, и затѣмъ въ Харьковъ. Бѣжавшіе изъ Молдавіи съ своимъ господаремъ бояре поселились также въ окрестностяхъ Харькова; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ воротились назадъ на родину. Ѳома Кантакузинъ, находившійся съ отрядомъ Рене у Браилова, изъ Валахіи отправился въ Венгрію, гдѣ продалъ свои помѣстья, а отсюда уже въ Россію. Онъ былъ пожалованъ Петромъ въ генералы, получилъ графскій титулъ, много вотчинъ и провелъ остальную жизнь въ Россіи, пользуясь большимъ расположеніемъ царя[1]).

---

[1]) Здѣсь предложу нѣкоторыя данныя изъ жизни молдавскихъ бѣглецовъ въ Россіи. Всѣ эмигранты садились въ Малороссіи, межь казаковъ: кто

Но чтó же сталось съ бѣдною Молдавіей послѣ ухода русскихъ войскъ и отъѣзда Кантемира? Мы можемъ себѣ это легко представить.

сталъ сотникомъ позже, кто полковникомъ. 26 авг. 1720 Меншиковъ пишетъ гетману Скоропадскому: «къ марширующимъ тремъ полкамъ къ Стародубу вмѣсто провіанту денгами брать велѣли, и о томъ къ г. генералъ-маіору графу *Кантакузину* указъ отъ насъ посланъ» («Матер. в.уч. арх. гл. штаба I 622). Въ этомъ году Ѳома начальствовалъ надъ козаками при рытьѣ ладожскаго канала (Голиковъ, VIII. 447, 472 пр. «Матеріалы...» 550). *Савинъ-Банъ*, «маршалокъ Кантемира», получилъ въ 1712 маетность въ Украинѣ изъ помѣстьевъ бывшаго полковника Горленки. 9-го іюня 1712 Головкинъ пишетъ Скоропадскому: «Извѣстно есть, что единого изъ волоскихъ бояръ Савина-Бана, пріѣхавшаго въ прошломъ 1711 въ сторону его ц. в—ва, которой и нынѣ въ Харковѣ есть, всѣ маетности, дворы и скотъ, которои онъ оставилъ въ волошской землѣ, отданы и дѣйствительно владѣетъ измѣнникъ съ стороны нашей быв. полковникъ прилуцкой Горленко. Того ради указалъ его ц. в—во оному Савину-Бану вмѣсто тѣхъ отнятыхъ его въ волоской землѣ маетностей и прочего, дать на Украйнѣ едину маетность, въ которой бы было отъ 50 до 100 дворовъ изъ маетностей измѣнника Горленка, съ которой бы онъ Савинъ-Банъ могъ съ своею фамиліею пропитаніе имѣть и въ той жить ему надлежитъ» («Матеріалы...» I 731). Но въ 1715 Савинъ предпочелъ возвратиться на родину; 9 іюля 1715 Головкинъ пишетъ Скоропадскому: «повелѣлъ (Петръ) ему (Гаврилѣ Милорадовичу) дать на Украйнѣ прилуцкомъ полку село Колюженцы, бывшее полк. прил. Горленка, которыми по указу ц. в—ва владѣлъ волоской бояринъ Савинъ-Банъ, и нынѣ онъ отпущенъ во отечество» (ib. 798). Съ Савинымъ прибылъ его племенникъ Самойло, но онъ остался въ Россіи и былъ сотникомъ. 2 марта 1719 Головкинъ гетману: «Приноситель сего моего письма, волошинъ *Самойло Степановъ* сынъ *Спотарій*, пріѣхалъ въ Россію съ волоскимъ господаремъ кн. Кантемиремъ, при дядѣ своемъ при маршалкѣ Банѣ и, какъ онъ объявляетъ, что по пріѣздѣ своемъ жилъ съ тѣмъ дядею своимъ въ данныхъ ему въ Малой Россіи маетностяхъ и обнадежа себя по смерти его получить тѣ маетности, не билъ челомъ съ протчими своею братьею и дачи ему никакихъ маетностей не было; а дяди его маетности отданы Гавр. Милорадовичю, и тако просилъ онъ о какомъ себѣ награжденіи. И понеже тотъ Спатарій изъ тамошняго народа знатной фамиліи и надобно ему какое къ пропитанію доволство показать, того ради изволте опредѣлить его въ которомъ изъ малорос. полковъ сотникомъ на убылое, или инымъ какимъ способомъ свободное мѣсто, по вашему разсмотрѣнію, дабы онъ будучи на таковомъ урядѣ, могъ пропитаніе имѣть» (ib. 831). 21 марта 1718 Головкинъ пишетъ гетману. Вашей велможности не безвѣстно, что *Семенъ Аѳендикъ*, перкалатъ (молдав. чинъ изъ нѣм. Burggraf) Сорочинскій, во время послѣдней тур. войны показалъ къ его ц. в—ву службу свою вѣрно; и нынѣ онъ по милости его ц. в—ва имѣетъ неболшую маетность въ Малоросіи и тѣмъ самъ доволенъ, но суть у него два сына, служили же намъ в. г—рю: одинъ, *Степанъ*, ротмистромъ, другой *Ни-*

Пять дней по заключеніи прутскаго мира, великій визирь Балтаджи-паша ждалъ, что къ нему явятся молдавскіе бояре съ

колай, порутчикомъ, и тѣмъ ничего не дано. И изволте ихъ, Степана и Николая Аѳендиковъ, въ малоросиских городѣхъ опредѣлить въ сотники на первыя ваканціи» (ib. 827). Что касается самого *Кантемира*, то онъ получилъ земли въ харьковской и кіевской губерніяхъ и пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Петра. Такъ 15 апр. 1716 былъ указъ сенату о сложеніи недоимокъ, числящихся за деревнями, пожалованными Кантемиру въ кіевской г., повторенный черезъ годъ (15 февр. 1717). (Барановъ «Архивъ прав. сената» I № 422, 468). Въ 1721 ему б. пожалованъ чинъ тайнаго совѣтника и указано присутствовать въ сенатѣ, ib. № 830. Какъ бы въ благодарность за добрый пріютъ у Петра, старый князь оставилъ послѣ себя Россіи сына, знаменитаго нашего писателя, Антіоха Кантемира, человѣка уже чисто русскаго—явленіе примѣрное, но не частое въ нашей исторіи. Было упомянуто выше, что и раньше 1711 многіе волохи служили у Петра. Говорили тамъ о *Кигечъ* и *Жичанъ*. Упоминается еще *Иванъ Дросено*. 13 августа 1720 Меншиковъ пишетъ гетману: «Его ц. в—ву билъ челомъ Иванъ Дросено, что служитъ де онъ въ командѣ у полк. Ант. Танскаго съ волохами и былъ на многихъ противъ шведовъ и турокъ и татаровъ баталіяхъ, за что б. пожалованъ ротмистромъ, а въ нынѣш. 720 вручено б. ему кіевского полку въ мѣстечкѣ Кабижчѣ наказное сотничество и гдѣ управлялъ съ полгода, и той сотни казаки товариство волнымъ по казацкимъ правамъ избрали его Дросена за настоящего сотника и оные казаки били челомъ в. ясневелможеству, чтобъ на оное сотничество дать уневерсалъ. И в. я—сть ему оного уневерсала не отдалъ, а выдалъ на оное сотничество кабижскому жителю Ал. Мандрикѣ... И его ц. в—во пожаловалъ его Дросена и указалъ за многіе его службы въ оной сотнѣ быть настоящимъ сотникомъ» (ib. 617). Изъ мултянъ перешелъ къ Петру и поселился въ Россіи Бранковановъ посланникъ 1704 и 1709 годовъ, *Давидъ Чаушъ*. Въ 1715 онъ б. покойникъ, оставилъ сына, жену и брата *Ѳедора*. 16 марта 1715 Головкинъ гетману: «По указу его ц. в—ва, за службы покойнаго Давыда Корбе, брату его Ѳедору Корбе съ женою его Давыдовою и съ сыномъ, которому велѣно жить въ Кіевѣ, дана была на пропитаніе ихъ за Днѣпромъ деревня, которая у него нынѣ отошла. И билъ челомъ его ц. в—ву онъ Ѳедоръ, чтобъ ему на пропитаніе его дать какую деревенку по сю сторону Днѣпра, безъ чего онъ содержать себя въ Кіевѣ не можетъ. В. вель—ть изволите ему Корбе для содержанія дому его на сей сторонѣ Днѣпра дать какую хотя неболшую деревенку, толко бъ не далеко отъ Кіева...» (ib. 789). Ѳеодоръ Корбе въ Россіи съ 1711 г., вѣроятно, послѣ похода. Въ 1712 г. получилъ помѣстья въ переяславскомъ полку, а позже онъ переводчикомъ. 21 мая 1720 Меншиковъ пишетъ гетману: «писалъ къ намъ изъ Кіева губернаторъ кіевской кн. Голицынъ, что просилъ его перевотчикъ Ѳедоръ Корбій о семъ. Въ 1712, по указу ц. в—ва, для содержанія дому его, даны ему въ переяславскомъ полку изъ маетностей бывшаго переясл. полковника Дмитряшка Райча 2 деревни: Лукьяновка и Крупполя со всѣми до оныхъ принадлежностями... Того полковника жена до

повинной головой; но никто не рѣшался на такой шагъ, тѣмъ болѣе, что тѣ изъ бояръ, которые не бѣжали въ Россію, скрывались съ своими семействами въ горахъ или въ лѣсахъ Молдавіи. Разгнѣванный этою непокорностью бояръ, великій визирь далъ приказаніе татарамъ, грабить господарство. Вся нижняя Молдавія сдѣлалась добычей огня и меча. Старики расказываютъ, говоритъ Николай Костинъ, что это опустошеніе превосходило то, которое было при Василіи Албанцѣ въ 1650 году (Fragments, I 102). По уходѣ русскихъ изъ Браилова, тотчасъ же нѣсколько шаекъ татаръ бросились на богатый Галацъ. Жители спасались въ монастыряхъ и церквахъ, но многіе изъ нихъ поплатились рабствомъ. Новое нападеніе татаръ окончательно превратило Галацъ въ груду развалинъ. Такая же участь постигла и другіе города. Отъ монастырей и церквей оставались только кучи камня; иконы, мощи, золотые, серебря-

---

владѣнія тѣхъ мелницъ его Корбія не допущаетъ и въ бытность его Корбіеву въ С. Пб. завладѣла тѣми мелницами насилно, а нынѣ у оной вдовы на тѣ мелницы явился повторной уневерсалъ, о чемъ многое Корбіева есть съ докучностію челобитье». Гетманъ былъ противъ Корбе, а Меншиковъ проситъ «явить къ нему для его бѣдности свою милость» (ib. 609). Изъ мултянцевъ были и шпіоны въ Россіи: 6 мая 1713 Головкинъ гетману о побѣгѣ двухъ мултянцевъ, *Діоментія* и *Петра*, «которые явились по розыску въ нѣкоторыхъ противныхъ дѣлахъ», они посланы были изъ Петербурга на Вологду, съ Вологды «отосланы были въ Каменной монастырь и сидѣли за карауломъ» (ib. 745). Потомки многихъ петровскихъ выходцевъ изъ Румыніи и доселѣ извѣстны въ средѣ дворянъ южной Россіи, отчасти сербской — сѣверной части херсонской губерніи: Абазы, Змунчилы, Кичи (изъ Кигечъ), Корбе. Въ бытность мою во Львовѣ, въ іюлѣ этого года, мой ученый другъ, гр. ун. канонинъ А. С. Петрушевичъ, указалъ мнѣ въ собраніи Гиждеу-Петричейки «Archiva istorica a Romaniei» I part. 1, Bukur. 1865, 50 и сл. завѣщаніе нѣкоего *Георгія Лупашки Гиждеу*, сына Стефана погарныка и Александры дочки Фтодора ворныка Петрычейки, очевидно, предка господарской крови самого господина издателя, которыйноситъ фамиліи обоихъ родовъ, на чистомъ малорус. языкѣ, 1733 г. въ Могилевѣ. «Ротмистръ» Лупашко вспоминаетъ службу свою Петру: «колы еще мы булы въ служби вел. г—ря Петра Алексѣевича и стоялы над Прутом», а о своемъ положеніи говоритъ такъ: «и нещасливый вытнанец з державы родителей, дидивъ и прадидивъ моих, я теперь тулач в чузи земли бидный и сиромашный». Слѣдовало и Гуждеу занести въ списокъ бѣглецовъ. Но языкъ завѣщанія (а писано оно монахомъ изъ Кіева) — современная малорус. рѣчь, поэтическіе цвѣты («любимая Молдавія під ногами»), сентиментальный тонъ указываютъ явный подлогъ. Подлогъ имѣетъ цѣну для самого издателя и для его отца бесарабскаго—въ вопросѣ о вотчинахъ.

ные сосуды—все это было расхищено. Въ монастырѣ св. Георгія въ Галацѣ были вынуты изъ могилы кости Мазепы и разсѣяны по берегу Дуная. Тамъ, гдѣ былъ городъ Берладъ, виднѣлись лишь груды развалинъ. Жители бѣжали въ лѣса, къ границамъ Валахіи, гдѣ было болѣе безопасно, ибо вдоль Серета шелъ изъ Браилова корпусъ Рене. Въ то же самое время страшная анархія господствовала въ столицѣ Молдавіи. По выступленіи русскихъ изъ господарства, паническій страхъ овладѣлъ городомъ; все бѣжало изъ Яссъ; правительства не было никакого. Пользуясь общимъ безурядьемъ, одинъ изъ турокъ, находившихся въ Яссахъ, польскій ренегатъ, водворился въ господарскомъ дворцѣ, и принялся грабить тѣхъ, кто еще оставался въ столицѣ, а особенно церкви и монастыри. Но на смѣну ему, 21-го іюля, явился въ Яссы Куртъ-Магометъ-паша, сопровождавшій русскихъ въ качествѣ чауша до польской границы, и составивъ изъ своихъ единомышленниковъ временное правительство, началъ ужь организованный грабежъ. Сподручники его по управленію выѣзжали изъ Яссъ въ сопровожденіи нѣскольких человѣкъ служиторовъ, открыто грабили на большихъ дорогахъ, сажали въ тюрьмы, вымогая деньги.

Безурядье царило во всей нижней Молдавіи, когда великій визирь все еще продолжалъ стоять лагеремъ у Станилештъ, дожидаясь молдавскихъ бояръ съ изъявленіемъ покорности. Прошло около двухъ недѣль, но никто не явился; тогда, потерявши всякое терпѣніе, онъ повелѣлъ предстать предъ себя одному изъ тѣхъ бояръ, которые измѣнили Кантемиру и перешли на сторону турокъ, Лупу Костаки. До сего времени Костаки укрывался въ монастырѣ Барсучскомъ. Полный опасенія за свою жизнь, 23-го іюля Лупу явился предъ Балтаджи; онъ палъ на колѣни и съ трепетомъ ждалъ рѣшенія своей участи. Визирь долго корилъ его измѣной Молдавіи, а затѣмъ предложилъ господарскій санъ; но Лупу отказался. Тогда Балтаджи облекъ его въ почетную мантію, и давая ему господарство съ титуломъ «каймакана», прибавилъ: «я поручаю тебѣ управлятвоею страной, и ты будешь отвѣчать за нее. Лупу, смотри въ оба!...» Освободивъ болѣе 2 тыс. молдаванъ изъ плѣна, новый каймаканъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ знатныхъ турокъ — Бекира-аги, Магомета-эфенди, 31-го іюля прибылъ въ Яссы; грабежъ Куртъ-паши прекратился: онъ немедленно удалился изъ Яссъ.

Положеніе Лупу Костаки въ опустошенномъ господарствѣ было трудное; чтобы выплатить выкупъ за освобожденіе изъ плѣна молдаванъ, онъ принужденъ былъ взимать по два піастра съ воза, во всѣхъ уѣздахъ Молдавіи, вслѣдствіе чего поднялся общій ропотъ. Визирь потребовалъ отъ новаго каймакана 17 кошельковъ піастровъ, но такъ какъ монеты въ то время было крайне мало въ господарствѣ — ходили лишь копѣйки (дутче) въ четыре аспра, да въ небольшомъ количествѣ русскіе «тинфы», — то только съ большимъ трудомъ Лупу могъ выслать визирю 12 кошельковъ, чѣмъ Балтаджи остался крайне недоволенъ. Самъ каймаканъ своими дѣйствіями лишь возбуждалъ всѣхъ противъ себя: онъ множество молдаванъ переказнилъ, а имѣнія казненныхъ конфисковалъ въ свою пользу. Но враги воспользовались послѣдними поступками Лупу и распустили слухъ, что онъ грабитъ молдаванъ для того, чтобы потомъ бѣжать въ Россію по примѣру другихъ бояръ. Расчетъ былъ вѣренъ: 9 сент. прибылъ въ Яссы отъ визиря ага и объявилъ Лупу низложеніе. Каймаканъ былъ посаженъ въ оковы и отправленъ въ турецкій лагерь, а отсюда въ Варну, гдѣ и былъ брошенъ въ тюрьму. Въ третій разъ управленіе господарствомъ перешло въ руки турка, Бекира-аги, всѣ пришли въ ужасъ, опасаясь, чтобы Молдавія не сдалалась турецкимъ пашалыкомъ; но было еще далеко до этого, ибо въ среду, 26 сент. прибылъ въ Яссы «полномочный епитропъ» господарства, Иванъ Маврокордато, между тѣмъ какъ вопросъ о господарѣ былъ рѣшенъ: 25 сент. былъ облеченъ визиремъ въ господарскій кафтанъ во второй разъ Николай Маврокордато (Хроника Костина, Fragm. I. 111—118). 8-го ноября онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Яссы. Если въ первое свое господарствованіе Николай Маврокордато былъ только предтечей, то теперь онъ сдѣлался родоначальникомъ гнусныхъ дѣтей Фанара на престолахъ Молдавіи и Валахіи, и съ этихъ поръ начинается болѣе чѣмъ вѣковое фанаріотское владычество въ злополучныхъ господарствахъ (1711—1822).

Такъ неудачно для всего турецкаго христіанства кончился великій прутскій походъ, такъ неудачно исполнилось безкорыстное, высокое желаніе Петра стать *свободителемъ христіанъ*, къ какому дѣлу онъ готовился долго. Казалось, кончалось вѣковое страданіе милліоновъ угнетенныхъ людей и начиналась заря свѣтлой будущности, какъ вѣрилъ и самъ Петръ; но исходъ

не оправдалъ начала. Если нельзя не обвинять Кантемира, что онъ обѣщалъ Петру болѣе, чѣмъ сколько могъ; если справедливо, что «Кантемиръ и Бранкованъ», какъ замѣтилъ уже лѣтописецъ-современникъ, Николай Мустъ, «старались лишь упрочить свои частные интересы, не помышляя о томъ, что было важнѣе всего—объ уничтоженіи турецкаго господства» (ib. II 35): то все же главная вина должна пасть на стараго хитреца —господаря валашскаго.

Въ журналѣ Петра Великаго такъ записано о причинѣ неудачи похода: «сей маршъ противъ турокъ зѣло отчаянно учиненъ, паче всего для обнадеживанья господаря мултянскаго (Бранкована), который якобы христіанскимъ желаніемъ государя россійскаго побуждалъ, обѣщая при томъ не только своего народа, но и съ сербскими и другими войсками государю вспомочь, и что будто имѣетъ и внутрь тур. имперіи акціи и можетъ учинить чрезъ христіанъ возмущеніе противъ турокъ; такожде обѣщалъ россійское войско удовольствовать провіантомъ: но сіе его являемое желаніе и побужденіе въ самомъ дѣлѣ Іудинымъ лобзаніемъ было, ибо все сообщалъ туркамъ, что отъ насъ получалъ во извѣстіе и нарочно тянулъ на нашу пагубу» (Голиковъ, IV 262).

«Если даже не приписывать всего несчастія», говоритъ Энгель, «двусмысленному поведенію Бранкована, то все-таки для историка остается исторически вѣрнымъ, что въ великія и рѣшительныя минуты Бранкованъ не умѣлъ дѣйствовать велико и рѣшительно, что духъ Михаила Храбраго не покоился на немъ, что по своей личной враждѣ противъ Кантемира онъ былъ слишкомъ малъ для исполненія того плана, измыслить который онъ былъ довольно великъ. Хитрая, лукавая политика его, съ помощью которой онъ такъ долго держался подъ турецкимъ верховенствомъ, подавила въ немъ то возвышенное мужество, которое именно теперь должно бы было имъ руководить. Его душа колебалась между волей и сомнѣніемъ, и онъ упустилъ случай спасти Валахію и самого себя. И событіе всемірно историческое, прутскій походъ, кончилось миромъ, который надолго опредѣлилъ судьбу прекрасныхъ странъ придунайскихъ и существованіе турецкой имперіи» (Geschichte, I 70).

Остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ, во время несчастія Петра, его мадьярскаго союзника, который, какъ мы видѣли, собирался воспользоваться положеніемъ русскихъ войскъ

въ Молдавіи, вторгнуться въ Венгрію и произвести тамъ возстаніе. Въ августѣ Ракоци узналъ о судьбѣ прутскаго похода, а въ сентябрѣ былъ въ Варшавѣ съ Петромъ. 4 сент. онъ пишетъ въ Парижъ Ветешу. «Чтобъ лучше освободить дворъ (Версаль) отъ сказанныхъ впечатлѣній, я рѣшился слѣдовать царю до Ельбинга, куда я ѣду водой, въ виду того, что, кажется, только русское государство еще желаетъ поддерживать мои интересы, и которое дѣйствительно въ состояніи это сдѣлать, если только хотятъ его привлечь; но слѣдовало бы поступать иначе, чѣмъ какъ это дѣлали до сихъ поръ» («Fontes» 1. IX. 1, 363). Въ Ельбингѣ провелъ зиму съ Петромъ (ib. 365), а въ слѣд. году Ракоци уѣхалъ въ Турцію, поселился въ Родосто, гдѣ и умеръ въ 1726 г. О чувствахъ его къ Петру позже мы говорили выше.

Но между тѣмъ какъ дѣятельность сильныхъ союзниковъ русскаго царя въ походѣ его на берега Прута была столь безплодна, иное зрѣлище представлялъ юго-западъ Балканскаго полуострова: черногорцы, какъ расчитывалъ Петръ, дѣйствительно «нѣкоторое отвращеніе турскимъ войскамъ учинили» (см. прим. стр. 168).

Мы оставили черногорцевъ, когда они получили грамоту отъ Петра, и видѣли, съ какимъ живымъ чувствомъ радости они приняли ее. Митрополитъ Даніилъ и Милорадовичъ энергически продолжали начатое дѣло. Они переписывали царскую грамоту, писали отъ себя новыя грамоты и разсылали ихъ по сосѣднимъ съ Черною горой турецкимъ областямъ, призывая всѣхъ христіанъ къ оружію и соединенію съ собою, чтобы дружно, совокупными силами ударить на турокъ. Посылая грамоту къ жителямъ небольшаго села въ Герцеговинѣ Требесы и призывая ихъ напасть на крѣпость Оногоштъ, владыка писалъ имъ отъ 15-го іюля: «если вы имѣете любовь ко Христу, то ради Его крови, которую излилъ Онъ для нашего спасенія на крестѣ, ради любви Пресвятой Богородицы, ради наконецъ того, чтобъ Она была вамъ помощницей и молитвенницей въ день страшнаго суда, возстаньте и пролейте кровь свою! не щадите ее, ударьте на крѣпость! уклоняться нельзя!» Въ тотъ же самый день Даніилъ отправилъ вторую грамоту къ требешанамъ, въ которой писалъ: «если бы до воскресенья крѣпость была въ вашихъ рукахъ!... Если бы мы продали свои золотыя и серебрянныя вещи, если бы мы собрали войско и сразились съ арнаутами и свою кровь пролили бы ради бѣднаго, жалкаго, го-

лоднаго народа.... Пополамъ смѣшиваетъ слова со слезами владыка Даніилъ, пиша это, жалкій и бѣдный, готовый предать себя на смерть ради Христа, то есть, ради народа». Милорадовичъ, съ своей стороны, приписывалъ въ этой грамотѣ: «много есть воскресеній въ году, но сдѣлайте, чтобы до перваго воскресенья крѣпость и турки были въ вашихъ рукахъ.... Я послалъ сегодня тысячу юнаковъ, чтобы сразились съ арнаутами. Возьмите крѣпость у турокъ и передайте намъ; я съ вами засяду въ крѣпости.... Здѣсь войско готово все. Не безпокойтесь; Божія вѣра вамъ не измѣнитъ.... Ударьте и схватите капитана Кумрію.... Во имя Пресвятой Богородицы возьмите крѣпость и берегитесь; не довѣряйте никому, чтобы васъ не провели, потому что венеціанцы писали этому Кумрію обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ.... Пришли къ намъ кнезы (старшины) бѣлопавличей и пиперовъ, и мы уговорились, если Богъ дастъ, непремѣнно въ воскресенье ударить на Спужъ.... И писалъ я грамоты въ Грахово и къ рыдянамъ. и они готовы» (Милаковичъ, 114). Въ тоже самое время Милорадовичъ доносилъ Головкину о своихъ дѣйствіяхъ. «Христіане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали всѣ единодушно за вѣру и отечество кровь проливать; и тѣ, которые получали жалованіе отъ венеціанъ и турокъ, бросили это жалованье, соединились съ своими и стали воевать, какъ при древнихъ сербскихъ царяхъ и короляхъ. Все это воины добрые, только убогіе; пушекъ и прочихъ военныхъ припасовъ не имѣютъ.... Латины гораздо враждебнѣе турокъ, ибо латины надѣялись, что земля будетъ вся ихъ, и когда онъ пошелъ на турокъ, то латины посылали къ нимъ письма, обнадеживая ихъ, чтобы не боялись, и уговаривали турокъ, чтобъ обѣщали христіанамъ деньги за его голову; но христіане всѣ обѣщались вѣрно государю служить» (Соловьевъ, XVI 80).

Между тѣмъ грамоты митрополита и русскаго посланника произвели свое дѣйствіе: зетяне, герцеговинцы, сербы другихъ смежныхъ съ Черною горой областей съ неудержимою быстротой поднялись на призывный кличъ и схватились за оружіе. Они соединились съ черногорцами, бердянами, совокупными силами нападали на турецкія крѣпости, жгли турецкія села, жилища; но турки твердо сидѣли въ укрѣпленныхъ городахъ. Въ сентябрѣ 1711 года воеводы и кнезы предѣловъ зетскихъ и черногорскихъ писали Петру: «война началась 15-го іюля, и

первая битва произошла близь Гадска, въ Захлуміи, а другая тамъ же близь города Ниша, палили деревни и села, а города взять не могли за неимѣніемъ оружія; еще имѣли битву съ турками близь поморія Діоклетіанова, и турокъ прогнали» (ib. 130).

«Еслибъ ты видѣлъ, побратимъ—поетъ народная пѣсня—какъ стремятся бердяне юнаки, горцеговцы и молодые зетяне подъ знамена русскаго царя, чтобъ соединиться съ войскомъ черногорскимъ; ты не сказалъ бы, дорогой побратимъ, что они идутъ на бой съ турками биться, а на игру пить холодное вино и веселыя пѣсни запѣвать! Но — продолжаетъ пѣсня — веселье это не долго продолжалось—всего мѣсяцъ съ половиной дней, и скоро оно обратилось въ сербскую скорбь и несчастье. Недобрыя вѣсти дошли, что Петръ помирился съ туркомъ не по волѣ, но по неволѣ. Заплакалъ и малъ и великъ, всякъ жалѣлъ царя православнаго» (Милутиновичь, 54).

Дѣйствительно, «веселіе» было въ полномъ разгарѣ, когда вдругъ была получена опечалившая всѣхъ черногорцевъ грамота отъ Петра съ извѣщеніемъ о заключеніи прутскаго мира. Петръ просилъ черногорцевъ прекратить военныя дѣйствія и отступить къ себѣ въ горы; воля царя была свято исполнена, хотя съ слишкомъ тяжелымъ чувствомъ на сердцѣ.

Русскимъ посланникамъ, Милорадовичу и Лукичевичу, не для чего было долѣе оставаться въ Черной горѣ, и весной 1712 года они уѣхали въ Россію. Но покидая Черную гору, Милорадовичь собралъ народную скупщину и здѣсь съ общаго одобренія и согласія черногорцевъ далъ имъ жалованную грамоту, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась для нихъ грамотой уставной, опредѣлявшею долго отношенія ихъ къ намъ, и наши къ нимъ[1]). Грамота эта была писана по сербски.

«Даемъ разумѣти—такъ начинается грамота—свакому господару, кои бы се спомену чьсти и вѣрне служ6е юнакахъ и храбріехъ и вѣрніехъ витезовахъ Црьногорскіехъ, кои найпрви почеше воеватъ за вѣру и законъ, за благочестиваго царя Петра, и кои наипрво насъ примише и царское книге послушаше, наипрви и у свою землю Црьнугору пяцу отъ арме (piazza

[1]) *О. М. Бодянскій*, Предисловіе къ «Исторіи о Черной горы» владыки Василія.

del arma?) учинише, и многу муку и трудность подніеше, докле се око ныхъ друга племена уединише и друга земля. Защо видѣли мы да на друго мѣсто ніе толико вѣрна и храбра народа, кои бы мога учинитъ войску, коя бы могла господара и посланника царева одержать до нихъ, защо мы видѣли нихъ вѣру и храбрость, кои су были држали своега господина Ивана Черноевича и вѣрно га служили (кои бѣше Иванъ найпослѣдни господинъ и самодержецъ Зетскій и кои се найпослѣдни отъ све сербске господе цару турскому противіо, како се находи у лѣтописце царске), защо видѣли мы такову нихъ прьву и садашню вѣрну службу, допущавамо имъ сваку слободу, да су своевластни, *да не маю надъ собомъ господара*, *токмо цара*, а другу меншу господу и официре да имаю отъ своихъ племенахъ и отъ своега отечества, а отъ друге земле и отъ другога племена *да не ма никада медю нима ни воиводе*, *ни кнеза*, *ни капитана, ни никаквога старіега*, *токмо цара* по царскому закону и суду, а по духовному митрополита, какъ смо ихъ тако и нашли и тако имъ е было и кодъ Ива Черноевича. И духовни пастиръ и архіерей отъ нихъ племена и отечества, и воиводе и кнезови, капитани и сваки офицери да имаю быти отъ нихъ огечества, а изъ друге стране никако. То имъ допущисмо съ заклетвомъ и допущаемо имъ, да немаю даватъ никакве даціе, ни харача (подать), ни десетка, ни на бащину, ни на виноградъ, ни на ливаду, ни на коня, ни на вола, ни на дробну стоку (скотъ), ни на пчелу, ни на никавку работу живу, ни мртву, него (но) да су слободни отъ свашта и да никаква другога измета (работа) не чине, ни службе ни съ конѣмъ, ни съ воломъ, ни юнакомъ, *нако* (кромѣ) *съ мачемъ и съ пушкомъ*, *да су воjници цареви*. Другога измета да ни чине никаква, ни да имаю даватъ зобъ (овесъ), ни масло, ни сыръ, ни месо, ни хлѣбъ никому у конатъ (въ счетъ) данка, нако що е кому отъ части драго, то-есть, одъ образа, или одъ добре воле свое. *И да има сваkому офицеру плата отъ цара*—воиводá воиводску, а кнезъ кнежевску, капитанъ капитанску, и сваки офицеръ свою, како у найболѣга краля, и да имаю они прьвыи боляри почтене и болярство кому е отъ куле и отъ старине; и да су своевластни помедю себе судъ чинити за свое работе, и отъ овога нихъ племени Црьногорскога, кои бы трговину носіо крозъ *ону землю, кою бы Богъ допустіо цару Петру владати*, да немá ни еданъ Црьногорацъ царине даватъ никаква данка ни на

какву трговину, ни на малу, ни на велю, него имъ допущуемо, да су отъ тога слободни. Све имъ допущуемо, да су отъ свашта своевластни до (кромѣ) двое: едно — церква, коя що има свое или села, или ниве, или виногради или ливаде, или планине, или бродове отъ рыбе, свака свое да има, како русоволи успишу, и то да е све подъ область митрополита Цетинскаго, у то мірски люди да се не міешаю безъ благослова архіерея. И коя се церква нађе пуста, а отприђее біо манастиръ, а будући Турци притисли бащине, и то допущавамо, да се понови и да свое има и бродове отъ рыбе, и бащине, и све свое; и що бы кои царь придао, и то свака да има, и да е слободна како за свето почивше господе кралевахъ, и како кои пишу книге, такви доходакъ да узима; и що смо выше писали да имъ двіе ствари не допуштавамо, оне су двіе поради духовне работе, а една да не има ни еданъ мірски чловѣкъ досадитъ, ни да се има у судъ міешати, а друго имъ све допущаемо, да су волни и слободни у сваки градъ съ мачемъ о пасу (поясѣ) шетати и съ свіемъ оружіемъ да су волни предъ свакога господара слободни изисти; *а они да су вазда готови съ оружіемъ у руци за цара воеватъ* на свою краину о своме харчу, *теке да имъ дава царь прахъ и олово, и кому узманка мачъ и пушка, и то царь да имъ дае, кадъ е ратъ; а кадъ е миръ, да не ищу нища у цара, ни царь отъ нихъ да не ище нища*, ни други кои господарь. *И ако бы у кое вріеме царь звао на другу краину воеватъ, да ихъ силомъ не ма тератъ; накобы хтіо кто отъ свое воле пошао заслужитъ цару, онда да му дава царь сву храну и сваки начинъ войнички*».

Грамота эта была прочтена на скупщинѣ 16-го апрѣля 1712 года и заканчивалась словами: «Тако се ово писмо учини, да не буде никогда пометнуто, него потврђено съ заклетвомъ» (Милутиновичь, 55).

Давши эту грамоту, Милорадовичь уѣхалъ въ Россію[1]).

---

[1]) Ко времени нашихъ первыхъ сношеній съ Черногоріей относится появленіе первыхъ русскихъ проходимцевъ, обратившихъ дѣло славянской взаимности въ наживу. Въ ноябрѣ 1721 прибылъ въ Петербургъ отъ Даніила архимандр. Леонтій и въ Колегіи иностр. дѣлъ объяснилъ, что въ 1712 б. на Черной горѣ у нихъ кап. Пав. Аркулей и, назвавъ себя посломъ царскимъ, взялъ въ мон—рѣ 1000 золотыхъ и оставилъ въ закладъ скрынку «будто съ діаментами», «которыхъ денегъ аще толико и не біяше въ мон—ри нашемъ, обаче церковніи утвари въ закладъ дати принуждени мы сотвори-

Мы видѣли, что черногорцы, получивъ извѣщеніе отъ Петра о заключеніи прутскаго мира, по просьбѣ его прекратили военныя дѣйствія; но, возвратясь къ себѣ въ горы, они хорошо понимали, что турки не забудутъ ихъ за то, что они, какъ говоритъ султанъ визирю въ одной народной пѣснѣ,

«На мою землю удариште,
Да угоде цару московскоме,
Кадъ мы бѣсмо у ратъ съ московима» (Чойков. «Пѣв.» 20).

Ужь осенью 1711 года султанъ приказалъ сераксиру Ахмету пашѣ двинуться на Черную гору; но рано наступившая зима помѣшала этому походу, и походъ былъ отложенъ до лѣта слѣдующаго года. Съ первыми лѣтними днями сераксиръ во главѣ 50.000 турокъ былъ ужь у Подгорицы, а въ іюлѣ чрезъ Зету двинулся на Черную гору. «Но изъ Зеты, земли ровной,

---

хомъ по требованію, ради воинского интересу его в—ва». Интересно рѣшеніе колегіи, въ маѣ 1722. «Изъ Монтенегріи въ мон—рь требинской 1000 золотыхъ, которые въ 1712 во время у его в—ва съ салтаномъ турскимъ войны, П. Аркулей занялъ, отослать, а тѣ 1000 червонныхъ выдать изъ казны его имп. в—ва для того, что когда въ то время была у его в—ва война и писано было къ тому народу, дабы они, служа его в—ву ради христіанства, тогда жъ въ войну съ турками вступили и тѣмъ нѣкоторое отвращеніе турскимъ войскамъ учинили, и посламъ былъ М. Милорадовичь, и тотъ монтенегрійскій народъ, принявъ грамоту, тогда въ ту войну вступили и показали къ его в—ву свою службу и ревность, для которой, какъ видно, и та 1000 червонныхъ изъ того мон—ря Аркулею взаимъ дана. *И дабы тотъ народъ и впредь для такихъ случаевъ содержать въ такой же ревности и вѣрности и для того тѣ 1000 черв. выдать*». «Русскій Архивъ» 1873, III, 310. Но по справкѣ оказалось: «Аркулей въ 1712 г. ѣздилъ безъ указу и 1000 черв. взялъ изъ того м—ря *обманомъ*, заложа за печатью вещи самой малой цѣны». ib. прим. Вмѣстѣ съ Милорадовичемъ прибыли въ Россію изъ Черногоріи братья его Гаврило (и прежде бывалъ въ Россіи) и Илья, и воевода Славуй Требинскій Въ 1721 г. Головкинъ пишетъ гетману о дачѣ Ильѣ села Максимовки въ полку гадяцкомъ—«изволите къ нему, яко чюжеземному, являть вашу милость». Славуй поселился также въ Малороссіи, а въ 1721 прибылъ его братъ, Максимъ. Канцлеръ пишетъ гетману 21 сент. 1721: «Сотникъ Ираклѣвской Сл. Требинской, которой въ прошлой съ турки войнѣ, будучи въ Монтенегринѣ воеводою, показалъ къ ц. в—ву вѣрную службу съ потеряніемъ воеводства и отеч. маетностей и прибывъ потомъ ко двору просилъ милост. себѣ награжденія и въ малорос. городахъ опредѣленъ сотникомъ въ гор. Ираклѣевъ, просилъ нынѣ о братѣ своемъ Максимѣ, которой суда же прибылъ, дабы и его сотникомъ опредѣлить». («Матеріалы в. уч. арх.» I. 840. 842). Мих. Милорадовичь б. полковникомъ гадячскимъ и противъ него постоянно враждовалъ гетм. Скоропадскій (ib. 804. 809).

грамоту пишетъ царскій сераксиръ и шлетъ ее на Цетинское поле въ руки владыкѣ Даніилу: пришли мнѣ малый харачъ, а съ харачемъ три добрыхъ юнака—изъ Чева Поповича Дражка, изъ Велистова Мерваля Вукоту и сокола Мандушича Вука. Царево перо объявляетъ, что если харачъ не пришлешь, всю Черную гору сожгу, и тебя живаго схвачу, и на муки тебя поведу». Крупныя слезы полились изъ глазъ у владыки, и собираетъ онъ своихъ главарей. Послѣ долгихъ споровъ рѣшаютъ послать соглядатаевъ, чтобъ узнать, сколько войска у турокъ. Возвращается одинъ изъ соглядатаевъ и говоритъ Даніилу: «много у сераксира войска; но войско у него поболѣло, хромы кони и юнаки больны». Услышавъ это, владыка дѣлитъ своихъ черногорцевъ на три отряда: одинъ даетъ Мичуновичу Вуку и посылаетъ на Вранью Планину, другой Дюрашковичу Янку и шлетъ на рѣку Влахиню, а съ третьимъ онъ самъ пошелъ.

Вступили турки въ Черную гору. Но когда войско было на срединѣ, «ударилъ Мичуновичь Вуко и позвалъ владыку Даніила, и ударилъ владыка Даніилъ, и позвалъ Дюрашковича Янка, и ударилъ Дюрашковичь Янко. О, если бы ты поглядѣлъ, побратимъ, какъ сверкали сербскія сабли, какъ издыхали головы вражьи! Встрѣтили они деревья и каменья, и не ушелъ изъ нихъ ни одинъ. То мѣсто прозвалось — Царевъ лазъ, и всегда оно будетъ такъ прозываться!» (Милутиновичь, 58).

Такимъ образомъ, первый походъ турокъ на Черную гору въ отмщеніе за союзъ съ Петромъ былъ неудаченъ; но это страшное пораженіе пятидесятитысячнаго войска только еще болѣе раздражило султана противъ черногорцевъ. Онъ призываетъ Чуприлича визиря: «о Чупириличь, мой вѣрный слуга! Я отправилъ моего сераксира, чтобъ отомстилъ онъ за мою тяжелую скорбь, что̀ причинили мнѣ черногорцы. Но вотъ пришли ко мнѣ вѣсти, что мое войско изгинуло въ какихъ-то лѣсахъ и ущельяхъ... Возьми войска сто тысячъ, или больше, если тебѣ угодно, и иди, слуга, къ Черной горѣ скалистой, раскопай церковь на Цетиньѣ и монастырь около церкви бѣлой, куда приходятъ грамоты изъ Россіи на зло турецкое и на пакость лютую» (Чойковичь, 20).

Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1714 года, то-есть, спустя два года послѣ перваго нападенія на Черную гору, Нууманъ-Кюпрели-паша съ 100.000 войскомъ явился у границъ Черногоріи. Но зная, какъ трудно вести войну въ дикихъ горахъ

ея, онъ послалъ объявить Даніилу, что, по приказанію султана, онъ имѣетъ вступить въ мирные переговоры съ нимъ и потому просилъ прислать черногорскихъ главарей. Обрадованный предложеніемъ мира, митрополитъ дался въ обманъ, и 37 знатнѣйшихъ главарей были посланы въ турецкій лагерь. Но Кюпрели только этого и ждалъ: главари были брошены въ оковы, а турки двинулись на Черную гору. Черногорцы мужественно встрѣтили ихъ и дали отпоръ; но потомъ, будучи слишкомъ слабыми предъ врагомъ и терпя крайній недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, они были страшно разбиты и бѣжали, куда только глаза глядѣли—одни въ горы, другіе въ приморье которское. Почти вся Черная гора была въ рукахъ турокъ; множество селъ, церквей было разграблено и предано огню; Кюпрели раскопалъ церковь на Цетиньѣ и монастырь около церкви бѣлой, куда приходили грамоты изъ Россіи. Присланные главари были повѣшены. Самъ митрополитъ едва спасся въ одной пещерѣ, откуда онъ отправилъ письмо къ своему брату, нѣгушскому кнезу Раду Петровичу, въ которомъ не падая духомъ, писалъ о себѣ: «я — русскій, русскій, русскій (я самъ Московъ, Московъ, Московъ)»! (Милутиновичь, 64).

Но разоривъ страшно Черную гору, Нууманъ-паша долго не оставался въ ней: онъ спустился въ приморье, откуда пошелъ чрезъ Албанію на соединеніе съ великимъ визиремъ Али-пашей. «И взялъ у дожа-пріятеля всю Морею между соленымъ моремъ. Хвала ему, а тому отплата за его крѣпкое пріятельство, что оказалъ онъ туркамъ, предавши несчастныхъ черногорцевъ, чтобы ихъ рубили на его землѣ» (Чойковичь, 20).

Нууманъ-паша ушелъ, но все еще носило свѣжіе слѣды недавняго посѣщенія турокъ; все, что было когда-то жильемъ, представляло теперь груду развалинъ; не было спасено даже Цетинье. Но прошло не много времени, черногорцы возвратились въ свои родныя пепелища, и снова явились и села, и деревни; но создать вновь разоренный монастырь Цетинскій, церкви—было нечѣмъ. И естественно взоры черногорцевъ обратились къ «православному царю славянскому», изъ-за котораго они понесли слишкомъ тяжелый крестъ и къ которому еще прежде, до постигшей катастрофы, въ ноябрѣ 1713 года, былъ посланъ въ Петербургъ отъ владыки Даніила архидіаконъ Максимъ съ грамотой—что дѣлать черногорцамъ? «Мы съ непріятелями до сихъ поръ еще вѣрнаго мира не имѣемъ»,

писалъ въ этой грамотѣ Даніилъ, «также и венеціане озлобляютъ насъ тайнымъ лукавствомъ, сносятся съ турками къ нашему вреду, не пропускаютъ купцовъ ни своихъ къ намъ, ни нашихъ къ себѣ; торговля остановилась, и народъ живетъ въ тѣснотѣ и скудности. Премилостивѣйшій государь, царь непобѣдимый! призри на озлобленіе наше, наставь насъ, что̀ намъ дѣлать? и какъ отъ враговъ нашихъ спасеніе получить?»

Посланникъ черногорскій пробылъ въ Петербургѣ до конца 1714 года и на грамоту митрополичью получилъ отвѣтъ, что бояре и воеводы тамошнихъ мѣстъ, которые не могутъ оставаться въ отечествѣ своемъ, или хотятъ переселиться въ государство его ц. в—ва, могутъ пріѣзжать въ Россію съ свидѣтельствомъ отъ митрополита; имъ будутъ даны земли, годныя для поселенія, а денежной дачи за нынѣшнимъ военнымъ временемъ дать имъ не возможно. Монахи разоренныхъ турками областей, не имѣющіе мѣста и пропитанія, также могутъ переселяться въ Россію и жить въ здѣшнихъ монастыряхъ. Знаковъ милости царской, какъ-то портретовъ и т. п. давать теперь за мирнымъ съ турками постановленіемъ не возможно, развѣ когда турки вступятъ дѣйствительно въ войну съ венеціанами и въ такое состояніе прійдутъ, что опасности отъ нихъ не будетъ. Митрополиту архіерейскія одежды, книги и прочее церковное украшеніе дано будетъ; а грамотъ къ митрополиту и къ народу теперь послать нельзя, ибо не извѣстно, гдѣ они теперь обрѣтаются: есть извѣстія, что они турками разогнаны и укрываются по разнымъ мѣстамъ (Соловьевъ. XVI 130),

Дѣйствительно, какъ мы знаемъ, въ концѣ 1714 года Черногорію постигла страшная катастрофа, и въ Петербургѣ не ошибались. Не успѣлъ еще возвратиться домой архидіаконъ Максимъ съ отвѣтомъ отъ царя, какъ въ началѣ 1715 года прибылъ въ Россію самъ митрополитъ Даніилъ и билъ челомъ государю о несчастіи, уничтожившемъ въ конецъ Черную гору, умоляя о помощи черногорцамъ. Въ отвѣтъ на свое челобитье 9-го іюля того же года онъ получилъ отъ Петра жалованную грамоту всему народу черногорскому, гдѣ вкратцѣ излагалась судьба его въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

«Намъ, в. г—рю, извѣстно», говорилось въ грамотѣ, «какъ въ прошломъ году, когда противъ насъ салтанъ турецкій безъ всякія отъ насъ данныя причины войну началъ, вы по нашему желанію и къ вамъ письменному напоминанію чрезъ полковни-

ка нашего Михаила Милорадовича и капитана Ивана Лукичевича отъ Подгорицы, которыя отъ нихъ вручены преосвященному Даніилу Счепчевичу Негошу, и *ради единовѣрія* и *единоязычія съ нами*, и подражая древнія славы предковъ вашихъ славенскаго единоплеменнаго съ вами народа, вооружившися всенародно показали воинскія противъ того общаго христіанству непріятеля храбрыя и славныя дѣйства, за что потомъ, когда тотъ салтанъ турецкій съ нами миръ возобновилъ, прислалъ въ провинціи ваши турецкія свои войска, которыя многихъ изъ вашихъ народовъ порубили и мучительски умертвили, иныхъ же по каторгамъ развели; монастыри же и церкви пожгли и церковныя утвари и ваши пожитки разграбили, о чемъ мы какъ изъ постороннихъ вѣдомостей, такъ и чрезъ присланныхъ вашихъ къ двору нашему извѣстилися и по христіанской должности соболѣзнуемъ. И повелѣли во всемъ нашемъ православномъ царствіи въ Божіихъ церквахъ и монастыряхъ за оныхъ пострадавшихъ за вѣру христіанскую и вѣнчавшихся мученическимъ вѣнцомъ соборнѣ Бога молить и поминовеніе творить. Вамъ же, въ животѣ оставшимся ратоборцамъ, мы, в. г—рь, восхотѣли чрезъ сію нашу грамоту вашъ тотъ съ начала войны ревностный по христіанству и единовѣрію съ нами подвигъ и оказанныя воинскія дѣйствія всемилостивѣйше похвалить и за показанное намъ вспоможеніе возблагодарить. И хотя за нынѣшнею, долгопротяжною съ еретикомъ королемъ шведскимъ войною не можемъ мы по достоинству и по заслугамъ вашимъ вамъ награжденіе учинить, однако же въ знакъ нашей къ вамъ милости посылаемъ нынѣ съ преосв. Даніиломъ 160 золотыхъ персонъ нашихъ, да денегъ 5 тыс. рублей на вспоможеніе разореннымъ людямъ и большій въ тотъ случай трудъ понесшимъ. Да ему преосв. митрополиту на расплату долговъ его въ семъ случаѣ полученныхъ, и на созиданіе разоренныхъ церквей и монастырей 5 тыс. же рублей. А впредь, когда мы миръ благополучный получимъ и отъ претяжкихъ воинскихъ иждивеній освободимся, не оставимъ за ту вашу вѣрную службу нашею ц. милостію вяще вознаградить. И понеже мы имѣемъ нынѣ съ салтаномъ турецкимъ миръ и съ нашей стороны желаемъ ненарушимо содержать, сего ради совѣтуемъ и вамъ имѣть съ ними миръ. Если бы онъ снова на насъ и на государство на войну началъ, въ такомъ случаѣ мы *желаемъ отъ*

васъ снова по единовѣрію и единоязычію оружію нашему помощи» (Милутиновичь, 65).

Но кромѣ этой царской грамоты, обращенной ко всѣмъ черногорцамъ, Петръ пожаловалъ митрополита Даніила и все черногорское духовенство особою грамотой, того же 9-го іюля. Она опредѣляла отношенія послѣдняго къ Россіи.

«Прибылъ настоящаго 1715 г.», писалъ Петръ въ этой грамотѣ, «къ намъ, в. г—рю, преосв. митрополитъ Даніилъ Скандаріи, Приморья и Черной горы и предлагалъ намъ, что во время послѣдней между нами и салтаномъ турецкимъ войны народъ ихъ монтенегринскій и приморскій, по единовѣрствію съ нами и по ревности христіанской воздвигши противъ турокъ оружіе, учинилъ немалую брань и чрезъ диверсію помощь намъ, за что̀ потомъ, когда султанъ турецкій съ нами миръ постановилъ, турки, присланные въ провинцію ихъ, многихъ изъ нихъ порубили, а иныхъ по каторгамъ развели, монастыри же и церкви пожгли, и всю церковную утварь и пожитки ихъ грабили, и такъ весьма разорили и опустошили, что тѣ, которые, отъ того прежестокаго разоренія скрываясь въ горахъ и иныхъ странахъ, нынѣ возвратились, не могутъ пожженныхъ монастырей и церквей создать и построить. Вслѣдствіе этого просилъ онъ насъ преосвященный, дабы призирая на такое ихъ отъ салтана турецкаго многое разореніе, на созиданіе разоренныхъ отъ нихъ монастырей и церквей, и церковныхъ вещей, повелѣли дать архіерейское и священническое одѣяніе и книги, также и оскудѣлый ихъ народъ, для ихъ христіанства, пожаловать. И мы, в. г—рь, вѣдая подлинно, что такое разореніе благочестивой нашей вѣры монастырямъ и церквямъ и людямъ черногорскаго народа отъ общихъ гонителей христіанъ — турокъ учинилось ради единой ихъ вѣры съ нами и за то, что во время съ нами у турокъ войны они оружіе свое воздвигали, и потому. призирая на справедливое прошеніе преосв. Даніила, за показанную ими имперіи нашей вѣрную службу и христіанскую ревность пожаловали дать ему нынѣ изъ нашей казны церковные сосуды, архіерейскую и священническія одежды и въ церкви потребныя къ святой службѣ книги. Также соизволяемъ мы, в. г—рь, изъ монастыря Рождества Пресв. Бог. Цетинскаго въ предъидущія времена присыланнымъ пріѣзжать въ государство наше къ Москвѣ, и сюда ко двору нашему въ Петербургъ въ третій годъ по милостыню, а

въ пріѣздѣ ихъ быть по 2 и по 3 монаха, да по 2 или по 3 человѣка изъ бѣльцовъ, съ которыми посылать въ тотъ монастырь въ такой указный годъ по 500 рублей; да пріѣзжимъ монахамъ и бѣльцамъ давать кормъ и питье, и на отпуска жалованья и подводы противъ иныхъ такихъ же пріѣзжающихъ изъ греческихъ и другихъ подъ игомъ агарянскимъ обрѣтающихся монастырей. И когда изъ того монастыря по милостыню монахи въ государстко наше въ указный годъ съ указнымъ числомъ поѣдутъ, нашимъ фельдмаршаламъ, генераламъ, вышнимъ и нижнимъ офицерамъ, а въ городахъ губернаторамъ, комендантамъ пропускать ихъ къ Москвѣ и до резиденціи нашей Петербурга безъ задержанія и остановки, и въ дачѣ потребнаго числа подводъ, и гдѣ надлежитъ, провожатыхъ — чинить имъ вспоможеніе. А митрополиту Даніилу и впредь по немъ будущимъ митрополитамъ, іеромонахамъ и монахамъ за наше милостивое къ монастырю ихъ и народу черногорскому призрѣніе и жалованіе молить въ Троицѣ славимаго Бога о нашемъ и всего нашего ц. дома здравіи, благополучіи нашего государства и побѣдѣ на нашихъ непріятелей, за что наша ц. в—ва милость къ нимъ и впредь никогда отъемлема не будетъ. И въ увѣреніе сего въ будущіе роды нашу ц. в—ва жалованную грамоту имъ дать повелѣли» (ib. 68).

Получивъ царскіе подарки, жалованіе, грамоту, митрополитъ Даніилъ въ іюля 1715 г. оставилъ Петербургъ. Обратный путь его лежалъ чрезъ Малороссію и, вѣроятно, Польшу и Австрію. 9 іюля Головкинъ пишетъ гетману: «былъ здѣсь при дворѣ его ц. в—ва митроп. Даніилъ Скендерійскій, которой за нѣкоторую службу его къ его ц. в—ву здѣсь пожалованъ и отпущенъ со всѣми при немъ бывшими здѣсь монахи и офицеры... Въ проѣздѣ его чрезъ малороссійскіе города изволите его принять пріятно и прикажите давать ему по подорожнымъ подводы и въ протчемъ показать пріязнь и въ требованіи его вспоможеніе» («Матеріалы в. уч. арх.» I 798). Въ 1716 г. Даніилъ былъ въ Черногоріи, гдѣ, собравъ въ Цетиньѣ народную скупщину, онъ прочелъ царскія грамоты и раздѣлилъ царскія деньги.

Этимъ собственно заканчиваются сношенія черногорцевъ съ Россіей въ памятное въ исторіи южныхъ славянъ и румыновъ царствованіе Петра. Но образъ Петра «усатаго» (бркатъ, Чойковичь 87) навсегда остался въ памяти черногорскаго на-

рода, и великій царь въ народномъ эпосѣ сдѣлался идеаломъ несокрушимой силы. Пѣсня разсказываетъ, что когда въ 1828 году императоръ Николай объявилъ войну султану, и Махмудъ созвалъ диванъ,—«когда турки въ диванъ сошлися, такъ царю они говорили: если всѣ короли соединились, легко разметать этотъ союзъ; но если тебѣ русскій объявилъ войну, это намъ ни одному не мило. Богъ знаетъ, чтò кому достанется! напрасно намъ съ нимъ воевать: съ тѣхъ поръ какъ воцарился Петръ, всякій разъ, какъ мы воевали съ русскими, во всякомъ бою мы погибали; дали ему полцарства своего, а теперь онъ и это возьметъ...» Султанъ призываетъ стараго Насрадина, которому четыреста пятьдесятъ лѣтъ, но и онъ султану говоритъ: «я измала воевалъ съ русскими, и отъ ихъ страшнаго вида и храбрости сѣдые мои волосы падали. Такъ было, пока не являлся Петръ; а когда явился Петръ въ Россіи, и мы начали биться съ русскими, три раза уже волосы у меня перемѣнились и всѣ три раза кровавыя выростали» (Милутиновичь, 84).

Мы видѣли, что молдавское господарство пало вслѣдствіе неудачи, постигшей русскаго царя въ его походѣ на берега Прута, и сдѣлалось первою жертвой въ рукахъ родоначальника фанаріотовъ. Казалось, одна Валахія, благодаря благовременной измѣнѣ русскому царю и общему дѣлу своего господаря, не понесетъ на себѣ плачевныхъ послѣдствій неудачнаго похода: но и ея дни были взвѣшены и изочтены, и она также, какъ и ея сосѣдка, пала въ силу тѣхъ же обстоятельствъ, переживши ее немногими годами.

Если до 1711 года Константинъ Бранкованъ былъ приверженцемъ Россіи, то теперь онъ сдѣлался злѣйшимъ ея недругомъ. Но разъ потерянное довѣріе турокъ ему невозможно было возвратить. Уже вскорѣ по заключеніи прутскаго мира муфтій въ Константинополѣ издалъ тайную фетву, которою онъ предъ лицомъ турецкаго духовенства объявлялъ господаря валашскаго измѣнникомъ и достойнымъ казни. Правда, господарь зналъ объ этой фетвѣ, но теперь онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы загладить память о своей измѣнѣ, задобрить и снискать прежнее расположеніе Порты; но слишкомъ двадцать лѣтъ благопріятствовавшая судьба стала измѣнять старому хитрецу, и его усилія не достигали своей цѣли: сдѣлавшись врагомъ Россіи, онъ оставался въ глазахъ Порты опаснымъ человѣкомъ. Напрасно Бранкованъ издавалъ въ Вѣнѣ и въ Венеціи пасkви

ли на Россію; напрасно подъ страхомъ смертной казни запретилъ въ Валахіи какія-либо сношенія съ Россіей: въ тиши Бухарешта, въ умахъ къ нему близкихъ, вліятельныхъ бояръ были совершенно иные замыслы и думы, и въ то время какъ господарь разсыпалъ угрозы валахамъ за сношенія съ Россіей, Россія вызывала валаховъ на старую дорогу.

12-го іюля былъ скрѣпленъ прутскій договоръ, и Петръ долженъ былъ немедленно извѣстить адмиралъ Апраксина въ Азовъ о заключеніи мира, обязывавшаго его первою статьей договора возвратить азовскую область Турціи. «Хотя я николибъ хотѣлъ къ вамъ писать — писалъ царь Апраксину — о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожъ — понеже такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе недопустили. Хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть». Но чтобы закрѣпленіе балтійскаго побережья было бы дѣйствительно «несравнительною прибылью», надо было, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя вполнѣ со стороны юга, а между тѣмъ Карлъ былъ въ Турціи. Петръ хорошо понималъ, какъ отнесутся король и враги Россіи къ заключенному великимъ визиремъ прутскому миру, и долженъ былъ прежде всего позаботиться, чтобы Карлъ былъ поскорѣе высланъ изъ Турціи. Побудительное средство къ тому Петръ видѣлъ въ промедленіи отдачи Азова, и потому писалъ Апраксину не отдавать Азовъ прежде, чѣмъ не получится извѣстіе отъ Шафирова объ отъѣздѣ Карла. Но когда Шафировъ, по приказанію Петра, объявилъ великому визирю, что Азовъ не будетъ возвращенъ, пока король будетъ въ Турціи, визирь отвѣчалъ, что въ договорѣ нѣтъ никакой связи между отдачей Азова и выѣздомъ короля, и потребовалъ исполненія первой статьи договора. 19-го августа Шафировъ писалъ Головкину: «если наше обязательство не будетъ исполнено, то мы (самъ подканцлеръ и Шереметевъ) безвозвратно пропадемъ и миръ разорвется; а надобно разсудить, что и послѣ нашей погибели будетъ. Турки уже теперь ободрились и такъ пеняютъ на визиря, что до бою не допустилъ, и могутъ они собрать войска вдвое передъ нынѣшнимъ». Но Петръ по прежнему стоялъ на своемъ и отвѣчалъ Шафирову: «что же касается Азова и Таганрога, то я уже много разъ писалъ, что пока шведъ у нихъ, исполненія

не будетъ». Кромѣ того, что Петръ не хотѣлъ исполнять первой статьи, русскіе не выходили изъ Польши, и вслѣдствіе всего этого въ концѣ декабря русскимъ уполномоченнымъ было объявлено, что, такъ какъ царь нарушилъ миръ съ своей стороны, султанъ идетъ весной въ походъ. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до окончательнаго разрыва, Петръ увидѣлъ себя вынужденнымъ отдать туркамъ Азовъ, не дожидаясь отъѣзда шведскаго короля изъ Турціи. Исполненіе первой статьи прутскаго договора со стороны Петра имѣло слѣдствіемъ то, что 5-го апрѣля 1712 года былъ возобновленъ мирный договоръ. 12 мая 1712 Головкинъ извѣщаетъ гетмана: «получена здѣсь пріятная вѣдомость, что у рѣки Прута постановленной миръ, по многимъ трудностямъ, однакожь напослѣди къ состоянію пришелъ и отъ Порты подтверженъ» («Матеріалы в. уч. арх. гл. шт.» I 730). Въ силу договора 5 апрѣля Петръ обязывался впредь ни подъ какими предлогами не вводить войскъ въ Польшу, но совершенно отнять руку свою отъ этой державы. Вопросъ о Польшѣ для турокъ былъ очень важенъ. 1-го января 1712 года Шафировъ доносилъ Петру: «турки проговорились англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобы ваше царское величество отнюдь до Польши дѣла не имѣлъ и и съ войскомъ въ нее вступать не могъ, ибо если они дадутъ въ этомъ волю вашему величеству, то вы легко повоюете шведа въ конецъ и потомъ не только Азовъ отобрать, но чрезъ Польшу опять внутрь ихъ государства вступить можете».

Но не смотря на только что возобновленный договоръ, враги Россіи продолжали дѣйствовать. Шведскій посланникъ писалъ визирю, что Москва одинаковый врагъ и Швеціи, и Турціи; извѣстно что царь хочетъ сдѣлаться императоромъ греческимъ: одолѣвши шведовъ, онъ начнетъ войну съ Портой, при чемъ крѣпко надѣется, что какъ только приблизится къ границѣ, всѣ христіанскіе подданные султана перейдутъ на его сторону. Съ Августомъ царь заключилъ договоръ, по которому тотъ уступаетъ ему Подоліе, Украину, Волынь и половину Литвы. Чтобъ уничтожить всѣ замыслы Москвы одно средство —не признавать Августа королемъ, а признать Лещинскаго. Если до возобновленія договора причиною непріязненныхъ отношеній была главнымъ образомъ неотдача Азова, то теперь— Польша. Возобновленный договоръ требовалъ, чтобы Петръ немедленно вывелъ свои войска изъ Польши, а между тѣмъ

крымскій ханъ доносилъ, что русскія войска все еще остаются тамъ. Чтобъ удостовѣриться въ истинѣ донесеній хана, султанъ, по предложенію визиря, послалъ въ Польшу своего конюшаго. Шафировъ всѣ усилія употреблялъ, чтобъ увѣрить всѣхъ въ Константинополѣ, что русскихъ ни одного человѣка нѣтъ въ Польшѣ; но 26-го октября возвратился конюшій и объявилъ, что въ ней еще русскихъ войскъ много. Ясно, что уполномоченные обманывали турокъ, и они немедленно были брошены въ семибашенный замокъ, а въ концѣ ноября самъ султанъ выѣхалъ въ Адріанополь, разославши объявленіе о войнѣ, имѣющей начаться съ весны 1713 года. Поприщемъ ея по прежнему должна была быть Молдавія и Украина.

Петръ долженъ былъ готовиться. 13-го окт. 1712 Петръ приказалъ отправить въ Константинополь мѣховъ на 3 тыс.— чтобъ задобрить Порту; но чрезъ два мѣсяца сенатъ выслушиваетъ иные указы: 29 дек. собрать въ Украинѣ ландмилицію 10.000 чел. и расположить ее по крѣпостямъ, въ замѣнъ отсылаемыхъ гарнизонныхъ солдатъ въ корпусъ Шереметева; 30-го дек.—выдать жалованье «пріѣхавшимъ отъ черногорскаго народа Милорадовичу и тремъ его товарищамъ» и отправить ихъ безъ задержки изъ Москвы для участія въ войнѣ противъ турокъ (Барановъ «Архивъ» №240, 257). Участіе ихъ, очевидно, необходимо было для новыхъ сношеній съ славянами юга.

Мы выше замѣтили, что въ описываемое время, послѣ прутскаго похода, господарь валашскій Бранкованъ былъ однимъ изъ ожесточенныхъ враговъ Россіи, и грозя смертію своимъ валахамъ за сношенія съ Россіей, старался этимъ задобрить Порту. Но онъ ошибался, думая, что его угрозы имѣютъ силу: его сила въ господарствѣ была поколеблена прутскимъ походомъ, и противъ него теперь стояла сильная партія близкихъ къ нему людей—родственниковъ-враговъ, Кантакузиныхъ. Могущественные своими богатствами, надѣленные страшнымъ честолюбіемъ, они шли прямо къ престолу господарскому, «хотя», какъ замѣтилъ уже современникъ-лѣтописецъ, «положеніе ихъ было лучше, чѣмъ положеніе самого Бранкована» (Попеску въ Fragments, I прилож. H). Спаѳарій Михаилъ и Константинъ Кантакузины стояли во главѣ враждебной Бранковану партіи, а племянникъ ихъ Ѳома былъ генераломъ русской службы. Если до прутскаго похода Михаилъ Кантакузинъ не совсѣмъ пріязненно смотрѣлъ на Россію, то теперь онъ

былъ однимъ изъ горячихъ ея приверженцевъ, и лишь только явилась возможность повторенія похода 1711 года, Петръ нашелъ въ Кантакузиныхъ дѣятельныхъ пособниковъ, а волохи и сербы австрійскіе, благодаря имъ, снова выходятъ на сцену, чтобы потщиться за православнаго царя. Посредникомъ между валашскими Кантакузинами и Петромъ является Өома Кантакузинъ, жившій въ Кіевѣ.

Еще задолго до окончательнаго разрыва съ Портой, когда еще только шла дипломатическая борьба въ Константинополѣ, 25-го марта 1712 года, Петръ отправилъ отъ себя лично письмо къ спаөарію Кантакузину чрезъ серба Дмитрія Семенова. Въ письмѣ этомъ Петръ писалъ, что, получивъ лестный отзывъ о спаөаріи отъ племянника Өомы, онъ свидѣтельствуетъ ему свое высокое благоволеніе за тѣ христіанскія и полныя преданности чувства, которыя одушевляютъ его по отношенію къ русскому престолу, приглашаетъ его полагаться на его заступничество и попеченіе, которое онъ, царь, имѣетъ о всѣхъ его соотечественникахъ (ib. II 153). Но вмѣстѣ съ этимъ краткимъ и лестнымъ письмомъ самаго Петра, въ Бухарештъ къ спаөарію Михаилу было отправлено чрезъ того же серба пространное письмо канцлера Головкина, помѣченное тѣмъ же 25-мъ марта.

«Славнѣйшій и благороднѣйшій господине и пріятелю», писалъ Головкинъ, «понеже ц. в—во чрезъ доношеніе племянника вашего г. графа Өому Кантакузина и другихъ довольно извѣстенъ о вашей христіанской ревности и о непремѣнной къ его величеству вѣрной службѣ: того ради повелѣлъ мнѣ вашей милости и достойнымъ награжденіемъ не токмо персонѣ вашей, но и прочимъ вашимъ родственникамъ, въ вѣрности къ его ц. в—ву сущимъ. Что же ваша милость объявляете о горячести сердецъ православнаго народа, сущихъ подъ властію *турецкою и цесарскою*, противъ общаго непріятеля салтана турскаго, особливо же, что полковникъ сербскій Вулинъ до 20.000 въ готовности войска имѣетъ, и тотъ полковникъ Вулинъ и другой съ нимъ Тукелинъ и Хаджи прислали нынѣ отъ себя и къ ц. в—ву нарочно поручика съ объявленіемъ готовыхъ себя къ службѣ его ц. в—ва съ 10.000 человѣкъ войска и просятъ о семъ извѣстія и соизволенія отъ его ц. в—ва. А понеже врагъ всего христіанства, салтанъ турскій, весьма намѣренъ злобу свою на православныхъ христіанъ изнести и не смотря

на мирное прошлаго лѣта постановленіе и на исполненіе всего по договору со стороны ц. в—ва, хочетъ вѣроломный разрывъ мира учинить и противъ его, благочестиваго монарха нашего, войну паки вчать и не токмо что публично оную объявить повелѣлъ, но и указы о сборѣ войска къ границамъ нашимъ разослалъ и самъ въ тотъ походъ готовится: того ради ц. в—во оное салтана турскаго вѣроломство и неправедно начатую отъ турковъ войну праведному суду Всевышняго вруча, принужденъ паки справедливое свое оружіе воспріять, уповая на всемилостивѣйшее въ правду Божіе вспоможеніе. И тако всемилостивѣйше повелѣлъ мнѣ къ милости вашей писать, дабы вы, по христіанской своей ревности и знаемой къ его в—ву вѣрности, къ помянутымъ полковникамъ сербскимъ: Тукелину, Вулину и Хаджи, писали, и по извѣстному вашему искусству къ тому ихъ дѣйствительно привели, чтобъ они съ тѣмъ войскомъ, какъ они сами объявляютъ, съ 10.000 человѣкъ, или хотя и вяще, добрыхъ, конныхъ и добровооруженныхъ людей на службу его ц. в—ва противъ общаго всего христіанства непріятеля пришли, и какъ возможно скоро, къ границамъ россійскимъ въ совокупленіе съ войсками россійскими поспѣшили, и противъ того общаго непріятеля оружіе свое съ войски ц. в—ва соединили, за что имъ дано будетъ его ц. в—ва жалованье. А когда они, полковники, пойдутъ въ походъ и въ коликомъ числѣ войскъ, о томъ дали бъ знать напередъ чрезъ васъ и чрезъ нарочныхъ своихъ, посланныхъ племяннику вашему генералъ-майору Ѳомѣ, который нынѣ въ войскѣ при Кіевѣ, ибо то дѣло вручено ему; а въ тамошніе края, кромѣ вашей милости, ни къ кому о семъ отсюды не писано, и когда они въ тотъ походъ пойдутъ, то бъ они, идучи, трудились какимъ способомъ учрежденные турскіе магазейны сжечь. *Также изволите и иныхъ христіанъ, подъ властію турецкою сущихъ, къ тому побуждать и склонять приняти оружіе противъ того общаго непріятеля*, обѣщая имъ за службы ихъ его ц. в—ва милостію и награжденіемъ, и что будетъ о семъ чинитися, также и о тамошнихъ поведеніяхъ и о непріятельскихъ намѣреніяхъ, поелику возможно, навѣдався изволите къ намъ писать. Когда же тѣ войска будутъ въ собраніи, и можете увѣдомить достовѣрно, что на службу государеву придутъ и маршъ свой воспріимутъ, и ежели будутъ имѣть нужду въ деньгахъ прежде, нежели придутъ къ нашимъ границамъ,

то изволь ваша милость, или изъ своей казны, или у иныхъ кого сыскавъ, имъ дать по ефимку на каждаго человѣка, что милости вашей заплачено будетъ съ награжденіемъ, извольте въ то повѣрить; а когда они придутъ въ совокупленіе съ войскомъ ц. в—ва, то имъ дано будетъ полное жалованье, а полководцамъ особливая милость и награжденіе» (Соловьевъ, XVII прилож. 2).

Такъ какъ дѣло о сербскихъ полковникахъ, по приказанію Петра, поручалось Ѳомѣ Кантакузину, то канцлеръ долженъ былъ тогда же извѣстить о немъ послѣдняго, что тотъ и исполнилъ въ своемъ письмѣ отъ 25-го марта въ Кіевъ. Извѣстивъ Ѳому, что въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Константинополя Сербъ Дмитрій Семеновъ (правильнѣе Сименовичъ) съ донесеніями отъ Шафирова и Шереметева, Головкинъ писалъ, что Семеновъ проѣздомъ чрезъ Бухарештъ былъ у дядей его—спаѳарія Михаила и стольника Константина Кантакузиныхъ, что каждый изъ нихъ вручилъ Семенову по письму къ нему, канцлеру, и что три сербскихъ полковника, Вулинъ, Тукелинъ и Хаджи, предложили свои услуги царю. Вслѣдствіе послѣдняго предложенія, писалъ Головкинъ, онъ, Ѳома, уполномочивается царемъ войдти въ переписку съ полковниками при посредствѣ своего дяди Михаила и увѣдомить ихъ, что онъ получилъ отъ царя милостивое назначеніе предводительствовать этими вспомогательными войсками сербовъ.

Чрезъ мѣсяцъ, 26-го апрѣля, канцлеръ снова писалъ Ѳомѣ Кантакузину въ Кіевъ, прося его, чтобъ онъ вступилъ въ правильную и постоянную переписку съ дядьями своими, Михаиломъ и Константиномъ, равно какъ и съ другими лицами, ревнующими о томъ же дѣлѣ, чтобы такимъ образомъ, получая вѣрныя свѣдѣнія, можно было бы знать о всѣхъ движеніяхъ турокъ[1]).

Какъ кажется, двое изъ сербскихъ полковниковъ, предложившихъ теперь Петру свои услуги, Вулинъ и Тукелинъ, были тѣ самые полковники, о которыхъ была рѣчь выше, которые въ 1710 году умоляли Петра «не забыть ихъ, чтобъ и они могли потщиться службою своею за своего православнаго царя», но которыхъ господарь валашскій не допустилъ потщить-

---

[1]) Эта переписка Головкина съ Кантакузинами (копіи) —въ архивахъ бухарештскихъ. Fragments, II, 154, 155.

ся, Волинъ Потыседъ и Текелій. Но между тѣмъ какъ сербы и валахи такъ энергически дѣйствовали въ своихъ сношеніяхъ съ Петромъ Великимъ послѣ 1711 года, приготовляясь помочь царю своими средствами, лишь только натянутость отношеній между Портой и Россіей сдѣлалась для нихъ очевидною, 8-го марта 1713 года Шафировъ далъ знать въ Петербургъ, что султанъ «вдругъ, неизвѣстно съ какой причины, отмѣнилъ свое намѣреніе» (Соловьевъ, XVI 124). Счастливо отдѣлавшись однажды отъ прутскаго похода, Порта должна была строже отнестись къ Россіи, и султанъ образумился. Неудача, какъ видно, преслѣдовала австрійскихъ сербовъ, и имъ во второй разъ не суждено было «потщиться за своего православнаго царя», но этотъ разъ былъ послѣднимъ: сношенія ихъ прекращаются навсегда въ памятное для нихъ царствованіе Петра Великаго. Валашскіе Кантакузины должны были также остановить «свою христіанскую ревность — христіанъ, подъ властію турецкою сущихъ, побуждать и склонять приняти оружіе противъ общаго непріятеля», а въ сущности — свои интриги противъ Бранкована при помощи Петра. Петръ былъ лично доволенъ мирному извѣстію Шафирова, и въ маѣ Головкинъ предостерегаетъ Скоропадскаго, «чтобъ нигдѣ набѣговъ и нападеній не чинили (козаки) на мѣста турской области, ибо ежели то гдѣ учинится, то мнятъ, что турки паки озлобятся и трактаты разорвутъ» («Матер. в. уч. ар.» I 747).

Кантакузинымъ не удалось съ помощью Петра уничтожить Бранкована, чтобы замѣнить его собой, и они обращаются къ другому средству для достиженія своей цѣли. Средство это были доносы. Отовсюду собирались обвиненія противъ стараго господаря, и посылались въ Константинополь въ диванъ, въ глазахъ котораго, какъ было замѣчено выше, Бранкованъ послѣ 1711 года сдѣлался человѣкомъ опаснымъ. Кантакузины не могли обмануться въ вѣрности своихъ расчетовъ. Къ счастію враждебной господарю партіи, одному изъ главъ ея, извѣстному намъ стольнику Константину Кантакузину, удалось перехватить тайную переписку Бранкована съ христіанскими государями, и ею то воспользовались, чтобы наконецъ погубить послѣдняго. Было написано обвинительное прошеніе отъ имени валашскихъ бояръ; одинъ изъ сторонниковъ Кантакузиныхъ, Дмитрій Раковица, приложилъ къ нему фальшивыя подписи знатнѣйшихъ бояръ, и все это вмѣстѣ—перехваченная пере-

писка и прошеніе были отосланы въ Константинополь къ Михаилу Раковицѣ, брату Дмитрія, который и доставилъ ихъ въ диванъ. Прошеніе бояръ обвиняло главнымъ образомъ Бранкована въ измѣнѣ и именно въ томъ, что онъ былъ и находится въ перепискѣ въ царемъ русскимъ, императоромъ нѣмецкимъ, королемъ польскимъ и республикой венеціанской и открываетъ врагамъ Порты всѣ ея тайные планы, въ благодарность за что онъ получилъ отъ Леопольда княжескій титулъ священной римской имперіи, а отъ царя русскаго орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Было еще нѣсколько мѣстныхъ обвиненій.

Получивъ этотъ доносъ, великій визирь не считалъ долѣе нужнымъ откладывать дѣло, и чтобы порѣшить съ опаснымъ «алтынъ-бегомъ» (золото-князь), какъ называли въ Константинополѣ Бранкована, выбралъ страстную седмицу 1714 года. Правда, старый господарь былъ предувѣдомленъ о грозящей бѣдѣ, но онъ безпечно жилъ въ Бухарештѣ, готовясь торжественно отпраздновать въ этомъ году 25-лѣтнюю годовщину своего господарствованія. 23-го марта, во вторникъ на страстной недѣлѣ, прибылъ въ Бухарештъ капиджи Мустафа-ага, старинный другъ Бранкована. Посовѣтовавшись съ Кантакузиными, на другой день Мустафа явился во дворецъ съ 12 чогодарами. Господарь его принялъ торжественно въ тронной залѣ; послѣ обычныхъ церемоній онъ предложилъ Мустафѣ кресло, но тотъ отказался, и вынувши изъ-за пазухи черный платокъ, онъ бросилъ его на плечо господаря и проговорилъ «мазилъ» (низложенъ). Старикъ лишился чувствъ: прійдя въ себя, онъ сталъ сильно укорять султана въ неблагодарности, но былъ взятъ подъ стражу. Мустафа вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ залу совѣта и прочелъ султанскій фирманъ о низложеніи Бранкована.

Вся среда и ночь на четвергъ прошли въ заискиваніяхъ торжествовавшихъ Кантакузиныхъ у капиджи; они умоляли его даровать господарство кому либо изъ ихъ семьи. Въ четвергъ утромъ было объявлено избраніе новаго господаря, хотя этотъ вопросъ былъ еще рѣшенъ наканунѣ. Всѣ знатнѣйшіе валашскіе бояре представлялись Мустафѣ-агѣ, но ни одного изъ нихъ онъ не находилъ достойнымъ престола. Напослѣдокъ представился ему Стефанъ Кантакузинъ, сынъ стольника Константина; его онъ облекъ въ свой кафтанъ и объявилъ господаремъ. Но, строго выполняя свою роль, онъ отказался отъ этой высокой

чести, говоря, что онъ не достоинъ такихъ милостей султана; тогда присутствовавшіе бояре подошли къ его рукѣ, и каждый цѣловалъ ее: Стефанъ согласился.

На слѣдующій день, въ пятницу, былъ назначенъ отъѣздъ стараго господаря, съ семействомъ. Какъ будто ни въ чемъ неповинный, Стефанъ провожалъ своего дядю до телѣги. Прощаясь, Бранкованъ сказалъ ему: «племянникъ мой, если мое несчастіе нисходитъ отъ Господа въ наказаніе за мои грѣхи, да будетъ воля Господня; но если оно исходитъ отъ моихъ враговъ, которые желаютъ моей гибели, да проститъ имъ Небо, но да боятся они мстящей десницы Бога!» Съ этими словами печальный поѣздъ двинулся. Только чрезъ три недѣли низложенный господарь пріѣхалъ въ Константинополь и тотчасъ же вмѣстѣ съ своимъ семействомъ былъ брошенъ въ темное подземелье семибашеннаго замка. Имущество Бранкована въ Бухарештѣ было подѣлено между новымъ господаремъ и Мустафой, а часть его была отправлена въ подарокъ султану. Пораженный богатствомъ Бранкована, султанъ приказалъ пытать его и сыновей его, чтобъ узнать, нѣтъ ли у нихъ еще скрытыхъ сокровищъ. Пять дней продолжались пытки, но не привели ни къ чему. Раздраженный этимъ упорствомъ, повелитель правовѣрныхъ назначилъ казнь несчастнымъ предъ окнами сераля. Казнь была опредѣлена на 15 августа 1714 года. Приговоренныхъ вывели на дворцовую площадь; имъ былъ прочитанъ длинный рядъ обвиненій; главнымъ обвиненіемъ Бранковану была поставлена его измѣна въ 1711 году. Въ эти послѣднія минуты на плахѣ старый господарь былъ твердъ и мужественно великъ. Ему предлагали принять исламъ, но онъ былъ непоколебимъ. Онъ обратился къ дѣтямъ и сказалъ: «мужайтесь, мы потеряли все, такъ спасемъ по крайней мѣрѣ душу и омоемъ наши грѣхи собственною кровью!» Затѣмъ началось совершеніе казни. Первый былъ обезглавленъ Иванъ Викареску, казначей Бранкована; за нимъ — младшій сынъ Матвій, третій — Раду, второй Стефанъ, и наконецъ старшій Константинъ. Пришелъ чередъ отцу. Когда палачъ приблизился къ нему, онъ обернулся и увидѣлъ маленькаго внука, послѣдняго приговореннаго; въ нѣмомъ отчаяніи онъ сталъ рвать свои сѣдые волосы, но скоро опомнился, поднялъ глаза къ небу, и чрезъ нѣсколько минутъ голова старика скатилась. Маленькій внукъ, при видѣ скатывавшихся головъ, со страха забился между широкими складками

штановъ исполнителя приговора—бостанджи-баши. Сжалившись надъ ребенкомъ, турокъ поднялъ его на руки и, обратясь къ султану, молилъ его пощадить, и малютка былъ пощаженъ. Головы Бранкована и его сыновей, воткнутыя на копья, были носимы по улицамъ Царьграда, а трупы брошены въ море; но ихъ вытащили изъ воды лодочники-христіане и предали землѣ въ одномъ монастырѣ на островѣ Халки въ Пропонтидѣ (Kogalniceano, Histoire de la Valachie, 357 въ приложеніяхъ къ Fragments).

Но не долго торжествовали Кантакузины; новаго господаря, послѣдняго государя независимой Валахіи, ждала участь Бранкована. Порта, наученная опытомъ, что̀ значатъ сношенія ея христіанскихъ подданныхъ съ возраставшею годъ отъ году Россіей, можетъ быть, не не зная о прежнихъ сношеніяхъ ненадежныхъ Кантакузиныхъ съ Петромъ, сочла за благо разъ навсегда покончить съ Валахіей, за которую надо было постоянно опасаться, и весной 1716 года въ виду войны съ Австріей былъ вызванъ въ Константинополь господарь Стефанъ III и старый отецъ его, стольникъ Константинъ Кантакузинъ. Здѣсь 7-го іюня ихъ постигла участь погубленнаго ими Бранкована. Жена Стефана, Пагона, успѣла скрыться изъ Константинополя и чрезъ Италію и Вѣну пробралась въ Петербургъ, гдѣ, милостиво принятая Петромъ, провела остальную жизнь (Палаузовъ, Рум господарства, 59).

Съ казнью Стефана III пала самостоятельность Валахіи, и первый фанаріотъ-господарь на престолѣ молдавскомъ является первымъ фанаріотомъ и на престолѣ валашскомъ—въ 1716 году.

II.

КО ДНЮ 11-го МАЯ 1873 ГОДА *).

Изъ путевыхъ впечатлѣній.

«Tud' bi lehko jaz bil tak,
Al' tepêjo me po glavi!....»
(Билъ-бы я также легко, да все стегаютъ меня по головѣ—говоритъ кляча холенному коню)
Изъ краинской пѣсни.

Вмѣняя себѣ въ особенно пріятную обязанность исполнить порученіе правленія славянскаго благотворительнаго Общества дать въ краткихъ словахъ отчетъ о главнѣйшихъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ славянскомъ мірѣ въ теченіе нашего минувшаго Кирилло-Меѳодіанскаго года, я позволю себѣ отмѣрить одну половину славянства—славянъ запада, и указаніемъ нѣкоторыхъ минутъ, пережитыхъ ими въ это немногое время, позволю себѣ занять на пять, десять минутъ благосклонное вниманіе ваше, м. г.

Начиная съ сѣверо-западной окраины славянской, я долженъ начать лѣтопись признаніемъ, что положеніе славянскаго племени въ землѣ между Одеромъ и Вислой представляетъ почти что потерянную позицію. Мысль наблюдателя при этомъ невольно уносится въ страну у устья Эльбы—въ Люнебургскія

*) Рѣчь, читанная въ собраніи славянс. Общества въ Одессѣ 11 мая 1873 г. и напечатанная въ его отчетѣ за 187²/₃ г. Авторъ провелъ съ іюня по сентябрь 1872 г. въ Австріи.

степи, гдѣ еще не такъ давно жило славянство, звучала славянская рѣчь, но все это—было, да быльемъ поросло. Не говоря уже о незначительныхъ поселеніяхъ кашубовъ у береговъ Балтійскаго моря, даже такая относительно плотная масса славянства, какъ населеніе восточной Пруссіи, Познани и Силезіи, не можетъ представить противудѣйствія напирающему на нее чужому элементу съ запада. Если же до настоящаго времени этотъ пришлый элементъ давилъ туземное славянство путемъ высшей культуры и капитала, то теперь это давленіе увеличилось настолько, насколько увеличилась сила объединяющагося государства. Извѣстны откровенныя слова знаменитаго дѣятеля Германіи, что благодѣтельное вліяніе образованія въ восточныхъ областяхъ Пруссіи несовмѣстимо съ славянскимъ языкомъ. Отъ гимназіи и до низшей школы—отовсюду выбитъ языкъ народный, и даже послѣднее убѣжище мѣстнаго славянскаго нарѣчія въ школѣ—религія—потеряно въ настоящую минуту для него.

Естественно, еще тяжеле положеніе миніатюрнаго славянскаго племени — сербовъ-лужичанъ, 200 тысячнаго остатка отъ нѣкогда сильнаго балтійскаго славянства, въ восточныхъ округахъ Саксоніи и Пруссіи. Единственная ихъ опора въ неравной борьбѣ за народную индивидуальность—широко распространенное народное образованіе, извѣстная зажиточность, довольство, особенно въ Саксоніи, и эти условія, быть можетъ, спасутъ лужицкому народу его свободу, если не навсегда, то на болѣе или менѣе значительное время, и уже исчисленный почти до минуты часъ отхожденія въ вѣчность послѣдняго лужичанина въ писаніяхъ разныхъ нѣмецкихъ политиковъ (Andree) — пятьдесятъ лѣтъ, быть можетъ, долженъ будетъ отодвинуться на нѣкоторое время впередъ. Допуская даже, что въ извѣстномъ разсказѣ газеты о канцлерѣ германской имперіи и бѣдномъ сельскомъ учителѣ, издателѣ сѣренькой лужицкой газетки для народа, есть неизбѣжное преувеличеніе, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не указать на него, какъ на лучшее свидѣтельство того, что̀ значитъ народное образованіе у сербовъ-лужичанъ, правда у миніатюрнаго народа, но возбуждающаго къ себѣ всѣ наши симпатіи.

Если есть народныя стремленія, сочувствовать которымъ особенно пріятно, поддерживать ихъ особенно желательно, то это, безъ сомнѣнія, стремленія лужичанъ къ образованію. Я вполнѣ увѣренъ, что одесское благотворительное Общество

имени просвѣтителей славянскихъ IX вѣка не откажетъ въ своей матеріальной помощи лужичанамъ въ ихъ интересахъ просвѣщенія нашего времени и принесетъ свою лепту на «Народный домъ» въ Будышинѣ (Bautzen, въ Саксоніи).

Но если подвинемся далѣе на югъ—къ землѣ австрійскихъ славянъ, — и здѣсь для лѣтописи славянства за прошлый годъ приходится открыть одни скорбныя страницы.

Сила германскаго единства скоро почувствовалась на Австріи, и вслѣдъ за побѣдой при Садовой счастливому противнику пришлось торжествовать вторую побѣду въ *австрійскомъ* дуализмѣ 1867 года: конгломератъ государствъ положенныхъ другъ подлѣ друга (juxtaposita) распался на двѣ неравныя части—Цис-и Транслейтанію, и маленькая, едва замѣтная рѣчка, Лейта (Литава), получила на долго имя въ исторіи славянъ. Дуализмъ сталъ выгоденъ тому, кому менѣе всего обязана Австрія, и пагубенъ тому, кто былъ всегда ей преданъ и тѣломъ, и душой[1]). Извѣстна вамъ, м. г., та австрійская историческая истина, что насколько славянское населеніе полезно для Австріи рабочею копѣйкой и лучшими сынами своими, слагавшими головы на поляхъ Италіи и Германіи изъ-за интересовъ, имъ чуждыхъ, настолько же оно становится вреднымъ и опаснымъ, лишь только наступила минута мира. Справедливость этой австрійской истины, къ сожалѣнію, подтвердитъ намъ и истекшій годъ.

Если есть еще образовательныя заведенія, дѣйствующія на пользу народа, въ земляхъ австрійскихъ славянъ, то они содержатся сельскими общинами, не богатыми излишкомъ своихъ средствъ сословіями, асосіаціями. Естественно, чѣмъ богаче такое общество, тѣмъ богаче ея школы. Чтобы вѣрнѣе судить о значеніи частныхъ обществъ для интересовъ образованія славянскаго населенія въ Австріи, я ограничусь однимъ указаніемъ Небольшой городокъ Хрудимъ въ сѣверо-восточной Чехіи лѣтъ десять, тому назадъ вмѣстѣ съ окрестными селами образовалъ промышленное общество на паяхъ съ цѣлью основать свеклосахарный за-

---

[1]) Одинъ изъ современныхъ французскихъ путешественниковъ по славянскимъ землямъ характеръ Австріи дуализма опредѣляетъ слѣдующими, правда нѣсколько тривіальными словами: «L'Autrich a agi comme un voleur qui, menacé par un confrère, lui abandonne une part de son larcin pour jouir en repos et en sécurité du reste».

водъ. Дѣла этого небольшаго общества пошли успѣшно, и въ настоящее время оно на одинъ или два процента отъ чистой прибыли содержитъ гимназію, реальную школу, дѣвичье училище и нѣсколько мелкихъ школъ. Понятно, въ товариществахъ, подобныхъ хрудимскому, заключается сила народная, и если желательно ослабить послѣднюю, то, очевидно, необходимо наложить руку на развитіе первыхъ. Это серьезное значеніе промышленныхъ обществъ въ дѣлѣ развитія славянскаго элемента очень ясно поняли въ Вѣнѣ, и я живо помню, какое тяжелое впечатлѣніе произвело лѣтомъ прошлаго года на чешскихъ патріотовъ первое извѣстіе о закрытіи правительствомъ ссуднаго общества (založna) въ Простеёвѣ (Prostějov, Prossnitz) въ Моравіи, замаскированномъ, конечно, приличными мотивами. Дѣло въ томъ, что это общество содержало на свой счетъ чешскую гимназію. Чешскіе люди совершенно справедливо опасались за судьбу народнаго образованія, какъ перваго условія сохраненія народной личности, когда у нихъ будутъ отняты послѣднія средства —ихъ послѣднія гроши. Опасенія были тѣмъ основательнѣе, что за закрытіемъ простеёвскаго общества послѣдовали закрытія другихъ.

Но «либеральныя» прижимки въ дѣлѣ народнаго образованія со стороны Вѣны были не послѣднимъ испытаніемъ для славянъ Цислейтаніи.

Вѣнскія газеты еще полны своихъ эгоистическихъ ликованій по случаю побѣды централистовъ надъ федералистами, т. е. меньшинства населенія надъ большинствомъ—славянами, въ вопросѣ о такъ называемыхъ «прямыхъ» выборахъ. Дуалистическая сдѣлка 1867 года, разбивши государство на двѣ половины, тѣмъ не менѣе не уничтожила вполнѣ государственнаго значенія за отдѣльными «землями»: каждая историческая земля имѣла свой сеймъ, и чѣмъ значительнѣе была земля, тѣмъ компетентнѣе былъ сеймъ ея. Чешскій сеймъ, напримѣръ, по своему значенію слѣдовалъ сейчасъ-же за пештскимъ. Имперскій сеймъ въ Вѣнѣ составлялся изъ депутатовъ отъ мѣстныхъ сеймовъ, и слѣдовательно находился въ непосредственной зависимости отъ послѣднихъ: не пожелай какой нибудь сеймъ моравскій или чешскій послать своихъ депутатовъ въ Вѣну на сеймъ имперскій, и компетентность послѣдняго могла быть легко подорвана. Очевидно, подобное государственное устройство благопріятствовало славянской опозиціи въ Цислейтаніи, но

было не въ интересѣ господствующаго меньшинства. Чтобы и здѣсь ослабить значеніе славянскаго населенія, былъ выработанъ проэктъ о «прямыхъ» выборахъ въ рейхсратъ, помимо сильныхъ мѣстныхъ сеймовъ. Проэктъ этотъ на нашихъ дняхъ сталъ закономъ, и славянская опозиція понесла тяжелое пораженіе. Бѣлогорская битва 1620 г. подъ Прагой, сломившая навсегда государственную опозицію чешскихъ протестантовъ, не сдѣлала столько зла для чеховъ, руководящаго славянскаго народа въ нынѣшней Цислейтаніи, какъ этотъ законъ министерства Глазеръ-Унгерна. Если чехамъ XVII вѣка приходилось жутко отъ опеки іезуитизма, то ихъ потомкамъ нашего времени не легче приходится отъ благодѣяній вѣнскаго либерализма, руководимаго продажной журналистикой въ рукахъ сыновъ Израиля. Но справедливость требуетъ замѣтить, что проведеніемъ новаго закона о выборахъ Цислейтанія обязана славянамъ-же— сербо-хорватамъ Далмаціи и Боки Которской.

Если кому изъ славянскихъ народовъ Цислейтаніи прямые выборы и могутъ принести нѣкоторую пользу, то это словенцамъ въ провинціяхъ Краина, Штирія, Каринтія: своей государственной жизни у нихъ никогда не было, слѣдовательно терять нечего, а пріобрѣсти кое-что и можно. Но, къ сожалѣнію, борьба партій, борьба «старо-и младословенцевъ», едва-ли позволяетъ надѣяться, что настанетъ время, когда симпатичный народъ, занимающій славянскую Швейцарію — поэтическія горы Штиріи, Краины, Каринтіи, съ ихъ миѳологическими вершинами, какъ «Triglav», «Babi zôb» (зубъ), роскошными озерами, подымется до значенія нравственной единицы, когда словенскій народный поэтъ не заставитъ болѣе свою славянскую клячу отвѣчать коню нѣмецкому, на его похвальбу:

«Билъ-бы и я также легко, —
«Да все стегаютъ меня по головѣ,
«И голодный стою я въ грязи *)!...

*) Конецъ стихотворенія знаменитаго словенскаго поэта-монаха начала нынѣшняго вѣка, Валентина Водника: «Нѣмецкій и краинскій конь». Стихотвореніе это долго преслѣдовалось австрійской цензурой, какъ и самъ поэтъ, писавшій пламенныя оды Наполеону I, взывавшій къ словенцамъ—подняться (до вѣнскаго конгреса земли ихъ входили въ составъ свободной провинціи Илиріи) и сочувствовавшій Россіи. Въ переводѣ оно такъ:

Что же касается до сербовъ далматинскихъ, которые сослужили такую недобрую службу своимъ-же сородичамъ, то, безъ сомнѣнія, положеніе ихъ въ настоящую минуту много выгоднѣе, чѣмъ положеніе остальныхъ славянъ Цислейтаніи: имъ обѣщано въ Вѣнѣ, въ награду за оказанное содѣйствіе проведенію закона о прямыхъ выборахъ, допущеніе народнаго языка въ школу, судъ и администрацію, обѣщаны желѣзныя дороги и другія блага; но вмѣстѣ съ тѣмъ есть вѣроятіе предполагать, что широкія обѣщанія, вынужденныя желаніемп побѣды, забудутся скоро. Грустно же будетъ тогда вспоминать, какъ дешево, за какую ничтожную похлебку „ было продано единство дѣйствій!

Въ Транслейтаніи, въ великомъ Magyarorszag'ѣ—землѣ мадьяръ, роль нѣмецкаго элемента играетъ мадьярскій. Если еще первый имѣетъ нѣкоторое право на господство—въ силу своего образованія, то этого уже никакъ нельзя сказать о второмъ. Мадьяры велики одними —необыкновенно широкими завоевательными планами. Вся нижняя дунайская равнина до Чернаго моря, вся земля за Дунаемъ до Балканъ—все это наслѣдіе сыновъ Арпада. Рано или поздно, но всѣ народы, живущіе здѣсь, должны перелиться въ мадьяръ. Такъ мыслятъ и вѣрятъ въ Пештѣ, и немногіе сомнѣваются. Мнѣ невольно припоминаются слова, сказанныя однимъ государственнымъ человѣкомъ Венгріи, графомъ Сечени: «Надо хоть изъ камней да создавать мадьяръ!» Но не смотря на эту слабую сторону своего характера, мадьяры имѣютъ одно серьозное преимущество надъ своими славянскими сосѣдями, — у нихъ солидарность въ

Нѣмецкій конь говоритъ словенскому:
«Братъ. что ты такъ лѣнивъ въ дорогѣ?
Ноги-ли, голова не слушаются?
Или тебѣ не любо ѣсть?
Меня въ доброй холѣ держатъ,
Три раза овса даютъ,
Чистыя ноги у меня играютъ,
Шею я ношу, какъ лебедь»...
Отвѣчаетъ ему любезно краинская кляча.
«Tud' bi lehko jaz bil tak,
Al tepêjo me po glavi,
Lačnemu je stati u mlak'».

цѣляхъ, политическая выдержка, всяческое избѣжаніе розни, которая такъ близка славянскому сердцу.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ тянется безконечно-скучная борьба православныхъ сербовъ Срема, Баната между собою. Враждуютъ двѣ партіи — церковная, опирающаяся на простой народъ, и новосадская (Neu Satz, Нови Сад), «слободоумна странка». Первая руководила судьбами австрійскихъ сербовъ въ теченіе почти двухъ вѣковъ—отъ патріарха Арсенія Чарноевича, когда сербы изъ Турціи бѣжали и поселились въ Австріи въ 1690 году, и по нынѣшній день; вторая, только что образовавшаяся, желаетъ это руководство принять въ свои руки. Поводомъ къ открытой борьбѣ этихъ двухъ партій послужили богатыя церковныя имѣнія, находящіяся въ вѣдѣніи духовенства. Новосадская партія требуетъ употребленія доходовъ съ нихъ на школы, библіотеки и на другія полезныя учрежденія; но сторонники партіи клерикальной, естественно, не желаютъ дѣлиться ни съ кѣмъ своими земными богатствами. Смерть офиціальнаго главы австрійскихъ сербовъ, патріарха Маширевича, не удавшіяся попытки избранія новаго, распущенный до своего открытія церковный конгресъ въ Карловцахъ въ августѣ прошлаго года — еще болѣе усложнили взаимное недовѣріе партій. Церковная іерархія прибѣгла въ своей тяжбѣ за помощью въ Пештъ, получила ее въ лицѣ комисара, барона Майтени, и вотъ — сербское православное населеніе южной Венгріи почти годъ находится въ осадномъ положеніи своего рода—въ рукахъ мадьярскаго барона, снабженнаго самими широкими полномочіями рѣшать и вязать. Понятно, посредничество третьяго лица отзовется весьма вредно на обѣихъ враждующихъ сторонахъ, но за то приглашеніе, послѣдовавшее отъ сербскаго православнаго духовенства къ мадьярамъ — пріидите владѣть и править нами, зане порядка у насъ нѣтъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ задушевнымъ стремленіямъ господствующей расы въ Транслейтаніи.

Но много сложнѣе, а потому труднѣе отношеніе мадьяръ къ единственному историческому народу славянскому въ Транслейтаніи — къ хорватамъ. До революціи 1848 года Хорвація, или «Тріединое королевство», была независимой землей отъ Венгріи, status in statu, соединенной съ ней только личной уніей въ особѣ императора австрійскаго. Въ эпоху Баха и Шмерлинга она подвергалась всяческимъ экспериментамъ, пока

наконецъ послѣ войны 1866 года она не была отчислена къ Транслейтаніи, въ качествѣ мадьярской провинціи[1]). Это подчиненіе Хорваціи Пешту возбудило протестъ съ стороны патріотовъ хорватскихъ, и цѣлые шесть лѣтъ прошли въ непрерывныхъ и сильныхъ пререканіяхъ между Загребомъ и Пештомъ, едва не кончившихся кровавыми сценами на улицахъ въ 1870 году. Сеймы, «саборы», были закрываемы, лучшіе дѣятели народа были обносимы въ государственной измѣнѣ (вспомнимъ подложныя промеморіи, представленныя въ прошломъ году вице-баномъ Вакановичемъ пештскому министерству, какъ якобы улика противъ Россіи и ея небывалыхъ интригъ, въ частности даже противъ нашего скромнаго благотворительнаго Общества въ Одессѣ), представительные дѣятели науки шли въ добровольное изгнаніе, — такова была жизнь въ землѣ до іюля минувшаго года, когда собрался сеймъ. Онъ долженъ былъ, по мысли правительства, примирить его съ землей. Дѣйствительно, между вождями народной партіи, требующей возвращенія народу похищенныхъ у него его историческихъ правъ, и «мадьяронами», сторонниками Пешта, послѣ жаркихъ споровъ, едва не приведшихъ къ распущенію «сабора», когда народная партія требовала внесенія въ адресъ королю выраженія: «земля надѣется, что въ будущемъ правительственныя дѣйствія умирятъ взволнованную совѣсть народа», когда одинъ изъ пылкихъ вождей ея, др. Маканецъ, обращаясь къ представителю противной стороны, барону Рауху, «dem gewissenlosesten Individuum Kroatiens[2])», закончилъ свою рѣчь объ адресѣ словами: «quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra»! — состоялось соглашеніе. Было положено, что отъ загребскаго и пештскаго сеймовъ будутъ избраны двѣ «регниколярныя» комисіи, и тѣ уже опредѣлятъ заново отношенія Хорваціи къ Венгріи. Во главѣ хорватской регниколярной комисіи сталъ знаменитый епископъ Штроссмайеръ. Результатомъ ея занятій былъ переданный на разсмотрѣніе мадьярской комисіи «елаборатумъ» — проэктъ финансовой и административной реформы Тріединаго

---

[1]) Интересный разборъ за ново установившихся отношеній Хорваціи къ «матери Венгріи» послѣ «соглашенія» 1868 года см. въ анонимной брошюрѣ извѣстнаго хорватскаго дѣятеля (Кукулевича): «Die legitimen und historischen Rechte Kroatiens und der Ausgleich mit Ungarn». Wien. 1871.

[2]) «Die legitimen etc.» 59.

королевства, ставящій Хорватію въ независимое положеніе отъ Пешта по всѣмъ вопросамъ внутренняго управленія. Будетъ-ли принятъ этотъ проэктъ мадьярами — это еще вопросъ будущаго. Если позволено мнѣ высказать мое посильное мнѣніе, то, кажется, примѣръ Цислейтаніи, принявшей прямые выборы, можетъ соблазнительно повліять на ея сестру—«мать Венгрію», и справедливыя требованія хорватскихъ патріотовъ врядъ-ли найдутъ сочувствіе—безъ заднихъ мыслей—въ Пештѣ.

Что-же сказать о словакахъ, русскихъ, или, какъ насъ выучили титуловать, русиновъ той же Венгріи? Эта взаимно близкая по языку, нравамъ група славянъ, но раздробленная по вѣрѣ, представляетъ массу почти первобытнаго этнографическаго матеріала, который обильно снабжаетъ Венгрію ея лучшими патріотами (Кошутъ, Тотъ) и разсматривается въ Пештѣ, какъ лучшій элементъ, для вылѣпленія изъ него мадьяръ.

Въ заключеніе, м. г., я не могу не признаться, что чувствую себя не въ правѣ, чтобы позволить себѣ коснуться и напомнить вамъ о многознаменательныхъ событіяхъ минувшаго года у южныхъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ: болгарскій церковный вопросъ, устанавливающееся правильное развитіе государственной жизни въ княжествѣ Сербіи, въ Черногоріи, все это такія событія, которыя вамъ, м. г., какъ жителямъ южной окраины русской, близко знакомы и вполнѣ вами оцѣнены. — Могу замѣтить одно, что событія эти позволяютъ скорбному лѣтописцу славянства выразить надежду, что не всѣ позиціи потеряны, что есть еще жизнь для славянства впереди, что стеганье, можетъ быть, окончится и — скоро...

III.

ДУАЛИЗМЪ И СЛАВЯНСТВО *).

Въ тѣ памятные дни, которые останутся навсегда самыми блестящими страницами въ исторіи освобожденія южныхъ славянъ XIX вѣка, когда горсть герцеговинскихъ храбрецовъ въ новыхъ, славянскихъ Ѳермопилахъ, съ отчаяннымъ мужествомъ защищала дужскій проходъ — путь къ своему освобожденію — противъ вѣковаго врага своего рода-племени, — въ эти дни люди, которые почти съ первыхъ дней герцеговинскаго движенія требовали отъ южныхъ славянъ смотрѣть на нихъ не иначе, какъ на своихъ радѣтелей и благодѣтелей, несущихъ имъ желанную свободу, говорили устами извѣстной «Neue freie Presse» —что свобода можетъ прійти къ нимъ по тракту не изъ Петербурга, а изъ Вѣны, и съ лихорадочною поспѣшностью торопились почистить и поправить, во что бы ни стало, то орудіе, которое съ пользою уже разъ было примѣнено, въ интересѣ задавленія всякаго свободнаго славянскаго движенія — въ предѣлахъ австро-венгерской монархіи. Это орудіе—австро-мадьярскій *дуализмъ*, вышедшій изъ политической мастерской Бейста и К° девять лѣтъ тому назадъ.

Когда австрійскіе славяне, невинные политическіе дѣятели, привыкшіе къ войнѣ перьевъ и словъ, и невольно напоминающіе своимъ образомъ мыслей и дѣйствій своихъ музыкаль-

*) Напеч. въ «Гражданинѣ» за 1876 годъ № 16 и 18.

ныхъ предковъ VI вѣка, попавшихъ въ плѣнъ къ кровожаднымъ аварамъ, предприняли свое знаменитое путешествіе въ Москву на «богомолье», послѣ долгихъ прѣній — ѣхать или не ѣхать, они знали еще Австрію; но когда возвратились, Австріи уже не было. На мѣсто Австріи Бейстъ поставилъ Австро-Венгрію: въ іюлѣ 1867 года доселѣ австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ короновался мадьярскимъ королемъ. Мы можемъ себѣ вообразить изумленіе «славянскихъ вождей», когда они возвратились на родину: стараго господина уже не было, и безъ нихъ, безъ ихъ согласія, порѣшили ихъ участь сторонніе люди, а имущество подѣлили между собою. «Дочь» такимъ образомъ отплатила самою оскорбительною неблагодарностью своему «отцу». Когда нынѣшній «отецъ отечества» чешскаго произнесъ въ 1848 году свое: «Австрія должна быть», онъ съ этого момента имѣетъ всѣ права считаться «отцомъ Австріи», и двадцать почти лѣтъ она признавала его болѣе или менѣе таковымъ; но Бейстъ приказалъ ей перемѣнить свое имя на «Австро-Венгрію», она послушалась и сказала своему отцу-Палацкому, что онъ заблуждается, считая ее своею дочерью, что его дочь-Австрія—гдѣ то запропала.

Создатель дуализма имѣлъ въ виду ясную цѣль: «славянъ къ стѣнѣ»—сказалъ Бейстъ, въ отвѣтъ на заявленныя славянами въ Москвѣ идеальныя стремленія предъ русскимъ народомъ, и также ясно сознавалъ средства, которыя могли повести къ исполненію его цѣли. Бюрократическая централизація Шмерлинга желала сгладить національныя морщины на политическомъ тришкиномъ кафтанѣ Австріи при помощи нѣмецкаго утюга; но, слабый въ рукахъ бюрократа, утюгъ прошелъ, и морщины снова топырились. А между тѣмъ постоянная, хотя и мелкая, сизифова борьба съ опозиціей ослабляла силы Вѣны, а каждое ея ослабленіе подымало духъ противниковъ—мадьяра и славянина. Яснѣе всего это сказалось въ 1866 году.

Не оставалось иного исхода, какъ помириться съ однимъ изъ своихъ противниковъ у себя дома и дружными, общими усиліями если не убить, то прижать другаго. Выборъ между обоими противниками — мадьярской и славянской опозиціями, не заставилъ себя долго ожидать.

Разъ отказавшись признавать унаслѣдованныя, завѣщанныя исторіей междунаціональныя отношенія въ своемъ многоязычномъ, лоскутномъ государствѣ, габсбургскій домъ, преслѣдуя

свои династическіе интересы, поступилъ совершенно согласно съ самимъ собою, когда при выборѣ остановился на мадьярахъ, чтобы принять ихъ въ свой союзъ противъ втораго противника. На этотъ выборъ наталкивали Вѣну и практическія соображенія данной минуты, и заботы о будущности, которыя присущи каждому, кто думаетъ о томъ—какъ жить завтра.

При этнографической, исторической и политической розни въ рядахъ славянской опозиціи, при неугасшемъ даже среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ мелкомъ соперничествѣ, при отсутствіи твердости характера (въ 1846 году чехи чуть не прокляли словаковъ за ихъ литературный сепаратизмъ; послѣ революціи 1848 года въ Вѣнѣ было намѣреніе чешскій языкъ распространить на славянъ сѣверной Венгріи, но противъ этого насилія возстали и словаки, и русины; чехи признавали право на ихъ вниманіе за поляками и съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ относились къ галицкой части русскаго народа, не предчувствуя, что въ Галиціи — узелъ славянскаго вопроса; наконецъ, за деньги, изъ чеха можно было сдѣлать самое легкое орудіе чиновничьей германизаціи), естественно, если, сознавая еще политическую недозрѣлость славянской опозиціи въ данную минуту, Вѣна протянула руку второму своему противнику—мадьярамъ. Если историки западныхъ славянъ не считаютъ неудобнымъ хвалить свой народъ за его голубиный характеръ, то мадьяръ, со всей справедливостью, можетъ сказать о себѣ, что онъ человѣкъ практическаго смысла. Въ жизни милостью, падающею со стола имущаго, не живутъ — жизнь цѣнитъ характеры, настойчивость, убѣжденіе, дѣло помимо слова, — все это имѣла мадьярская опозиція, этимъ она была опасна Вѣнѣ. Вспомнимъ хоть диверсію ген. Клапки въ 1866 году, въ тылу оперирующей противъ пруссаковъ австрійской арміи, состоявшей изъ славянъ, перебѣгъ мадьярскихъ полковъ на сторону пруссаковъ и т. д. Славянская опозиція имѣла всегда какую то *археологическую* подкладку, безъ яснаго реальнаго смысла. Въ 1848 году, когда всей Европой охватило политическое движеніе, въ Прагѣ считали неприличнымъ заниматься чѣмъ либо другимъ, помимо школьнаго вопроса — писать w или замѣнить его v, писать au или ou и т. п. Естественно, если противникъ, умѣвшій заставить себя уважать путемъ дѣла, сдѣлался предметомъ исканій со стороны Вѣны, а противнику неумѣлому предоставлено прежнее право—

безсильно опонировать. Внѣ спора, мадьярамъ помогли, мимо ихъ характера, географическія и политическія особенности ихъ страны. Съ мадьярами у Вѣны являлась надежда покончить славянскіе счеты объ историческихъ реституціяхъ,—со славянами-же нельзя было справиться съ мадьярами, какъ это показалъ 48-ой годъ.

Въ виду этихъ практическихъ соображеній минуты, старый союзникъ габсбургскаго дома въ 48 году былъ принесенъ въ жертву старому врагу, когда король Францъ Іосифъ на дунайскомъ холмѣ въ Пештѣ, въ іюлѣ 1867 года, клялся предъ мадьярами — беречь неприкосновенность ихъ земли противъ враговъ—противъ *императора* Франца Іосифа и славянъ.

Но, помимо практическихъ, были еще другаго рода соображенія.

Слабосильные и неопасные въ настоящую минуту, славяне могли легко усилиться и стать единорѣшающимъ факторомъ въ дѣлахъ габсбургскаго государства, при всякой значительной перемѣнѣ доселѣшняго традиціоннаго направленія—дѣйствовать всегда противъ славянъ. Нельзя было не видѣть, что, послѣ того, какъ былъ рѣшенъ вопросъ романскій, шелъ къ своему разрѣшенію вопросъ нѣмецкій, на очереди стоялъ вопросъ славянскій, болѣе запутанный и серьозный, чѣмъ оба первые, взятые вмѣстѣ, имѣвшій уже свою вѣковую исторію, извѣстный всѣмъ и каждому подъ неточнымъ титуломъ «восточнаго вопроса». Этнографическія условія, исторія—давно уже указали на Россію, какъ на рѣшителя этого великаго вопроса; слѣдовательно, принять этотъ вопросъ въ свои руки и искренно, какъ поступала Россія, для Габсбурга было поздно и невозможно. Подымая своихъ славянъ и тѣмъ подвигая славянскій вопросъ, Габсбургъ могъ стать лишь пособникомъ Россіи, дѣйствовать согласно ея видамъ, но всегда съ перспективой впереди сдѣлаться ненужнымъ, лишнимъ человѣкомъ въ семьѣ славянскихъ народовъ, лишь только славяне достигнутъ достаточной политической силы, когда они будутъ мочь сами располагать собой. Роль политическаго прислуживанья—и то до поры до времени — не можетъ никого плѣнять, тѣмъ менѣе, тотъ домъ, который отличался всегда столько же высокомѣріемъ, сколько и малою дальновидностью, чтобы не сказать больше. Естественно, если и всѣ тѣ элементы, которые свои интересы тѣснѣйшимъ образомъ связали съ интересами габсбургскаго дома—а ихъ не мало въ Австріи: ультракатолическая церковь,

аристократія, къ какой бы этнографической группѣ она ни принадлежала, легко наживающаяся, при запутанныхъ внутреннихъ обстоятельствахъ, плутократія — въ своихъ славянахъ, хотя и слабыхъ пока, но имѣющихъ свой твердый операціонный базисъ въ Россіи, должны видѣть лишь своего противника въ будущемъ. Подать руку славянамъ, позаботиться объ ихъ усиленіи —равносильно для Австріи добровольному отреченію отъ самостоятельной дѣятельности, принесенію себя въ жертву, равносильно смерти.

Иная перспектива могла виднѣться на горизонтѣ будущаго, при усиленіи мадьяръ.

Славянскаго вопроса въ свои руки взять нельзя, оставалось выступить противъ него во всеоружіи. Чѣмъ яснѣе для каждаго непредвзятаго человѣка излишество Австріи по разрѣшеніи въ положительномъ смыслѣ славянскаго, или восточнаго, вопроса, тѣмъ энергичнѣе должна выступить Австрія въ интересѣ своего самосохраненія, ухватиться за всѣ тѣ средства, которыя могли бы противудѣйствовать, задержать, если не уничтожить, приговоръ исторіи, почти произнесенный надъ нею: *лишняя*. Но лучшаго средства не было, какъ отдаться и *всецѣло* мадьярамъ. Если отъ разрѣшенія восточнаго вопроса поколебалась бы подъ ногами Австріи почва политическая, то для мадьяръ, какъ этнографической единицы, рѣшеніе это было бы равносильно смертному приговору. Нѣтъ ни одного мадьярскаго политическаго дѣятеля, который бы серьезно, при настоящихъ условіяхъ, исповѣдывалъ прочность своего народа: только дворянинъ въ лаптяхъ—«bocskoros nemes», да полуобразованные мѣщане глубоко вѣруютъ въ будущность мадьяризма, но всегда поддерживаемые въ своемъ самообольщеніи своими вождями. «Къ морю, мадьяръ, къ морю», сказалъ графъ Сечени полвѣка тому назадъ, обращаясь къ своему подымавшемуся тогда народу, и мадьяру уже мерещится—Балканскій полуостровъ, съ его морями, его мадьярскій orszag (край)—отъ моря до моря далече; краснозеленый флагъ развѣвается на водахъ Понта, Егейскаго моря.... Но дѣйствительность ему приготовляетъ иную будущность: «мадьяръ —сказалъ въ 1872 году пештскій статистикъ Веселовскій—твоему существованію пробилъ уже одиннадцатый часъ ночи»! Кто же грозитъ его существованію, толкаетъ его въ гробъ? Славянинъ,—и вотъ—какими бы то ни было средствами продлить свое существованіе, обуздать и асимилировать славянина, а если нельзя

отвратить гибели своей, то приготовить гробъ и для своего врага—въ этихъ немногихъ словахъ старыя руководныя идеи мадьярской политики. «Намъ лучше погибнуть въ нѣмецкомъ морѣ, чѣмъ потонуть въ славянскомъ болотѣ», сказалъ однажды мадьярскій графъ Сомшичъ въ отвѣтъ на упрекъ, что мадьяре и сами о себѣ, о своихъ интересахъ, не всегда заботятся.

Если восточный вопросъ Вѣнѣ грозитъ политическою смертью, мадьярамъ—политическою и этнографическою, то интересы обоихъ факторовъ требуютъ совокупными силами пойти противъ общей опасности, прежде чѣмъ буря славянскаго вопроса успѣла разразиться надъ ихъ головами. При такомъ союзѣ Вѣны и Пешта есть хоть нѣкоторая надежда успѣть справиться съ западными и южными славянами: однимъ, хотя бы уступкой части государственной територіи Германіи, приготовить участь балтійскихъ славянъ и тѣмъ значительно сократить слишкомъ широко растянувшуюся сцену дѣйствія восточнаго вопроса и такимъ путемъ сдѣлать свободнѣе свои руки; другихъ угрозой или ловкой интригой оторвать отъ вліянія Россіи, тщательно заботясь о томъ, на сколько это будетъ возможно, чтобы Россія, разъ откинутая отъ устья Дуная, уже впередъ никогда къ нему не возвращалась. Поддержка Турціи, покровительство планамъ румыновъ, панэленизмъ, разжиганіе религіозной до фанатизма вражды католиковъ и православныхъ, поддержка племеннаго соперничества — додѣлаютъ остальное и помогутъ выйти Вѣнѣ и Пешту не только цѣлыми изъ славянскаго вопроса, но даже съ шансами распорядиться имъ, согласно своимъ видамъ. Кто въ 1867 году указалъ бы Бейсту на повтореніе 48 года — при абсолютномъ усиленіи мадьяръ, того онъ только могъ назвать, и повсему праву, политическимъ ребенкомъ: сами мадьяре могутъ только съ сожалѣніемъ говорить о своихъ дѣйствіяхъ въ 48 году, когда они сами приготовляли себѣ могилу. Что они такъ думаютъ, видно изъ абсолютнаго безсилія, такъ называемой, крайней лѣвой партіи, которой еще мерещится старый 48 годъ, и изъ полнаго забвенія его вмѣстѣ съ Кошутомъ у людей, управлявшихъ и управляющихъ дѣлами Венгріи въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ, и что особенно высказалось при смерти Деака — творца австрійскаго дуализма съ мадьярской стороны.

Здѣсь я не могу не вспомнить рѣчи извѣстнаго мадьярскаго патріота и писателя, Морица Іокая, сказанной имъ, какъ

членомъ венгерской делегаціи, въ общемъ собраніи делегатовъ обѣихъ половинъ имперіи, при обсужденіи военнаго бюджета, въ сентябрѣ прошлаго года (1875), въ Вѣнѣ. Чтобы оправдать согласіе свое и своихъ друзей (лѣвый центръ) на значительное увеличеніе военнаго бюджета, по поводу введенія въ артиллерію новыхъ пушекъ, системы Ухаціуса, Іокай сказалъ, между прочимъ: «если бы я былъ нѣмцемъ, я не задумался бы надъ вопросомъ о существованіи Австріи; австрійскіе нѣмцы, въ случаѣ, если бы монархія перестала существовать, тотчасъ же найдутъ второе отечество; но мы, мадьяре, теряемъ съ Австріей все, потому что на цѣломъ свѣтѣ мы уже не найдемъ другаго отечества». Іокай откровенно и во всеуслышаніе произнесъ то, что думаетъ про себя въ настоящую минуту каждый, понимающій себя, мадьярскій патріотъ. Никогда самая тѣсная солидарность интересовъ Вѣны и Пешта въ первомъ вопросѣ — о существованіи — не высказывалась въ такой осязательной формѣ, какъ въ словахъ Іокая, хотя и весьма наивно.

Ясное сознаніе приближающейся опасности отъ восточнаго, славянскаго вопроса заставило Вѣну забыть то, еще недалекое, прошлое, когда она сзывала славянъ подъ свои знамена, чтобы идти противъ общаго тогда врага—мадьяръ, а мадьяръ забыть арадскія висѣлицы и подвиги австрійскихъ генераловъ, послѣ того, какъ русскія войска обезоружили Венгрію. Кажется, исторія человѣчества не можетъ указать втораго подобнаго компромиса съ совѣстью, какой совершался въ 1867 году въ Пештѣ, когда тѣ самые люди, которые въ 1849 году повели на висѣлицу бывшаго министра Кошута, графа Батьяни, теперь, чрезъ нѣсколько дней по заключеніи дуалистической сдѣлки, шли за его гробомъ, при торжественномъ перенесеніи останковъ славнаго мадьярскаго патріота изъ мѣста висѣлицы въ фамильный склепъ. Въ 1854 году Вѣна удивила міръ благодарностью, въ 1867 г.—своею честностью. Очевидно, отчаянное политическое salto mortale 1867 года есть отчаянное движеніе спасти себя отъ находящаго урагана. Договоръ подписанъ — явился дуализмъ.

Договоръ Вѣны и Пешта, извѣстный подъ именемъ венгерскаго «соглашенія», есть во время принятая мѣра противъ славянскаго вопроса, есть заговоръ противъ славянъ, оборонительный и наступательный союзъ противъ нихъ, союзъ, *который съ годами можетъ укрѣпляться* и никогда не можетъ разор-

ваться, если обѣ договорившіяся стороны будутъ дѣйствовать всегда хладнокровно, руководствуясь однимъ разсудкомъ.

Но такого, въ высшей степени серьезнаго характера за «соглашеніемъ» габсбурга и мадьяръ 1867 года, по злой игрѣ судьбы, не признавали тѣ, которыхъ прежде всего оно касалось, ибо было направлено противъ ихъ шкуры — *славяне*. Съ необъяснимой легкостью отнеслись къ венгерскому договору вожди славянской опозиціи и во главѣ ея—чехи.

Мы указали выше, что шагъ Вѣны 1867 г. былъ вызванъ отчаяніемъ за будущность; но въ Прагѣ его разсматривали, какъ шалость противъ славянъ: «надо подождать нѣсколько лѣтъ, Вѣна увидитъ свой безразсудный шагъ, поворотится спиной къ мадьярамъ и вознаградитъ сторицею своихъ вѣрныхъ славянъ» (я бы сказалъ—лойяльныхъ не въ пору). Такъ утѣшались чешскіе дѣятели и убаюкивали несбыточными мечтами свое послушное стадо. Чешская опозиція вѣрила въ славянское признаніе излюбленной ею Австріи, на которое обязываетъ де ее и славянское, могущественное — на картѣ—населеніе. и потому на союзный договоръ ея съ мадьярами смотрѣла, какъ на шагъ, ведущій прямо къ союзу съ славянами и ждали поворота—безповоротнаго и, конечно, не дождались. Лишь наиболѣе слабые члены славянской опозиціи понимали серьезное значеніе добровольнаго подѣленія нѣкогда сильной Австріи на двѣ половины,—это были словаки и русскіе венгерскіе, именно потому, что они не заблуждались въ опредѣленіи своихъ силъ. Но обратимся къ фактамъ.

Намѣренія Вѣны, по заключеніи сдѣлки съ мадьярами, обозначились тотчасъ. За то, что чешская опозиція, въ роковой для габсбурга 1866 годъ, успѣла удержать чешскій народъ въ вѣрности ему, не смотря на соблазнительное приглашеніе изъ Берлина: «кажется наступило опять мгновеніе въ жизни чеховъ и моравовъ, когда они могутъ свободно рѣшить свою будущую судьбу» — такимъ языкомъ говорила извѣстная прокламація прусаковъ изъ Хрудима,—«вѣрная» Чехія была объявлена на военномъ положеніи. Затѣмъ послѣдовали репресивныя мѣры противъ чешской политической пресы, школъ, обществъ, аресты, нарушеніе основныхъ правъ земли (сокращеніе юрисдикціи чешскаго сейма) и т. д. Но стремленія Вѣны особенно ясно обозначились въ ея отношеніяхъ къ Моравіи и Силезіи, восточнымъ частямъ такъ называемаго чешскаго королевства. Въ

Моравіи чешскій элементъ систематично загоняется въ деревни, въ городахъ онъ вытѣсненъ изъ школъ, изгоняется изъ суда, чего мы еще не видимъ въ собственной Чехіи; Силезія же быстро онѣмечивается, не смотря на всѣ жалобы чешскихъ патріотовъ о нарушеніи такъ называемаго закона о національностяхъ. Когда Силезія погибнетъ совершенно для чешскаго элемента, когда Моравія очутится хотя съ чешскимъ туловищемъ, но съ нѣмецкой головой, тогда судьба Чехіи рѣшена: отрѣзанная отъ соприкосновенія съ славянскимъ міромъ чрезъ онѣмеченіе Моравіи и Силезіи, она, какъ этнографическій островъ, обрекается, хотя на медленную, но несомнѣнную этнографическую смерть. Такова тактика и послѣднія цѣли Вѣны.

Естественно, чѣмъ слабѣе противникъ, тѣмъ сдержаннѣе дѣйствія противъ него; напротивъ, чѣмъ онъ опаснѣе, тѣмъ рѣшительнѣе эти дѣйствія. Этимъ объясняется неодинаковый образъ дѣйствій Вѣны и Пешта, по отношенію къ славянамъ. Западные славяне—чехи — менѣе опасны Вѣнѣ чѣмъ славяне венгерскіе мадьярамъ, отсюда въ дѣйствіяхъ Вѣны замѣчается хотя нѣкоторое приличіе, въ дѣйствіямъ же Пешта одна брутальность. Когда, весной прошлаго года, сербскій депутатъ, М. Политъ, указывая на незаконность мадьярской гегемоніи, замѣтилъ, что и законъ, и статистика ясно говорятъ, что Венгрія есть государство *народностей*, министръ Тиса, дрожащимъ отъ раздраженія голосомъ, отвѣчалъ, что въ Венгріи есть *одна народность—мадьярская*, и мадьяре съумѣютъ найти *средства* заставить не мадьяръ смотрѣть на себя именно такъ, и изъ Венгріи сдѣлать государство *мадьярское*.

Перечислять ли всѣ эти попытки венгерскаго правительства, которыя вполнѣ подтверждаютъ слова Тисы? Вспомнимъ уничтоженіе военной границы, опасной—по сосѣдству съ княжествомъ Сербіей и по памяти 48 года; борьбу съ сербами въ такъ называемой воеводинѣ въ церковномъ вопросѣ—съ цѣлью отнять у сербскихъ общихъ средства къ образованію народа, получаемыя ими изъ завѣщанныхъ ихъ предками церковныхъ и монастырскихъ имуществъ; закрытіе, безъ указанія причинъ, у словаковъ на нищенскій грошъ народа основанныхъ прогимназій и гимназій въ св. Мартинѣ, Зволенѣ, Великой Ревучѣ, гдѣ еще развивался національный духъ словака; закрытіе единственнаго литературно-ученаго общества—Словацкой Матицы, общее гоненіе на панславистовъ, подъ каковымъ именемъ разумѣется каждый,

кто съ сочувствіемъ относится къ Россіи, попытки внести мадьярскій языкъ даже въ славянскую церковь русиновъ сѣверныхъ комитатовъ и т. д. и т. д... Разсматривая всѣ эти дѣйствія мадьярскаго правительства, мы ясно видимъ конечныя цѣли его: общую мадьяризацію и — въ возможно скорѣйшемъ времени. Иной вопросъ: дозволятъ ли обстоятельства осуществиться мадьярскимъ мечтамъ? «Всѣ средства освящаетъ миссія мадьярскаго народа на юго-востокѣ Европы —все омадьярить и уничтожить славянъ», кричатъ съ парламентской трибуны, трубятъ газеты. Но всѣ эти вожаки мадьяризма забываютъ дѣйствительность, не говоря о томъ, что эта миссія столько же необходима для человѣчества, сколько миссіонерская дѣятельность турокъ среди тѣхъ же славянъ. «Мадьярамъ — говоритъ мюнхенскій академикъ Леэръ въ отвѣтъ на эту пошлую похвальбу—нужно выказать еще много благороднаго и великаго, иначе исторія человѣчества тотъ годъ, когда они у Мункача спустились въ венгерскую равнину, отмѣтитъ на всегда траурной каймой. Остайся они въ степяхъ черноморскихъ, Венгрія развилась бы также, какъ напр. Чехія или Польша — была бы славянскимъ государствомъ, подъ руководствомъ или словаковъ, сербовъ, или даже нѣмцевъ» [1]).

Но, какъ бы то ни было, года проводили славяне Цис-и Транслейтаніи въ чистилищѣ, уготованномъ для нихъ договоромъ 1867 года; но они никогда не переставали глядѣть съ надеждой на Вѣну, оттуда ждали своего спасителя. Былъ даже моментъ, когда, казалось, надежда эта близка была къ осуществленію. Въ сентябрѣ 1871 г. императоръ Францъ Іосифъ обѣщалъ исполнить требованія чешской опозиціи, возстановить «корону св. Вячеслава», а обѣщаніе это уже не одинъ разъ повторялось съ 1848 года; но слово, данное сегодня, было взято завтра. Императоръ пообѣщалъ то, что выполнить было не въ его власти: Европа 71 года уже не была Европой 67

---

[1]) «Die Madyaren und andere Ungarn». Leipzig 1874, 27. Но честный маклеръ иначе думаетъ о мадьярахъ: «только нѣмцы и мадьяре — сказалъ Бисмаркъ изв. Іокаю въ 1874 г.—способны властвовать въ Австріи. Остальные народы родятъ хорошихъ солдатъ, однако талантъ общественнаго управленія, государственное образованіе имѣютъ одни нѣмцы да мадьяре» («Pokrok» 1874, № 64). Есть и здѣсь доля правды, по отношенію къ настоящему.

года. Если обѣщаніе дано было искренно, то въ немъ должно видѣть легкомысліе; если притворно, то — политическій маневръ, съ цѣлью еще болѣе сбить съ пути славянскую, чешскую опозицію, усиливъ въ ней ея старое вѣрованіе—мессія выйдетъ изъ Вѣны.

Урокъ 1871 года имѣлъ отрезвляющее дѣйствіе лишь на одну, весьма слабую, часть чеховъ, на такъ называемыхъ юныхъ чеховъ. Они перестали обманывать себя на счетъ Вѣны, стали указывать на выходъ изъ борьбы съ Цислейтаніей въ развитіи и укрѣпленіи внутреннихъ силъ народа, въ связи съ цѣлымъ славянствомъ и его историческимъ представителемъ, Россіей, въ связи съ положительными силами современнаго европейскаго общества, и не переставали вычитывать своему могущественному противнику — *старочехамъ*, что они обманываютъ себя и народъ, поддерживая вѣру въ Вѣну, играютъ въ опасную игру. Въ отвѣтъ на это предостереженіе друзей народа, старочехи обзывали ихъ почти что измѣнниками и говорили: «подождите, прійдетъ 1876 г., настанетъ время обновленія невыгоднаго для насъ и вообще славянъ договора 67 года, договоръ будетъ уничтоженъ, и мы будемъ господами въ Австріи»!

Ждали и—дождались. Въ началѣ декабря прошлаго года венгерское министерство объявило цислейтанскому, что оно требуетъ пересмотра торговыхъ договоровъ, т. е. пересмотра, а не простаго обновленія «соглашенія» 67 года. Никому не было тайной, какія цѣли имѣлъ преслѣдовать пересмотръ соглашенія: уменьшить расходы Венгріи на обще-имперскія нужды и увеличить средства ея насчетъ другой стороны—Цислейтаніи. Каждый видѣлъ, что счастливые мадьяре и безъ того слишкомъ немного тяготъ государственныхъ несутъ на себѣ и слишкомъ большими выгодами пользуются въ государствѣ, что если привилегированное положеніе мадьяръ имѣетъ свое оправданіе въ запутанности внутреннихъ отношеній Австріи, то тѣмъ не менѣе оно не должно осложнять этой запутанности. Посыпались статьи, брошюры противъ Венгріи и ея привилегій, въ Вѣнѣ заговорили даже противъ принципа дуализма. Однимъ словомъ, было видно, что вопросъ о пересмотрѣ договора 67 года не обойдется безъ столкновенія обоихъ владыкъ Австріи—Вѣны и Пешта, и являлась надежда у опозиціи, что та и другая сторона будетъ заискивать расположенія у славянъ.

Славяне радовались и потирали себѣ руки, и, какъ увидимъ, напрасно.

Въ началѣ марта начались предварительные переговоры по пересмотру «соглашенія». Политическая ситуація Европы благопріятствовала Австріи, мадьярамъ, для начатія переговоровъ.

Герцеговинское возстаніе, благодаря двусмысленности Австріи выскользнувшее изъ рукъ австрійской политики и принявшее было опасный для Австріи оборотъ, пробуждая всеобщія симпатіи Европы, становясь болѣе и болѣе дѣломъ Европы и цивилизаціи, въ началѣ этого года въ Вѣнѣ и Пештѣ могли считать, если не вопросомъ поконченнымъ, то имѣющимъ окончиться въ самомъ близкомъ будущемъ, и въ благопріятномъ смыслѣ для обѣихъ, живо заинтересованныхъ въ юго-славянскомъ вопросѣ, сторонъ: цислейтанскихъ конституціоналистовъ и мадьяръ. Я употребилъ выраженіе, «выскользнувшее изъ рукъ», и на него обращаю вниманіе. Недалекое будущее поставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что герцеговинское возстаніе началось съ указанія Вѣны, а пока извѣстны слѣдующіе факты: первые поднялись герцеговинскіе католики по границѣ съ Далмаціей, которая за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ была осчастливлена впервые пріѣздомъ Франца Іосифа; первые повстанцы дрались подъ черножелтымъ, т. е. австрійскимъ знаменемъ, считая въ рядахъ своихъ не мало австрійскихъ солдатъ. Не трудно понять основанія надеждъ Вѣны и Пешта на скорое умиротвореніе славянскихъ областей на югѣ: они расчитывали на обаятельное дѣйствіе проекта умиротворительныхъ реформъ «великаго» канцлера мадьярскаго, который, какъ откровенно признаются теперь мадьярскія газеты («Pesther Lloyd» 11 мая 1876 г.), стремился къ одной цѣли—ловко загнать высвобождающихся славянъ снова подъ турецкое ярмо, и, такимъ образомъ, отсрочить рѣшеніе юго-славянскаго вопроса до болѣе удобнаго времени. Расчетъ основывался, естественно, на моральной поддержкѣ проекта Андраши со стороны всѣхъ государствъ Европы. Опасность отъ герцеговинскаго вопроса почти миновала—тѣмъ свободнѣе чувствовали себя теперь мадьяре и цислейтанцы, чтобы заняться своимъ домашнимъ вопросомъ.

Пештъ первый завелъ рѣчь о пересмотрѣ, ему принадлежало первое слово. Какъ условія для обновленія стараго союза, мадьяре потребовали измѣненія договора 67 года, въ слѣдую-

щихъ вопросахъ: размѣръ суммы, уплачиваемой Транслейтаніей на общегосударственные расходы (33 процента), долженъ быть уменьшенъ; Венгрія получаетъ самостоятельный банкъ съ правомъ выпускать свои кредитные знаки и участвуетъ въ барышахъ, получаемыхъ Цислейтаніей съ акциза на сахаръ, пиво, спиртъ и въ таможенныхъ доходахъ. Ясно, требованія Венгріи имѣли прежде всего финансовый характеръ, метили къ одному—увеличить государственныя средства Залитавской половины насчетъ кармана союзника, о которомъ впрочемъ мадьяре хорошо знали, что его финансы не многимъ завиднѣе турецкихъ, а главное требованіе— дѣлежъ акциза, такъ называемаго Verzehrungssteuer,—такъ какъ эта статья, налогъ на потребленіе, источникъ жирный. Всѣмъ этимъ требованіямъ была предпослана алтернатива: Вѣна имѣетъ принять эти пункты Пешта, если желаетъ союза; иначе разрывъ, персональная унія.

Начались совѣщанія. Мадьрское министерство поставило свои требованія категорически; также коротко отвѣчали на нихъ вѣнскіе министры—отказомъ на всѣ четыре условія договора. Привыкши къ единодержавію въ Австріи, привыкши видѣть въ Цислейтаніи политическаго, по нуждѣ необходимаго, прихвостня, не болѣе, Тиса не ожидалъ такого оборота и былъ пораженъ смѣлостью противной стороны. Газетные прислужники той и другой стороны забили въ набатъ — «горитъ домъ» и—все зашевелилось. Пештъ пригрозилъ Вѣнѣ разставить таможенныя будки по границѣ съ Цислейтаніей и тѣмъ подорвать фабричную и вообще промышленную дѣятельность послѣдней: вывозъ произведеній австрійскихъ главнымъ образомъ направленъ въ Венгрію и сосѣднія земли. Вѣна отвѣчаетъ своей угрозой: мы также запремъ ввозъ зерноваго хлѣба и вина изъ Венгріи. Пештъ грозитъ пугаломъ *славянской опозиціи*: «если Вѣна не принимаетъ моихъ условій, ихъ примутъ славяне», но Вѣна стоитъ на своемъ и отвѣчаетъ: «первый нашъ врагъ—Венгрія». Въ Пештѣ устраиваются факельныя шествія въ честь тѣхъ, кто мечтаетъ о персональной уніи; съ трибуны ораторы кричатъ въ народъ: «Вѣна желаетъ насъ обобрать, обнищить». Раздраженіе растетъ. Проходитъ пасха, напряженность отношеній увеличивается болѣе и болѣе. Телеграфъ разноситъ грозныя извѣстія. Тиса подаетъ въ отставку, и въ Пештѣ весьма недвусмысленно указываютъ на возможность

повторенія событій 48 года, если управленіе перейдетъ въ руки непарламентскаго министерства. Къ началу мая натянутость доходитъ до высшей точки,—какъ вдругъ, по волшебному мановенію, забывается вражда, и обѣ стороны торопятся подписать 2-го мая миръ—новый договоръ, на новые десять лѣтъ.

Кто побѣдитель, кто побѣжденный? Кто заговорилъ о мирѣ, кто диктовалъ его? Безъ побѣдителя, безъ побѣжденнаго окончилась война. Тиса отказался отъ своихъ существеннѣйшихъ требованій: квоты, банка, налога на потребленіе; Ауершпергъ согласился на увеличеніе ввозной пошлины съ произведеній, которыми богата Венгрія (хлѣбъ, скотъ), и предоставилъ мадьярскому правительству участіе въ операціяхъ вѣнскаго банка и въ акцизѣ.

Результатъ не отвѣчалъ остротѣ, съ которой велись переговоры, и напередъ можно было видѣть, что условіями новаго договора не удовлетворятся ни довѣрители Тисы, ни довѣрители Ауершперга.

«Хорошо, что выработано наконецъ новое соглашеніе», запѣли unisono оффиціозныя газеты Цислейтаніи и стали выхвалять государственную мудрость своихъ министровъ. Но не похвалу услышали министры отъ органовъ большинства рейхсрата, большинство было огорчено уступкою, а крайнія газеты («Deutsche Zeitung» и др.) готовы были обвинить Ауершперга въ предательствѣ.

«Не забьется высоко сердце мадьяра отъ новаго договора, не произведетъ онъ радости въ Венгріи», пишетъ оффиціозный «Pesther Lloyd» при первомъ извѣстіи объ окончаніи переговоровъ; но въ то же время признаетъ крайнюю необходимость соглашенія и въ той формѣ, какая подписана была 2 мая. Но не такимъ языкомъ заговорила партія, идеалъ которой —48 годъ. Возвращающагося въ Пештъ Тису люди эти встрѣтили слѣдующимъ привѣтомъ: «не забывай, что народъ и партія не одно; ты умеръ для него 3 марта 1875 г. (партія Тисы слилась съ правительственной, деаковой), когда прозвонилъ надъ тобой погребальный колоколъ твоему нравственному кредиту; 2 мая 1876 г. ты похоронилъ свою государственную цѣнность».

Очевидно, обѣ половины имперіи съ неудовольствіемъ взглянули на новый договоръ, каждая на основаніи своихъ взаимопротивурѣчащихъ соображеній, и каждая обратилась къ

своимъ избранникамъ съ однимъ и тѣмъ же укоромъ—въ уступчивости. Ни Тиса, на Ауершпергъ не могли не предвидѣть, въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ переговоры, что договоръ 2 мая только и могъ произвести впечатлѣніе, невыгодное для каждаго изъ нихъ, что ожиданія ихъ не удовлетворятся —и, тѣмъ не менѣе, подписали договоръ. Ясно, лишь слишкомъ серьезныя обстоятельства, серьезные интересы, интересы, высшіе отдѣльныхъ интересовъ каждой половины, были въ состояніи принудить оба министерства на такой шагъ — обмануть своихъ довѣрителей.

Какія же обстоятельства, какіе интересы, одинаково обязательные для Цис-и Транслейтаніи, могли оказать такое подавляющее дѣйствіе на договаривающіяся министерства? Что заставило ихъ поспѣшить согласиться на условія, одинаково непріятныя обѣимъ половинамъ имперіи?

«Всякій внутренній разладъ можетъ рѣшительно повліять на международное положеніе Австріи», произнесъ Андраши, какъ новая Пиѳія, и слова его рѣшили споръ.

На что указывалъ Андраши? И близорукому было видно то страшилище, которымъ пригрозилъ общеимперскій министръ —страшилище *славянскаю вопроса*[1]).

Проектъ 30 декабря Андраши увеличилъ только сумму тѣхъ благодѣтельныхъ постановленій на бумагѣ, которыми уже такъ давно пытались осчастливить южное славянство, и на знаменитыхъ суторинскихъ переговорахъ герцеговинцы представили свой проектъ умиротворенія; вопросъ герцеговинскій принималъ

---

[1]) Славянскій вопросъ не даетъ покоя, не смотря на самыя успокоительныя завѣренія изъ Берлина. Не могу не воскресить откровенной бесѣды кн. Бисмарка съ изв. мадьяромъ Іокаемъ, о которой уже говорили выше. «Вашъ король—успокаивалъ канцлеръ песимиста-Іокая—популярный и любимый человѣкъ въ Венгріи. Всѣ племена ему вѣрно преданы. *Будьте покойны, согласіе, на которомъ зиждется ваша будущность, не будетъ нарушена никакимъ вліяніемъ извнѣ, а кто бы пожелалъ нарушить миръ Австро-Венгріи, тотъ нашелъ бы противъ себя Германію.* Зачѣмъ Россіи Венгрія? дѣла у ней своего много... Отъ Галиціи могла бы быть пріобрѣтена часть, что населяютъ русскіе: но три миліона полудикихъ (!) — къ чему они ей?» Бисмаркъ не забылъ успокоить Іокая даже на счетъ Трансильваніи: «присоединеніе ея къ Россіи или при помощи ея къ кому либо — смѣшная басня». Но Іокай не успокоился и пожаловался на русскихъ агентовъ, которые «бунтуютъ (будто-бы) народы Венгріи». Это было въ 1874 г., см. чешск. газету «Pokrok» 1874 № 54.

размѣры общеевропейскаго вопроса, принималъ острый и опасный характеръ для Австріи. И достаточно было указанія на славянство,—и Тиса, и Ауершпергъ поняли, гдѣ и кто ихъ общій врагъ, очнулись отъ горячки преній и подписали договоръ 2 мая, чтобы быть готовыми во всеоружіи встрѣтить грозу восточнаго вопроса, съ увѣренностью услышать порицаціе отъ своихъ разнуздавшихся довѣрителей. Будутъ бранить Тису, Ауершперга за 2 мая, но скоро опомнятся обѣ стороны, Пештъ и Вѣна, и убѣдятся, что правильнѣе, съ точки зрѣнія интересовъ обѣихъ сторонъ, не могъ поступить никто, чѣмъ какъ поступили Тиса и Ауершпергъ.

Славянскій вопросъ есть опредѣлитель въ каждую минуту внутренней политики Австріи, есть опредѣлитель положенія Австріи во всѣхъ международныхъ вопросахъ европейской политики. Если славянскій вопросъ продиктовалъ договоръ 2 мая, то, очевидно, результатъ этого договора, старый дуализмъ, есть сила, направленная противъ славянства—и своего, и не-своего, есть *отрицаніе славянства*, короче—оборонительный и наступательный союзъ противъ славянства. Въ славянскомъ вопросѣ дуализмъ имѣетъ свое происхожденіе и свое объясненіе. Пройдетъ десять лѣтъ, настанутъ новые переговоры, подпишется третій договоръ, но характеръ останется старый—союзъ мадьяръ и габсбургцевъ противъ славянъ. Ребячество было бы порицать Австрію, что она заботится объ *австрійскихъ* интересахъ, но уже не ребячество полагать и твердить, что когда нибудь *австрійскіе* интересы могутъ стать *славянскими*, т. е. не австрійскими. «Я послѣдній подамъ голосъ за конституцію», говорилъ нѣкогда Меттернихъ; «я буду послѣдняя, которая подастъ голосъ за славянство», говорила и говоритъ Австрія договоромъ 2 мая 1876 года.

Такова единственно вѣрная точка зрѣнія на дуализмъ и его отношеніе къ славянству. Понятно, какъ непріятны для русскаго чувства толки нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, которыя силятся доказать въ образѣ дѣйствій Австріи къ юго-славянскому вопросу тѣ же черты прямоты и безупречности, что мы привыкли находить въ унаслѣдованныхъ исторіей дѣйствіяхъ русской политики, Россіи.

Прага, 3/15 мая 1876 г.

IV.

ЧЕХИ НАСТОЯЩЕЙ МИНУТЫ *).

(Не славянскія мысли при юбилеѣ Палацкаго).

Было время, и очень недавно оно минуло, когда небольшое королевство чешское, какъ называютъ свою землю націоналы, держась старой исторической номенклатуры, чешскій край—Gebiet, какъ называютъ ту же страну—въ пику націоналамъ, нѣмецкіе и еврейскіе конституціонисты Цислейтаніи, высоко стояло въ научной и политической дѣятельности австрійскихъ славянъ, считалось, по всему праву, передовымъ бойцомъ за культурные и нравственные интересы внѣрусскаго славянства, не только по своему историческому прошлому и географическому положенію страны и народа, но и по своей интелектуальной силѣ и энергіи.

Это было время Юнгманна, Шафарика, Ганки, Челаковскаго, работавшихъ на полѣ славянской науки, время пока единственнаго, великаго чешскаго публициста и ѣдкаго сатирика, Гавличка-Боровскаго, широкій кругозоръ котораго развился и окрѣпъ въ широкой жизни Россіи, его достойнаго друга, графа В. Дейма, д-ра Ригра, Сладковскаго и др. Время плодотворной дѣятельности этихъ людей, работавшихъ на разныхъ поприщахъ, но сходившихся въ одномъ — въ желаніи поднять свой народъ и служить безкорыстную службу цѣлому славянству, обнимаетъ сороковые и часть пятидесятыхъ годовъ.

Но, мало по малу, сходятъ со сцены первые люди чешской науки: Юнгманнъ, Челаковскій, Шафарикъ, Ганка, — про-

---

*) Напечат. въ «Гражданинѣ» за 1876 г. № 20.

ходятъ года и жизнь не выработала никого, кто могъ бы быть достойнымъ продолжателемъ дѣятельности знаменитыхъ работниковъ науки. Счастливѣе были чехи въ своей политической дѣятельности. Правда, послѣ преждевременной смерти Гавличка, нельзя указать никого, кто бы въ своей дѣятельности могъ сравняться съ отцомъ чешской публицистики—по силѣ таланта, умѣнью цѣнить людей, дѣйствовать на народъ, по широтѣ своихъ политическихъ взглядовъ; но все же остались люди, воспитанные еще на идеяхъ поколѣнія Шафарика и Ганки, и продолжавшіе съ хорошимъ успѣхомъ работу Гавличка, въ интересѣ политическаго пробужденія и развитія народа. Во главѣ этихъ политическихъ дѣятелей стоятъ, несомнѣнно, старые—Ригеръ, Сладковскій, съ своими друзьями младшаго поколѣнія.

Абсолютизмъ Баха придержалъ на время развитіе чешской жизни; но война 1859 года прозвонила отходную пѣснь старой системѣ, и Австрія получила конституцію, сфабрикованную Шмерлингомъ. Оскорбленія, нанесенныя конституціей Шмерлинга искусственной комбинаціей выборовъ, предоставившей нѣмецкому меньшинству чешскаго королевства ($1^1/_2$ мил.) преобладаніе надъ славянскимъ большинствомъ ($3^1/_2$ мил.), подняли чеховъ противъ Вѣны: явились газеты стараго духа—48 года; развилась политическая литература; закладывались общества, школы—національнаго направленія, театры, словомъ, во всемъ была видна бойкая политическая жизнь. Равноправность національностей чешской и нѣмецкой и реституція исторической короны св. Вячеслава, т. е., соединеніе Чехіи, Моравіи и Силезіи въ одно политическое тѣло, которая обѣщана была еще въ мартѣ 1848 г. императоромъ Фердинандомъ въ извѣстномъ рескриптѣ къ Пиллерсдорфу, — въ этихъ двухъ требованіяхъ заключалась сущность политической програмы чеховъ 1861 года. Опозиція мадьярская отказалась отъ участія въ первомъ Шмерлинговомъ имперскомъ сеймѣ 1861 г.; чехи явились, чтобы заявить свои требованія и вышли. Съ этого времени начинается исторія пасивной политики чеховъ, выражающейся въ отказѣ отъ какого бы ни было участія въ австрійскихъ дѣлахъ — хотя никогда не переставалъ участвовать, безъ ихъ согласія, ихъ карманъ.

Много великихъ событій, потрясшихъ прежнее политическое значеніе Австріи, совершилось въ политической жизни

Европы, и особенно, средней, въ теченіе шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ; но они не имѣли вліянія на измѣненіе положенія чеховъ въ Австріи къ лучшему, несмотря на то, что, по одному географическому положенію, Чехія не могла не принимать участія въ этихъ роковыхъ для Австріи событіяхъ. Во главѣ ихъ стоитъ война 66 года и слѣдствія ея — изгнаніе Австріи изъ нѣмецкаго «бунда» и первыя попытки къ политическому объединенію Германіи. Послѣ того какъ Бисмаркъ прокламаціей изъ Хрудима безуспѣшно соблазнялъ чеховъ передаться на сторону Пруссіи, но чехи остались вѣрны Австріи, можно было надѣяться, что Вѣна сторицею вознаградитъ чеховъ за ихъ «лойяльность» — не то что только выполнитъ ихъ требованія національной равноправности и административнаго объединенія Чехіи, Моравіи и Силезіи: — но не такъ было на дѣлѣ. Вѣна отблагодарила чеховъ за ихъ лойяльность нѣсколькими висѣлицами да объявленіемъ военнаго положенія въ Прагѣ, въ то время, какъ мадьярамъ, начинавшимъ было уже бунтовать, при приближеніи прусаковъ къ границамъ Венгріи, съ генераломъ Клапкой во главѣ, въ благодарность за ихъ «нелойяльность», даровала полную самостоятельность, поступилась цѣлостностью имперіи, ринесла даже въ жертву матеріальные интересы своихъ невенгерскихъ земель, чтобы только угодить мадьярамъ.

Урокъ 1867 года, показавшій, что Австрія отнынѣ не Австрія до Садовой, долженъ бы былъ имѣть сильное вліяніе на политическую програму чеховъ: лойяльность къ Вѣнѣ и безучастіе въ дѣлахъ правленія не оправдали надеждъ. Правда, онъ имѣлъ вліяніе, но прямо противуположное: благостыни, полившіяся на мадьяръ, утвердили еще болѣе въ умахъ чеховъ мысль, что пасивная ихъ политика приведетъ къ тому, что въ одинъ прекрасный день, когда Вѣна не будетъ болѣе нуждаться въ мадьярахъ (но чехи не дали себѣ труда зрѣло обсудить вопросъ:—можетъ ли когда нибудь наступить такое время), тѣ же благостыни посыпятся и на нихъ, и пражскіе Шмерлинги повторяли Вѣнѣ: Wir können warten—мы можемъ ждать.

Министерство бюргеровъ—Искры, Гербста—было особенно тяжело чехамъ: они безропотно сносили экзекуціи, безсудные аресты, закрытія обществъ, и только жалобными, умильными очами, обращенными къ Вѣнѣ, говорили ей съ укоромъ: «за что-же мы терпимъ, вѣдь мы ни въ чемъ не виноваты»?

Но Вѣна не внимала: жала сильнѣй и только въ одномъ отношеніи усугубила свои заботы о чехахъ—сугубо тянула деньги изъ чешской мошны, а k. k. Baugesellschaft въ Вѣнѣ воздвигало театры, музеи, зданія подъ министерства, выравнивало бастіоны, проводило Ring'и—и все это на чешскія деньги.

Война 1870 г. оживила чеховъ, и, казалось, наступила минута исполненія ихъ завѣтныхъ мечтаній.

Германія стала грозной силой; династическіе интересы Австріи заговорили, и къ упроченію лоскутнаго государства была призвана *федералистическая* партія—министерство Гогенварта. Если въ началѣ войны 1870 года фантастическая попытка Австріи—помѣшать усиленію Германіи и тѣмъ обезпечить себя въ будущемъ, окончилась весьма комически, то, послѣ войны, въ Вѣнѣ рѣшились, для усиленія себя, на попытку не менѣе трудную — изъ своихъ славянъ сдѣлать орудіе противъ Германіи и тѣмъ самымъ противъ Россіи. Гогенвартъ имѣлъ выполнить задачу внутренняго перерожденія Австріи—сдѣлать ее федералистической—союзомъ нѣмецкаго, мадьярскаго и славянскаго элементовъ. Если и справедливо, что извѣстные члены династіи искренно желали примиренія съ чехами, то также справедливо, что эти люди мира искренно заблуждались. Примирить интересы австрійскихъ нѣмцевъ, славянъ и мадьяръ — тоже что уладить взаимопротивурѣчащіе интересы населенія Балканскаго полуострова: примирить эти интересы можетъ только *сила* — физическая сила. Еслибы государственная власть Австріи перешла въ руки Россіи или Германіи, то это примиреніе возможно; но оно невозможно, пока существуетъ Австрія; нѣмцы тянутъ и будутъ тянуть вонъ изъ Австріи; мадьяре не заинтересованы въ существованіи австрійскихъ славянъ, и оба элемента смотрятъ на славянъ, какъ на свою добычу. Наконецъ, прямо противъ интересовъ Германіи усиленіе Австріи, а, равнымъ образомъ, оно не въ интересѣ Россіи: оба государства, точнѣе, міровыя силы, естественно, глядятъ на Австрію, какъ на законное свое наслѣдіе въ будущемъ, и каждое усиленіе ея—необходимо минутное — есть непроизводительная, вредная трата силъ, деморализація тѣхъ народовъ, которые должны сконцентрироваться около своихъ двухъ точекъ—русской и нѣмецкой.

10 сентября 1871 г. Францъ Іосифъ подписалъ рескриптъ, которымъ обѣщалъ чехамъ измѣненіе избирательнаго закона,

равноправность, вѣнчаніе короной св. Вячеслава; но чрезъ нѣсколько дней министерство Гогенварта пало, и обѣщанія были взяты назадъ: противъ нихъ заговорили домашніе нѣмцы, противъ нихъ подѣйствовали изъ Берлина, и прямымъ путемъ, и чрезъ Пештъ. Что-же обманутые чехи? Они немного пошумѣли въ газетахъ своихъ, печатали сентябрьскій рескриптъ на мягкой сѣрой бумагѣ и всполошили полицію; но затѣмъ успокоились и сказали: «мы будемъ ждать до обновленія договора Цис- и Транслейтаніи».

2 мая 1876 года подписанъ обновленный договоръ Вѣны и Пешта, а о чехахъ при договорѣ не было и помину. Дуализмъ укрѣпленъ на новые десять лѣтъ; снова закрѣпощено безсильное, подѣленное славянство за нѣмцами и мадьярами; снова за чехами сохранено значеніе коровы — кормилицы Австріи.

Что-же въ Прагѣ? На что рѣшились теперь отцы отечества чешскіе, оставшіеся, послѣ столь долгихъ и нетерпѣливыхъ ожиданій, съ пустыми руками? Поняли-ли они, наконецъ, свое политическое безсиліе въ Австріи? Поняли-ли они необходимость измѣненія своихъ доселѣшнихъ *чешскихъ* идеаловъ на идеалы *высшаго* порядка, послѣ того, какъ Австрія до 1870 года не то, что Австрія послѣ 1870 года, и Австрія до герцеговинскаго возстанія не то, что Австрія теперь — въ моментъ разгорающагося восточнаго вопроса? Короче: поняли-ли чехи *злобу дня*?

Въ отвѣтъ на эти вопросы, я укажу на нѣкоторыя явленія обыденной, текущей жизни чеховъ.

Мѣсяцъ тому назадъ, былъ въ Прагѣ обѣдъ, въ честь автора «Исторіи чешскаго народа», Фр. Палацкаго, по поводу окончанія имъ своего труда, задуманнаго сорокъ лѣтъ назадъ. Внѣ спора, исторія Палацкаго—одинъ изъ капитальныхъ трудовъ небогатой чешской литературы, знаменитый вкладъ и въ исторіографіи славянской и вообще европейской, и почтить высокаго старца-историка въ тотъ день, когда приведена была къ концу долголѣтняя работа—было столько-же дѣломъ патріотическаго долга, сколько и естественнымъ слѣдствіемъ серьознаго отношенія къ наукѣ, въ извѣстныхъ сферахъ чешскаго общества. Дѣйствительно, первая мысль—ознаменовать окончаніе «Исторіи чешскаго народа» празднествомъ — вышла изъ среды мѣстныхъ историковъ и ученыхъ. Но эта мысль была

перехвачена вожаками, такъ называемой, старочешской партіи, ведшей доселѣ подъ своей командой народъ въ пасивной борьбѣ съ Вѣной, и праздникъ Палацкаго изъ патріотическаго и научнаго сдѣлался праздникомъ политическимъ—актомъ *самовосхваленія* со стороны старочешскихъ вождей.

Если всякое самовосхваленіе не въ порядкѣ вещей, то тѣмъ болѣе не у мѣста самовосхваленіе, которое ничего почти не имѣетъ за себя и очень многое противъ себя. Еще задолго до 23 апрѣля (день праздника), старочешскія газеты: «Politik», «Pokrok», газета ультрамонтанская «Чехъ» (злая иронія судьбы—Чехомъ названъ органъ, получающій свои инспираціи отъ каноника Штульца и іезуитовъ), затянули хвалебный гимнъ Палацкому, не какъ историку, а какъ политическому вождю чеховъ, отцу отечества, то есть, запѣли гимнъ въ хвалу себѣ, своей пасивной, безцвѣтной политикѣ и на страхъ врагамъ—партіи младочешской. Дѣло въ томъ, что Палацкій пересталъ давно жить, какъ политикъ самостоятельный, но давно принялъ на себя неблагодарную роль—быть эхомъ Скрейшовскаго, Цейтгаммера, редакторовъ «Политики» и «Прогресса», успѣвшихъ чешскую политику захватить въ свои руки и пекущихся врядъ-ли столько объ интересахъ народа, сколько объ интересахъ стороннихъ. Палацкій былъ ширмой, изъ-за которой дѣйствовали дѣльцы; прикрывшись ореоломъ ветерана чешской науки, они никогда не говорили отъ своего имени, не принимали иниціативы и всякій разъ выставляли впередъ Палацкаго. Пробѣжавъ рѣчи, сказанныя на обѣдѣ 23 апрѣля, мы видимъ въ нихъ строгій политическій характеръ: Скрейшовскій выхвалялъ политическую мудрость Палацкаго, гр. Кламъ Мартиницъ — его патріотизмъ, умѣнье дѣйствовать во всѣхъ сферахъ общества и пр.

Но если праздникъ Палацкаго имѣлъ политическій характеръ, то, слѣдовательно, онъ есть торжественное признаніе его великихъ *политическихъ* заслугъ для чешскаго народа, т. е., заслугъ партіи, которой вождемъ онъ почитается — партіи старочешской.

Но гдѣ-же заслуги? Что пріобрѣли чехи изъ всей своей политики, руководимой Палацкимъ? Какіе осязательные результаты принесла пятнадцатилѣтняя пасивная борьба съ Вѣной?

Мы видѣли выше, что чехи постоянно ждали «великія милости» изъ Вѣны, и никогда ея ни видѣли, что, въ теченіе

пятнадцати лѣтъ, они ни на шагъ не подвинули своего дѣла— защиты правъ своей народности; неудача слѣдовала за неудачей,—но никогда она не сознавалась. Но этого мало. Прославленіе политики Палацкаго или, что то же, старочешской, имѣвшей для народа болѣе всего тотъ результатъ, что болѣе и болѣе отъучивала его отъ самодѣятельности и пріучивала его къ пасивному повиновенію, добродѣтель, которая и безъ того въ излишествѣ у чеховъ, имѣло мѣсто тогда, когда надъ старочешской политикой произносился смертный приговоръ: въ Вѣнѣ обновляли договоръ 1867 года, между Цислейтаніей и Транслейтаніей, которымъ ясно было показано, что Вѣна не нуждается и не будетъ нуждаться въ чехахъ, что ея точка опоры — мадьяре, а надъ чехами сдѣланъ, какъ говорится почешски, крестъ.

Такимъ образомъ, давъ юбилею Палацкаго политическій характеръ, чтобы прославить на немъ торжественно чешскую политическую мудрость, въ ту самую минуту, когда дѣйствительность указывала несостоятельность этой мудрости и требовала измѣненія образа дѣйствій, чехи — т. е., руководящая партія, показали, что они или не могутъ понять своего настоящаго положенія, ослѣпленные политическимъ фанатизмомъ партіи—стоять на своемъ во что бы то ни стало, но политическій тактъ, умѣнье дѣйствовать—далеки отъ нея, — или не хотятъ понять. Въ томъ и другомъ случаѣ печальныя знаменія политической малосостоятельности чеховъ: кто же въ выигрышѣ? На обѣдѣ Палацкаго была освящена на будущее время домашняя политика пасивнаго отношенія, были освящены еще разъ старые политическіе идеалы—корона св. Вячеслава, съ преобладаніемъ феодализма, которые современная жизнь оставила позади себя, и эти идеалы были препоручены, какъ паладіумъ, залогъ спасенія чешскаго народа, т. е., указаны тѣ средства, которыя уже осуждены дѣйствительностью— не значитъ-ли это вести намѣренно народъ не въ битву, а въ бойню, народъ безъ оружія, лишенный возможности защищаться?

Если праздникъ Палацкаго былъ освященіемъ политики старочеховъ въ минуту, когда обновляемый дуализмъ показывалъ ея безсиліе, то онъ тѣмъ самымъ осудилъ навсегда политику меньшинства народа — младочеховъ, людей, которые въ энергическомъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла расшатавшейся Австріи видятъ единственное средство вывести народъ

изъ его политическаго безсилія настоящей минуты и приготовить его на всякій случай,—которые не только признаютъ это безсиліе, какъ фактъ, но впереди видятъ — и недалеко—гибель народа.

Естественно, чѣмъ большее ослѣпленіе обнаружили старочехи праздникомъ Палацкаго, чѣмъ съ большей очевидностью показали они преданность свою политикѣ обезсиленья своего собственнаго народа: тѣмъ нетерпимѣе они должны быть ко всему тому, что не гармонируетъ съ ихъ тономъ, тѣмъ нетерпимѣе они должны быть по отношенію къ младочехамъ, вытыкающимъ имъ безсиліе ихъ политики, предостерегающимъ ихъ —опомниться, пока есть время.

Дѣйствительно, никогда вражда партій, точнѣе, вражда старочеховъ къ младочехамъ, не шла такъ далеко, какъ это мы видимъ въ настоящую минуту. Борьба политическая, какъ слѣдствіе несогласія во взглядахъ на средства, при одной и той же цѣли, перестаетъ уже существовать для чеховъ: ее замѣнило личное раздраженіе, личная ненависть представителей партій, и эти чувства сверху перешли внизъ и охватили болѣе или менѣе цѣлую землю. Съ озлобленіемъ старой дѣвки относится старочехъ къ младочеху и для него уже не существуетъ различеніе бѣлаго отъ чернаго — онъ радъ, если удастся напакостить своему противнику, и не задается вопросомъ—поступая такъ, не оказываетъ-ли онъ медвѣжью услугу и самому себѣ?

Съ пасхи текущаго года королевскій театръ въ Прагѣ перешелъ въ завѣдываніе младочешскаго общества. Завѣдываніе театромъ прежде всего дѣло комерческое, и если общество солидное, могущее повести развитіе чешскаго драматическаго искусства далѣе — противъ общества ничего нельзя сказать. Новое общество заключило контрактъ со всѣми членами чешской оперы и драмы, бывшими при прежней дирекціи; техническую часть поручило опытному режисеру, улучшило декораціи—было ясно, что чешскій театръ и въ рукахъ новаго общества не будетъ ниже того значенія, которое онъ имѣлъ при старой дирекціи. Но не такъ взглянули на новую дирекцію старочехи. Газеты ихъ категорически объявили, что такъ какъ младочехи предатели, поэтому никто не долженъ посѣщать чешскаго театра,—а идти въ нѣмецкій. Этому освобожденію отъ чешскаго театра были очень довольны многіе чешскіе патріоты, особенно изъ такъ называемой «исторической шляхты;» они прекратили

чешскій абонементъ, который удерживали ради приличія, и, ограничиваясь однимъ, давно излюбленнымъ, нѣмецкимъ театромъ, они лично говорили объ этомъ, какъ объ актѣ своего высокаго патріотическаго чувства — уничтожить младочешскій театръ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, агитацію, которая сильно роняетъ чеховъ. Какъ на агитацію еще болѣе гадкаго свойства, можно было бы указать на дѣйствія старочеховъ въ вопросѣ о приведеніи къ концу постройки знаменитаго народнаго театра, начатой еще въ 1868 году. Когда завѣдываніе постройкой, въ прошломъ году, перешло въ руки младочеховъ, получившихъ отъ земскаго сейма субсидію въ 300,000 гульденовъ, и постройка пошла весьма быстрыми шагами, тогда какъ несчастному театру, пока онъ находился въ рукахъ старочеховъ, грозила опасность— превратиться въ груду развалинъ—подъ разрушительнымъ дѣйствіемъ дождя, снѣга, прежде чѣмъ онъ былъ бы оконченъ, старочехи закричали: «измѣна, театръ запроданъ нѣмцамъ» и потребовали отъ народа—прекратить всѣ пожертвованія, сборы на театръ, какъ на дѣло, враждебное народу.

Окончилась агитація театральная противъ младочеховъ — началась агитація съ цѣлью удаленія младочеховъ изъ клубовъ, обществъ, т. е., изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ еще доселѣ встрѣчались члены обѣихъ враждующихъ партій, т. е. чтобы дать младочехамъ волчій паспортъ. Каждый городъ Чехіи, и если онъ великъ, какъ напримѣръ, Прага, то каждая часть его, имѣетъ свой клубъ, нѣчто въ родѣ русскаго собранія. Здѣсь вечерніе часы проводятъ чехи въ чтеніи газетъ, въ бесѣдѣ о текущихъ вопросахъ и т. д. Естественно, что эти клубы составляли, какъ старые, такъ и молодые чехи—здѣсь рознь во взглядахъ не мѣшала взаимному общенію людей обѣихъ партій. Такъ было до послѣдняго времени.

Но, по мѣрѣ того, какъ политическая дѣятельность старочеховъ терпѣла неудачу за неудачей, по мѣрѣ того, какъ значеніе младочешской политики выяснялось болѣе и болѣе, когда даже осторожнѣйшіе люди изъ старочеховъ (напр. др. Браунеръ) не могли не видѣть, что доселѣ одни отрицательные результаты принесла народу ихъ програма: раздраженіе старочеховъ дошло до того, что они рѣшились на средство, которое, быть можетъ, подымаетъ противника и роняетъ лицъ дѣйствующихъ—они положили очистить отъ «измѣнниковъ народа» тѣ

клубы, гдѣ они были въ большинствѣ. Средство къ такой очисткѣ они нашли въ изгнаніи всѣхъ младочешскихъ газетъ изъ библіотекъ клубовъ. Мотивировка къ изгнанію была весьма проста: такъ какъ младочешскія изданія развращаютъ-де народъ, проповѣдуютъ измѣну, присутствіе ихъ не должно осквернять тѣхъ мѣстъ, гдѣ собираются старочехи, и потому они должны быть удалены. И вотъ послѣдовало изгнаніе «Народныхъ Листовъ», «Гражданина» и остальныхъ младочешскихъ органовъ. Съ дѣтскою радостью извѣщали старочешскія газеты своихъ читателей о высокихъ патріотическихъ подвигахъ разныхъ «бесѣдъ», словно желали сказать—«ну, погодите немного: земля очистится отъ политической деморализаціи, отъ враговъ короны св. Вячеслава (извѣстно, что младочехи отреклись отъ историческихъ идеаловъ), и мы тогда покажемъ себя Вѣнѣ». Весьма понятно, что за изгнаніемъ газетъ слѣдовало добровольное удаленіе младочеховъ изъ клубовъ и т. д.

Скучно перечислять рядъ патріотическихъ дѣяній партіи Скрейшовскаго и Ригра—въ ихъ мелочной, вредной и бездушной борьбѣ съ младочехами. Нѣтъ средства, которымъ побрезгала бы эта партія, если только оно ведетъ къ единственно-серьезной цѣли, преслѣдуемой въ настоящую минуту старочехами, — къ подорванію нравственнаго кредита младочеховъ, къ парализаціи всѣхъ ихъ предпріятій, безъ различенія ихъ значенія въ дѣлѣ народа. Укажу на клеветы, направленныя противъ популярныхъ, весьма полезныхъ, изданій общества «Matice lidu» (мать народа) по тому, что это общество младочешское, помимо того, что было сказано выше объ агитаціи по театру,—однимъ словомъ—къ совершенному снесенію своего противника съ поля дѣятельности.

Будущее покажетъ, на сколько младочеховъ можно считать плевелами на чешской нивѣ; можетъ быть, окажется обратное отношеніе: младочехи — пшеница, старочехи — куколь. Но и теперь уже ясно, что, съ точки зрѣнія русской, на нивѣ *славянской* младочехи представляютъ собой болѣе доброе сѣмя, старочехи — дурное сѣмя, его же сѣетъ врагъ-человѣкъ. Мнѣ достаточно указать на русское отношеніе младочеховъ къ вопросу уніатскому въ Россіи и антирусское старочеховъ, не говоря о томъ, насколько въ видахъ Россіи усиленіе католическаго биготства въ чешскомъ народѣ—это общее дѣло старочеховъ и клира. Но, помимо этого, съ общей точки зрѣнія,

существованіе младочеховъ желательно, какъ необходимый контроль надъ дѣйствіями партіи, которая, какъ мы видѣли выше, обладаетъ не въ столь сильной степени дальновидностью и тактомъ, сколько упорствомъ — до фанатизма. Младочехи—что вѣтеръ для застоявшейся воды пруда: хоть иногда онъ приводитъ въ движеніе эту неподвижную воду и хотя немного ее прочищаетъ. Враги католическаго клира, младочехи очищаютъ чеховъ отъ католицизма и тѣмъ пролагаютъ своему народу путь въ общеславянскую семью, которая можетъ дать свои симпатіи каждой другой церкви, но не католической.

Мелкая, бездушная борьба старочеховъ съ младочехами, трата силъ въ домашнихъ дрязгахъ, отвлеченіе вниманія отъ «злобы дня», — вотъ содержаніе политической и соціальной жизни чеховъ въ настоящую минуту.

Нельзя желать, чтобы борьба эта безусловно прекратилась: она, какъ всякое движеніе, есть импульсъ политической жизни. Но весьма желательно, чтобы она приняла иной характеръ,— изъ мелкой, неразбирающей средствъ стала борьбой честной, честнымъ политическимъ поединкомъ, гдѣ бы складывались характеры, вырабатывались убѣжденія, силы—условіе всякаго успѣшнаго политическаго начинанія,—тѣмъ болѣе такого многосложнаго и серьезнаго дѣла, какъ славянскій вопросъ въ Австріи, вопросъ, который стоитъ на очереди въ европейской политикѣ.

Не сегодня, такъ завтра а онъ заставитъ говорить о себѣ.

Прага. 14/26 мая 1876.

V.

КЪ ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ*).

Въ великую минуту, когда знаменитыя кремлевскія слова Нашего Вѣнценосца, возвѣстившія міру о выступленіи на арену исторіи новой нравственной силы, стали дѣломъ; когда родная кровь успѣла уже обагрить ужъ столько разъ обагренную ею почву нижняго Дуная, чтобы вызвать къ жизни вѣковыхъ илотовъ безсердечнаго господина, извѣстнаго подъ собирательнымъ именемъ Европы; когда подъ грохотъ орудій и въ гущѣ пороховаго дыма совершается великій переходъ—собрались мы почтить память славянскихъ апостоловъ, создавшихъ и указавшихъ намъ впервые путь нашего нравственнаго единенія въ духѣ любви и самоотверженія.

И путь этотъ—церковь единенія—былъ въ теченіе вѣковъ для дѣтей Россіи неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ; путь этотъ указалъ намъ — Дунай, указалъ—поднять на себя все бремя *славянскаго*, или восточнаго, вопроса.

Мечтанія, грезы стариковъ входятъ въ жизнь, одѣваются въ плоть и кровь, и слабое слово мучениковъ славянской идеи, взывавшихъ къ славянскому единенію, взаимности, стало живою силой.

Славянская взаимность переходитъ въ область положительныхъ факторовъ.

---

*) Рѣчь въ засѣданіи слав. благ. Общества въ Одессѣ 11 мая 1877 г., напечатана въ «Новорос. Телеграфѣ» № 676, отъ 15 мая того же года.

Милостивые государи! Нашему обществу была особенно близка славянская взаимность: Общество вызвано ею и для нея—съ понятнымъ же чувствомъ встрѣчаемъ мы теперь зарю новой жизни, глядимъ на совершившійся переворотъ вокругъ себя, и не узнаемъ той жизни, которая такъ давно намъ знакома, въ которой мы росли и выросли. Мы, исповѣдники славянской взаимности, можемъ повторить: «нынѣ отпущаеши раба твоего». Но нѣтъ радости безъ скорби—этого торжества, этого безповоротнаго измѣненія въ нашей жизни не видать, не прочувствовать тому, кто былъ восторженнымъ будителемъ славянской идеи, ревнивымъ проповѣдникомъ взаимности и словомъ, и дѣломъ.

Съ первой минуты жизни Общества, непрерывно въ теченіе шести лѣтъ, въ завѣтный день 11 мая, вы, м. г., привыкли слышать съ этой самой каѳедры вѣщіе глаголы мужа, который проницательностью и дальновидностью своего ума, знаніемъ, соединеннымъ съ опытностью, внутренней правдой своего богатаго слова, умѣлъ такъ обаятельно дѣйствовать на насъ, привлечь насъ къ интересамъ славянства, сроднить ихъ съ нами: умолкли уста избраннаго пророка, и онъ самъ сталъ достояніемъ исторіи. М. г.! вы знаете, кого я называю: въ средѣ нашей мы не видимъ знаменитаго ученаго, слависта и рѣдкаго человѣка, нашего перваго секретаря, Виктора Ивановича Григоровича.

Кто можетъ забыть его служеніе земное? Кто такъ горячо принималъ къ своему многолюбящему сердцу каждое движеніе въ славянскомъ мірѣ, кто такъ страдалъ при каждомъ искушеніи, кто такъ сочувственно, съ такою бодростью духа отзывался на всѣ запросы славянства, кто такъ упрямо — настойчиво требовалъ одного во всѣхъ начинаніяхъ— русской, безлукавственной взаимности?..[1])

---

*) Во имя «славянской взаимности», поляки укоряютъ чеховъ за ихъ симпатіи къ Россіи и ихъ «славянскую» задачу опредѣляютъ такъ: «несравненно лучше служили бы чехи славянскому дѣлу, еслибы вмѣсто смѣшныхъ овацій Черняеву и хвалебныхъ гимновъ Россіи указывали на ея погрѣшенія по отношенію къ славянству». И это наставленіе, въ духѣ папской алокуціи, дѣлаетъ органъ польской печати, который до сихъ поръ— почти единственный — отличался приличіемъ и трезвостью взглядовъ — «Дневникъ Познанскій».

Упоминать-ли о томъ, что между словомъ и дѣломъ, между проповѣдью и жизнью у него не было разлада: вся жизнь его была одна славянская взаимность — въ дѣлѣ. Всегда-ли это взаимное общеніе приносило достойные плоды—радовало и освѣжало духъ его, это—вопросъ иного рода. Наше Общество было не только дитятей его завѣтныхъ мыслей: еще до своего появленія оно существовало въ немъ. Кто знаетъ его частную жизнь, тотъ понимаетъ меня.

Но знаменитому сочлену и учителю нашему не суждено было слышать послѣдняго слова славянской взаимности.

Энтузіастъ, поэтъ въ политикѣ, нѣсколько мечтательный, онъ тѣмъ не менѣе былъ далекъ и отъ газетнаго паѳоса, и отъ заученныхъ фразъ—въ славянской взаимности былъ реалистъ. У него кровь подымалась къ головѣ при неразумной мысли о національмѣ какого-нибудь сектаторскаго ученія; политическое самомнѣніе, «жеребцеватость», какъ выражался образно покойный, заставляло его нерѣдко задумываться надъ будущностью славянства; историческая слѣпота подкапывала его въ корнѣ.

Проницательный и искушенный опытомъ умъ его видѣлъ, что реализмъ, а не увлеченіе въ вопросахъ соціальнаго характера тѣмъ необходимѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе та сфера, среди которой эти вопросы получаютъ жизнь.

Что такое славянская взаимность *вообще*? Пока — конгломератъ чувствъ, упованій, грезъ, гдѣ не рѣдко сосѣдъ выпираетъ сосѣда, взаимно уничтожаетъ—католицизмъ, месіанизмъ: что общаго между Христомъ и распявшими его?

Не налагая ни на кого своихъ убѣжденій, чуждый прозелитизма и въ тоже время дорожа своимъ, какъ святыней, В. И. Григоровичъ въ взаимности славянской видѣлъ взаимную критику, въ основѣ которой лежитъ наука, положительное знаніе. Эта критика должна опредѣлить и установить мѣсто каждому изъ факторовъ славянской взаимности въ ряду другихъ, указать его относительную цѣнность. Она должна дать руководную нить въ жизни, разрѣшить тяжелыя противурѣчія и въ массу несогласныхъ элементовъ внести гармонію, приводя все къ единству.

Гдѣ-же желанный путь къ этой гармоніи? Очевидно, онъ одинъ—знаніе самихъ себя, безъ всякихъ «чрезъ», сознательное отношеніе къ себѣ и другимъ, извѣстное самопожертвованіе, самоотверженіе ради блага общаго—и послѣднимъ словомъ

славянской взаимности будетъ твердое, непоколебимое исповѣданіе политической вѣры.

Разумѣніе и самоотверженіе — тѣ явленія, которыя жизнь не легко создаетъ.

Стоитъ сравнить наличное состояніе славянской взаимности въ ея взаимопротивурѣчащихъ тенденціяхъ съ этой желанной идеальной гармоніей духа, чтобы видѣть, сколько работы надъ собой, сколько уроковъ надо пережить, прежде чѣмъ достичь желаннаго края—*единенія духа*.

Мы еще мало жили, мало испытали—еще баловни жизни: ибо лишь въ несчастіи человѣкъ сознаетъ себя, по крайней мѣрѣ, принимается за тяжелую работу—отвѣтить—что такое я?

Наука даетъ отвѣтъ, но пріиметъ-ли его жизнь — еще вопросъ.

Работа въ интересѣ самосознанія—*впереди:* но не было-ли ея уже *позади*?

При этомъ вопросѣ въ моей памяти возстаетъ образъ почти столѣтняго старца, который на этихъ дняхъ закрылъ глаза и имя котораго въ исторіи славянской взаимности одно изъ самыхъ симпатичныхъ. Этотъ старецъ—католическій священникъ въ одномъ чешскомъ селѣ, *Антонинъ Марекъ*: его дорогой памяти я не могу не посвятить нѣсколько словъ, какъ славянинъ, какъ лично его знавшій и глубоко уважавшій.

Перенесемся въ Чехію конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій.

Жизнь выработала черты, довольно опредѣленныя. Класъ образованный, самостоятельный, давно уже исповѣдывалъ чуждыя политическія симпатіи. Ему рабски слѣдовалъ класъ средній. Чехомъ сознавалъ себя *седлакъ*, забитый нищій, не одинъ разъ украшавшій висѣлицы на столбовыхъ дорогахъ, ища права и правды. Врачи духа были индеферентны, и только небольшой кружокъ среди духовенства болѣлъ за народъ, теплилъ въ себѣ славянское чувство.

Главой этого кружка былъ знаменитый Іосифъ Добровскій, мужъ чистой науки. Слишкомъ извѣстно его значеніе въ наукѣ славянской; но менѣе извѣстно его политическое исповѣданіе. Въ уста его влагаютъ извѣстное изреченіе: «я занимаюсь славянствомъ, какъ анатомъ трупомъ; по отношенію къ

моему народу—мнѣ остается забота—съ наибольшимъ почетомъ погрести своего дорогаго покойника» [1]).

Но по плодамъ узнается древо—по плодамъ мы узнаемъ и политическія убѣжденія Добровскаго: былъ-ли онъ *только* церемоніймейстеромъ при ожидавшейся погребальной процесіи чеха.

Эти плоды—школа его учениковъ, среди которыхъ занимаетъ не послѣднее мѣсто только что отошедшій въ вѣчность Антонинъ Марекъ.

Своимъ ученикамъ онъ внушалъ одно и тѣмъ укрѣплялъ изнемогавшій духъ ихъ: «довѣрьтесь наукѣ и уповайте на одно—жива Россія—живо и славянство». И эта ясная, категорическая програма была той чертой, которой рѣзко отмѣчена школа Добровскаго: мнѣ стоитъ привести вамъ на память поэтическую и литературную дѣятельность священника Пухмайера, съ его заботами насадить русскій языкъ межъ своихъ, общественную и ученую дѣятельность знаменитаго лексикографа Іосифа Юнгмана, столь тѣсно связанную съ работами скромнаго, но энергическаго Ант. Марка—заботы всѣхъ ихъ поднять духъ роднаго языка введеніемъ въ него свѣжей, *русской* струи, чтобы быть совершенно яснымъ.

Въ посланіи къ І. Юнгману, полномъ скорби и проклятій, Марекъ видитъ одно успокоеніе — въ Россіи: «Это творецъ лучшей будущности племени славянскаго». Въ знаменитомъ 12 году — и Марекъ, и Юнгманъ пали духомъ, послѣ того какъ они надѣялись, что «русскіе удержатъ половину Европы, соединятъ съ собою большую часть славянъ» (Zelený «Život Jungmanna» 140); но и здѣсь Добровскій былъ укрѣпителемъ ихъ духа: «Россія не падетъ; Наполеонъ еще не знаетъ русскихъ, когда придется имъ защищать свою кожу» (изъ устъ самого Марка, ср. ib. 141).

Можно-ли послѣ этого согласиться съ упрекомъ, дѣлаемымъ Добровскому, что его духъ былъ мертвящимъ: не былъ-ли онъ, напротивъ, свѣтлая политическая голова, не былъ-ли онъ воскресителемъ чешскаго духа?...

Марекъ пережилъ своего учителя, пережилъ своихъ сверстниковъ—видѣлъ, какъ ученіе, завѣщанное учителемъ, осталось

---

[1]) Ср. *Malý* «Uváhy a vspomínky starého vlastence». Praha 1872. p. 1. *Čenský* «Z doby našého probuzení» Praha. 1874. p. 133.

въ тѣни, и онъ остался одинъ, непонятый, дряхлый старецъ, чтобы только подъ конецъ жизни своей видѣть возвращеніе тѣхъ началъ, подъ наитіемъ которыхъ началась его жизнь. Промежное время—почти полстолѣтія — заняла школа, вытѣснившая завѣты Добровскаго о славянской взаимности, школа Палацкаго.

Школа Палацкаго опредѣляется ясно, какъ школа узкаго, строго очерченнаго политическаго партикуляризма, школа чешская, и никогда славянская. Если идеалы Добровскаго вносили новую, свѣжую струю въ обиходъ чешской жизни: намъ недостаточно настоящаго и *прошлаго* Чехіи — надо стать выше и черпать свои силы въ славянствѣ, представителя котораго давно указала исторія въ Россіи; не расширивши въ этомъ направленіи нашего горизонта, чтобы выйти изъ узкихъ границъ *чешской идеи*, намъ нѣтъ будущности; по отношенію къ старымъ идеаламъ у насъ одна забота—достойно ихъ схоронить:—то идеалы Палацкаго были цѣликомъ взяты изъ того источника, который былъ объявленъ Добровскимъ *недостаточнымъ*—изъ пыли историческихъ архивовъ. И здѣсь подтвердилась старая истина: *историкъ—опасный политикъ*.

И въ самомъ дѣлѣ, что дали архивные идеалы для жизни? Чешское королевство на бумагѣ, а въ дѣйствительности — невозможность дать силу самымъ справедливымъ требованіямъ человѣка, необходимость сносить безправіе и видѣть его безнаказанность. Оффиціально церковная школа Добровскаго освобождала отъ церковнаго рабства, указывая высшее стремленіе —въ славянской взаимности; школа мірянина и протестанта Палацкаго подготовила торжество *меланхтоновъ* нашихъ дней—клерикаловъ, и имя Гуса попирается и чехомъ («Čech»—іезуитскій органъ). Сознать свое положеніе есть первый шагъ къ усиленію — но и этого нѣтъ. Только единицы сознаютъ, что нѣтъ почвы, ищутъ ея, и приходится снова воскресить старыя исканія Юнгмана, Марка, но въ болѣе осязательной формѣ. Вы, конечно, обратили вниманіе, что 1-го января 1877 — въ *новый* годъ, глава и вождь младо-чеховъ перешелъ въ *православіе:* «я — писалъ Сладковскій — исповѣдаю, что въ единеніи съ православной церковью я найду облегченіе и для моего народа».

И столѣтнему Марку суждено было дожить до этого знаменательнаго событія.

Пережитыя чехами минуты испытаній, обманутыхъ надеждъ, конечно, не прошли даромъ, и слово славянской взаимности, какъ оно жило въ душѣ Добровскаго, Юнгманна, Марка, найдетъ болѣе почвы и вытѣснитъ единодержавіе исторической фразы; правда, отказъ въ привѣтственныхъ адресахъ папѣ, молебны о Россіи, сочувственные привѣты общинъ — какъ они ни дороги намъ, еще не составляютъ политики; но они приготовляютъ тотъ порядокъ вещей, къ которому стремилась школа Добровскаго. Въ виду рѣшительной минуты, которая, вѣроятно, не заставитъ себя ждать, эти подготовительныя мѣры получаютъ извѣстное значеніе: но лишь тогда мы увидимъ, одержитъ ли верхъ славянская взаимность Добровскаго, или архивные идеалы Палацкаго; пойдутъ ли чехи на торгъ или нѣтъ. Въ огнѣ искусуется злато.

Но если славянская взаимность, какъ сознательная, ясная сила, межъ земляковъ Добровскаго и Марка еще только въ надеждѣ, не безъ вліянія особыхъ историческихъ условій, то, можетъ быть, иная судьба ея у славянъ *юга*?...

Ищу я славянскую взаимность и на югѣ, и еще менѣе ее нахожу. Фатальное различіе: здѣсь католикъ, здѣсь православный—приготовило почву прежде всего для славянской *ненависти*, но не для *взаимности*:

«Co przyrodzenia związał łańcuch złoty,
Wszystko rozerwie nienawiść narodów»,

т. е., что связано золотою цѣпью природы, все это разорветъ ненависть народовъ, скажу я словами Мицкевича («Конрадъ Валенродъ», вступленіе). Взаимность хорватовъ и сербовъ — иллюстрація этихъ тяжелыхъ словъ. Вѣка текли во взаимныхъ искушеніяхъ, но не было еще минуты болѣе страшнаго, болѣе роковаго искушенія для южныхъ славянъ, и прежде всего хорватовъ, какъ минута, переживаемая нами: но они не внемлютъ.

Въ то время, какъ Россія идетъ на свою великую мисію; когда дикій врагъ, отпраздновавъ кровавую тризну въ Болгаріи, только что покончилъ безобразную вакханалію среди стараго Дуная съ сугубороднымъ ему племенемъ насилія и безправія—мадьярами: хорваты, руководимые изъ Ватикана, ведутъ до ожесточенія борьбу съ сербами — изъ за чего? чтобы создать свою государственную фикцію — королевство хорватское — на стонахъ и страданіяхъ своихъ братьевъ по крови, но враговъ по вѣрѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ.

Упоенные ласкательствами Рима и Вѣны, вчерашній рабъ, сегодня господинъ, хорваты не хотятъ понять житейской истины, что ласкается агентъ, пока онъ нуженъ—не нуженъ—и бросятъ его, какъ изношенный сапогъ. Они отказываются дѣйствовать такъ, какъ требуютъ взаимность, интересы славянства, и даже готовы грозить Россіи [1]): вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ положеніемъ — пока они enfant chéri австрійской политики—и высвободить своихъ, безкорыстно, изъ любви — и такимъ образомъ отплатить Австріи за ея политическое лицемѣріе—хорваты умѣютъ соединять «славянскую взаимность» съ интересами Рима и лойяльностью къ Вѣнѣ—и такимъ путемъ играютъ въ политическое лицемѣріе. Они сознаютъ, что *путь ихъ сегодня—не ихъ*, что у нихъ есть *своя дорога*; но они не могутъ возвыситься до мысли, что быть орудіемъ врага и гадко, и вредно, и стремятся къ одному — принять, если, по несчастію, исполнятся надежды враговъ славянства, участіе въ пиршествѣ надъ трупомъ южнаго славянина, которое подготовляютъ: римскій первосвященникъ съ іезуитами; Тиса съ хорватами и Гамидъ съ софтами...

Гдѣ-жъ ты, славянская взаимность?

Вы ждете отвѣта: «есть рознь славянская, а не взаимность»...

Но нѣтъ: она есть,—славянская взаимность—*русскихъ*. Она теперь фактъ, сила. И когда къ имени державнаго Вѣнценосца нашего «Освободитель» исторія сдѣлаетъ справедливую прибавку «славянскій»—тогда Россія исполнила свое дѣло: оправдала довѣріе вѣковое.

Съ увѣренностью въ будущее, соединенными силами, будемъ же работать на успѣшнѣйшее осуществленіе предначертаній Нашего Верховнаго Вождя!...

---

[1]) Въ газетѣ «Obzor» (Обозрѣніе), органѣ правящей партіи въ Хорватіи, не разъ указывалось — до *какой минуты* они, хорваты, могутъ быть на сторонѣ Россіи, въ ея настоящей славянской войнѣ. Хоть за искренность цинизма можно быть благодарнымъ.

VI.

ДОЛГО ЛИ ШАТАТЬСЯ? [1])

Не просто добрыми, еще далекими отъ цѣли пожеланіями, не надеждою одною привѣтствуетъ васъ, чтителей памяти св. св. Кирилла и Меѳодія, подъ гостепріимными сводами университета, славянская наука въ лицѣ ея слабаго представителя: она съ гордостью привѣтствуетъ васъ знаменитой хартіей санъ-стефанской, вѣстительницей вѣками ожидавшагося поворота въ политическомъ бытіи славянства!

Изумленному міру «избранныхъ» народовъ, съ его скрытыми и нескрытыми, но всегда вѣрными преданіямъ чувствами, предстала впервые идея славянства, какъ сила, величественно потрясшая зданіе противнаго природѣ политическаго равновѣсія, гдѣ каждое государство было словно звѣрь лютый въ клѣткѣ, искый кого поглотити, — сила, воплотившаяся въ побѣдоносныхъ страданіяхъ русскаго народа, поддержаннаго его меньшими храбрыми братьями: на костяхъ его, на костяхъ великодушныхъ сподвижниковъ солунскихъ проповѣдниковъ возстаетъ Болгарія, призванная къ новому участію въ міровой работѣ человѣчества...

Да, всего годъ минулъ, какъ мы сошлись въ послѣдній разъ, на праздникѣ Кирилла, но этотъ годъ — что̀ вѣка въ исторіи славянства. Онъ не страница въ книгѣ жизни нашей— онъ цѣлая эпоха, отошедшая уже въ вѣчность, но жизненныя послѣдствія которой еще впереди.

---

[1]) Рѣчь въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, въ залѣ имп. нов. ун., въ присутствіи членовъ мѣстнаго славянскаго Общества, 11 мая 1878.

Память прошлаго, заботы будущаго взываютъ къ намъ съ одинаковой настойчивостью, чтобы мы, завидные наслѣдники богатаго наслѣдія, оглянулись вокругъ себя, всмотрѣлись въ себя—что же такое мы—мы, люди настоящаго?

На смертномъ одрѣ, умирая, Кириллъ говорилъ своему брату Меѳодію: «соупроуга бяховѣ, единоу браздоу тяжаща и азъ на лѣсѣ падаю, свои день скончавъ... то не мози оставити оученія своего». Такъ свидѣтельствуетъ старый біографъ[1]).

Каждое отходившее поколѣніе въ минувшей жизни нашей —не тотъ же этотъ Кириллъ, и не повторяло ли оно, отходя въ вѣчность, своему преемнику—поколѣнію наступающему, тѣхъ же завѣтныхъ словъ любви и заботы о младенцахъ человѣчества?

Одинъ примѣръ — въ подтвержденіе меня. Вотъ Петръ Великій, юношей, на берегахъ Голандіи, съ топоромъ въ рукахъ, «геніальный варваръ», какъ позволяетъ себѣ въ безсильной злобѣ задѣвать великаго славянина извѣстная часть иностранной пресы[2]). Европа волнуется отъ восточнаго вопроса того времени. Папа образовалъ священный союзъ. Что же грезится Петру, о чемъ мечтаетъ онъ? Петръ пишетъ печальнику національной мысли, патріарху Адріану: «мы въ Нидерландахъ трудимся добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратясь противъ имени І. Христа побѣдителями, *а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями* благодатію его быть, чего до послѣдняго издыханія желать не престану».

Говорило ли здѣсь увлеченіе пылкаго юноши, или государственная мысль будущаго? Знаменитый, но неудавшійся прутскій походъ 1711 года даетъ несомнѣнный отвѣтъ въ пользу втораго предположенія.

---

[1]) «Житіе Меѳодія», гл. VII, у Шафарика «Памятники старой письменности славянской».

[2]) См. статью «Die russische Politik» въ «Augsb. Allgemeine Zeitung» 1876 № 297, гдѣ между многимъ инымъ читаемъ: «wie schwach stand noch Peter I, der grosse Kunstbarbar, der lackirte Wilde da! Er will sich im Abendlande häuten und tritt die fabelhafteste aller fürstlichen Reisen an» (стр. 4522). Въ каждомъ словѣ говоритъ фанатизмъ.

Петръ Великій—опасный панславистъ? Но со мной согласится, что школы Аксакова еще не было[1]).

Но оправдываемъ ли мы, послѣднія звѣнья въ этой тысячелѣтней цѣпи смѣняющихся поколѣній, завѣтъ, устами умиравшаго Кирилла наложенный на всѣхъ насъ, дѣтей матери Славіи? Годными ли мы оказываемся этого святаго завѣта любви къ человѣку, или же мы «раби неключимін» въ нашихъ отношеніяхъ къ дѣятельности первыхъ людей нашей семьи, этихъ невольныхъ панславистовъ IX вѣка?

Вѣками опредѣляется время нашей минувшей жизни, вѣками измѣрится и будущее славянства: но не было и не будетъ минуты болѣе возвышеннаго подъема чувства народнаго, какъ годъ, нами прожитой.

Въ минуту грознаго безмолвія находившихъ событій, когда съ затаеннымъ дыханіемъ, съ замираніемъ сердца мы ждали, что̀ скажетъ, принесетъ намъ завтра,—11 мая 1877 года тотъ же слабый носитель славизма, что и теперь предъ вами, заключалъ свою бесѣду словами: «когда къ имени державнаго Вѣнценосца нашего *Освободитель* исторія сдѣлаетъ прибавку—*славянскій*, тогда Россія исполнила свое дѣло—оправдала довѣріе вѣковое» («Новор. Телегр.» № 678).

И могло ли чаяніе мое обмануть меня? Свершилось! Русскій царь исполнилъ державный завѣтъ своего великаго пращура — Онъ теперь *свободитель* христіанъ. Могу сказать словами пѣвца Екатерины:

Великій, страшный исполинъ
На полдень наступилъ ногою,
Чрезъ горъ хребты, чрезъ глубь долинъ
Востокъ онъ придавилъ другою! [2])

Свершилось событіе, величіе котораго не намъ, современникамъ и близкимъ участникамъ его, достойно измѣрить: намъ, всегда въ неблагородной роли пророковъ прошедшаго, мятущимся въ нашихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ со стороны на сторону во всѣхъ вопросахъ настоящаго, не вознестись до по-

---

[1]) Процитованный отрывокъ письма—Соловьевъ XIV 258. О реальномъ панславизмѣ Петра Великаго подробнѣе см. нашу монографію «Сношенія румыновъ и югославянъ съ Россіей при П. В.» въ «Ж. М. Н. Пр.» 1872, іюль, 52—140, и первую статью въ наст. сборникѣ.

[2]) *Державинъ* «Сочиненія», Грота, III 258, ода «На взятіе Измаила».

лета орляго въ области нашего будущаго, чтобы съ высоты его обнять тѣ темные для насъ пути, по которымъ пойдетъ славянство, но которые въ тоже время есть непосредственный результатъ грандiознаго событiя нашихъ дней — разгрома Турцiи, того многовѣковаго кошмара, который давилъ правильное и спокойное развитiе нашего племени. Одно чувство говоритъ въ насъ въ эту минуту — благоговѣнiе къ зиждителямъ величественнаго въ лѣтописи людей зданiя. Съ благодарной памятью и гордостью будемъ произносить изъ рода въ родъ день 19 февраля 1878 года, тотъ день, когда у порога Царьграда— цѣли завѣтныхъ помысловъ стариковъ нашихъ еще въ эпоху перваго сложенiя русской земли, изъ-подъ мусора вѣковаго забвенiя возсталъ старый Олегъ, и снова послышался когда-то знакомый русскому слуху отрадный звукъ: у вратъ Царьграда поновлялся заржавѣлый, поросшiй мохомъ вѣковъ щитъ Олеговъ.

Что же принесъ намъ день 19 февраля?

Блистательная Порта признаетъ окончательно независимость княжества Черногорiи (статья II). Сербiя признана независимою (III). Болгарiя образуетъ самоуправляющееся платящее дань княжество, съ христiанскимъ правительствомъ и земскимъ войскомъ (VI). Границы новаго васала: отъ Дуная на сѣверѣ по-за озеро Охридское и Солоники-Солунь на югѣ; Адрiанополь, Хакимъ-Табiаси и Расово на востокѣ.

Перенесемся на територiю воскресенной Болгарiи и остановимся на ея югозападной окраинѣ. Солоники - Солунь, Охрида на сѣверѣ, монастырь св. Наума на югѣ Охридскаго озера— вотъ случайно взятые три термина.

Можемъ ли мы произносить равнодушно эти имена, священныя для славянина, — могутъ ли они ничего не говорить сердцу его, бьющемуся за интересы просвѣщенiя.

Солунь родина апостоловъ славянскихъ; земля солунская исхожена ихъ стопами; здѣсь, среди мѣстныхъ славянъ, они, не славяне, выучиваются славянскому языку — языку доселѣ нашей церкви; для звуковъ мѣстной славянской рѣчи они счастливо примѣняютъ греческую азбуку, изъ которой развивается наше славянское, кирилловское письмо; наконецъ здѣсь же, продолжаю словами Нестора, «ради быша словѣни, яко слышаша величiя божiя своимъ языкомъ» — изъ Солуня ведетъ начало исторiя нашего просвѣщенiя, наша письменность, наши «книжныя словеса». Но не ради быша тѣ, къ которымъ по крови,

по плоти принадлежали Кириллъ и Меѳодій, духовные свободители славянъ: греческая церковь не знала и не знаетъ ни одного, ни другаго брата; родинѣ ихъ была всегда чужда память о ея великихъ гражданахъ: «память св. Кирилла и Меѳодія тамъ (въ Солуни) никогда не чтилась» говорилъ покойный В. И. Григоровичъ («Замѣтки и Солунѣ» Од. 1872 12).

А мы — мы развѣ солунскіе византійцы, съ ихъ духомъ смерти, всегда непріязненные свободѣ просвѣщенія? Но долго, долго были и мы глухи къ памяти Кирилла и Меѳодія: священныя въ исторіи славянскаго просвѣщенія мѣста были забыты нами и попираемы невѣжествомъ — они готовы были стать жилищемъ «духа мертва», мѣстомъ умерщвленія славянскаго духа во имя византизма арендаторовъ церкви и торговцевъ постнаго масла. «По всей южной Македоніи, отъ Солуня до Охриды, не только въ митрополичьихъ, но и въ сельскихъ церквяхъ богослуженіе совершается на греческомъ языкѣ. На пути встрѣчалъ я очень часто селянъ, не знающихъ повседневныхъ молитвъ, селянокъ, которыя даже при совершеніи креста не умѣли произносить слова. Какое-то одеревѣненіе замѣчалъ я въ этомъ бѣдномъ народѣ, такъ явно презираемомъ своими пастырями». Такую замѣтку занесъ въ своей знаменитый проскинетарій первый русскій путешественникъ въ тѣ края, нашъ незабвенный отважный Григоровичъ — по праву забалканскій («Путеш. въ евр. Турцію» Каз. 1849 136).

Такова была картина земли великихъ просвѣтителей славянства въ 1845 году, а съ каждымъ поступающимъ годомъ политика удушенія поступала широко впередъ: византійское высокомѣріе не признаетъ достоинство человѣка иначе, какъ въ образѣ грека[1]). «Продолжительный упадокъ, нищета—гово-

---

[1]) Григор. «Путеш.» 199. Обстоятельный разсказъ о современномъ состояніи пропаганды *панэлинизма*, охватившаго какъ паутиной всѣ славянскія земли въ Македоніи, Ѳракіи, читатель найдетъ въ безпристрастной книгѣ французскаго археолога *Dumon*'a: «Le Balcan et l' Adriatique». Paris. 1874. Для пресы, враждебной Россіи, всѣ эти притязанія и интриги грековъ —дѣло свободы, цивилизаціи. Беру выдержку изъ «Allgem. Zeitung». 1876 № 319, стр. 4851: «Die bulgarischen Anführer haben sich so weit vergessen ganz Macedonien und Thracien der Bulgarei einzuverleiben ohne zu bedenken, dass selbst in Gebietstheilen, wo die Bulgaren in stärkerer Zahl sesshaft sind, die geistigen Bestrebungen besonders durch die griechische Bevölkerung befördert werden. Diess ist insbesondere in Macedonien der

ритъ Dumon — напечатлѣли на лицѣ болгарина рѣзкія черты какой то примитивный расы; бѣдно одѣтый, путаясь когда говоритъ, онъ даетъ намъ представленіе народа несчастнаго и забитаго»[1]). За то иначе отражался растлѣвающій духъ византизма не на народѣ, а на тѣхъ избранникахъ, которые воспитали въ себѣ завѣты Фанара: при отсутствіи всякаго народнаго чувства здѣсь процвѣтаетъ лакейство, легкій переходъ въ любую національность[2])

Эта злочастная *византизація* болгаръ, это посмѣяніе надъ памятью солунскихъ проповѣдниковъ, злорадственное глумленіе надъ ихъ дѣломъ, уничтожается актомъ 19 февраля: онъ возвращаетъ славянамъ святыню ихъ племени, колыбель славянскаго письменнаго слова, снимаетъ на нивѣ, гдѣ нѣкогда сѣялось чистое сѣмя слова Божія, плевелы, что набрасалъ врагъ-человѣкъ — недоброжелательные единоплеменники великихъ солунцевъ. Это ли не заслуга того государственнаго мужа, который, диктуя границы новаго княжества, не устрашился принять на себя всю злобу нашихъ лжемысленныхъ единовѣрцевъ, выслушивать неразумные упреки даже своихъ соотечественниковъ, для большинства которыхъ болгарскій народъ не переступаетъ Балканъ— за ними тьма—византійская. Я глазамъ не вѣрилъ, когда читалъ текстъ шестой статьи договора. Думаю, не я одинъ раздѣлялъ это пріятное удивленіе. Но возвращаюсь на время снова къ старинѣ.

Когда, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ появленія Кирилла и Меѳодія, дѣло ихъ было потеряно у славянъ запада, среди которыхъ они долѣе всего работали, ученики ихъ спа-

---

Fall. In Kodena (! вѣроятно, Bodena), Stromnitza, Dairanios, Bötolia, Nevrokopos, Drama und an andern Orten sind es wohleingerichtete und gutgeleitete hellenische Knaben- und Mädchenschulen. Wenn einige deutsch- oder französischredende, aber russisch denkende Bulgaren gar so weit gehen auch Thracien für sich in Anspruch zu nehmen, so bleibt nur ein mitleidiges Lächeln übrig, um solcher Anmassung zu begegnen».

[1]) *Dumon*, op. c., 134. Ср. нашу «Записку о путешествіи по славянскимъ землямъ». Одесса, 1874, стр. 44.

[2]) «...... So kann anderseits noch weniger bestritten werden, dass es nicht immer leicht fällt, die Nothwendigkeit einzusehen, warum die Bulgaren in Diesem und Jenem in Allem und Jedem sich dem orientalischen Wesen anbequemten». *Weiser* «Thracien» въ вѣнскомъ журналѣ «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft zu Wien», Band II (1872), 145, прим.

саются на югъ, къ славянамъ юга, и здѣсь встрѣчаетъ ихъ не Іудино лобызаніе, а самый радушный привѣтъ при дворѣ болгарскаго князя, Бориса-Михаила. Климентъ, Наумъ, Гораздъ— имена этихъ дѣятельнѣйшихъ учениковъ Меѳодія, самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ тѣмъ же краемъ солунско-охридскимъ. На с. Охридскаго озера—Охрида, съ гробницей св. Климента; на югѣ—монастырь св. Наума; уже нѣсколько на з., за чертой, въ Албаніи, монастырь св. Горазда — вотъ тѣ точки, куда перенесены были «книжныя словеса» изъ Моравіи, гдѣ пріютились первые славянскіе книжные люди, гдѣ развилась широкая для своего времени письменная дѣятельность славянская, расцвѣтъ славянской литературы.

И снова такимъ образомъ предъ нами священныя мѣста для славянина, священныя для насъ въ особенности, какъ прямыхъ продолжателей литературной взаимности Кирилла. Но и эти мѣста — мѣсто той же расовой борьбы — трудолюбиваго, бережливаго болгарина и «тунеяднаго потребителя его трудовъ» (Григор. «Путеш.» 205).

И эти края возвращены славянской землѣ, и борьба престанетъ...

Вотъ первыя мысли, съ которыми славянская наука встрѣчаетъ появленіе акта санъ-стефанскаго· Онъ для нея не только дѣло высокой государственной и человѣческой справедливости— въ немъ она находитъ удовлетвореніе своихъ самыхъ священныхъ завѣтовъ, залогъ того, что и сугубо оскверненная святыня славянства — насиліемъ и наживой, колыбель славянской науки, воздвижется изъ праха и вознесется до высоты эпохи Климента, Наума, Горазда...

Россія, не забывъ о почти забытой колыбели славянскаго и своего просвѣщенія, санъ-стефанскимъ миромъ возвращая славянству отторженныя уже было его земли, гдѣ паразиты успѣли крѣпко усѣсться, тѣмъ самымъ дала высшее проявленіе своего славянскаго призванія, доказала, что она по праву ставила это призваніе своимъ правомъ, своею обязанностью. Какъ бы исполняя заповѣдь Христа о не единомъ хлѣбѣ, Россія показала, что она не понимала и не понимаетъ болгарскаго народа безъ той его части, которая была источникомъ славянскаго просвѣщенія, условіемъ славянскаго призванія самого болгарскаго народа, условіемъ тѣхъ чистыхъ, благородныхъ стремленій, которыя привели ее, Россію, къ Дунаю, перевели за Балканъ

ко граду Константина,—и въ межу образующагося княжества она ввела земли межъ Солунемъ и Охридой.

«Твоя рука намъ подымаетъ
Изъ пыли вверженныхъ дѣтей!»—скажетъ
Россіи Славія въ виду санъ-стеф. договора (Держ. III 305).

Итакъ, мы сдѣлали дѣло—и можемъ успокоиться, почить на лаврахъ, которыми насъ, хоть и скупо, увѣнчаютъ домашнія Мусы?... Но между сдѣланнымъ и тѣмъ, что остается сдѣлать, не одинъ шагъ. Не сидѣть намъ сложа руки—съ удвоенной энергіей желалось бы видѣть насъ за продолженіемъ того же дѣла, чтобы вопросы будущаго, а не одни воспоминанія прошедшаго, останавливали наше вниманіе... Но вниманіе наше, кажется, пошло по иному пути.

Кое-гдѣ слышится чуть не сожалѣніе объ эпохальномъ въ нашей жизни 1877 годѣ: зачѣмъ была война, стоило-ли?

Въ каждой странѣ вмѣняется въ честь быть сыномъ своей земли: только у насъ эта простая истина какъ-то чувствуетъ себя не ловко, чувствуетъ себя въ чужѣ. Какая-то странная, лжеаристократическая тенденція сказывается въ насъ, и мы чувствуетъ себя не у себя, каждый разъ, когда обстоятельства сведутъ насъ лицомъ къ лицу съ людьми нашего рода. Мы братья—но на одну минуту. Съ какой издѣвкой произносится не одинъ разъ въ день слово «братушки». Не съ инымъ чувствомъ нѣсколько лѣтъ назадъ произносилось «братья-славяне». Съ лихвою взыскавши нашу бумажную взаимность съ «братьевъ—славянъ»—на пирахъ и празднествахъ, мы шлемъ имъ въ отвѣтъ привѣтъ— «Доктора Цыбульку». Каждый шагъ сближенія съ славянскимъ міромъ, каждую попытку дать реальное значеніе взаимности, мы съумѣемъ ознаменовать какимъ нибудь оскорбительнымъ прозвищемъ.

Болгаре попали въ «братушки». Я не стану расписывать болгарскихъ добродѣтелей: я самъ выросъ промежъ болгаръ, и съ дѣтства сохранились воспоминанія о нихъ, какъ о людяхъ мало общительныхъ, скупыхъ, даже мало гостепріимныхъ; но не славянскія же «добродѣтели» пошли отыскивать мы за Дунаемъ. Безспорно, въ отношеніяхъ къ намъ болгаръ было много не желательнаго: они готовы подкрѣпить извѣстный упрекъ славянамъ, что мы для нихъ лишь *акцизные* люди, несущіе акцисъ на нихъ;—но не будемъ строги—обратимся къ самимъ себѣ, и

можетъ быть, въ нашемъ недавнемъ прошломъ мы найдемъ объясненіе.

Не разъ мы были за Дунаемъ, переходили и Балканы, вставали и болгаре; но виднѣвшаяся уже было вдали свобода оплачивалась слишкомъ высокою цѣною. Турки, разбившіе такъ легко сербовъ, хотя послѣдніе того не ожидали[1]), турки, оказавшіе такое сильное сопротивленіе намъ, когда среди всеобщаго злорадства на западѣ—неудача слѣдовала за неудачей: отступленіе изъ-за Балканъ, Плевна— развѣ эти турки, при свѣжихъ воспоминаніяхъ объ искушеніяхъ прошлаго, не представляли той силы, которая въ состояніи была привести въ оцѣпенѣніе самое горячее рвеніе? 29 годъ былъ еще не далекъ.

Значитъ, не изъ-чего намъ торопиться приговорами, а доведенное до половины дѣло надо довести до конца — довести до конца наложенный на насъ исторіей завѣтъ быть достойными продолжателями святаго завѣщанія —любви къ человѣку. Чѣмъ серьезнѣе обстоятельства, тѣмъ серьезнѣе должны мы отнестись къ себѣ, къ каждому нашему дѣйствію. Кровавые дни, чтò пережили мы, вызовутся, быть можетъ, снова къ жизни и потребуютъ отъ насъ новаго кроваваго жертвоприношенія: «священъ сталъ долгъ рубить и жечь» (Держ. I 349). Намъ приходится встрѣчать новое будущее, и это будущее

---

[1]) Когда я былъ въ Бѣлградѣ, въ октябрѣ и ноябрѣ 1875 года, война съ Турціей у сербовъ была дѣломъ рѣшеннымъ. Объ этомъ говорили; былъ изготовленъ и планъ будущихъ военныхъ дѣйствій. Еще въ іюлѣ сербское правительство поручило извѣстному севастопольскому герою, одноногому храброму капитану Влайковичу (теперь полковникъ), организовать добровольцевъ для вторженія въ Босну; этими добровольцами командовалъ извѣстный честный энтузіастъ Далматовъ, погибшій отъ сербской пули. Планъ вторженія былъ слѣдующій: прежде всего взять крѣпость Билину, и располагая 5 тысячами и 2 батареями поднять боснійцевъ. Такъ записано въ моей записной книжкѣ. Въ тайномъ вечернемъ засѣданіи скупщины въ среду, 8 октября, война была рѣшена. До какой степени сербы были убѣждены въ легкости расправы съ турками, видно изъ слѣдующей выдержки изъ газеты «Старое освобожденіе» (2 окт. 1875): «мы сербы, *сами* освободились отъ турокъ, выгнали изъ земли, изъ крѣпостей, *сами* должны дѣйствовать и теперь». Грѣшный человѣкъ, послѣ смотра бѣлградской бригады на Врачарскомъ полѣ 20 октября (1875 г.), я обѣдалъ у митрополита Михаила и сильно спорилъ съ нимъ, доказывая, что сербамъ опасно рисковать, иначе они будутъ побиты—но убѣжденіе было всеобщее. Подробный разсказъ объ этихъ знаменательныхъ дняхъ войдетъ въ мой «Дневникъ странствующаго слависта».

даетъ уже себя чувствовать, когда не успѣли еще засохнуть чернила историческихъ подписей 19 февраля.

Ужъ слышатся зловѣщія вѣсти изъ Вѣны: «Россія отказалась отъ договора, Англія его разорвала» («Nár. Listy» 1878 № 117).

Рой хищниковъ выползаетъ на сцену и требуетъ львиной доли въ чужомъ наслѣдіи... Ихъ цѣли злѣе, сами они опаснѣе стараго врага — они снабжены лучшими орудіями добычи.

Этотъ рой открываютъ знакомые намъ арендаторы и продавцы елея:

«Сугубый жаръ мой духъ вознесъ,
Я зрю—съ востока въ сѣверъ хладный
Византски рыщутъ скимны гладны» (Держ. III 306).

Чего же хотятъ эти скимны?

Предъ ними все еще раскрыта та страница изъ еще свѣжей исторіи Россіи, когда мы всѣ были упоены «греческимъ прожектомъ», когда, казалось, на спинахъ южныхъ славянъ вотъ-вотъ возстаетъ Византія — эта постная имперія — при непремѣнномъ участіи русскихъ штыковъ, когда мы только и думали о томъ, чтобы

«Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ—Константину!»[1])

Дѣло устраивалось хитро: подъ покровомъ святаго православія —

«Очистить Іордански воды,
Священный градъ освободить» (Держ. I 357)

мы подготовляли торжество фанаріотизма, народнаго насилія, мы шли на гибель нашего славянскаго имени.

Аѳинамъ мы возвратили Аѳину—но, очевидно, этого мало: «византски скимны» ищутъ отъ насъ одного, чтобы мы, славяне русскіе, повторили походъ Святослава, поднесли «градъ Константиновъ—Константину», конечно, вмѣстѣ съ болгарами, а намъ за это они поднесутъ въ благодарность почетный титулъ лучшихъ кесарей Византіи—«Болгароубійца»...

---

[1]) Держ. I 357. Надѣюсь, что читатель не выведетъ отсюда обвиненія противъ меня, что я будто не сочувствую освобожденію греческаго *народа:* мысль моя слишкомъ осязательно выражена, чтобы меня не понимать. О значеніи стиховъ Державина по отношенію къ вопросамъ дня ср. Сухомлинова «Исторія рос. академіи» II 80.

Не знаю, можетъ быть, кому нибудь изъ моихъ соотчичей и желательно воскрешеніе Византіи, съ ея ринотметами и евнухами, это царство масла и ѳиміама, но только не мнѣ: рафинированному насилію я предпочитаю безобразіе баши-бузука.

Но только что успѣлъ заявить одинъ «наслѣдникъ» свои притязанія, какъ является другой: «все мое — отъ Савы и до залива Воло. Прійдите въ объятія мои, вожделѣнные мои—говоритъ онъ, обращаясь къ южнымъ славянамъ — и я упокою васъ» — въ крѣпости, какъ Юрія Бранковича, въ тюрьмѣ съ Милетичемъ, а будетъ мало — и на большой дорогѣ. Если притязанія грековъ нѣсколько смѣшны — они все считали насъ запряженными въ ихъ хомутъ, — то иного рода притязанія Австріи. Это патентованный, умѣлый обдѣлыватель славянъ.

Одинъ изъ любимѣйшихъ чешскихъ поэтовъ (Янъ Колларъ) такъ говоритъ объ Австріи—начиная свою знаменитую поэту «Дочь Славы» (поэтъ видитъ Австрію съ вершинъ Карпатъ): «Здѣсь предо мною лежитъ земля — нѣкогда колыбель, а нынѣ *могила* славянъ». И поэтъ правъ. Огонь и мечь истреблялъ людей, всякое проявленіе народной, славянской идеи, истреблялъ то, что истребляемые на простомъ своемъ языкѣ называли простымъ словомъ: «*Старая правда*».

Въ собраніи средневѣковыхъ нѣмецкихъ историческихъ пѣсенъ мы имѣемъ одну— изъ Краины, весьма любопытную— объ усмиреніи краинскихъ крестьянъ, поднявшихся было изъ-за своей «старой правды». Она начинается такъ:

Послушайте-ка чудо! мужичій бунтъ
Все болѣе и болѣе растетъ,
И воевать въ короткое ужь время
Издалека пришли и господа:
Изъ общинъ тамъ своихъ они орутъ—
«*Stara prauda*»! [1])

---

[1]) Въ подлинникѣ:

«Hört wunder zů! der baurn unrů
tet sich so ser auss praiten,
in kurzer zeit zu krieg und streit
kam maniger her von weiten,
auss irer gmain teten si schrein:
Stara prauda!

За эту «старую правду» шелъ на костеръ Гусъ, шли другіе на плаху, въ изгнаніе... Но оставимъ старину. Когда въ 1831 году, въ разгаръ польскаго востанія, австрійскія войска оставили Венгрію и собрались въ Галиціи, въ тылу ихъ, среди русиновъ венгерскихъ (комитатъ Земплинъ) началось движеніе —и только сотни висѣлицъ успѣли отучить этотъ народъ отъ «старой правды»[1]). «Старая правда» смущаетъ чувство и краковскаго мазура, и онъ поглядываетъ за «кордонъ» и говоритъ: «kdyz przydzie ten Moskal»[2]). Румыны въ Трансильваніи доказали, что и они не забыли «старой правды»—страшными суммарными оскопленіями мадьяръ въ 1848 году.

Чтò же такое весь славянскій, восточный вопросъ, какъ не эта «Stara praudа», возвращеніе къ той старинѣ, когда каждому было по праву? О чемъ бьемся мы, чего добиваемся въ нашихъ политическихъ отношеніяхъ къ славянамъ, какъ не той-же «старой правды»?

Но австрійскіе интересы и эта славянская «stara praudа» —величины, взаимно исключающія: смерть и жизнь для однихъ, жизнь и смерть для другихъ. Не будемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса — какая бабушка ворожитъ Австріи, кто эту Австрію, разбитую, истерзанную, надрачиваетъ до самозабвенія, что съ откровенностью ошалѣлаго мадьяра она бросаетъ намъ перчатку, произнося: «Non possumus» (не можемъ). Но не будемъ настолько наивны, чтобы упрекать *Австрію* за ея заботы объ *австрійскихъ интересахъ*: въ борьбѣ за существованіе послѣдняя забота—я. Съ другой стороны, столько же справедливо, что болѣе чѣмъ смѣшно полагать и твердить, что когда нибудь астрійскіе интересы могутъ стать славянскими, т. е. не австрійскими (Ср. статью «Дуализмъ и славянство»).

Точка зрѣнія австрійская указана была Австріей давно. При первомъ же оборотѣ дѣлъ въ герцеговинскомъ возстаніи, когда оно, созданное въ началѣ руками австрійскихъ агентовъ,

---

ain ieder wolt sich rechen,
seins herren gůt nun schwechen»... и т. д.
(*Uhland* «Alte deutsche Volkslieder». I, стр. 511—» Die krainische Bauern».

[1]) По разсказу очевидца, эти висѣлицы можно было видѣть еще въ 1838 году, т. е. спустя четыре-пять лѣтъ по совершеніи казней.

[2]) Лично слышалъ не разъ во время прогулки изъ Кракова въ монастырь Бѣляны, въ августѣ 1876 года.

перешло въ руки Черногоріи и приняло направленіе въ интересахъ «старой правды», а не Австріи, — Австрія тотчасъ же поняла, куда подулъ вѣтеръ, и перемѣнила фронтъ. Она не двусмысленно, а съ полной откровенностью заявила — какъ она можетъ смотрѣть на освобожденіе балканскихъ славянъ, на высшую потенцію его — образованіе славянскихъ государствъ въ своемъ сосѣдствѣ.

Былъ знаменитый августъ 1875 года. Я только что пріѣхалъ въ Вѣну. Дипломаты, застигнутые въ расплохъ движеніемъ въ Герцеговинѣ, сердились: «вонъ тамъ какіе-то мужики забунтовали», говорили они. Усташи потревожили ихъ, измѣнили составленную програму лѣта — одинъ собирался домой, другой на воды, и вдругъ пришлось распаковывать чемоданы.

Но за то съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за дѣйствіями этихъ «мужиковъ» блюстители австрійскихъ интересовъ, и они сердились на герцеговинскихъ мужиковъ, но не изъ разстроившагося курсезона.

Слѣдилъ и я за начинавшеюся борьбой на югѣ; чуялось мнѣ, что что-то выйдетъ изъ этихъ дѣйствій ничтожныхъ отрядовъ Любибратича или попа Месича, внимательно слѣдилъ я за вѣнской печатью и кое-что отмѣчалъ на память. Позволю себѣ привести нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ въ моей памятной книжкѣ — онѣ не безъ интереса въ настоящую минуту.

«6/18 августа. Передовая статья *Tagblatt*'а доказываетъ различіе видовъ Австріи и Россіи въ дѣлѣ балканскихъ славянъ и потому — возможность войны между ними по поводу возстанія въ Герцеговинѣ.

«7/19 августа. Передовая статья *Neue freie Presse*: «возстаніе въ Герцеговинѣ — говоритъ этотъ органъ управляющаго общественнаго мнѣнія въ Австріи — не есть дѣло свободы и прогреса — его вызвали самыя низкія страсти въ человѣкѣ — религіозный фанатизмъ и расовая ненависть». Она доказываетъ, что интересы Австріи и Россіи съ Германіей не одинаковы по балканскому вопросу: «если возстаніе будетъ удачно, то новое королевство славянское на югѣ опасно для Австріи на все будущее время — für alle Zukunft, — такъ какъ образованіе подобнаго королевства пошло бы не только на счетъ Турціи, но и на счетъ еще *другаго государства*». Это «другое государство» не названо по имени: но кто въ этомъ анонимѣ не узнаетъ Австріи?

Мнѣ могутъ возразить: Neue freie Presse не Австрія, не министерство. Это вѣрно; но мнѣ достаточно указать на только что появившійся «австрійскій проэктъ» измѣненій условій, созданныхъ санъ-стефанскимъ договоромъ на Балканскомъ полуостровѣ, проэктъ, въ которомъ, говорятъ наши газеты, Австрія впервые выяснила, что̀ она понимаетъ подъ «своими интересами», чтобы убѣдиться: 1) что вѣнская печать еще въ 1875 году была вѣрнымъ толкователемъ австрійскихъ интересовъ; 2) что Австрія не впервые на дняхъ заявила себя.

Кто вдумывался въ жизнь Австріи, тотъ согласится, что вся внутренняя политика ея основывается на соображеніяхъ восточнаго вопроса. Все, на нашъ взглядъ аномальныя, просто безнравственныя дѣянія (венгерскіе сербы, чехи и т. д.) получаютъ свое объясненіе исключительно съ точки зрѣнія восточнаго вопроса. Съ славянами не опасными Австрія давно не церемонится: чехи, словаки, словенцы тщетно взываютъ къ справедливости,—въ Вѣнѣ глухи, имъ не внимаютъ. Но иначе относятся въ Вѣнѣ къ «избраннымъ» славянамъ — *хорватамъ*. При помощи духовенства хорваты послушные австрійцы; прямо заявляютъ: «хорватъ и католикъ—одно». Они вмѣняютъ себѣ въ честь быть орудіемъ уничтоженія результатовъ санъ-стефанскаго мира; около хорватовъ-де соберутся балканскіе славяне, а они переведутъ ихъ въ австрійцевъ, и не слабѣе мадьяръ кричатъ противъ «міровладѣнія» Россіи. Въ Босніи и Герцеговинѣ хорваты, при помощи многочисленныхъ францисканскихъ монаховъ, успѣли подготовить до 200 тысячъ католической паствы, и съ откровенностью объявляютъ, что это все готовые австрійцы, знамя которыхъ— «за святую вѣру»[1]). Какъ гласъ

[1]) Газ. «Obzor» 1878 № 21, 29, 44, 33. По католическому т. наз. «Схематизму» за прошлый 1877 годъ (вышелъ въ Мостарѣ) числ католиковъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ опредѣляется такъ: монаховъ францисканскаго ордена на приходахъ и восьми монастыряхъ (Сутинско, Фойница, Крешево. Ливно, Гуча гора, Плеханъ, Толиша, Петричевацъ) 194 (110+84); пасомыхъ — 180.000. Число православныхъ весьма немногимъ больше католиковъ, а, можетъ быть, и равно ему. Отъ одного изъ организаторовъ герцеговинско-боснійскаго возстанія, весьма умнаго и симпатическаго *Іована Ерцег—Скобля*, съ которымъ я познакомился въ бытность мою въ Бѣлградѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1875 года, я получилъ слѣдующія данныя по вопросу о движеніи народонаселенія Босны обоихъ вѣроисповѣданій въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ (г. І. Ерцегъ было долгое время совѣтникомъ отъ христіанъ въ гу-

вопіющаго, голоса тѣхъ немногихъ, которые взываютъ къ *славянскому* патріотизму, къ *славянской взаимности* и напоминаютъ образумиться, пока есть время, а не подготовлять славянамъ Босны, Герцеговины несчастной судьбы славянъ австрійскихъ[1]).

Въ Вѣнѣ ненавидѣли и ненавидятъ славянство и его законнаго представителя, Россію, вотъ единственная точка отправленія во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ будущаго по отношенію къ Австріи. Эта ненависть проповѣдывается всѣми, ее пропагандируетъ и наука[2]).

Не стану говорить о другихъ врагахъ санъ-стефанскаго договора, ищущихъ хищнической добычи: ихъ участіе къ намъ запечатлѣно кровавыми страницами въ нашей исторіи. Я говорилъ о двухъ, наиболѣе интересныхъ: о врагѣ православномъ, за котораго такъ долго билось, бьется и — будетъ биться сердце русскаго человѣка, темнаго крестьянина, который своихъ единовѣрныхъ не понимаетъ иначе, какъ въ образѣ грека[3]), и о врагѣ, о которомъ не безъ удовольствія говорятъ нѣкоторые, что въ теченіе всей нашей исторической жизни мы ни

бернаторскомъ совѣтѣ Босны): въ 1852 году было 512 православныхъ приходовъ и 32 католическихъ; въ 1864 г. число православныхъ приходовъ уменьшилось на 352, въ 1870 г. православныхъ приходовъ было 282, католическихъ 286, т. е. *четырьмя больше* (Изъ моей записной путевой книжки).

[1]) См. письмо къ редактору «Обзора» др. Маззуры, «Obzor» 1878, № 40.

[2]) Кто бы ожидалъ остервенѣнія. натравливанія противъ насъ въ Вѣнѣ въ такой наукѣ, какъ *антропологія* — из-за Польши? Но раскроемъ «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», Band II, 1872, и на стр. 80 мы найдемъ статью Герм. Бейгеля, «бывшаго професора въ Лондонѣ» — «Ueber prähistorische Gräber Polens» и въ ней—интродукцію слѣд. рода: «не въ апатіи причина, что въ Польшѣ мало еще сработано,—о нѣтъ, здѣсь надо принять во вниманіе политическую сторону, которая, словно гора, сдавила духовное развитіе несчастнаго польскаго народа и еще давитъ, и которая не позволяетъ какъ слѣдуетъ развиться ни національному духу, ни преподаванію, ни наукѣ. Обратимъ вниманіе на ту часть Польши, которая *стонетъ подъ желѣзными когтями Россіи* и скажемъ: не поразительно ли, что при подобныхъ обстоятельствахъ есть тамъ еще вообще охота къ умственной работѣ, охота, которая по истинѣ трогательнымъ образомъ пробивается съ трудомъ из-подъ разсѣлинъ и щелей повсюду, гдѣ только она находитъ хоть зернышко національной почвы».

[3]) «Бунтуетъ турокъ противъ грека (понимай славяне)» — говоритъ русскій мужичекъ. *Энгельгардтъ*, «Изъ деревни», Отеч. записки, 1878, № III, 131.

разу не мѣрились съ нимъ—онъ пріятель потому. Замѣчу только, что чѣмъ дальше накопляются матеріалы, тѣмъ взрывъ ужаснѣе.

Мы пришли къ послѣднимъ результатамъ санъ-стефанскаго договора: онъ вывелъ наружу фарисейство доселѣшняго нашего православнаго союзника, онъ снялъ маску съ нашего славянскаго «безкровнаго» союзника, которому остается или отказаться отъ насилія, признать совершившійся фактъ и сообразно съ нимъ измѣнить свою внутреннюю политику, исполнить наконецъ тотъ девизъ, который уже такъ долго, издѣваясь надъ человѣкомъ, украшалъ входъ въ жилище австрійскихъ кесарей: «justitia est fundamentum regnorum»,—или путемъ насилія усугубить насиліе—рискнуть уничтожить тяжелые, кровавые результаты нашихъ побѣдъ и броситься на насъ...

Пришелъ на очередь вопросъ—быть или не быть славянскому міру, быть или не быть Австріи, вопросъ—дѣйствительно ли славяне преступны предъ человѣчествомъ ужь по тому, что они существуютъ!...

И намъ ли въ эту рѣшительную минуту, какую мы переживаемъ теперь, трижды отрекаться отъ санъ-стефанскаго договора, предавать его, а за преданіе и тридцати серебренниковъ не даютъ, за то великодушно сулятъ намъ безплодныя степи Коби, безпредѣльный просторъ тамъ—въ Азіи?...[1])

Не будемъ же дѣтьми, не будемъ устрашаться, но не бу-

[1]) Не могу не обратить вниманіе, что даже опытные, долгимъ вѣкомъ искушенные иностранные дипломаты, выступая публично и по доброй волѣ въ защиту правъ славянъ и Россіи, вынуждены въ настоящую минуту скрывать свое имя, опасаясь всеобщаго глумленія на западѣ. Я имѣю въ виду книгу: «L'empire ottoman 1839 — 1877. L'Angleterre et la Russie dans la question d' Orient par un ancien diplomate». Paris. 1877. Въ предисловіи онъ говоритъ: «ожидая результатовъ борьбы, которая должна рѣшить участь Турціи и ея несчастныхъ народностей новымъ европейскимъ трактатомъ, моя совѣсть налагаетъ на меня долгъ подвергнуть сужденію общества книгу —плодъ полувѣковыхъ наблюденій и практическихъ изученій» (VII). Затѣмъ заключаетъ предисловіе слѣдующимъ замѣчательнымъ мѣстомъ: «Je garde l'anonyme. A mon âge, je n'aspire qu' au repos qui m' est dû... Spectateur impartial (je ne dis pas désinteressé, car avant tout je suis chrétien) de ce sanglant procès oriental qui trouble, pour la troisième fois depuis 1839, la paix du monde, il me répugne pour le peu qui me reste à vivre, de livrer mon nom aux discussions passionnées des partis, à la fureur turcophile qui anime un grande nombre de journaux en Angleterre, en Autriche-Hongrie, en France et même en Allemagne» (XVI).

демъ отводить глазъ отъ опасности, намъ грозящей; будемъ думать о ней—ибо дѣло идетъ о нашей кожѣ—и день, и ночь, будемъ подготовлять себя къ ней, чтобы встрѣтить готовыми будущее, что бы оно намъ ни посулило. Перестанемъ заподазривать другъ друга и тѣмъ ослаблять себя. Характера, характера въ насъ нѣтъ: воспитаемъ же въ себѣ чувство безграничной, безотвѣтной любви къ своей землѣ, искусимъ въ жизни, что̀ значитъ жизнь, уразумѣемъ на примѣрѣ Болгаріи, что̀ значитъ начинать государство.

Не падать намъ духомъ, что требованіе историческаго дѣла привело знаменитаго друга славянъ къ злочастному Пруту; пусть Петръ потерпѣлъ неудачу; пусть на крови мучениковъ нашихъ, напоившей землю возстановленной Болгаріи, взростетъ сорная трава; пусть смерть замученныхъ останется не отмщенной: 1711 годъ повелъ 1878, пріидетъ часъ—

«И Бѣлаго царя уронъ
Отмстимъ побѣдами сторицей!»[4])

[4]) Держ. I. 469. Въ подлинникѣ «отмстилъ».

того-же автора:

братья-подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка (одесса 1873. XVI+346). одобр. учен. комитетомъ . . . . 1 р. 50 к.

изъ-за границы. 1 авг. 1874 — 1 іюля 1876. (одесса 1876—77. 77+93+6) . . . . 1 » — »

къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. основная вакализація плавныхъ сочетаній. т. I (одесса 1877. IV+222) . . . . 2 » — »

тоже. т. II выпускъ 1 (одесса 1878. II+90) . . . . 1 » — »

Цѣна 1 р. 50 к.